

Виктор Ночкин Пищевая Цепочка

S.T.A.L.K.E.R. – 36

Аннотация:

Реальный пацан Толик добился своего: попал в Зону, прошёл «прописку» в бригаде Гены Торца и рассчитывал на сладкую жизнь. А что? Знай обирай сталкеров, гребь артефакты, вали мутантов. Но дела у бригады идут неважно. Да тут ещё обосновавшемуся на Свалке Корейцу удалось наконец объединить сталкеров-одиночек и дать отпор бандитам. В разгар боя вмешались военные — так что мало не показалось ни честным мужикам, ни мародёрам. Зато Толик в итоге нашёл для бригады знатный схрон — заброшенную секретную лабораторию. Научники из этих мест ушли, но результат их экспериментов остался — и никто из банды Торца не может себе вообразить, с чем им предстоит столкнуться в ближайшем будущем... А сталкеру Слепому опять не удалось завязать: Гоше Карому, хозяину гостиницы «Звезда», понадобилась помощь. Карый просит Слепого в последний раз навеститься в Зону и припрятать там до лучших времён пакет с компроматом на одну важную шишку в погонах. Важная шишка тоже не дремлет — на Слепого объявлена охота...

Виктор Ночкин Пищевая Цепочка

Вместо эпиграфа:

Сталкера Петрова спросили, почему он никогда не ходит к Четвёртому энергоблоку. «Там слишком людно», — ответил Петров.

Глава 1

Банда Гены Торца переживала не лучшие времена, и чувствовалось: началась полоса неудач довольно давно. Даже Толик, хотя топтал Зону всего ничего, сообразил, что дела идут паршиво. Он не то чтобы замечал ухудшение ситуации, но понимал — всех охватила безнадёга, никто не надеется на лучшее, а это верный признак: плохо, и вскоре станет ещё хуже.

Толик Скрипач кантовался с бригадой Торца третью неделю — вроде немного, но всё-таки достаточно, чтобы оценить обстановочку. Теперь парень видел, что никакой романтики в Зоне нет и в помине. Там, за Периметром, ему всё рисовалось в радужных тонах: бригады отважных предприимчивых пацанов, которые ничего не боятся, идут куда хотят, и нет над ними ни начальства, ни ментов. Можно обирать сталкеров, отнимать хабар, охотиться на мутантов и даже самому собирать ценные артефакты... хотя нет, последнее, пожалуй, запахло. Не годится правильному пацану вкалывать. Но можно! Казалось, только попади в эту заповедную Зону — и житуха пойдёт что надо! И хабар, и развлечения! Как Толик радовался, когда ему обещали устроить «прыжок» через Периметр... Обещал не кто-нибудь, а сам Чардаш.

Толику этот плюгавый тип казался крупным авторитетом, на самом деле, конечно, Чардаш был мелкой сошкой в криминальной иерархии, выполнял второстепенные поручения. Одной из обязанностей Чардаша и была отправка вот таких неприкаянных ребят, вроде Толика, в Зону. И в районе спокойнее без неуправляемой шпаны, а если пацан не загнётся в первый же месяц — глядишь, сумеет и хабар передать в оплату долга.

«Я тебе путёвочку на тот берег устрою, — строго глядя на Толика снизу вверх, объявил Чардаш, когда парень явился просить об отправке в Зону, — но ты мне теперь торчишь. Понял?» И назвал сумму. Обычные условия, двое приятелей Толика уже отправились на заработок в Зону... и его вовсе не смущало, что от обоих не было никаких вестей. Себя Толик считал парнем тёртым и ловким. Как-никак две судимости. Статьи, правда, не слишком почтенные, можно сказать, бакланские статьи — хулиганство и кража, но как ни крути, две судимости!

Толик сумел собрать первый взнос, Чардаш принял тощую пачку купюр не считая и велел явиться до рассвета на окраину со своим снаряжением — тогда Толик ещё не слышал слова «снаряга». Вдобавок Чардаш вручил тяжеленный рюкзак — посылку для Гены Торца.

Будущей грозе Зоны было велено полезать в кузов грузовика, расписанного камуфляжными пятнами, сидеть тихо, не дышать и не чесаться. Два солдата, зевая и ругаясь, завалили Толика мешками, потом Чардаш произнёс несколько слов, но рёв мотора заглушил его голос. Машина тронулась. Часа через два солдаты откинули задний борт и велели Толику выметаться. Парень вывалился на шоссе и оглядел окрестности.

Грузовик въехал в Зону и стоял в двадцати метрах от КПП. По обе стороны полосы растрескавшегося асфальта был лес — самый обычный лиственный лес. Разве что очень тихий лес, даже птиц не слышать... Но Толик, городской житель, в таких тонкостях всё равно не разбирался.

Автоматчики прохаживались за низкими бетонными блоками и будто не глядели на Толика. Парень вдруг понял: времени у него немного, у этих ребят руки так и чешутся всадить в него очередь. Не нравится им делать вид, будто ничего не замечают. Толик забросил тяжеленный рюкзак за спину, развернулся и побежал, с трудом переставляя затёкшие ноги...

Никто в спину не стрелял, никто за ним не гнался, но остановился он только в километре от Периметра. Страха не было, зато возникло некое странное чувство: всё вокруг было неправильным, непривычным. Это ощущение нереальности происходящего гнало парня, заставляло быстрее переставлять ноги, лишь бы ни минуты не стоять на месте.

Потом уже, поболтавшись по Зоне, Толик понял, что ему крупно повезло: по всем приметам он должен был подохнуть в первый день, а то и в первый час. Но фарт был с ним — к лагерю бригады Торца он добрался без приключений. Вернее, к лагерю его привёл сам Торец, встретил в точке, помеченной на ПДА Чардашем. Интегрированный дозиметр показывал довольно приличный уровень радиации, и Толик даже испугался, что новый босс будет недоволен — пришлось ждать новичка в заражённом квадрате, — но Гена Торец вёл себя так, будто всё в порядке.

Позже Толик понял, что теперь ему следует забыть о страхе перед рентгенами, о которых трещит счётчик, — мародёрам постоянно приходится торчать в квадратах с повышенным фоном. Так безопаснее... Зверьё радиации не слишком боится, а вот сталкеры

и тем паче солдаты из миротворческого контингента — те за здоровьем следят, не станут преследовать там, где дозиметр зашкаливает.

По дороге Толик присматривался к аномалиям, всё было интересно, но Торец шёл ходко, на вопросы отвечал коротко, ничего не объяснял и не дал времени полюбоваться чудесами Зоны — буркнул, мол, ещё нагладишься, а сейчас лучше поспешить, чтобы не нарваться.

Лагерь бригады ничего особенного собой не представлял, просто заброшенная стройплощадка: трубы, скрученные проволокой по три и по десять, бетонные блоки, раздолбанный вагончик.

Хмурые оборванцы, сидящие у костра, смерили новичка долгими взглядами. Торец только теперь отобрал рюкзак, вручил обрез и пригоршню патронов — вот и вся «прописка». Даже водки не хлопнули за встречу. Правда, Толик так выдохся, что всё равно не смог бы выпить как следует: рюкзак Чардаша оказался очень уж тяжёлым.

Толик поздоровался — ответил лишь один, молодой, рыхлый, толстый, с мятым лицом. Новичок пожевал галеты, украдкой оглядел теперешних товарищей.

Пацаны из группы Торца впечатления на Толика не произвели — совсем не такими ему представлялись герои Зоны. Двое, Колян и Груз, сперва показались родными братьями, до того были похожи — оба тощие, сутулые, молчаливые, с одинаково тусклыми глазами и заострёнными чертами лица. Третий, толстяк Будда, был поинтереснее, да и поболтать любил. Рассказал, что «оттрубил два фака на филе, задолбался лапшу с ушей снимать, да и подался сюда — на семинар». Толик не врубился и стал переспрашивать. На человеческом языке биография Будды звучала так: отучился два года на философском факультете университета, заумь надоела, и подался в Зону, чтобы проверить философские построения на практике в экстремальных условиях. Четвёртый бандит тоже был колоритным малым — дезертир из международного миротворческого контингента, то ли англичанин, то ли американец, рослый огненно-рыжий парень. Называли его Мистером. По-русски он объяснялся с трудом. Толику показалось странным, что солдат и студент прибились к бригаде, но расспрашивать о причинах, понятное дело, не стал. В чужие дела не лезть — принцип железный.

Ну и сам Гена Торец. Крепкий мужчина, бывший спортсмен, и с ним, по крайней мере, всё было ясно — таких людей Толик перевидал достаточно. На большой земле Торца ждал очередной срок, так что он скрывался здесь.

Позже возвратился последний член группы — Саня Животное. Кличка длинная, а значит, неудобная, к тому же Толик счёл это погоняло обидным. Но Саня на Животное отзывался. На новичка он и смотреть не стал, сразу подсел к Торцу и принялся нащёптывать на ухо. Саня считался следопытом, потому постоянно крутился в округе, высматривал, вынюхивал...

Толик послушал заумные разглагольствования Будды, да и завалился спать.

А на следующий день случилось первое дело Толика, тогда он и заработал кличку Скрипач. Оказалось, следопыт Саня обнаружил сталкеров, которые остановились в лесу на ночёвку, и Торец решил под утро накрыть лохов. Мужики наверняка возвращаются на Свалку с хабаром, засветло дойти не успели, вот и встали в лесу. Их всего трое, и таких ощипать — верное дельце.

Пока шагали через серый предрассветный лес, Толик держался в хвосте и старательно ступал туда, где прошли товарищи, его ПДА барахлил и пару раз отключался, так что Толик выбирал безопасный маршрут, протоптанный идущими впереди.

Потом Животное велел:

— А теперь — тихо! Вон за теми ёлками они.

Торец огляделся, высмотрел Толика и махнул рукой:

— Первым пойдёшь. Покажешь себя.

«Вот это и будет настоящая прописка!» — догадался Толик. Кивнул и двинул к ёлкам, на которые указал следопыт. Что же, это нормально — новичка первым поставить, чтобы поглядеть, каков он в работе. Так и должно быть в правильной бригаде. Остальные

развернулись цепью и пошли следом. Толик не оглядывался, но по сопению и хрусту веток под тяжёлыми ботинками слышал: пацаны идут за ним.

Сталкеры расположились в редколесье, Толик видел тоненькую серую струйку дыма, которая поднималась над лохматыми молодыми ёлочками. Значит, там костёр развели. Сейчас, под утро, прогоревшие угли еле тлеют, укрытые седым слоем пепла, и дымок едва струится...

Когда дистанция сократилась до полусотни метров, Толик пошёл осторожнее — стал прятаться за тоненькими кривыми стволами осин и клёнов, перемещался короткими перебежками. Чахлые деревца — не бог весть какое укрытие, но другого нет. Вот теперь-то сердце начало колотиться, вдруг выступил обильный пот. Толика неожиданно разобрало по-настоящему. С каждым шагом уверенность убывала. Что там, за елями? Ведь не спят же бродяги? Не могут они спать, хотя бы один должен караулить — и теперь-то точно разбудил приятелей! Саня сказал, что чужих трое — три ствола против шести, однако Толик внезапно ощутил собственную уязвимость. Какая разница, сколько стволов? Ему-то хватит и одной пули...

Расстояние сокращалось, сталкерская стоянка не подавала признаков жизни. Толик старательно ступал как можно тише и злился на пацанов, которые хрустели валежником справа и слева за спиной. Будто нарочно шумят!

А за ёлочками, где курится дымок, — ни звука, ни движения. Толик торопливо смахнул каплю пота, стекающую по лбу, и крепче стиснул скользкое цевьё обреза. Ну, вот сейчас... вот сейчас... Дрогнула еловая лапа, обозначив движение врага, и Толик даже ощутил облегчение. Он пальнул туда, где дрожала зелёная хвоя, и тут же рухнул к подножию тоненькой осины. И разом ударили автоматы сталкеров.

Толик опередил залп на долю секунды — пули раскололи хлипкий ствол над головой, на макушку посыпались клочья коры и изодранные листья. Парень, не решаясь подняться, одной рукой поднял обрез, направил в сторону противника и пальнул из второго ствола. Справа и слева стреляли пацаны Торца, заставляя сталкеров прижиматься к земле. Толик откатился в сторону, распластался и, прижимая оружие к груди, стал заряжать. Конечно, как и всегда получается, когда волнуешься, заряд не лез в ствол... Наконец Толик управился. Выждав, чтобы пальба поутихла, вскочил и бросился вперёд к проклятым ёлкам, уже иссечённым пулями. Он наметил дерево потолще, за которым можно укрыться после броска, и летел к нему.

На ходу Толик неловко вскинул обрез, с непривычки пытаясь найти плечом несуществующий приклад... и, почти не целясь, разрядил стволы в зелёное еловое месиво. Ещё успел краем глаза разглядеть, что дробь легла хорошо — еловые лапы задрожали, посыпалась срезанная хвоя, — потом рухнул за намеченным заранее стволом. В десятке шагов сноровисто прополз Мистер, попеременно отталкиваясь локтями и коленями, так что тощий зад, обтянутый складками слишком просторного комбеа, мотался вправо-влево. Рыжий вскинул штурмовую винтовку и дал короткую очередь.

Пацаны заорали, и Толик сперва не просёк, что произошло. Не до того было — заряжал обрез. Тут мимо, топоча, пронёсся Будда, и Толик сообразил: сталкеры отступают, иначе толстяк не был бы так смел.

И верно, короткие очереди противника слышались не из-за молодых ёлок, они удалялись. Сталкеры, прикрывая друг друга, пятились к зарослям. Толик бросился следом за студентом, на ходу лязгнул дробовиком, переводя в боевое положение. Вломился в зелёное кружево еловых лап, вывалился на полянку по ту сторону и рухнул, вскидывая оружие. Оказалось, зря носом в землю тыкался — сталкеры ушли, бросив убитого приятеля. Автоматные очереди ещё звучали издали, а Будда уже обшаривал карманы мертвеца, под которым расплывалась лужа крови, багровая, тёмная. Кровь сразу уходила в лесную подстилку, впитывалась рыжей палой хвоей.

Непонятно откуда вынырнул Саня Животное — на полусогнутых ногах, держа корпус параллельно земле, вывернулся из зарослей.

Будда флегматично заметил:

— Вот кровь впитывается в старую хвою, становится землёй. Жизнь человеческая в землю уходит. А из земли новая жизнь травой и деревьями поднимется. Колесо сансары сделало оборот!

При этом рука толстого мародёра скользнула в карман. Толик это заметил, и Животное — тоже.

— Потом про новую жизнь добазаришь, — нахмурился Саня, — а сейчас карманы-то не набивай втихаря.

Тут на поляне появились и остальные члены бригады.

— Он в карман что-то сунул, — тут же настучал Торцу следопыт.

— Да я обоймы к «Макарову», — спокойно сказал толстяк. — Или что не так? Это ж я его завалил!

Сталкер был убит выстрелом в голову, вполне возможно, что в самом деле прикончил его из пистолета Будда.

— Покажь, что заныкал! — потребовал бригадир.

— Да вот... — Будда вывернул карман. Там в самом деле были две снаряжённые обоймы.

— Ладно, — буркнул Торец. — Только хрен бы ты его взял, если б не новенький. Мужика дробью посеколо, он и вскинулся сдуру под твой выстрел... Что ещё у жмура в карманах, проверь, раз уж начал.

— Ну я говорю... — заныл Будда, кривя рот. Но Торец уже не слушал.

— Колян, возьмишь рюкзак, потом проверим, что там. Мистер, Груз, пройдите за мужиками следом. Не высовывайтесь, просто попугайте, чтоб они сразу за нами не наладились... А ты, молодой, ничего. Хорошо держался.

Последнее относилось к Толику. Парень не нашёл что сказать, только руками развёл:

— Да я... это... ничего...

— Он обрез как скрипку держит, — вставил Животное. — Скрипач, гы...

Это прозвучало совсем не обидно, скорее даже одобрительно.

— Молодец, Скрипач, — снова похвалил Торец, — шпиль и дальше так, не трусь и не робей, тогда приживёшься. Только гляди, не зарывайся. Зона смелых любит, но не глупых. А Чардашу я нынче маляву отобью, я тебя принимаю. Твоя доля в счёт взноса пойдёт, будем должок гасить.

Толик только теперь сообразил, что мог бы и не пройти прописку. Что тогда? Выгнал бы его Торец? Или сразу шлёпнул, чтобы лишний человек о нём не трепался, случись что? Но в общем всё прошло довольно гладко, а Толик стал Скрипачом.

Хабар в тот раз вышел невеликий, да и держались парни Торца вовсе не победителями. Едва обшарили брошенную стоянку, наскоро перебинтовали Грузу простреленную руку и подобрали всё, что представляло хоть малейшую ценность, Торец велел сматываться. И пояснил:

— Эти двое, что ушли, они Корейцу сейчас капель накапают, он на разборку явится. Собаку съел, и сам как собака сделался злой. Уходим быстро.

Будда казался более общительным, чем остальные члены бригады, и Толик пристроился к нему, чтобы расспросить по дороге. Толстяк охотно растолковал: новичками в большом лагере на Свалке, кладбище автотехники, верховодит мужик по кличке Кореец. Кликуху он получил за то, что в самом деле как-то съел слепую собаку. Завалило его после выброса в подземелье, жрать было нечего, ну сталкер и оскоромился.

— Злой он, Кореец, потому что жадный, — болтал Будда на ходу, — власти хочет, авторитет зарабатывает. Поэтому к нашему брату он неровно дышит. Чуть что — разборка. Сейчас эти мужики, которых мы прогнали, ему нажалуются, Кореец по следу пойдёт.

— Один, что ли? — не понял Скрипач.

— Ага, один... держи карман шире! Мы чего здесь трёмся? Потому что на Свалке одиночки, их можно щипать понемногу, вот как сегодня получилось. А где «Долг» под себя гребёт или «Свобода», там не развернёшься. А теперь Кореец здесь взялся свои порядки

заводить, хочет из одиночек бригаду собрать... И они его слушаются, так что если он свистнет, толпой привалят, нам не устоять.

— Факин Кореец, — буркнул Мистер, обгоняя тяжело ковыляющего жирного Будду, — но ты лутше про аномалии юному грузыи. Болше толк.

— Тоже верно, — согласился толстяк. — Вон, видишь, Скрипач, там вроде крутится?

Толик присмотрелся — посреди поляны в траве обнажилась рыжая земля. Над проплешиной медленно, как пылинки в солнечном луче, кружились листья, изломанные веточки, всевозможный сор.

— Это «карусель», — пояснил Будда. — Попадёшь в такую — завертит, втянет в центр, а потом — ба-бах. Аномалия разряжается, как взрыв, — всё, что затянула, рвёт в клочья. Вообще, мне это образование Зоны служит напоминанием о колесе сансары. Вот так нас крутит дольная жизнь, вертит и влечёт путями, смысла которых мы не умеем распознать. Листку в «карусели» кажется, что весь мир вращается вокруг него, а на самом-то деле — наоборот, это он крутится вокруг центра аномалии, а «карусель» тоже не центр мира. Я думаю, все аномалии располагаются в Зоне по определённом плану, как буквы на исписанном листе... Ну, вроде послания нам. Эх, если бы я имел возможность расшифровать эту запись! Я бы разом постиг истину и достиг сатори...

Толик остановился и уставился на аномалию.

— Кто окажется в «карусели», — бухтел толстяк, — того разрывает в куски, потом эти куски сожрут твари Зоны. Собака, например, сожрёт. И кто знает, не вселится ли твоя душа при очередном повороте колеса сансары в слепую собаку. Если карма подпорчена, это вполне может рассматриваться как искупление...

— Слушай, Будда, а по-простому ты говорить не можешь?

— Не-а, не могу. А зачем по-простому? Кто просто говорит, тот просто мыслит, потому что наша речь — это мы и есть. Наша речь — вербальная проекция души. Был бы я прост, не смог бы догадаться, что аномалии — это буквы неведомого алфавита, но я...

— А что это там? У «карусели»? — Толик ткнул пальцем. — Вон, красное такое?

Толстяк посмотрел, куда показывал Скрипач, потом торопливо покосился на поделщиков. Перехватил внимательный взгляд Груза и деланно радостным тоном объявил:

— Опа! Пацаны, стойте! Скрипач «кровь камня» заметил!

А Толик понял, что сглупил. Надо было тихонько заныкать артефакт, но теперь уже поздно. Бригада остановилась, и Животное осторожно подтянул «кровь камня» длинной палкой поближе, поднял и отдал Торцу.

— Молодец, — важно похвалил Толика бригадир, — это в зачёт твоего долга Чардашу пойдёт. Везёт тебе, пацан. Первый день, а процентов десять ты уже отработал... Может, и нам с тобой фартить начнёт наконец...

Вот тут-то Толик Скрипач и начал понимать, что дела у его новой бригады обстоят паршиво. И чем дальше, тем очевиднее делался этот факт.

Вечером у костра выпили дрянной водки, но и выпивка не сблизила поделщиков, все держались наособицу.

Колян с Грузом отодвинулись от огня и принялись дымить самокрутками, делали глубокие затяжки и надолго задерживали дыхание — коноплю, значит, в табак добавили. Толик этого не одобрял, хотя приятели частенько пытались приобщить.

Угрюмый Мистер помалкивал, глядя в костёр, и рыжие отсветы пламени бродили по его лицу, обрамлённому рыжими патлами. Животное снова шептался с Торцом и поминутно косился, не подслушивает ли кто. Торец вдумчиво кивал...

Даже говорливый Будда заткнулся. Сел, выпрямил спину, неожиданно ловко сплёл ноги, как настоящий йог, свернул на коленях пухлые ладошки щепотью, и взгляд его сделался пустым...

Толик подумал, что здесь он будет одинок. И ещё кое-что понял — что вряд ли когда-нибудь отдаст должок Чардашу. То, что Торец обнадёжил насчёт десяти процентов, это дело известное: когда каталы разводят фраера, тоже сперва обнадёжат, дадут выиграть... Вот так и Торец — намекнул, мол, легко рассчитаешься, чтобы новичок не скучал сперва. А потом

он, Скрипач, свыкнется с мыслью, что до скончания веков с этой бригадой будет по Зоне мотать.

Бригадир больше о погашении долга не заикался. За три недели бригада четырежды дралась, три раза сталкеры отбились, один раз вышел хабар, даже более тощий, чем после первой стычки... Негусто, в общем. Толик решил, что прокантуется с Торцом столько, сколько нужно, чтобы обучиться премудростям жизни в Зоне, а после... а после дожждётся удачного случая, чтобы расстаться с неудачливой бригадой.

Днём он ещё терпел, хотя его, как молодого, гоняли то за дровами, то ещё по какой надобности — воду перекипятить, к примеру. С водой тоже было плохо, её кипятили по три-четыре раза, сыпали обеззараживающие армейские таблетки. В общем, днём Толик был вроде как при деле, а вечером тоскливо становилось — хоть вой. Пристраивайся к хору слепых псов, орущих за лесом, и тоже изливай небесам своё возмущение несправедливым устройством жизни... Но уходить Толик не решался — в одиночку пропасть недолго, а он ещё не готов. Да и прочие члены бригады тоже не любили шастать по одному — боялись. Без напарника уходил только Саня Животное.

Однажды Саня примчался весь в мыле. Дёргался, махал руками и никак не мог отдышаться. Торец тут же подскочил к нему с дозиметром — у бригадира было самое мощное устройство, куда чувствительнее обычных, интегрированных в браслеты ПДА. Показания прибора Торцу не понравились.

— Эк тебя, брат, просквозило, — протянул он и полез в рюкзак за водкой. — На-ка, полечись.

— Потом... — прохрипел Саня, но тут же сорвал крышку и сделал большой глоток. Икнул, утёрся грязным рукавом и продолжил: — Потом всем лечиться придётся. А сейчас валим срочно. Скоро здесь вояки будут.

Все сразу засуетились, сгребая манатки и торопливо упикивая рванину в рюкзаки. Колян подавился самокруткой и стал насадно отхаркиваться, разгоняя грязной ладонью клубы вонючего дыма...

— Факин вертухаи, — рявкнул Мистер на своей обычной смеси блатняка и английского.

Колесо сансары закрутилось быстрее.

Глава 2

Слепому разбудил стук в окно. Стучали тихонько, деликатно, но бдительность, обострённая жизнью в Зоне, давала о себе знать и вне Периметра. За окном могли грохотать по рельсам ночные составы, газовать грузовики, даже визг тормозов вряд ли разбудил бы сталкера, но малейший непривычный звук, выпадающий из акустического фона дремлющей окраины, — и Слепой проснулся. Рука сама собой дёрнулась, отыскивая ствол, потом Слепой окончательно стряхнул сон и только после этого понял, что разбудил его именно стук. Он был у себя, во временно снятом домишке на окраине Кольчевска, в собственной постели. И никакого ствола, разумеется, под рукой быть не могло. Был нож под подушкой.

Слепой взял поудобнее оружие и скользнул вдоль стены к окошку. Аккуратно выглянул — на уровне глаз качнулась чёрная куртка, складки в лунном свете мягко блеснули голубым, когда верзила поднял руку, чтобы снова постучать.

— Не шуми, Дрон, — буркнул Слепой, — сейчас открою. Здоровенному Дрону, вышибале из гостиницы «Звезда», чтобы посмотреть в лицо сталкеру, пришлось отступить на шаг и согнуть спину.

— Слепой, выйди, а? Или лучше наспусти. Разговор есть.

— Дрон, я ж больше не...

— Гоша здесь.

— Ладно, сейчас.

Если уж сам Гоша пожаловал, то дело серьёзное — отказать не получится. Гоша Карчалин, больше известный под кличкой Карый, был хозяином гостиницы «Звезда», где Слепой проживал между ходками в Зону. Человек авторитетный; раз уж пришёл ночью — значит, есть на то причина. Слепой натянул брюки, обулся и отпер дверь.

— Заходите.

Первым вошёл Карый, огляделся, протянул руку:

— Привет, командировочный.

«Командировочными» величали друг друга Гошины постояльцы, те, кто не ушёл в Зону Отчуждения на вечную прописку. Это было привычное обращение.

Потом, согнувшись, чтобы не задеть косяк, ввалился Дрон.

— Времени мало, так я сразу к вопросу, — начал Карый, усаживаясь за стол. — Нет, света не надо. В темноте посидим. Вопрос такой. Я прошу тебя помочь.

— Так я...

— Больше не к кому обратиться. Выручай, Слепой. Вопрос жизни и смерти.

Сталкер покачал головой: дело и впрямь серьёзное, если Гоша стал так выражаться. Не его манера.

— «Звезду» хлопнули, — прогудел Дрон. Верзила не стал садиться, подошёл к окну и глядел наружу; его тёмная фигура наполовину заслонила единственное окошко, сквозь которое в комнату едва сочился лунный свет.

— Лучше я сначала, — объявил Карый. — В общем, я ввязался в крутую свару, Слепой. Я бы не стал, это не мой уровень... но ты ж понимаешь, что я не сам по себе и надо мной большие стоят. Мне велели — я сделал.

— Что сделал? Или это коммерческая тайна?

— Тайна, конечно. Собрали мы компромат на одну шишку, ну, я собрал. Генерал-лейтенант Петрищев, слыхал о таком? За ним грехов много, мне с моими связями накопать немало удалось, и очень быстро. Но какая-то падла Петрищеву стуканула или он самостоятельно пронюхал. В общем, меня прижали, так что я теперь в бегах. Нужно спрятать мои трофеи, всё, что я на него собрал, понимаешь? Кроме как в Зоне, нигде. Здесь повсюду могут найти, здесь не уберегу.

Слепой покачал головой. Генерал являлся военным комендантом большой территории, вытянувшейся дугой вдоль Периметра. Во власти Петрищева были подходы к Зоне, и понятное дело, генерал для многих стал крышей. Не для такой мелкой сошки, как Слепой и «командировочные» вроде него. Даже Карый — и тот против Петрищева никто. В пищевой цепочке криминального мира, выстроенной вокруг Периметра, Карого от генерала отделяет очень много ступеней. В прослойке между ними кормится целая свора хищников различного калибра.

— Гоша, я ведь жениться собираюсь, дом строим, потом свадьба намечена... Это я сейчас здесь временно.

— Слепой, всё в мире временно. Недели две или три всего-то перекантоваться в Зоне нужно, только и делов. Спрячешь мой пакет, зароешь, похоронишь... сам ляжешь на дно. Хочешь, водку там пей в каком-нибудь лагере, на базе какой, или что там у вас. Потом я тебе дам знать, ты откопаешь...

— Томагавк? — подсказал Слепой. — Откопаю томагавк?

— Тебе шутки... Приедет проверка из Киева, представители Международного командования, из секретариата президента кто-нибудь, из Министерства обороны. Мы им подарочек — хлоп! — вот чем генерал занимается. При иностранцах замять не удастся, Петрищева примут по полной программе. Мы все по уму сделаем, не впрямую. Должно получиться так, словно комиссия сама эту грязь раскопала, мелкие сошки будут рады выслужиться — вот какого жирного оборотня в погонах нашли! Для них это подарок — карьеру сделать, по служебной лестнице подняться. Короче, тогда само покатится — только подтолкни. А пока нужно продержаться, пока не...

— Гоша, ты не понимаешь, я завязал вчистую.

— Слепой, выручай. За мной охота идёт, обложили, как волка, как слепую собаку обложили...

Сталкер задумался. Ему не понравились тревожные нотки в голосе Гоши. Тот просил по-настоящему. И очень боялся отказа.

Гоша в самом деле боялся. А теперь ещё почувствовал, что собеседник колеблется, и торопливо заговорил:

— Слепой, ты подумай! Тебя в Зону проведём, там я советов не даю, ты и без меня всё знаешь. Спрячешься по-умному, тихо переждёшь. Денег я тебе с собой, как полагается... Это ж чисто каникулы будут, оттянешься перед свадьбой, мальчишник, ну? Я тебе ж не о том говорю, что заплачу по возвращении, это без вопросов, премиальные — это само собой! Я толкую, что сейчас бабла отсыплю, командировочных, так что хоть не просыхай там до возвращения... А тут как раз и дом твой достроят. Выручай, Слепой. Выручай, не то пропаду я!

Слепой тяжело вздохнул.

— Ну ты ж согласен, а? Ну, Слепой, я тебя знаю, ты уже согласен!

Гоша даже такой — напуганный, нервный, почти превратившийся в нормального человека — был Слепому неприятен... но он был своим. Членом сталкерского братства этот бандит никогда не смог бы стать, однако, если доходило до крутого оборота, Гоша оказывался в драке на одной стороне со Слепым. И в самом деле хозяин «Звезды» не раз подписывался за постояльцев, любой из его «командировочных» мог рассчитывать на пусть и не бескорыстную, но помощь.

Теперь пришёл Гошин черёд просить.

— Знаешь, Гоша...

— Знаю. Ну, по рукам?

— По рукам...

— Тогда так, вот это мой пакет, видишь, совсем небольшой, такой спрятать несложно. А здесь бабки, это тебе на командировку. Это только аванс, настоящая оплата будет после, не обижу!

Слепой мельком оценил достоинство купюр в толстой пачке — неплохо, конечно.

— Тебе по-любому в Зону сейчас, — бросил, не оборачиваясь, Дрон. — Наших всех взяли, теперь допрашивают, показания снимают. И до тебя тоже доберутся, потому как известно, что ты в «Звезде» жил. Значит, и за тобой не сегодня завтра придут. И никакие связи не помогут, никто тебя не прикроет. Петрищев за арестами стоит, он сейчас лютовать будет, чтобы компромат перехватить. Так что тебе либо на кичу, либо в Зоне прятаться. Ты бы всё равно туда свалил.

— Го-оша... — протянул сталкер. — А ведь ты мог бы мне это сразу сказать?

— Не мог, — Карый неожиданно улыбнулся. Улыбка в лунном свете вышла усталая, вымученная. — Я хотел, чтоб ты сам, по-честному. Чтоб сам меня выручить согласился. Так оно человечней будет, правильной.

А Слепой подумал, что Гошина человечность — редкий зверь, можно сказать, мутант. Но вот из-за таких нечастых его поступков как раз и стоит ему помочь.

— Не сомневайся, Слепой, — поднимаясь, заключил Гоша, — ты всё правильно решил. Пара недель в Зоне — и всё позади. Ты там не рискуй. Это и в моих интересах, чтоб ты целым возвратился и груз принёс. Держись, где потише... А меня завтра взорвут, и я исчезну.

— Чего? Как взорвут?

— Машину заминировуют — и привет. Собирайся, жду во дворе, подкину тебя к Периметру, перед рассветом будешь прорываться.

Машину вёл Дрон. Гоша на переднем сиденье помалкивал, и Слепой снова начал засыпать. Сперва он перебирал в памяти, что мог позабыть в спешке, что не сунул в рюкзак, потом плюнул на это занятие — всё равно уже не будет возможности возвратиться. Если чего не хватает, придётся на ходу выкручиваться, благо деньгами Карый снабдил. И в конце

концов, почему бы не навестить напоследок старых друзей? После свадьбы вряд ли представится случай... А Ларик поймёт. Должна понять.

Разбудил сталкера Карый:

— Подъём, Слепой! Приехали, выметайся. До стрелки двадцать минут.

Слепой зевнул, потёр глаза. Хотел потянуться, но в тачке было тесновато. Нашарил под ногами лямки рюкзака и выбрался наружу.

До рассвета оставалось совсем немного, час или около того, небо сделалось серым, а восток уже окрасился в цвета зари, опушка леса чётко рисовалась на фоне розового безоблачного неба. Траву густо усеяли капли росы, в низинах серой ватой лежал туман.

Дрон заглушил мотор и полез из машины; этому великану требовалось извлекать себя из салона по частям — выставил наружу ноги, потом голову, плечо... Гоша уже прохаживался перед капотом, курил. При каждом шаге его мокрые ботинки оставляли длинные следы — примятая трава стелилась волнами, как кильватерный след за кораблём.

— Карандаш не опаздывает, — бросил он через плечо, — пунктуальный хрен! Осталось... восемнадцать минут. Вот увидишь, подвалит точно.

— Карандаш? Это который сафари для туристов устраивает?

— А, слышал о нём?

— Известная личность. А он здесь каким боком?

— Тебе на ту сторону нужно? Нужно, — принялся объяснять Карый. Он волновался, ему хотелось поговорить, чтобы занять время ожидания болтовнёй. — А старыми каналами я не могу воспользоваться, по эту сторону Периметра любая собака может оказаться купленной, здесь же всё под Петрищевым. Кругом его люди. Куда ни ткнишь, отовсюду к нему ниточки тянутся, смекаешь?

— «Далеко простирает химия руки свои в дела человеческие», — процитировал Слепой.

— Трепло. При чём здесь химия? Чего это ты?

— Это не я, а Михайло Ломоносов.

— А, ну ладно. В общем, у Карандаша своя крыша, он с военными не связан, и подчинение у него федеральное, плюс связи в Москве.

— «Рука Москвы», ага. Москва тоже далеко простёрла. Так что, с Карандашом меня отправишь, как лаборанта?

— Нет, Слепой, этот вариант тоже не прокатит. При любой отмажке тебя всё равно засекут. Прорыв сделаем изнутри, из Зоны... Нашумим, конечно... Дрон, ты бы приготовился пока что, а?

Верзила полез в багажник, зашуршал брезентом.

— Как это — прорыв изнутри?

— Не кипешуй, сейчас увидишь. Может, пока что в кустики прогуляешься? Потом некогда будет.

Гоша докурил, втоптал сигарету в мокрую измятую траву. Дрон вылез из-под крышки багажника, в каждой руке у него был АКМ.

— Ого-о, — протянул Слепой. — А если бы нас по дороге тормознули с проверкой?

— Теперь уже всё равно, — меланхолично пожал плечами Дрон. — Семь бед — один ответ, мы хоть так, хоть этак в розыске. Держи. И патроны тоже.

Слепой взял «калаш», привычно проверил, щёлкнул затвором. Вдалеке загудел мотор, показался грузовичок «BMW».

— Вот и Карандаш, — объявил Гоша. — Слушай, Слепой, мы сейчас в двух километрах от Периметра. У Карандаша есть такая установочка...

— Манок, — вставил Дрон.

— Ага, манком её называют. Радиопередатчик, который испускает радиоволны. Эти сигналы привлекают мутантов. Собак, там, ваших всяких... ну, ты в курсе. Военные иногда используют, чтобы стаю под обстрел заманить, когда у границы Зоны территорию зачищают. Не знаю, как манок к Карандашу попал, это военная разработка...¹

---

¹ Об этом см. роман В. Ночкина, А. Левицкого «Череп мутанта»

— У Вандемейера ² что-то наподобие имелось, — вспомнил Слепой.

— В общем, Карандаш везёт манок, здесь его врубим и устроим гон. Собачки по минным полям сюда дёрнут, расчистят дорогу. Только не спрашивай, во сколько мне это дельце обошлось! Если я скажу, ты не поверишь.

— Ничего себе! Так ты хочешь, чтобы я против гона шёл? Эх, Гоша, сказал бы я тебе...

— Потом скажешь... — Гошу, конечно, ничего не смущало. — Здорово, Карандаш!

Из «BMW» вылез коренастый крепыш в камуфляже, перетянутый ремнями. Вместо приветствия он только махнул рукой:

— Давай не тянуть. Ты готов? Я машинку запускаю. Карандаш явно нервничал, он и двигатель глушить не стал. Едва дождавшись Гошиного согласия, побежал к кузову, отпер дверь, сунулся внутрь.

Дрон перекинул автомат на локоть, поглядел на часы:

— По Карандашу можно хронометр выставить. Ноль три сорок, собачья вахта.

— Это ты к чему? — удивился Гоша.

— На флоте до четырёх часов — «собачья вахта». Стоять её трудно, потому что под утро спать очень хочется. Вот и прозвали «собачьей».

— Угу, сейчас ты это слепым собакам рассказывать будешь, — бросил Карандаш, показываясь из кузова. — Я врубил установку, вот-вот начнётся.

Слепой рассовал запасные магазины по карманам, у Гоши в руках возник «Микро-Узи». Карандаш машину не покинул, но на крыше грузовичка открылся люк, показалась макушка... потом убралась. Минуты тянулись, ничего не происходило.

— Ну, заканчивается твоя «собачья вахта», — бросил Гоша телохранителю, — а собак-то нет.

Хозяин «Звезды» опять нервничал. И тут, словно в ответ на его слова, издали донеслись завывания мутантов. Едва различимые, на границе слышимости. Возможно, их не удалось бы разобрать, случись дело в другой час, не перед самым рассветом, когда над землёй стоит особенно тонкая, хрустальная тишина.

— Заработало, — удовлетворённо отметил Гоша. Минутой позже вой приблизился и как будто стал более многоголосым. Потом гроыхнуло раз, другой. Слепые псы мчались на зов манка, их тянуло за Периметр, куда обычно мутанты не суются. Их и у границы Зоны-то нечасто встретишь — без привычной искажённой атмосферы они чувствуют себя неуверенно. А за пределами отравленной территории и прожить долго не смогут — это факт общеизвестный. Но сигнал манка был сильнее инстинкта самосохранения, и твари Зоны неслись навстречу сигналу всё увереннее и увереннее. Чем ближе подбирались стаи к источнику радиоволн, тем скорее крепла их решимость.

Отдельные разрывы слились в прерывистый треск, приглушённый расстоянием и полосой леса.

— Эй, я отрублю прибор?! — выкрикнул из автомобиля Карандаш.

— Я тебе отрублю! Пусть работает, пусть этих тварей побольше набегит, чтобы коридор протоптали.

— Гоша, хватит! — Из люка показались голова Карандаша и ствол штурмовой винтовки. — Они сейчас здесь будут.

— Они уже здесь, — объявил Дрон и вскинул автомат.

АКМ в его ручищах казался игрушечным. Присмотревшись, и Слепой разглядел две рыжие точки, которые неровными скачками приближались со стороны леса. Один пёс нырнул в низину, канул в полосу тумана, другой побежал поверху, перевалил гребень пологого бугра и теперь вихлял из стороны в сторону — никак не мог сориентироваться, обалдел от непривычной атмосферы, но общее направление к манку выдерживал точно.

— Гоша, я вырубаю...

— Я тебе вырублю! — рявкнул Карый. — Сел за руль и катись! Включенный катись, понял? И жди звонка.

---

² Профессор Вандемейер — персонаж романа В. Ночкина «Слепое пятно»

Из леса вывалились новые твари — три... четыре... правее показались ещё несколько. Слепой сбился со счёта. Карандаш включил первую передачу, грузовичок пополз, разворачиваясь.

Пёс, сбежавший по склону, замер и заметно вздрогнул всем телом. Он был совсем рядом, Слепой даже различал кровавые раны на его боках — посекло осколками после близкого разрыва. Мутант высоко задирает безглазую морду, ищет удаляющийся зов манка. Теперь на него наверняка навалилось гнетущее неприятное чувство, ощущение чужого и непривычного пространства — пёс зарывался, реагируя на угрозу, хотя природу этой угрозы безмозглый мутант, конечно, оценить не мог. Вне Зоны он был обречён, но всё ещё спешил к манку.

Потом тварь уловила запахи, исходящие от людей и техники и рванула к автомобилям. Дрон вскинул автомат, но выстрелить не успел — Карый его опередил. Короткая очередь — мутант взвизгнул и ткнулся мордой в траву. Из ложбины выскочил второй пёс, он тоже взял направление на запах — и тут же, будто по команде, к машинам повернули и те, что оставались пока вдалеке. Должно быть, их вёл вожак, обладающий телепатическими способностями. Второго мутанта завалили легко, потом нахлынула волна. К счастью, псы бежали не единой стаей. Мотор взревел, грузовичок Карандаша, набирая скорость, удалялся от места стычки.

Дрон, Слепой и Гоша спокойно расстреливали мутантов в три ствола. Обалдевшие и оглушённые взрывами собаки были отличными мишенями.

А минные разрывы теперь доносились с большей дистанции, удалялись вправо — туда, где теперь катился «BMW» с манком... Псы приближались по двое, по трое, они задирали безглазые морды, печально завывали и падали, расстрелянные в упор. Это не было ни схваткой, ни даже охотой — попросту бойня.

Поток мутантов стал иссякать — те, что оказались поблизости, были выбиты минами и автоматным огнём, а дальше в Зону удаляющийся сигнал уже не доставал.

Гоша отступил за спину Слепого с Дроном и взял мобильник:

— Карандаш, шабашим. Кода! Теперь подберёшь нас на перекрёстке.

Слепой застрелил последнего пса, пытавшегося отыскать манок... Несколько тварей растерянно носились на опушке — лохматые рыжие кляксы в прозрачно-серых сумерках...

— Ну, Слепой, давай... — напутствовал Гоша. — Не тяни, иначе не проскочишь. Удачи тебе!

Сталкер закинул за плечи рюкзак, сменил рожок АКМ и побежал, забирая в сторону от ближней опушки, где бестолково металась ошалелые мутанты. Он только теперь ощутил реальность происходящего, а так всё, что случилось в последние часы, казалось сном. Только теперь проступили из сна рюкзак за плечами, залитый в чёрный пластик тяжёлый пакет в нагрудном кармане, нагретый ствол автомата...

На бегу Слепой оглянулся — сначала ему показалось, что с Гошей стряслась беда и Дрон тащит его к машине, потом сталкер сообразил, что вышибала вытаскивает из багажника бессильно обмякшее тело в чёрной курточке, такой же, как у Карого, а сам Гоша стоит позади автомобиля, вскинув руку с «Узи» над плечом. Дрон поволок мертвеца к водительскому сиденью... Оглянувшись минутой позже, сталкер увидел, что труп навалился грудью на руль, а Гоша с Дроном снова роются в багажнике.

Под ноги, скул, метнулся молодой пёс — совсем щенок. Слепой, не раздумывая, короткой очередью разнёс ему башку и углубился в лес. Он ушёл вправо и продолжал забираться в сторону от оси движения своры, потом растерянный собачий вой остался позади, и сталкер повернул, чтобы миновать минные поля вдоль Периметра в том месте, где псы проложили тропу. Беглец уже вступил под сень леса, сразу стало темнее. Потом за спиной раздался взрыв, земля дрогнула под ногами...

Слепой больше не оборачивался и целеустремлённо пробирался по истоптанной псами траве. Сейчас военные из миротворческого контингента суетятся, стараясь определить причину тревоги. С обеих сторон вдоль нарушенного Периметра медленно движутся тревожные группы. Они не спешат, стреляют на любой звук и поминутно передают доклады

начальству по рации. Несколько подразделений, согласно плану, выдвигаются в тыл, чтобы организовать в случае нужды временный Периметр снаружи от основного. И никто ничего не понимает.

Десятиминутный марш-бросок — и Слепой вывалился из леса. Он разглядел колею, проложенную патрульными машинами миротворцев, за ней — широкую полосу воронок, усеянную рыжими и серыми телами. Некоторые шевелились, большинство оставались неподвижны, замерли в странных, неестественных позах, раскинув лапы. Слепой двинулся туда, где тела лежали гуще, — там наверняка все мины обезврежены. А позади уже колыхался густой дымный столб; жирный, чёрный, он неторопливо рос над зубчатой кромкой леса, поднимался над лугом, над взорванной машиной Гоши Карого.

К нарушенному Периметру Слепой приблизился скорым шагом, он восстанавливал дыхание. Потом побежал, ступая в кровавые лужи, скользя в ворохах кишок из разодранных собачьих животов, спотыкаясь на раздробленных костях...

Когда над головой застрекотал вертолёт, Слепой уже миновал взрытую минами полосу и подбегал к лесу. Вскочил в густую тень, мельком бросил взгляд на экран ПДА...

Он снова был в Зоне.

Глава 3

Сборы не заняли и двадцати минут, больше всех суетился Груз. Метался вокруг костра, хватал старый хлам и совал в рюкзак, потом выбрасывал... Торец нервничал, и суета его раздражала. Наконец он не выдержал и, улучив момент, когда Груз пробежал рядом, пнул парня ботинком:

— Не мельтеши!

— Точно, — поддержал Животное, — сейчас насуёшь в рюкзак, потом пропотеешь, начнёшь рванину по дороге выбрасывать, собаки учуют и по твоим шмоткам пойдут. Уходить налегке надо!

Торец не слушал, он сосредоточенно тыкал пятернёй в ПДА. Ручищи у бригадира были как лопаты, и он с трудом находил толстыми пальцами крошечные кнопки.

Колян кашлял и жаловался, что его раскумарило, мол, только ставни прикрыл, а тут кипеш... Быстрее всех собрался Мистер — встал, поднял рюкзак и закинул винтовку за плечо. Будда со Скрипачом тоже вскоре были готовы, Скрипач — поскольку не успел обрасти добром, а Будда попросту не желал тащить тяжёлый рюкзак, потому выбросил манатки и объявил, что оборвал привязанность к этим вещам, чтобы очистить дух. Груз тут же сунулся рыться в грудe хлама, но Торец велел выступать. Окинул взглядом бригаду, проворчал:

— Будда, у тебя рюкзак самый лёгкий, возьми у меня вот... и вот. И ты, Скрипач, тоже принимай хабар.

Толстяк скривился, но спорить не стал, переложил к себе пакеты с частью бригадной добычи. Общак хоть и невелик, но не одному же Торцу на себе его тащить? Толик понял, что ему и студенту достались самая громоздкая, но при том менее ценная часть добычи и запас воды. Не так жалко, если пропадёт.

Едва он поднял потяжелевший рюкзак, неожиданно почувствовал на плече крепкую хватку. Оглянулся — и встретился взглядом с Мистером. Дезертир сжал пальцами куртку Толика и глядел словно сквозь него.

— Чего?

— Если встретить факин солдаты, ты не стреляем. Поньял? — Толик дёрнул плечом, чтобы стряхнуть чужую руку, но Мистер держал цепко.

— Поньял? — настойчиво повторил рыжий. — Ни один раз. Ни один факин раз.

— Слушай Мистера, Скрипач, — бросил бригадир, не отрываясь от монитора ПДА, — он дело говорит. Если встречаем вояк, то уходим быстро. Если они стреляют, мы не отвечаем. Ни единого выстрела!

Саня Животное, как обычно, тут же принялся поддакивать:

— Вам, молодым, только дай пострелять! А миротворцев разозлить недолго, этим только повод нужен! И с хвоста не слезут, и вертолёт вызовут, тогда хана. Пусть лучше постреляют нам вслед, подухарятся.

— Да понял я... — буркнул Толик, и рыжий тут же потерял к нему интерес.

— Готовы? — рявкнул Торец, переключая компьютер на браслете в режим детектора аномалий. — Животное, пошёл первым. Пока направление на северо-восток, к Янтарию, том будет видно.

— Чего туда, там же миротворцев полно? — нерешительно пробормотал Груз.

— Вот потому и туда. Малява пришла: был прорыв Периметра, вояки рвут и мечут, часть военсталов на юг перекинут. И скоро здесь будет жарко, так что лучше на север перебраться, пока на Свалке не утихнет. Заодно и от Корейца подальше, пусть уgomонится, урод... Хотя бы его военсталы шлёпнули, что ли.

— Факин Кореец... Гоу, Гена?

— Да, идём.

Саня зашагал первым. Сперва он взял хороший темп — здесь, у лагеря, места были знакомые. Животное, а следом и остальные члены бригады побрели поперёк ската холма, который, слегка изгибаясь, врезался в пустошь, как щупальце спрута. Датчики подали сигнал — под холмом наверняка были зарыты какие-то радиоактивные железки. После первой аварии в этих краях похоронили много разного хлама.

Потом бандиты перевалили гребень и спустились в ложину; дозиметры утихли — здесь фон был пониже. Долина между радиоактивными холмами заросла кустарником, кое-где встречались проплешины — растительность была угнетена или уничтожена аномалиями. Животное осторожно обходил опасные участки, и бригада шла за следопытом, повторяя его зигзаги. Скрипач и Будда оказались в хвосте. Толстяк сразу же начал потеть, и по его виду можно было подумать, что он вот-вот свалится, но Толик уже знал, что студент может продержаться достаточно долго.

— Сейчас... — прохрипел Будда, — вылезем из этих холмов... полегче пойдёт.

Вдруг Животное замер и поднял руку. Все дружно встали как вкопанные, всматриваясь в заросли. Толик расслышал хруст и глухой храп — за кустами бродил кабан, и возможно не один. Тёмный силуэт едва просвечивал в узорчатой решётке веток и листвы.

Саня попятился, остановился так, чтобы от зверей его отделял ствол дерева, и оглянулся. Торец махнул ему автоматом, мол, возвращайся... Следопыт сделал несколько шагов, то и дело косясь через плечо, и тут под сапогом Груза хрустнула ветка. Звук вышел хлесткий, резкий — будто выстрел. И тут же кабан с храпом развернулся в зарослях. Массивная туша подмяла чахлые деревца — зверь ещё не видел мародёров, но уже пришёл в ярость. Это был старый матёрый самец — такой не уступит дорогу даже кровососу и псевдогиганту, злобы в нём больше, чем рассудка.

Кабан ломанулся на звук, Саня торопливо отпрыгнул в кусты, Торец вскинул автомат, но стрелять не стал. Мутант мигом оказался между бригадиром и Грузом, а последний даже не успел винтовку поднять. Толик тоже, не сумел выстрелить, его лишь слегка задел крутой мохнатый бок, но и того хватило — парня смело с места, он ударился плечом в тоненькую берёзку, что-то хрустнуло. Толик не сообразил, что трещит — его кости или деревце, потом он понял, что продолжает падать, и закрыл глаза. Где-то совсем рядом ревел кабан, земля тряслась и стонала под ударами широченных копыт, сухо хлопали пистолетные выстрелы — Будда стрелял с близкой дистанции, сжимая ПММ двумя руками. Заорал Груз, крик перешёл в визг и срезался на высокой ноте...

Толик тяжело завозился в кустарнике, мешал тяжёлый рюкзак с бригадным хабаром. Наконец удалось выпутаться из объятий колючих ветвей, и он рывком вскочил, поднимая обрез. Над поляной взлетело изломанное тело Груза, он больше не орал. Бандит, переворачиваясь на лету, пересёк поляну, вломился в крону деревца и рухнул по ту сторону ствола, окружённый ворохом сорванных листьев.

Кабан развернулся к Будде, тут его настигли автоматные очереди — Мистер и Гена Торец взяли мутанта на прицел. Рядом раздался характерный треск, тело Груза снова взлетело над землёй, завертелось... Вокруг, обгоняя его, носились ветки и листья. Мертвец свалился в «воронку», и она сработала... Но Толику было не до того, чтобы наблюдать за буйством аномалии, — кабан, шатаясь, надвигался на него. Зверь хрипел, из многочисленных ран хлестала кровь. Будда перезарядил «Макаров» и снова стал палить в упор. Кабан из последних сил рванулся к толстяку, тот отшатнулся, запнулся за торчащие из грунта корни и завалился наземь, его увлекал тяжёлый рюкзак. Студент тонко заорал, отталкиваясь ногами, но с места не мог сдвинуться — зацепился намертво за корневища.

Перед Толиком оказались бурый лохматый бок и похожее на лопух кабанье ухо; он ткнул ствол обреза в это ухо и судорожно придавил спусковые крючки. Руку рвануло, в нос ударила пороховая вонь, на лицо плеснуло горячим, Толик зажмурился. Кабан вздрогнул, ноги подломились, и он осел в быстро расплывающуюся кровавую лужу. Подскочил Колян и разрядил обрез в бок умирающего мутанта.

— Зона бы тебя взяла! — заорал Животное, появляясь из-за кустов. — Твари, суки! Рвём отсюда, Торец! Рвём по-быстрому!

Над головой бабахнуло, «воронка» разрядилась, расшвыряв влажные красные клочья — всё, что осталось от парня по прозвищу Груз... Да и воспоминаний о нём сохранилось немного...

— Сюда идут! Рвём, Торец! — вынырнул из шума аномалии крик Животного. — На ПДА гляди!

Все дружно вскинули руки, Толик тоже посмотрел на браслет. Со стороны Свалки к центру монитора приближалась россыпь точек.

— Заметили нас! Просекли! Выпасли! — Животное так заволновался, что едва не приплясывал на месте. — Тикать надо! Ну! Ну!

— Тогда идём, — согласился Торец. — Хабар не растеряли? Делаем ноги. Саня, пошёл! Направление прежнее.

Животное нырнул в развороченные кабаном кусты, остальные члены бригады пристроились следом.

— Я думал, всё, — пропыхтел Скрипачу Будда. — Думал, сейчас эта туша на меня повалится — и привет, новое перерождение. Вовремя ты его...

— Не болтай! — рявкнул Торец. — Шевели копытами, жирный! Догоняют нас!

— Сам шевели, — неожиданно злобно огрызнулся Будда. Его влажное шипение вдруг сорвалось, толстяк завизжал фальцетом:

— Навесил на меня хабар, а сам налегке чешешь? Ещё и подгоняешь?

— Будда, не блажи, — бригадир заговорил неожиданно мягко, — догоняют нас, сам посуди! Если я тебе сейчас в рыло дам и ты быстрее побежишь, то может, ещё поживёшь маленько. Если отстанешь — сдохнешь.

— Скорей, Гена! — окликнул Животное из кустов по ходу движения. — Брось уroda жирного, идём скорей!

— Да не могу я идти... — Толстяк утратил задор. — Всё, сдох. Уходите, что ли, сами. Забирай свой хабар.

— Я с факин Будда вместе быть, — вдруг заявил рыжий, скидывая с плеча штурмовую винтовку.

— И я. — Толик шагнул к толстяку и дезертиру.

Он не хотел бросать жирного Будду, единственного, с кем хоть как-то можно было здесь словом перекинуться. Да и вообще не дело — бросать своего. Бригада на то и бригада, что вместе! Но первым сказать слово поперёк Торцу Толик не решался и теперь с облегчением присоединился к рыжему.

— Чтоб вас кровосос жрал... — проворчал Торец, разглядывая бунтарей. Возможно, и он, точно так же как Толик, в глубине души не хотел бросать незадачливого толстяка, и теперь ему стало легче, потому что обстоятельства заставили принять решение. — Значит, так, пацаны. Отходим на тот склон. Аномалий там нет, чисто. Заляжем, отключим ПДА,

возьмём долину на прицел и будем ждать. Неизвестно ещё, кто это валит. Может, не по нашу душу. Эй, Животное! Ты ещё не слинял?

Саня с неохотой показался из кустов. Вот он бы точно бросил своих не задумываясь. Да и когда занимали оборону, он выбрал позицию на левом фланге, откуда можно было легче всего драпануть. Рядом с ним оказался Торец, в центре, неподалёку друг от друга, Мистер, Будда и Толик Скрипач, а Колян оттянулся правее.

Толик поглядел, как гаснет на экране россыпь огоньков, обозначающих пацанов Торца, потом отключил прибор. Чужие-то сигналы были совсем близко. Он привалился спиной к стволу сосны. В начале схватки его укороченный дробовик будет бесполезен. Оставалось минуты две или три... Толик закрыл глаза.

— Идут, — тихо сказал справа Колян. — Вон мелькают, вон!

— Факин Кореец, — удовлетворённо объявил шёпотом рыжий дезертир. И завозился в кустах, пристраивая ствол винтовки в развилке ветвей.

Толику не хотелось раскрывать глаза. Ну ещё немножко, ещё чуточку. Пусть всё начнётся как можно позже, пусть ещё хоть недолго постоит тишина. Пусть только ветер шумит чахлыми кронами над головой...

— Скрипач! Эй, Скрипач!.. — едва слышно позвал Будда.

— Ну чего?

Толик с неохотой повернул голову к толстяку. Тот не оборачивался, глядел вниз, на склон, поросший рыжим, выгоревшим на солнце бурьяном.

— Что ты о Грузе думаешь, а?

— Ничего.

— Вот и я — ничего. Пустую жизнь он прожил, вот что. Пустую... А карму всё равно теперь испортил, так что воплотится в дрянь какую, не иначе. В собаку, допустим, в слепую. Так что, если ты какую псину шлёпнешь, так, может, Грузу время пребывания в низшей твари сократишь. Получится, что он срок отбыл — ну, отпущен вчистую, понимаешь? И быть может, душа Груза опять в человека вселится...

— К чему это ты? — Толика смущало, что Будда затеял заумный разговор накануне схватки, в которой любой может погибнуть. А если погибать, так на кой вся эта заумь? Стоит ли последние секунды ей посвящать? Но и самому вдруг захотелось скрасить ожидание. — Чего ты насчёт Груза?

Студент осторожно выглянул из-за кривой сосенки. Толик тоже развернулся и бросил взгляд вниз. У подножия холма кусты то и дело раскачивались, за ними осторожно перемещались люди.

— А, вот они, теперь и я вижу, — удовлетворённо кивнул Будда. — Точно, Кореец! Так я и знал. Охотится, значит, на нас, подстерегает. Наблюдал за нашей базой, выследил, что мы свалили. А теперь боится на склон лезть, чувствует.

— Полезет, никуда не денется, — прошипел Торец, — он упрямый. А ты заткнись.

Преследователи не отваживались покинуть заросли — понимали, что склон хорошо простреливается сверху, а сигналы пацанов Торца пропали как раз в этом квадрате. Наконец сталкеры решились — дружно кинулись вверх, хрустя ломкими стеблями и взрывая каблуками сухой глинистый грунт. Оружие они держали наготове, стволы были направлены на заросли, где укрылись мародёры. Все отлично понимали: место для засады очень даже подходит.

Первым не выдержал Колян, приподнялся и засадил длинной очередью — под ногами преследователей выросли фонтанчики рыжей глины, выбитые пулями. Тут же заработали автоматы Животного и Торца. Сталкеры на склоне не растерялись, открыли массированный огонь. Колян тут ж испуганно присел, ему на голову обильно сыпались ветки, срезанные пулями. Торец бил увереннее, короткими очередями, но всё время мазал. Должно быть, не мог высунуться и прицелиться точнее, стрелял наугад. Под началом Корейца было больше десятка сталкеров, и они упорно карабкались вверх, поливая заросли у вершины плотным огнём. Толик пока только глядел, не выдавал свою позицию, и над ним пули визжали лишь изредка.

Перебивая грохот очередей, заорал Торец. Слов Толик не разобрал — похоже, бригадира ранили и он выл от боли. Только теперь в дело вступил Мистер. Дезертир дал две короткие — в три-четыре патрона — очереди, перекатился за соседнее дерево, привстал и снова открыл огонь. Снизу тоже закричали, и Толик, выглянув снова, увидел, что два тела безвольно сползают по рыжему склону, загребая вялыми руками щебень и комья глины.

Будда привстал на колено и, почти не целясь, выпустил обойму. Последние пули ушли вверх, руку толстяка подбросило отдачей, и он наверняка никого не задел. Секундой позже Толик понял: Мистер перезаряжает оружие, а Будда бьёт, отвлекая огонь на себя. Прикрывает, значит. Отстрелявшись, Будда присел. А ствол его сосенки тут же затрясся под дружными очередями сталкеров. Они приближались и поливали пулями обнаруженные огневые точки мародёров. Автомат Животного смолк — должно быть, Саня уже драпал. Торец отполз назад, и Толик потерял бригадира из виду.

Мистер снова рывком сместился за соседнее дерево и успел на ходу дать короткую очередь, но его прижали огнём. Будда тоже не решался высунуться, а грохот автоматов снизу приближался. Толик понял: пора. Вскочил и вскинул обрез. В десятке шагов под ним на склон, пригнувшись, взбирался сталкер, Толик успел увидеть усиленный лёгкой бронёй комбез, скуластое лицо... и выстрелил. Сталкер выпрямился и метнулся в сторону, уходя с линии огня, но не успел — заряд угодил в грудь и сбил с ног, мужик покатился с холма, увлекая за собой целые пласты высушенного грунта. Сквозь грохот автоматов пробивалась его отчаянная ругань. Броня устояла — дробь сталкера не ранила.

Тонко завизжал Колян... Толик торопливо присел и, перезаряжая дробовик, бросил взгляд туда, где должен был находиться соратник. Колян, втянув голову в плечи, бежал, петляя между иссечёнными пулями кустами. Странно, однако стрельба пошла на убыль.

Тут Толик сообразил: что-то изменилось. В шум перестрелки вплелись новые звуки, мощный треск и гул раздавались сверху. И тут же холм накрыл оглушительный грохот, склон затрясся под ногами, воздух наполнился низким воем. Толик не понял, что происходит, — он почему-то потерял равновесие и повалился носом в пыльную хвою, а над головой со свистом неслись камни, комья грунта...

Неожиданно стало светлее, Толик обнаружил, что дерево, за которым он прятался, исчезло. От ствола остался расщеплённый обломок. Треск над головой усилился, вершина холма встала на дыбы и обрушилась на Толика новым валом камней, грунта, вырванных с корнем кустов. Сквозь дым и пыль проступили движущиеся контуры боевой машины. Вертолёт заложил вираж и разворачивался для новой атаки.

Теперь сталкеры прекратили огонь и понеслись обратно — в долину, под прикрытие зарослей. Мародёры бежали за ними, никто не стрелял. Вертолёт возвращался, и это грозило гибелью всем — и сталкерам, и пацанам из бригады Торца. Толик скакал, перепрыгивая промоины и торчащие из рыжей глины камни. За спиной загрохотало, и он снова не устоял на ногах, упал и покатился по склону. Эта ракета была последней, но вертолёт не улетал — наоборот, снизился. А потом ударил крупнокалиберный пулемёт.

Толик перевернулся три или четыре раза, вскочил, споткнулся о неподвижное тело и опять упал. Дорожка из поднятых пулями фонтанов земли прошла в стороне — стрелок бил не по нему. Толик поднялся, ногу дёрнуло тупой болью — ушиб, пока катился по склону. Но страдать было некогда, и мародёр заковылял к зарослям. Влетел, раздвигая жёсткие ветви, под навес древесных крон — и наткнулся на того самого сталкера, который был сбит его выстрелом. Скуластый бежал вдоль опушки, не покидая спасительной тени под деревьями. Когда ему наперерез свалился Толик, они столкнулись, оружие у обоих было опущено. Сталкер среагировал быстро: развернулся, ухватил противника за ворот плаща и врезал правой. Может, хотел оглушить прикладом, но парень вывернулся, удар пришёлся вскользь. Толик неловко ткнул обрезом в злое лицо. Сталкер легко блокировал удар.

Гул винтов приблизился, снова заработал пулемёт, срезал ветви над головой, посыпались хвоя, щепки. Сталкер выпустил Толика, и они бросились в разные стороны.

Толик бежал через редколесье, огибая широкие, жёлтые, наполненные кружащимися пылинками столбы света, бьющие там, где в верхнем ярусе леса были прорехи. Денёк

выдался ясный, солнечный, и контраст между полумраком леса и светлыми участками был особенно заметен. Где-то позади снова загрохотали очереди — не только из пулемёта, теперь стреляли стволы разных калибров.

Петляя между деревьями, Толик успел разглядеть кружение листьев над землёй — «воронка». Тут он вспомнил, что его ПДА отключён, торопливо врубил прибор и увидел неуверенно копошащиеся точки вокруг и медленно ползущую с севера ровную цепочку чётких сигналов. Военные шли по раздолбанному ракетами холму, отжимая недавних противников к Свалке. Толик сразу догадался: это облава, их гонят туда, где поджидает засада. Нужно уходить в сторону, выскользнуть из окружения. Он побежал... Долго мчаться по лесу не мог — мешал тяжёлый рюкзак с бригадным общаком, торчащие из грунта корни норовили подвернуться под ноги. Задышавшись и жадно хватая ртом воздух, мародёр перешёл на шаг. Отдышался, опять попытался бежать — россыпь сигналов на ПДА сползала к краю монитора, Толик видел, что почти вырвался из окружения. Вдруг затрещал дозиметр, пришлось забрать ещё правее, дальше на восток, чтобы обогнуть заражённую территорию. Мыслей не было, только усталость и страх.

Ноги сделались тяжёлыми, как чугунные гири, пот заливал глаза, но Толик упрямо шагал. Иногда попадались аномалии — он не приближался к опасным образованиям, обходил, едва ПДА писком извещал об опасности. Потом всплыла мысль: а ведь он хоть и кантуется с бригадой больше двух недель, о Зоне толком ничего не знает. И ведь что обидно — при такой жизни и не узнает больше! Хоть месяц сиди у бригадного костра да шагай по следам Сани Животного, а Зону не разглядишь. Из этой мысли родилась другая: рвать нужно, уходить от Торца. Но одному шакалить опасно. Может, прибиться к другой бригаде? Нет, Торец прознаёт, где Скрипач. А у него сейчас часть общака при себе — выйдет, что Толик увёл бригадный хабар... Нет, так не годится. Разве что в сталкерскую группировку податься? А что, в лицо его никто не знает, скажет, что новичок, отмычка, почему бы и нет? Группировки своих защищают, Торец не подступится... Да он и не узнает! Решит, что пацан сгинул в облаве... Хотя и в группировку тоже не охота, там мужики с их неправильными понятиями... Вот «Свобода» разве что? Там вроде ничего, там жить можно — об этом Будда обмолвился как-то у костра...

Толик и сам не заметил, как прошёл день. Начало смеркаться. Измученный, грязный, он брёл среди высоких сосен, едва переставляя налившиеся свинцом ноги, обдумывал, как бы ему вступить в «Свободу». Зверья не слышать, толстый слой опавших иголок и веточек гасит звук шагов, тишина. Между стройными сосновыми стволами просторно, а над головой смыкаются густые кроны. Хотя только за вечерело, в бору уже сделалось темно. Темнота и помогла заметить «жарку» — аномалия едва тлела, окружённая полосой чёрной обугленной хвои. Толик уже поднял ногу, намереваясь сделать шаг, но вовремя заметил свечение под собой, неловко развернулся, качнулся в сторону, потерял равновесие... Потом почва исчезла из-под ног, он полетел вниз, мелькнула догадка: «ПДА опять отрубился, не пищал об аномалии!»

Потом Толик ударился головой о твёрдое и пропал из этого мира.

Глава 4

Первым делом Слепой решил добраться до тайничка. Он ведь уходил второпях, в дорогу взял только то, что нашлось под рукой, а нашлось негусто. Слепой не собирался сталкерить, был уверен, что завязал, так что и припасов дома не держал. В тощем рюкзаке болтались несколько банок консервов да минералка в пластике. Даже фляги нормальной не нашлось. Хорошо, хоть с оружием нет проблем — Гоша автомат дал.

Слепой шагал по лесу и прислушивался. Тишина на рассвете стояла невероятная — ещё бы, псы покинули эти места, ушли на зов манка, а кроме них, рыжих, здесь никаких тварей не водится, военные регулярно местность у Периметра вычищают. Людей тоже не было. Если в округе и ночевал кто из вольных бродяг, тех наверняка спугнули гон и грохот

разрывов на минном поле. Да и военных не видать, один раз протарахтел поблизости вертолёт, Слепой затаился, но это было излишне — машина не свернула в его сторону.

Первый привал сталкер позволил себе через два часа, поскольку решил, что забрался от границы Зоны достаточно далеко. Присел в укромном закутке у подножия дуба между мощными корнями, проверил ПДА. Ничего интересного, слишком рано для новостей. Есть пока не хотелось.

Слепой помечтал, как было бы неплохо сейчас выпить кофе, перевёл дух, хлебнул минералки и снова двинулся в путь. Ему сделалось слегка не по себе — слишком уж тихо было вокруг.

А тишина в самом деле стояла странная. Солнце поднялось, и лёгкие прозрачные столбы света наискось прорезали лес. Не плотные, насыщенные лучи дневного света, а нежные, несмелые, какие бывают только утром. Время шло, но никто не попадался навстречу — пусто, ни зверья, ни людей. Слепой отмахал от Периметра порядочно, здесь уже пора было объявиться хоть одной душе, но монитор ПДА по-прежнему оставался пустым. Слепой на ходу проверил почту, привычно стёр спам и сказал себе:

— Ну ладно, допустим, зверей спугнул гон, который мы устроили. Ладно. Но народ-то где? В поле?

Ещё получасом позже сталкер вышел на тропу и зашагал к своему тайнику. Эти места были ему привычны, здесь едва ли не с каждой поляной было связано какое-нибудь воспоминание. Вот и развалины, позади которых он устроил тайник. Слепой огляделся, напоследок бросил взгляд на ПДА. Никого. По-прежнему никого.

Он пожал плечами и побрёл вокруг полуразрушенной стены. Его ждало разочарование — тайник был обнаружен и опустошён. Что ж, рано или поздно это должно было произойти, сталкер даже не стал бранить капризную богиню — удачу. Сам виноват: решил завязать, и божество распорядилось его удачей по своему усмотрению. Какому-нибудь бродяге повезло, отыскал бесхозный схрон, ему улыбнулась удача. Сталкерское счастье — дорогая штука, и запас его всегда ограничен. Не берёшь ты — достанется другому. Раз решил завязать, потерял право на удачу.

На всякий случай Слепой оглядел разорённый схрон.

Вскрыли его не вчера — края лаза успели осыпаться, на взрыхлённой земле пробилась свежая травка.

— С другой стороны, — философски заметил сам себе сталкер, — если мне не пофартило, значит, удача начала копиться сызнова. Слышишь, богиня? Ты мне теперь должна!

Он сел под стеной, и тут же, словно только этого ждал, пискнул браслет — пришла почта. Сообщение было от Корейца. Старый приятель не стал вычёркивать Слепого из списка, и рассылки исправно падали на его мейл. Сейчас Кореец сообщал, что удалось выследить мародёров, окопавшихся неподалёку от Свалки, и звал всех желающих присоединиться к охоте и отомстить за Понурого. Слепой не знал, кто такой Понурый и что с ним стряслось, но решил, что, если обстоятельства позволят, надо бы Корейца навестить. Ну и вообще наведаться на кладбище техники — там, наверное, окажется немало старых знакомых. А сейчас лучше двигаться дальше. Например, к Сорняку в «Сундук» — неплохое местечко, чтобы отлежаться, пока не осядет пыль, поднятая Гошей... Да, «Сундук» — местечко подходящее.

Приняв решение, Слепой зашагал увереннее. Датчик ПДА бодро попискивал, предупреждая об аномалиях, вокруг было по-прежнему тихо и пусто, так что сталкер взял неплохой темп и даже слегка ослабил бдительность. Его внимание привлекли изломанные кусты. Вроде бы ничего эдакого, мало ли какая причина, но среди тишины и покоя недавно сломанные ветви привлекали внимание. Кустарник здесь стоял стеной — густой, плотный, гибкие побеги переплелись и превратились в упругую стену, а сейчас в этой стене образовались бреши. Срезанные ветки валялись или висели на обрывках коры, обнажив неестественно чистую белую сердцевину.

Слепой осторожно приблизился и заглянул в пролом: позади полосы кустарника на поляне валялись туши кабанов. Зверей прикончили относительно недавно. Сталкер снова проверил показания ПДА, огляделся и медленно обогнул сплетение ветвей. Осмотрел туши, прикинул расположение и характер ран — можно было предположить, что мутантов расстреляли из пулемёта сквозь заросли и стрелки не жалели боеприпасов, били наугад. Вероятно, слышали зверей и ударили на звук. В лужах крови вокруг туш не было следов — тот, кто прикончил мутантов, не интересовался трофеями или очень спешил, а между тем за копыто крупного самца можно получить денег у перекупщика. Слепой бы задержался, но у него не имелось подходящих инструментов. Так что он на всякий случай пометил место на ПДА и двинулся дальше — к «Сундуку»

На грунтовой дороге обнаружились следы гусениц — похоже, совсем недавно здесь проехала БМП. Ну точно! И кабанов военные положили. Это их манера — не беречь патроны. Вообще-то солдатики, будь у них возможность, не преминули бы воспользоваться случаем и задержались, чтобы отхватить ценные копыта, которые потом несложно будет загнать учёным. Однако в этот раз миротворцы спешили или ещё какая причина нашлась — бросили добычу, даже не оглядели как следует.

Там, где грунтовая дорога пересекалась со старым шоссе, гусеницы БМП оставили царапины на дорожном полотне и рубленые куски грунта, выпавшего на асфальт из гусениц. Слепой выбрался на шоссе, ведущее к посёлку, и только теперь заметил два сигнала у самого края экранчика ПДА. Два человека довольно ходко двигались к востоку. Наконец-то хоть кто-то объявился.

— В общем, жизнь налаживается, — заключил сталкер.

* * *

В посёлке, где обосновался Сорняк, ничего не изменилось с тех пор, как Слепой навещал сюда в последний раз. Всё те же серые развалины, всё те же серые окрестности. И административное здание посреди посёлка — знаменитый «Сундук». Слепой направился к воротам. Вот! Ворота выглядели куда новее, чем забор и постройки, — должно быть, их недавно снова вышибли. Это происходит время от времени — и всякий раз парни Сорняка чинят створки, наваривают листы железа потолще и навешивают снова... до очередной переделки, когда многострадальным воротам опять достанется.

У ворот прохаживались угрюмые охранники. Слепого узнали и пропустили, не задавая вопросов. Во дворе ему попался Борода — механик Сорняка. Этот тоже хмурился.

— О Зона, — скривился Борода, — что я сделал плохого? За что мне опять?

— Я тоже рад тебя видеть, — ухмыльнулся Слепой. — А ты вроде недоволен, что я снова с вами? Почему бы это?

— Всякий раз, когда ты появляешься у нас, происходит какая-нибудь гадость, — отрезал механик.

— Причитать поздно, я уже здесь. У тебя есть бронежилет? Надевай! Сейчас начнутся неприятности.

— Тьфу. Слепой, тебя так долго не было, что я решил, ты сдох.

— Отлично! Давай устроим поминки. Прежнего Слепого и впрямь нет, я теперь совсем другой — степенный, рассудительный... и очень богатый. Угощаю!

Борода замаялся, потом кивнул:

— Если это не твоя очередная шуточка, то вечером. Мне тут заказали... Я быстро!

— Тебе всегда что-то заказывают. Найдётся в вашем заведении номер люкс для усталого путника?

— Для богатого путника — найдётся. Тут на крыльце показался бармен. Оглядел двор и махнул рукой:

— Эй, запирай ворота — и в дом! Быстренько!

— А что случилось? — вскинулся охранник. Его напарник уже налёг на створку — тяжёлый стальной лист со скрипом пополз в проём. Петли ещё не притёрлись, парень пыхтел, преодолевая сопротивление трущегося металла.

— Быстрей! — повторил бармен и без объяснений убрался.

Охранник, не дождавшийся ответа, выругался и присоединился к приятелю. Вдвоём они быстро справились со створкой и взялись за вторую.

Борода развёл руками:

— Ну я же тебе говорил... Неприятности начинаются с твоим приходом! — Механик поспешил к гаражу.

— Если ты не будешь со мной вежлив, я стану являться каждый день! — крикнул ему вслед Слепой.

Однако его радостного настроения никто здесь не разделял, так что ничего не оставалось, как войти в «Сундук».

В здании было темно и неуютно. Зал, обычно освещённый и людный, сейчас пустовал, свет проникал лишь сквозь грязные оконные стёкла. Охранники притащили из зала стулья и уселись подле двери. Оружие они держали наготове — один положил автомат на колени, другой поставил между ног и не убирал ладоней с цевья.

— А что так темно? — обратился к бармену Слепой. — Электричество экономите?

Бармен слонялся с деловым видом, однако, похоже, заняться ему было нечем и он только изображал крайнюю занятость.

— А ты что, не слыхал? Облава! Какие-то отморозки шухер на Периметре устроили, теперь военные бесятся. Говорят, их начальство вздрючило, вот они и носятся... вздрюченные. Нагнали солдат в Зону, технику, вертолёт, — встрял охранник. — Палят без разбору во всё, что движется. А ты разве не видел?

— Видел, — обернулся к бойцу Слепой, — только не врубился почему. Мутанты убитые штабелями лежат, и никого поблизости.

— А-а-а... — протянул бармен. — Так ты по уже зачищенной территории прошёл. Повезло тебе, Слепой, что никому на глаза не попался. Сорняку сообщение пришло: вояки лютуют, им велено предъявить результаты. Кому-то наверху влетело за шум на Периметре, понимаешь?

— Понимаю.

— Говорят, кто-то из высшего руководства заинтересовался. Из штаба округа или типа того. Миротворцы разъезжают чуть ли не на танках, бьют по всему, что шевелится, фотографируют, помечают координаты, где какой снимок сделан, — и сразу дальше. План по валу у них!

— Вот они и готовят фотокарточки, — снова вмешался боец. — Но пока не найдут хоть кого-нибудь из вашего брата, из бродяг, до тех пор не прекратят операцию. Им нужен виновник, и не обязательно в неиспорченном виде. Пара трупов тоже сойдёт.

— Сорняк велел затихариться, — закончил бармен. — Так что ступай в подвал, там сейчас гостей принимаем. Не шуметь, не бузить, наружу не лезть.

— А я у вас хотел на постой...

— Можно и на постой, всё можно. Сегодня вояки по Зоне пройдут, соберут трофеи. Кому-то из бродяг не повезёт, конечно. Кто-то подвернётся под горячую руку... Потом будем работать, как прежде.

— В штатном режиме, — ещё раз встрял охранник.

— Давай в подвал, Слепой, — повторил бармен. — Сюда, по коридору до конца, там дверь на лестницу.

Светильники не горели и в коридоре, дорогу освещала старая керосиновая лампа на столике в дальнем конце. Там же стоял ещё один охранник. Слепой миновал пост и стал осторожно спускаться по ступенькам, держась за разошедшиеся перила. Дошел до конца лестницы, толкнул дверь — и в лицо ударил тёплый спёртый воздух.

— Не закрывай! — попросили из душного нутра подвала. — И так дышать нечем!

Как и всякое солидное заведение Зоны, «Сундук» имел обширные подземные помещения, чтобы было где переждать выброс. Но сейчас система вентиляции оказалась отключена, а народа в подземный зал набилось порядочно. Слепой придержал ручку, но пружина заставляла дверь захлопнуться.

— На вот, — из темноты возникла рука с ржавой канистрой, — подопри.

Глаза начали привыкать к полумраку, Слепой огляделся. Здесь было десятка три человек — в основном сталкеры. Ни охранников Сорняка, ни девочек не видать, они, наверное, устроились в другом помещении с большим комфортом. Возможно, и постояльцев, успевших отсчитать монету, отвели в более приличные комнаты, здесь же, по всей видимости, собрались случайные люди. Оставалось лишь пожалеть, что не явился раньше и не оплатил удобства...

Две керосинки, такие же, как у автоматчика в подвале, едва освещали зал. Слепой медленно побрёл в глубь подвала, обходя вытянутые ноги и брошенные на пол рюкзаки. Отыскал стул, сел. Только теперь он увидел, что один из парней Сорняка здесь есть; боец привстал и бросил новому гостю:

— Электроприборов не включать, не шуметь, не курить. Придётся потерпеть, это ненадолго.

— И ПДА выключи, — хрипло добавили из тёмного угла.

— Да, выруби комп, — подхватил охранник, — вояки могут засечь.

Слепой откинулся на скрипнувшую спинку старого стула, поднёс к глазам браслет, чтобы отключить комп, а сталкеры продолжили прерванный его появлением разговор.

— Знать бы, из-за кого суматоха, убил бы... Да, из-за каких-то отморожков, которым в войну поиграть приспичило, всем теперь неудобства.

— Да ладно неудобства, кого-то ведь наверняка шлёпнут — возразили хмурым басом. — Воякам нужно виновных представить начальству. Пока не получают пару трупов, операцию не свернут.

— Известное дело...

Разговор прервался, и Слепой решился задать вопрос:

— А что случилось, мужики? Из-за чего вообще суматоха? Я сюда шёл — ничего, никого, только кабаны дохлые, издали расстреляли и копыт не тронули.

— Тебе повезло, — отозвался хриплый.

— Ночью началось, — перебил другой. Сталкерам было скучно и хотелось поболтать, так что вновь прибывшему стали объяснять с энтузиазмом. — Поднялась стрельба, мутанты пошли волной к Периметру.

— Вот как? — Слепой изобразил удивление.

— Ага, — воодушевился хриплый. — Прошли волной, словно гон после выброса, проломились через минные поля...

— И снаружи, говорят, стрельба началась, приняли тварей, — подхватил другой.

— Но военных всё равно подняли. Даже военсталов с Янтая перебросили. Вроде кого-то в верхах эта история задела, требует виновных найти.

— Крайних найти требует, — буркнул ещё один сталкер. Керосин в лампе вспыхнул чуть ярче, и Слепой разглядел лицо говорившего. Этого парня по имени он не знал, но когда-то встречались. — А у военных, как всегда, бардак, тем более из разных контингентов подразделения стянули, вот тебе и повезло — проскочил в брешь между линиями оцепления.

Сверху донёсся голос охранника, он звал того, что дежурил в убежище. Боец встал и двинулся к выходу. Но бросил:

— Похоже, вояки мимо идут. Кто верующий, молитесь, чтоб к «Сундуку» не свернули. Если что, дадим знать, тогда без суеты наверх с оружием. И не шалите здесь без меня.

Все зашевелились, по тёмному залу пронеслась череда шорохов, стуков и металлического лязганья. Потом снова стало тихо. Теперь говорить никому не хотелось. Потянулось ожидание...

Сверху не доносилось ни звука, в подвале было душно. Дрожали бледные огоньки керосинок, по стенам лениво ползали тени. Кто-то пожаловался, что охота курить, но нельзя. Пара голосов высказались, что, дескать, да, придётся потерпеть.

Потом в другом конце зала булькнула вода, сталкер напился, предложил флягу соседу, тот пошутил: «Ты только с водой такой щедрый, нет бы крепкого налил...»

Кто-то в углу захрапел, послышалась возня, недовольное ворчание — соню разбудили пинком, и он едва не свалился со стула. Сталкеры оживились, в темноте заскрежетали по бетону ножки стульев.

Кто-то выронил автомат и выругался, шаря в темноте под ногами.

— Иди в угол, там матрасы сложены, — посоветовал храпуну сосед, — но если будешь храпеть, как кровосос, сапогом запущу.

— Я вообще не храплю, — огрызнулся в ответ виновник переполоха. — Да я и не спал вовсе, так, задумался немного.

На этом всё закончилось, болтать никому не хотелось. У Слепого тоже было на душе паршиво, ожидание — скверная штука! Тем более что Слепой-то знал, кому сталкеры обязаны суматохой. М-да, перемудрил Гоша с собачьим манком... Хотя кто знает? Может, не будь здесь интереса высокопоставленного генерала, и шум бы вояки не подняли? Кто теперь разберёт!

Прошло не меньше часа. Потом под потолком вспыхнул электрический свет в грязных, заросших многослойной пылью плафонах. Старая лампочка не выдержала, со звоном взорвалась. Несколько человек рассмеялись — сказывалось нервное напряжение. На лестнице затопали шаги, в проёме возник один из парней Сорняка.

— На выход с вещами! — бодро объявил боец. — Конец перекура. Валите в зал, бродяги, шеф велел всем по сотке налить за счёт заведения.

Сталкеры потянулись к выходу. Они жмурились, прикрывали глаза, отвыкшие от яркого света. Все сразу заговорили, настроение улучшилось — жизнь продолжается!

Когда Слепой проходил мимо людей Сорняка, те как раз обменивались мнениями о том, что произошло за последний час:

— Когда эта дура башню развернула, я подумал — всё привет, сейчас ка-ак шмальнёт!

— Да, повезло. Миротворцы из немецкого контингента оказались, эти не стали стрелять. А наши бы точно шмальнули!

— Ага, у наших характер такой.

— Какой?

— Ну, в смысле, душа широкая. Если есть куда, то шмальнуть нужно непременно. А немец не таков. И потом, у них каждый выстрел на счету. Им, говорят, нужно рапорт по каждой пуле писать, отчитываться.

— Мужики, а что было-то? Свернули миротворцы операцию? — поинтересовался хриплый сталкер.

— В зал иди, там всё расскажут, — посоветовал боец. Парень сам толком не знал, но не хотел демонстрировать неосведомлённость.

Когда Слепой вошёл в зал, там уже былолюдно. Девчонки собрались у стойки и весело щебетали, бармен занял своё место и аккуратно наполнял стаканы — поровну, чувствовалась профессиональная сноровка. У стойки выстроилась вереница жаждущих, сталкеры по очереди подходили, брал стаканы. Бармен монотонно повторял:

— Погодите, мужики, сейчас шеф придёт, погодите, пейте минуту...

— Слушай, мне бы комнату снять на неделю или две, — начал было Слепой, — и снаряды прикупить не мешает, я при деньгах нынче. А снаряду...

— Не сейчас, — перебил бармен. — Держи стакан. Потом подойдёшь, потолкуем. Сейчас Сорняк придёт, слова скажет.

В самом деле, отворилась дверь позади бармена, вошёл хозяин заведения. Бармен посторонился, чтобы шефу удобнее было взять посудину. Сорняк медленно протянул руку, сразу стало тише. Несколько лампочек часто мигали — никак не могли войти в штатный

режим после часовой паузы. Из-за переменчивого освещения по хмурому лицу Сорняка, и без того изрытому морщинами, ползали тени.

— Ну вот что, мужики, — медленно начал Сорняк и сделал многозначительную паузу. Теперь стало совсем тихо. — Вот что... Вы все знаете, как дело вышло. Облаву военные устроили на нашего брата. Им для отмазки, чтоб начальству показать, нужно было кого-то накрыть. Не повезло нашим к западу от Свалки. Не знаю, кого из бродяг вояки хлопнули, но взяли на горячем, с оружием. После этого операцию закончили, раз уж пару тел заполучить удалось. Вот такая наша судьба, значит. Те парни, которых миротворцы положили, они от нас беду отвели. Вот за них я и предлагаю... Давайте, что ли, светлая память мужикам.

Слепой подумал, что вообще-то Сорняк жмот и очень себе на уме, но сейчас сказал правильные слова. Ведь так и есть, неизвестные сталкеры, которые нынче легли к западу от Свалки, своей смертью выручили остальных, отвели беду.

Собравшиеся выпили.

— Вот такие дела, — заключил Сорняк. — Я сейчас по своим каналам пробью — может, узнаю, кого благодарить за спасение. Вечная память мужикам.

При упоминании «каналов» Слепой вспомнил, что так и не включил ПДА. Интересно, что там, в почтовом ящике?

Уходя, он наспех написал Ларику какую-то ерунду — мол, должен отлучиться по делам, постарается поскорее возвратиться и тому подобное. Комп пискнул — есть почта! От Ларика было даже два сообщения.

Первое отличалось удивительной лаконичностью: «Дурак!»

Второе оказалось подлиннее: «Слепенький, я всё понимаю, я буду ждать сколько нужно. У нас в посёлке слух прошёл, мутанты из Зоны вырваться хотели, и ещё Карчалина вместе с машиной взорвали, ну, того, у которого ты в гостинице жил. Так что ты занимайся делами сколько нужно, я буду ждать. Скажи, я лучшая?»

Сталкер улыбнулся и отбил ответ: «Ты единственная!»

Глава 5

Придя в себя, Толик долго не мог понять, где он и что с ним происходит. Ощущения возвращались постепенно. Сначала он осознал, что лежит на чём-то шершавом и плоском. При попытке пошевелиться услышал шорох, затем пришла боль. Болели ладони, виски будто сдавило, ломило бок... Лишь потом Толик понял, что ничего не видит. Вообще ничего, даже собственных ладоней, которые горят и ноют. Неужто ослеп? Нет, просто теперь ночь. И вокруг — никого. Ни звука, ни лучика света. И пахнет прелым, гниющим — обычный лесной запах.

Потом разом вернулись воспоминания: схватка со сталкерами, появление вертолёта, бегство... Это было накануне, а теперь — ночь. Выходит, он провалялся в беспамятстве несколько часов... Где? Куда ему повезло свалиться? Именно повезло — потому что ночью в Зоне беспомощный человек неминуемо попадёт в пасть мутантам, а он, Толик, жив. Значит, лежит в безопасном месте. Ловушка, в которую он свалился, оказалась убежищем.

Парень подтянул ноги, попробовал оттолкнуться от странно пружинящего... чего? Ворох листьев, какие-то ветки, которые потрескивают под его тяжестью, а под этим упругим слоем угадывается идеально ровная поверхность. Толик сел и прислушался к собственным ощущениям. Да, при падении приложился крепенько, но как будто ничего не сломал. А вот и свет над головой — теперь, сидя, можно различить чередование серых пятен и темноты вверху... а вот и луна, разрезанная чёрной сеткой корявых ветвей... чуть ниже — кроны деревьев. А прежде он ничего не видел, потому что сидит в яме. При попытке встать к прежним болям добавилась новая: колено зверски ныло и штанина прилипла к коже. Толик пощупал — жёсткая накладка на брюках цела, под ней — ссохшаяся корка крови. Вроде и с ногой ничего серьёзного не приключилось, только ссадина.

Постепенно Толику удалось оглядеть место, куда его швырнула судьба. Яма правильной круглой формы, борта бетонные, и под ногами — тоже бетон, только присыпан ветками и жухлой листвой. Этот слой смягчил падение и уберёг от серьёзных травм... Однако выбраться с больной ногой и ободранными ладонями будет непросто. Толик полез в рюкзак. Там, под флягами и свёртками Торца, среди бригадного хабара отыскал два фонарика. Оба были в рабочем состоянии, один едва-едва светил, зато другой оказался в полном порядке. Луч света скользнул по бетонным стенкам, вырвал из мрака сугробы палых листьев.

Круглая яма около восьми метров диаметром, в центре торчит бетонный цилиндр высотой метра полтора и примерно такого же диаметра. Если встать у борта и поднять руки, пальцы коснутся бетонного среза и пучков травы наверху. Уцепиться не за что — это паршиво. Так не вылезти...

Толик отыскал в ворохе гнили свой обрез, убедился, оружие заряжено, и, припадая на больную ногу, побрёл вдоль стенки. Он искал, где будет полегче выбраться. Проклятый ПДА по-прежнему не подавал признаков жизни, так что надеяться можно было только на себя.

Борта ямы по всему периметру были одинаково неприступны, зато во внутреннем цилиндре обнаружилась дверь, сперва Толик её не видел, потому что свалился с другой стороны. Дверь он обследовал очень тщательно — тяжёлая с виду, стальная, покрытая облупившейся краской. Замка не имелось, между скобами был всунут кусок арматуры и согнут в дугу так, что не вытащить. Что же, разогнуть его вполне возможно, а внутри, наверное, отыщется что-нибудь, что поможет покинуть ловушку. Может, лестница, может, хотя бы мебель или ещё что достаточной высоты. Приставить к борту, вскарабкаться — и на свободу. Яма не такая уж глубокая. Приняв решение, Толик сразу приободрился — дело обернулось совсем неплохо! А может, за дверью и хабар какой стоящий?

Сперва он решил ещё раз осмотреть дверь — спешить-то некуда. Склонился над изогнутым стальным прутот и поднёс фонарик поближе. Арматурина как арматурина, вся в рыжей коросте ржавчины. Налёт ровный, железяку никто не трогал очень давно. Согнута так, что петли замка заклинила намертво.

Толик взялся за шершавый край. Поверхность была влажной, под рукой противно зашевелился, осыпаясь, слой корродированного металла. Потянул сперва слабо — нет, так не получится. Провёл несколько раз ладонью по арматурине, чтобы стереть податливый рыхлый налёт, потом взялся двумя руками и рванул. Железяка скрежетнула в пазах, но удержалась. Тогда Толик упёрся ногой и потянул в полную силу. Вроде бы ничего не происходило, но он чувствовал дело пошло! Ногу кололо, ныли мышцы спины, но металл медленно поддавался... Ну, вот и всё. Толик отступил на шаг и снова включил фонарик — точно, теперь самодельный засов можно будет выдернуть. На всякий случай нужно готовиться к спуску в темноту, дверь-то наверняка ведёт в подвал. Толик отыскал в кармане изоленту и примотал фонарик поверх укороченных стволов обреза. Целиться в подвале ему вряд ли предстоит, так что пусть фонарь освещает сектор обстрела, так будет вернее.

Теперь приготовления были окончены, но Толик медлил. Не то чтобы страшно стало, а как-то... не по себе немного. Понятно же, что ничего опасного не может таиться в давно заброшенном подземелье. Сколько месяцев оно пустует? Или даже сколько лет? Вон какой слой ржавчины вырос на железяке в дверях! Однако парень ощущал неуверенность. Даже рука подрагивать стала, и пот на лбу выступил. Луна выглянула из-за сплетения ветвей, стало немного светлее.

Наконец он мысленно прикрикнул на себя: «Ну же, давай, ты пацан или кто?» Помогло слабо, но Толик сбросил рюкзак, решительно шагнул к бетонному цилиндру, взялся левой рукой за стальной прут и дёрнул. Кусок арматуры с душераздирающим скрежетом процарапал по скобам. Толик отшвырнул импровизированный засов, чтобы не мешал, перехватил поудобнее рукоять обреза, которая вдруг сделалась скользкой, глубоко вдохнул... и потянул дверь. Скрипнули петли, так же, как и засов, прихваченные ржавчиной, — будто псы, которых заставляют выпустить добычу... Створка неохотно провернулась, показался тёмный зев — ход вёл вниз, луч фонарика осветил первые ступени. Узкие, крутые,

всего десяток, неглубоко, значит. Потом пришла мысль: он, Толик, стоит, нагнувшись, в проёме, и снизу его чёрный силуэт отчётливо выделяется, подсвеченный луной. Возникло неприятное ощущение, будто кто-то недобрый глядит из мрака. Но изнутри не доносилось ни звука, только запах чувствовался — не страшный запах, а просто неприятный, затхлый, вязкий такой. Плесенью тянуло из проёма и ещё чем-то, слегка кислым.

Стоять перед входом было глупо — раз уж отворил дверь, нужно входить. И Толик осторожно двинулся по лестнице, освещая ступени и присматриваясь всякий раз, прежде чем сделать очередной шаг.

Вот и закончилась лестница. Толик повёл перед собой обрезом; примотанный к оружию фонарик кусками выхватывал из темноты довольно обширное помещение. Дальний край длинного зала терялся во мраке, в световое пятно попадали опрокинутые столы, изломанные ящики, невысокие стеллажи. На полу бесформенной грудой расплзлись гнилые ошмётки, из них торчали края изорванного картона — старая упаковочная тара покрылась плесенью и раскисла, тускло поблёскивало из-под неё битое стекло. Посуда, что ли? Толик посветил в стороны — справа и слева стены были видны: серый бетон, пятна тёмной краски и плесени, под потолком клочьями нависли лохмотья — то ли паутина, то ли всё та же плесень. Потолок покрывало замысловатое переплетение труб, на некоторых были остатки термоизоляции. Всё здесь прогнило, отсырело и разлезлось.

Толик сделал шаг, ещё... Он направлял оружие то вправо, то влево — повсюду была всё та же унылая картина запустения и гнили.

Неожиданно в темноте под опрокинутыми стеллажами раздался мерный хруст. Тихий, совсем не угрожающий, ровный такой: хруп-хруп-хруп... Это оказалось так неожиданно, что Толик с перепугу едва не подпрыгнул, хотя прыгать в низком подвале было особо-то негде: над головой едва ли сантиметров тридцать, дальше ржавые трубы.

Парень взял себя в руки и развернулся к источнику шума. Луч скользнул по угловатым обломкам, по клочьям сгнившей упаковки. Ничего. Однако среди рухляди кто-то копошился, к мерному хрусту добавился шорох раскисшего картона. С горы хлама соскользнул одноногий стул, мягко шмякнулся во влажную кучу на полу. Источник звука перемещался! Толик отшатнулся к лестнице и разрядил оба ствола в темноту, в которой плясал луч фонарика. Грохот вышел оглушительный. Толик, пятась к выходу, поспешно переломил обрез, дрожащей рукой перезарядил, взвёл курки... Сперва было тихо, потом мягкий шорох послышался чуть в стороне от места, куда ударила дробь. Толик направил туда фонарик — ничего! Что за невидимка роется в мусоре? Толик присел, чтобы заряд ушёл параллельно полу, и выстрелил. Парой секунд позже ещё раз — чуть в сторону. Дробь колотила по гниющей мебели, прошивала лохмотья, звонко била в бетонные стены. Толик снова попятился, нащупывая в кармане патроны. Опять зашуршало — совсем рядом, невидимка приближался к бандиту. Сердце заколотилось как бешеное, из дрожащих влажных пальцев вывалился патрон, Толик, подвывая от страха, зарядил один ствол... Каблук встретил преграду — это парень достиг лестницы и коснулся нижней ступени, но не сообразил, в чём дело, и испуганно присел, ожидая удара в спину. Бросил быстрый взгляд через плечо, различил серые отблески лунного света — слишком тусклые после контраста между ярким светом фонарика и непроглядным мраком подземелья. Выход в круглую яму, там небо и луна, там свежий воздух...

Луч дрожал и выписывал в темноте замысловатые петли. Толик хотел сбежать наверх и боялся, что, поднимаясь, потеряет из виду часть подвала — а вдруг именно оттуда крадётся неведомое страшилище? Зубы выбили отчётливую дробь... Толик всегда считал, что он — пацан решительный и смелый, впервые в жизни он слышал, как его собственные зубы стучат от страха. Значит, это не выдумки, и впрямь такое бывает... Не решаясь ни отступить, ни двинуться вперёд, он, согнувшись, втянув голову в плечи, стоял у лестницы. Справа и слева были тёмные углы, туда фонарь не доставал, это тоже действовало на нервы.

Снова шорох, тоненько звякнуло стекло... Толик выстрелил на звук, левая рука скользнула в карман, захватила горсть патронов, несколько из них проскочили между пальцами... Возле самой лестницы, в трёх шагах от ботинок Толика, шевельнулся

бесформенный пласт хлама... Парень заорал, не отводя глаз от сырой вязкой массы, в которую давным-давно превратился раскисший упаковочный картон, рука слепо тыкала патроном в казённый патронник, патрон никак не входил в канал ствола, потом наконец встал на место, Толик судорожно рванул оружие, взвёл... Луч света мазнул по горе гнили, тени — длинные, страшные — качнулись на полу... Заплесневелый картон прогнулся посередине, будто придавленный невидимой ногой. Толик вспомнил рассказы о кровососах, умеющих становиться невидимками, — и выстрелил туда, где мог находиться противник. Дробь застучала по стенам где-то в темноте, на картоне никого не было, заряд прошёл без помех.

Толик сунул руку в карман и обмер — всего два патрона! Последние! Нагнуться и поднять с пола те, что выронил, он уже не решится, потому что для этого нужно опустить глаза, потерять из виду страшный подвал.

Несколько десятков зарядов к дробовику остались наверху, в рюкзаке, но как до них добраться? Стараясь не спешить, он аккуратно зарядил оба ствола, взвёл курки и замер. Невидимка снова шевельнул лист картона, но совсем вяло, едва заметно. Тёмная гнилая масса приподнялась, выгибаясь, край вздрогнул... из-под него показалась острая мордочка. Крыса! Да ещё совсем маленькая, молодая! Выходит, он, Толик исходил потом и стучал зубами от страха перед крысёнышем! И патронов сколько извёл! Ах ты тварь!..

Облегчение перешло в злобу, Толику захотелось непременно прикончить грязную скотину, отомстить за испуг. Он кинулся к зверьку и топнул тяжёлым ботинком, чтобы размозжить в кашу череп твари, прикончить, расплющить, уничтожить!

— Ах ты сволочь! — орал бандит. — Гнида! Скотина! Тварь! Грязная тварь!

Он выкрикивал что-то ещё, потом и сам не вспомнил бы, если б захотел, какие именно слова приходили на ум. Смесь злости, радости, волнения от ещё не вполне улёгшегося страха — пёстрый коктейль эмоций бурлил в нём.

Крыса метнулась, сумела увернуться, Толик, вопя ругательства и припадая на ушибленную ногу, скакал следом, топал каблуками, прыгал на грудях расплзающейся гнили, ловил маленького беглеца в световое пятно фонарика. Он боялся маленькой крысы! Он убегал от крысы! Едва не рехнулся от страха! Ну тварь, тварь!..

Зверёк бросался из стороны в сторону, норовил вырваться из яркого луча, скользнуть во влажную тень, он обезумел от страха перед этим огромным чудовищем, которое издавало ужасные звуки, топало гигантскими башмаками, гремело и завывало. Грызун всю свою короткую жизнь провёл в тихих тёмных подземельях, он не знал ни ослепительного света, ни оглушительных криков, самая большая опасность, которая была ему известна, — это острые зубы старших самцов, которые лёгкими укусами отгоняли крысёныша от лакомых кусков съестного. Такого опасного существа, как Толик, ему прежде не встречалось.

А Толик совершенно обезумел от жажды разделаться грызуном, он позабыл даже о необходимости беречь патроны. Грохот обреза и щелчки дроби в опасной близости заставили крысёнка броситься в темноту с новой прытью. Толик, видя, что снова промазал и жертва ускользает, выстрелил из второго ствола, тут ушибленная нога подвернулась, он поскользнулся в гнилой податливой массе, подошва поехала по скользкой грудке сложащегося сырого картона, и Толик, падая, задел стеллаж — посыпались банки и коробка.

Он взмахнул рукой, защищая голову от сыплющейся с потревоженных полок рухляди, от этого движения покрытая плесенью и пылью колба улетела во мрак — вслед улепётывающему крысёнку. Колба была почти пуста, только на дне округлой горкой ссохлась слизь органического происхождения...

* * *

А крысёнок улепётывал во весь дух, он даже не успел сообразить, что сумел ускользнуть от страшного великана, что уже укрылся в темноте, когда над ним разлетелась вдребезги колба. Корка на комке органики лопнула, из неё, как из расколотой ореховой скорлупы, вывалился слизкий шарик... и упал на голову зверёнышу. Слизь стремительно, как атакующая кобра, развернулась в плоский блин, окутала голову крысёнка вязким

коконом, запустила гибкие отростки в ноздри... У этой твари не было разума в привычном нам понимании, она не соображала, не мыслила, даже не осознавала себя живым существом, но у неё имелась цель: победить, подняться, стать больше и сильнее. Она не убивала — она попросту брала то, что ей требовалось для исполнения плана. Сейчас ей требовался мозг, чтобы руководить телом, и требовалось тело, чтобы исполнять приказы мозга. Тонкие отростки всё глубже проникали под череп крысёнка, они касались нервных волокон, воспринимали текущие по тканям млекопитающего сигналы и заменяли их своими, соответствующими плану.

Крысёнок не прекратил существование, он стал частью Твари. Тварь по-прежнему не ощущала себя живой, но она уже приступила к исполнению плана. Теперь у неё был развитый мозг, способный преобразовать идею, которая владела Тварью, в поступательную цепь действий.

Однако для начала требовалось убраться из подвала. Тварь опасалась страшного существа, которое преследовало крысу. У существа были огромные ботинки, способные раздавить новорождённую Тварь, у него имелись огнестрельные стволы. Все крысиные инстинкты, все воспоминания и страхи крысёнка были унаследованы новым существом, и самым страшным кошмаром зверька был чудовищный пришелец с дробовиком и ботинками. А Тварь была слишком мала и слаба, она не вполне овладела новым телом, ей было нечего противопоставить страшному Толику. Пока что — нечего. Пока...

* * *

Когда Толик отшвырнул колбу, тело дёрнулось вслед за движением руки, он потерял равновесие. Ноги скользнули в склизкой гнили, парень повалился навзничь. Падая, он ударился головой об угол стола, упал в груды заплесневелого тряпья... Стол, задетый Толиком, качнулся и навалился сверху. Толик, ругаясь, барахтался в вязком мусоре, он даже не слышал, как крыса, шатаясь и слепо тычась в препятствия, проковыляла прочь, во тьму, как нырнула под нагромождение пыльных обломков и скрылась.

Толик выбрался из-под кучи хлама, и тут пискнул ПДА на запястье. От удара чёртова машинка снова заработала. Не веря собственному счастью, он поднёс руку поближе к лицу. Экран исправно светился, и Толик видел собственные координаты — судя по карте, в этом квадрате не было ничего интересного. И сталкеры, и бригады мародёров не суются в подобные места... Толик перешёл в почтовый режим и стал медленно, тщательно подбирая слова, составлять донесение бригадиру. Хуже всего будет, если Торец решит, что новенький решил скрыстничать, сбежать с долей бригадного хабара, которую ему доверили.

Толик написал, что отыскал заброшенный бункер, отличное местечко для базы. Торец давно собирался обзавестись чем-то подобным, бригаде требовался надёжный схрон, так вот он, получите координаты. А прежде не писал, потому что комп, сука, снова отрубился. Паршивый комп, Торец же помнит, Толик ему сколько раз говорил... Он ещё не обследовал подземелье, но судя по всему, здесь нет ничего опасней крыс, а местечко — что надо!

Ответ Торца был лаконичным: «Жди, идём». Толик подобрал обрез и отправился отыскивать обронённые в суматохе патроны. Теперь ему показалось, что свет фонаря потускнел, как бы и эта батарейка не села. Лучше подождать снаружи. То и дело косясь за спину, он поднялся по ступеням, аккуратно затворил тяжёлую дверь, сунул на место арматуру — самодельный засов. Хотя опасности в подвале, как выяснилось, нет, но так спокойнее. После этого Толик сел, выпрямил больную ногу и подтянул поближе рюкзак. Сперва перегрузил в карман часть патронов, потом взял бутылку и долго пил прохладную воду. Дрянной привкус обеззараживающих таблеток чувствовался отчётливо, но Толик не мог остановиться, пока не вылакал половину бутылки.

* * *

Тварь с мозгом крысы и телом крысы, шатаясь, брела по тёмному лазу. Тварь пока не знала, что она в темноте, ей не довелось ощутить разницу между тьмой и светом. И стало быть, она стремилась покинуть тесную нору вовсе не из стремления к солнечным лучам. Тварь встретила в подвале опасное существо, способное помешать ей выполнить программу и достичь цели — слишком слабым телом она завладела. Следовательно, ей предстояло измениться: сделаться больше и сильнее, чем молодая крыса, глазами которой Тварь глядела сейчас на мир. Обоняния крысы, вообще-то довольно острого, тоже не хватало для достижения конечного пункта плана. Но его было достаточно, чтобы покинуть подвал с опасным Толиком — и Тварь в теле крысы медленно продвигалась по тёмной норе.

Иногда Тварь позволяла крысиному мозгу отдать команду лапам, тогда она задерживалась, чтобы сориентироваться. Когда попадались узкие участки, Тварь ползла, протискиваясь между препятствиями. Иногда она обдирала бока об острые грани, крысёнку было больно, но Тварь умела блокировать эти ощущения, и нечувствительное к повреждениям тело устремлялось дальше. Тварь не щадила захваченный организм, поскольку он был для неё лишь временным пристанищем. Ей требовалось кое-что получше — и она упорно следовала туда, где сможет заполучить необходимое. Тварь осторожно втягивала крысиным носом новые запахи, потом крысиные глаза уловили светлое пятнышко впереди-выход к освещённому лунной лесу...

Глава 6

— Эй, Слепой!

— Эй, Хромой!

Два возгласа раздались почти одновременно. Слепой встрепенулся и завертел головой, выискивая, кто зовёт. С одной стороны к нему шагал сталкер по кличке Моня — старый приятель из «звёздного десанта», завсегдатаев бара при гостинице «Звезда». Моня сиял и в прямом и в переносном смысле: сверкали стёклышки огромных очков, и сам сталкер лучезарно улыбался. С противоположной стороны зала между столиками к Слепому спешил Белый — они познакомились на «Агропроме», когда Слепому пришлось скрываться от монолитовских шпионов и называть себя другим прозвищем, так что Белый знал его как Хромого³. За Белым следовали ещё двое: поджарый брюнет и здоровенный парень в капюшоне, совсем молоденький. В зале теперь былолюдно, и сталкеры пробирались между столами и встречными пешеходами медленно, чтобы не задеть сидящих снаряжением или оружием. Двое спутников Белого были нагружены, как перед вылазкой. Впрочем, многие в зале выглядели также — в «Сундук» явились из рейдов, с полной выкладкой, сталкеров загнала сюда опасность нарваться на облаву.

— Так тебя теперь зовут Хромым? — улыбаясь, поинтересовался Моня.

— Так тебя теперь зовут Слепым? — как по заказу одновременно спросил Белый. Спутники догнали его и встали позади.

Слепой и его знакомцы переглянулись, потом рассмеялись. После того как опасность миновала, сталкеры пришли в весёлое расположение духа, хотелось шутить. Да и во всём баре сейчас установилась атмосфера такого нервного веселья.

— Вообще-то я сперва был Слепым. Но жизнь так сложилась, что маленько охромел. Здорово, мужики! Это Белый, это Моня. Белый, представишь друзей?

— Какой ты церемонный, — ухмыльнулся беловолосый сталкер. — Мужики, берите стулья, присаживайтесь. Это Курбан...

Брюнет кивнул.

— А это Эфиоп.

Второй спутник Белого зарделся. Он был румяный, белокожий, а когда стянул капюшон, оказался коротко стриженным блондином.

---

³ См. роман В. Ночкина, А. Левицкого «Череп мутанта»

— Нетипичный эфиоп, — заметил Слепой. — Можно сказать, эфиоп в негативе. Ну что, я схожу заказ сделаю? Сегодня я богат, угощаю, а? Заодно и негатив проявим.

Румяный Эфиоп тут же подскочил:

— Я помогу принести!

Молодой сталкер состоял при Курбане учеником, «отмычкой», если выражаться сталкерским жаргоном, в обязанности парня входило оказание всевозможных мелких услуг наставнику, а блондин, похоже, был очень старательным.

Слепой отправился к стойке, там пришлось подождать, пока бармен обслужит нескольких клиентов, потом Слепой договорился насчёт комнаты, отдал задаток, и наконец они с Эфиопом возвратились к столу, гружённые мисками и бутылками. Там уже шла беседа. Моня быстро нашёл общий язык с Белым, смуглый Курбан больше помалкивал. Тема была понятно какая — обсуждалось нынешнее нашествие миротворцев. Никто толком ничего не знал, но Моня с Белым наперебой пересказывали все услышанные за день сплетни, щедро перемежая их собственными догадками. С фантазией у обоих был полный порядок, так что версии, одна невероятнее другой, так и сыпались.

Слепой привычно предложил тост за удачу, выпили. Моня заметил:

— Сорняк-то, видели, нынче самолично явился с гостями хлопнуть. Я такого и не припомню, чтобы он в зал выходил.

— Точно, — кивнул Слепой, — не случалось на моей памяти. Переволновался, значит.

— Ещё бы, — заговорил Курбан. — Впервые военные к «Сундуку» подобрались. И у нас, в восточных секторах, тоже совсем жизни от миротворцев не стало. Куда ни сунься, повсюду они. Если бы от них порядок был, так я бы стерпел. Ну, как раньше, мы им на глаза не суёмся, не злим понапрасну, они гаек не закручивают. Каждый своё дело делает, никто другому не мешает. Так ведь прошли те времена!

— Курбан решил в наши края податься, — пояснил Белый, — думает, здесь спокойней. Нет, брат, здесь то же самое.

Брюнет покачал головой:

— Не то же. У нас европейские контингенты, с ними по-хорошему не выходит. Я слышал, с нашими можно иногда договориться, а европейцы — нет, все злые, как собаки. И говорить не станут...

— Пользуются ор-ружием-э-э! — передразнил Эфиоп. — Вот и весь разговор с ними.

— Роботы, не люди, Зоной клянусь, — пожаловался Курбан. — Так что мы сюда решили. Ну и от Периметра подальше — всё поспокойней. Хочется, чтоб порядок в жизни был.

— Я их на «Агропром» свожу, пусть поглядят, какое у нас житьё, — снова пояснил Белый.

— Если вам, мужики, порядка хочется, так это не на «Агропроме», — ухмыльнулся Слепой, — там анархия. Вот «Долг» — у тех порядок!

— Нет, там не порядок, а служба почище армейской. На новичках любой отрывается, — возразил Курбан, — мне кореш рассказывал. Он с «Долгом» два месяца кантовался, хороший мужик, толковый, а «долговцы» с ним, как с молодым. Сбежал. «Свобода» — тоже мне не по нраву, оторвы они. Мы с Эфиопом поглядим, какие здесь у вольных бродят порядки.

— А почему бы вам на Свалку не завернуть? — предложил Слепой. — Там Кореец порядок вроде поддерживает, но и не служба, как в «Долге».

— О! — обрадовался Белый. — Точно! Своди их на Свалку, в лагерь! Слышишь, Курбан? А от кладбища техники на «Агропром» дорога, считай, прямая, холмы только обогнул — и там уже по шоссе. Не понравится у Корейца — потопаешь дальше, к нам.

— Да я вообще-то не собирался завтра никуда, — замялся Слепой, — передохнуть маленько хотел. Тем более у меня снаряги нет, налегке иду. Мне бы снарягу закупить. Я думал, завтра у Сорняка затарюсь. Сегодня видите сами, какой здесь шум. Сегодня дела делать не с руки.

— Мы подождём, — коротко ответил Курбан. — Пусть после облавы всё успокоится.

Тут показался Борода — притормозил в дверях и подслеповато огляделся. Сталкеры уже успели порядком снять напряжение, в баре стоял гомон и стук стаканов. У стойки визгливо хохотали девушки. К потолку, к тусклым мигающим светильникам, клубами поднимался густой сизый дым самокруток. Слепой привстал и помахал механику. Тот увидел, кивнул и двинулся между столами.

— Что ж ты так, Борода? — приветствовал его Слепой, придвигая вновь прибывшему стакан. — Твой шеф всем велел сидеть здесь и выпивать, а ты что же? Теперь тебя Сорняк накажет.

— Вечно ты со своими шуточками... Ты бы ещё про сталкера Петрова очередную глупость рассказал.

— Однажды сталкера Петрова позвали пить водку. Приходи, говорят, выпьем, поболтаем, соберётся хорошая компания. Петров: «А кого ещё позвали?» Ему начинают перечислять — тот будет, и этот, и ещё Бороду из «Сундука» пригласили. А Петров говорит: «Нет, тогда без меня. Борода шуток не понимает».

Борода завозился на стуле, сделал вид, что встаёт, но Слепой тут же наполнил его стакан:

— Э, ты не отлынивай, ты пей. Видишь, мы из-за тебя без сталкера Петрова остались, он же отказался, так что хоть ты с нами посиди. Ну, за тех, кто в Зоне?

Потом добавили за удачу, потом ещё раз помянули тех, кто попал нынче под раздачу, и разговор снова зашёл о военной операции. Курбан отправился за новой бутылкой и порцией закуси, Эфиоп, нагрузившись пустой посудой, потопал следом. Слепой, воспользовавшись их отлучкой, спросил Белого, давно ли тот знаком с этой парочкой.

— Эфиоп — новичок, это ж видно, — пожал плечами беловолосый сталкер, — а с Курбаном вчера познакомились. Мой кореш его знает, вроде нормальный мужик этот Курбан. А что?

— Молчит он как-то нехорошо.

— Ну, это бывает, люди-то разные, у каждого свои привычки... Помнишь нашего Молчуна?

Вернулись ходоки, снова зазвенели стаканы. За разговором Слепой столкнулся с Бородой насчёт кое-каких элементов снаряжения — ему давно хотелось иметь ПНВ, у Бороды можно было подобрать по сходной цене... Мирная жизнь вмиг облетела со Слепого, как шелуха, возвратились старые привычки и наклонности. Вот и ПНВ — казалось бы, зачем прибор в Кольчевске? Но так давно хотелось его иметь, а тут и деньги, как с куста, и у Бороды на продажу один имеется.

За разговором время летело незаметно. Наконец зал начал пустеть. Сперва исчезли девчонки — пошли с кавалерами в номера, работать. Потом стали расходиться и сталкеры. Слепой сговорился с Курбаном, что послезавтра они вместе отправятся на Свалку, распрощался с Белым, который собирался с рассветом покинуть «Сундук», и отправился, бренча ключами, в комнату. Моня, который крепко перебрал, шатаясь, поплёлся следом за Слепым, тот подождал. По лестнице они поднимались вдвоём, неразлучные, как сиамские близнецы, Слепой поддерживал тщедушного Моню, тот взахлёб рассказывал, что отыскал редактора, который согласен опубликовать истории о сталкерах.

— Газетёнка совсем жёлтая, бульварная! — размахивая руками, вещал Моня. — Им всё можно печатать, потому что никто всерьёз не воспринимает, они хоть про НЛЮ могут, хоть про сокровища Емельяна Пугачёва... Они даже правду про Зону могут печатать, и им ничего не будет!

Курбан с Эфиопом остались в прокуренном зале. Оба молчали и глядели вслед Слепому, когда тот уходил. Слепой это заметил. Странная парочка.

* * *

Утром Слепой отсыпался. Он позволил себе поваляться в постели подольше. А что? Имеет право, тем более что ночь накануне выдалась бурная, да и нынче с новыми и

старыми знакомыми посидели эффективно. Проснувшись, сталкер спустился в бар пить кофе. Те постояльцы, что собирались уйти сегодня, уже большей частью разошлись, теперь в зале торчали те, кто решил провести день в «Сундуке». Слепой выбрал свободный стол и сел набивать письмо Корейцу. Спрашивал, какая обстановка на Свалке и можно ли привести людей. Потом в зал спустилась пара, сталкер с девушкой. Кавалер блаженно улыбался, дама зевала и на ходу упрятывала за пазуху пачку купюр. Увидела Слепого и помахала рукой:

— Эй, привет! А ты Пригоршню давно видел? Ты ж, говорят, с ним и Химиком тусовался?

— Нет, Катя, я с обоими больше месяца не встречался.

— Эй, — обиделся кавалер, — какой Пригоршня, когда я здесь?

— Да он мне по делу нужен, — надула губки Катерина, — а так, конечно, с тобой мне никто не нужен.

Слепой поднял к губам кружку с кофе, чтобы скрыть ухмылку. С Пригоршни Катерина денег не брала, вот такие у них бывали дела. Тут в зал спустился опухший Моня, ему вчерашний вечер дался тяжелее, чем Слепому. Махнув приятелю рукой, Моня направился к стойке. Бармен понимающе кивнул и тут же пододвинул стакан. Моня выпил, икнул, знаком потребовал повторить... Потом отдышался и заказал пожарить. С миской направился к Слепому.

— Я решил сегодня здесь посидеть, — объявил Моня. — Что-то неохота мне в рейс нынче. А где эти, вчерашние?

— Не знаю. Наверное, под вечер объявятся. А я сейчас к Бороде, хочешь вместе?

Тщедушный сталкер помотал головой:

— Не, я кое-что набросать хочу — для будущей статейки. Пойду к себе.

— Ты, как я погляжу, не торопишься. Как дочь-то?

— Месяц назад у неё в интернате был. А сейчас спешить не хочу, это верно. Возвращаться некуда, «Звезду» закрыли, слышал?

— Да, был такой слух. Но я же от дел отошёл... вроде как.

— А дела таковы, что заведение хлопнули, всех, кто на месте оказался, замели. Мне повезло, за пару дней до того как раз в командировку свалил. Ну а кто попал — те сейчас под следствием.

— Что за следствие? В чём обвиняют?

Моня пожал узкими плечами:

— Точно никто не знает. Как я понимаю, копают под Карого, у командировочных вымогают показания против него. Опять же, вещдоков там всегда хватает, сам понимаешь. Тёмное дельце вышло, Гоша откупиться не сумел — кто-то против него зуб имеет. Кто-то большой.

После завтрака Слепой наведлся в мастерскую.

— С добрым утром, Борода! Ну, я за обещанным. Помнишь, ты мне вчера собирался подарить новенький ПНВ?

— Не новенький, а старенький, — равнодушно поправил механик. Он уже привык к шуткам Слепого. — Подарю, если ты мне сперва подаришь триста шестьдесят рублей.

— Триста шестьдесят?!

— Угу. Мы вчера договорились, я всё помню.

— Зона возьми! Ты нарочно споил меня, чтобы облапошить! Эх ты, а ещё друг называется!.. — Слепой полез за деньгами. На самом деле цена была более чем дружеская. — Мне ещё комбез нужен.

— Это не ко мне. Спроси у бармена, он подскажет, что есть на складе...

С Бородой потрепаться не вышло — механик, как обычно был по горло завален срочными заказами, так что Слепой вскоре оказался в баре у стойки. Зал уже опустел, поэтому бармен сам отвёл клиента на склад и показал товар. Подходящий комбез защитного цвета Слепой наметил сразу, вещь не новая, но добротная. Чтобы не показывать интереса, для виду примерил пару дешёвеньких, повздыхал, что нужно экономить, только потом перешёл к приглянувшемуся комплекту, принялся мять ткань, прощупывать броню,

отыскивать вмятины от пуль. Вещица побывала в деле, и не раз. Слепому понравилось, что сквозных отверстий нет — комбез с честью вышел из передраг и надёжно оберегал прежнего хозяина, но сталкер старательно выискивал, к чему бы придраться, чтобы сбить цену.

Бармен в коммерции понимал куда больше Слепого, так что уловки покупателя впечатления на него не произвели. Цена оказалась высокой, бармен нарочно назвал немного больше, чтобы было куда уступить. Поторговались. Наконец сделка сладилась, Слепой оплатил покупку и сообщил:

— Однажды сталкер Петров покупал снарягу. Собрался ближе к ЧАЭС наведаться, там места заражённые, опасные. Всё купил, кроме противогаза. Продавец ему: «А как же противогаз?» А Петров говорит: «Чего зря его таскать? Там, у ЧАЭС, snorkов полно, обдеру какого-нибудь покрепче, чтоб борода в противогаз влезла».

Когда Слепой с отощавшим кошельком возвратился в бар, Курбан с Эфиопом уже были там. Слепой объявил, что он готов завтра выступить в поход, и если парни не передумали...

— Нет, не передумали. — Курбан старательно улыбнулся. — Мы с тобой. А что, сейчас на Свалке успокоилось? Нет оттуда вестей?

— Ах да! Я же письмо Корейцу накалал! Сейчас... — Слепой переключил ПДА в почтовый режим — точно, в ящике был ответ от Корейца. — «Приходи с друзьями...» — зачитал Слепой вслух. — «Увидишь много нового». Интересно, что он имеет в виду? В лагере на кладбище техники редко что-то меняется. Только люди постоянно новые появляются.

Курбан пожал плечами. На этом разговор как-то иссяк, условились выступить поутру, назначили время, на том и разошлись. Слепому хотелось ещё купить припасов, он, не торгуясь, взял дорогих английских консервов с автономным подогревом банки. А чего экономить? Нынче его Гоша Карый угощает!

* * *

Курбан с «отмычкой» ждали в баре, как и было условлено. Оба помалкивали, только Эфиоп похвалил обновку, комбез Слепого ему понравился. Курбан тоже кивнул — мол, отличная вещь.

Слепому показалось, что спутники выглядят слишком сосредоточенными. Поэтому за воротами «Сундука» он сразу сказал:

— Расслабляться нам, конечно, не стоит, но дорога будет лёгкой.

— Что так? — тут же подхватил блондин. Ему, наверное, хотелось поговорить, да наставник достался молчаливый.

— После облавы здесь зверьё выбито, — объяснил Слепой. — Военные же палили во всё, что движется. Я, когда сюда шёл, кабанов видел. Ну то есть дохлых. Прошили из пулемёта, даже не приближаясь.

Тут оживился Курбан:

— Не приближались, говоришь? А копыта?

— Копыта были на месте. Я тоже брать не стал — у меня инструмента не оказалось при себе, да и торопился.

— Давай наведемся, копыта возьмём!

— Крюк придётся делать... — Слепой замаялся. Вообще-то крюк выходил небольшой, но крохоборство спутника ему пришлось не по нраву. Хотя, если парни сменили дислокацию и обживаются на новом месте, вполне возможно, что они на мели и в такой ситуации брезговать дармовым заработком, даже таким невеликим — не резон.

— Да мы быстро, — не отступился Курбан. — Ты ж говоришь, это здесь, неподалёку?

— Ну ладно, идём.

Троица покинула старое шоссе, и Слепой повёл спутников по грунтовой дороге. Бруски грунта, оставленные гусеницами боевой техники, успели высохнуть на солнце и рассыпаться, но место, где машина пересекла шоссе, по-прежнему было хорошо видно.

На грунтовой дороге было ещё темно, сюда утреннее солнце не доставало. Потом светило стало подниматься над деревьями, подступающими к колее, зубчатая граница тени легла в серую пыль. Слепой уверенно шагал по дороге, обходил аномалии — здесь они нечасто встречались. Когда до места гибели кабанов, помеченного на ПДА, оставалось всего ничего, издали донёсся тоскливый вой слепых псов.

Слепой остановился.

— Ну всё, опередили нас. Стая пришла, их теперь от кабаньих туш не отогнать.

— Собаки... — Курбан скривился. — Да мы их в три ствола живо уберём! Может, и хвостами разживёмся.

Слепому не хотелось нападать на мутантов.

— Неизвестно, что там за стая. Если чернобыльцы с ними.

— Эфиоп, — брюнет обернулся к напарнику, — давай-ка на дерево! Держи бинокль, посмотришь, что там. С этого дуба должно быть далеко видно.

Курбан указал парню на высокий дуб. В самом деле, если взобраться повыше, должен открыться вид на окрестности. Лес здесь молодой и довольно редкий. Правда, самому Слепому не пришлось бы в голову карабкаться по веткам, рискуя сломать шею.

К его удивлению, Эфиоп послушно отдал дробовик старшему товарищу и ловко, будто цирковой акробат, стал взбираться на дуб. От этого увальня трудно было ожидать подобной расторопности.

— Молодец, парень, — вполголоса заметил Слепой, — ловко лезет.

— Угу, — согласился Курбан. — Паренёк что надо. Я его не хвалю, чтобы не расслаблялся. Но вообще он молодец... Эй, что видишь?!

— В стае десяток взрослых, — доложил блондин с дерева, — ну и щенки... Чернобыльцев не вижу.

— Это ничего не значит, — заметил Слепой. — Бестии могут и спрятаться, на такое у них ума хватит. Собаки нас давно учуяли, просто им от кабаньих туш уходить нет резона.

— А копыт-то нет, — объявил Эфиоп, — кто-то раньше нас поспел.

— Ты уверен? — Курбан заметно расстроился. Должно быть, уже считал, что добыча в кармане, и успел прикинуть, как распорядится вырученными деньгами.

— Точно! Мне самца хорошо видать! Видно, вчера уже обработали, раньше собак поспели!

— Ладно, слезай... — бросил Курбан. — Да, вчера вполне могли бродяги копытами разжиться. Кто рано встаёт, тому Зона даёт.

Эфиоп медленно и осторожно спустился, забрал дробовик, и компания сменила курс — Слепой снова повернул к Свалке.

* * *

Тварь, похожая на крысу, зажмурилась, когда в глаза, не привыкшие к яркому свету, ударил солнечный луч. Маленькое тело сжалось в ложбинке между узловатыми корнями старого клёна. Это тело оказалось плохо приспособленным к новой среде, в которой очутилась Тварь, здесь было слишком много света, запахов, пространства. На такой обширной территории наверняка могли водиться хищники куда более опасные, чем сама Тварь, а это не соответствовало её цели и программе. Крысёнок, привычный к жизни в тесных сырых подземных лазах, был слишком слаб и незащищен в лесу и на заросших травой полянах.

Это тело не годилось. Твари требовались быстрые ноги, острое зрение и верхнее чутьё, ей нужны были зубы, когти и защита от чужих зубов и когтей. Крысиный мозг, служивший Твари, не знал большинства этих понятий, он оперировал аналогиями. Интуиция подсказывала, что, прежде чем встречаться с опасными обитателями светлого мира, ей, Твари, следует измениться. Она сжалась ещё плотнее, забилась под изогнутое корневище — и занялась трансформацией.

Крошечный клубок плоти сотрясала дрожь, его температура то повышалась до восьмидесяти градусов по Цельсию, то падала до двадцати, что почти не отличалось от температуры окружающей среды. Волны спазмов скручивали тело в комок, потом резкое сокращение стремительно изменяющихся мышц заставляло его вытягиваться струной и замирать, подрагивая... Когда температура поднималась, тело обильно выделяло жидкость, потом Твари требовалась вода, и она вылизывала собственные учащённо дрожащие бока, подбирала капельки солёной влаги.

Сознание крысёнка затаилось за задворках мыслительного процесса Твари. Она отодвинула нехитрые мысли зверька — в трансформации они не могли помочь. Тварь руководствовалась заложенной в неё программой, подпитываясь инстинктами маленького млекопитающего, разум которого сейчас был погружён в странное оцепенение. Крысёнок присутствовал в своём — и уже не своём — теле, но присутствовал как безучастный наблюдатель. Потом Тварь замерла, свернувшись в тугой клубок, покрытый поредевшей серой шерсткой. Внешне она больше всего теперь напоминала старую облезлую рукавицу.

Вдалеке раздались голоса, треск веток под тяжёлыми подошвами. Тварь замерла, прислушиваясь и приняхиваясь. Она различила запах, напоминающий о страшном существе, едва не прикончившем крысёнка в подвале. Это могло быть опасным. Тварь затихла. Топот, голоса и запахи миновали её убежище.

Прошло несколько часов, солнце перевалило зенит, день клонился к вечеру... Закуток, в котором притаилась Тварь, погрузился в полумрак, предвестник вечерних сумерек. Облезлый ком плоти не шевелился...

Потом клубок медленно развернулся, показалась удлинённая мордочка, ощерилась пасть с мелкими зубами... Распахнулись слишком широкие для крысы ноздри, с пересохших, потрескавшихся губ зверя сорвалось хриплое шипение. Это не было вызовом или сигналом — нет, Тварь проверяла, как действуют изменившиеся лёгкие. Затем поджарое тельце приподнялось, тощие голенастые конечности напряглись. Крысиный мозг пока что не умел управляться с телом, способным бегать по открытому пространству и совершать высокие прыжки, ему предстояло научиться.

Когда Тварь встала, голый крысиный хвост остался валяться на хвое, покрытой подсыхающей слизью. В этой части тела Тварь не нуждалась. Она развернулась, схватила длинный жилистый отросток и стала быстро пережёвывать его, втягивать в себя. Ей отчаянно не хватало органики для перестройки организма, а хвост был съедобным.

Глава 7

Как ни уговаривал себя Толик, что в подземелье безопасно, что нет в схроне ничего опаснее крысы, — эмоции взяли верх над доводами рассудка. Парень проспал несколько часов, сидя, привалившись спиной к бетонному цилиндру, служившему входом в подземелье. Утром проснулся и с полчасика разминал затёкшие мышцы. Всё тело ныло и отказывалось подчиняться. Вчерашние ушибы напоминали о себе тупой болью, да ещё голова раскалывалась, будто с похмелья. Толик заподозрил, что, пока не работал ПДА, он успел хватануть радиации, но сейчас прибор был в порядке и не фиксировал повышения фона. Но если бы вчера Толик влез на заражённый участок, остались бы следы на снаряге. Вот уж точно — везучий он! Без приборов, без опыта прошёл в одиночку, и ни серьёзных ран, ни травм, ни облучения.

Однако удачливость имела обратную сторону. Поскольку Толик был более или менее здоров, причин отлынивать не нашлось, и он снова отпер подвал. Спустился по лестнице, постоял у входа в лучах солнца — дверь, как оказалось, была ориентирована на восток, и поутру солнечный свет проникал в подвал дальше, чем в любое иное время суток. В полумраке Толик осмотрел разгром, царящий в подвале, выбрал стеллаж — тот самый, который завалил ночью на себя.

Выглядела железка достаточно прочной, а полки могли служить ступенями. Толик поволок стеллаж к лестнице, развернул боком и, пыхтя от натуги, вытащил наверх.

Когда он прислонил стеллаж к бетонной стене и вскарабкался на верхнюю полку, кромка грунта оказалась на уровне живота. То, что нужно, — готова лестница. Правда, проржавевшая конструкция «дышала» и прогибалась под ногами, она была предназначена для грузов куда легче, чем сталкер в полном снаряжении. Толик постоял, разглядывая безмолвные окрестности, потом снова отправился в подвал — готовить схрон к прибытию бригады.

Он вытащил обломки мебели, чтобы укрепить и подпереть самодельную лестницу. Ничего громоздкого и тяжёлого в подземелье не оказалось — всё было такого размера, чтобы пройти в узкую дверь, но Толик очень быстро умаялся. Протискиваться с грузом в тесный проём было страшно неудобно, да и воздух внизу оставался затхлым, тяжёлым — в духоте скорее устаёшь. Парень то и дело устраивал передышки, поглядывал на ПДА, не идёт ли бригада. Но Торец не спешил, и Толик, вздыхая, плёлся работать дальше. Он привалил основание стеллажа вонючим сырым картоном, вставил между полками обломки стульев — вышло что-то наподобие распорок. Постепенно пол у лестницы освободился от мусора, показался покрытый плесенью бетон.

Чем дальше от входа продвигался Толик, тем труднее было работать. А впереди высился завал из разнокалиберных обломков и искалеченной тары.

Гена Торец явился ближе к вечеру. С ним были Животное и Мистер. Будда, сказали они, плетётся следом — толстяк выбился из сил, и его не стали ждать, Торец велел ковылять как может. Колян пропал, сгинул во время перестрелки.

Круглую яму и Толика на дне Торец осмотрел скептически, спустился по хлипкой гнущейся конструкции, похлопал ладонью бетонный бок цилиндра, протиснул внутрь. Оттуда его голос прозвучал глухо, но бригадир был доволен:

— А ничего! Молодчина, Скрипач, классное местечко отыскал! Будет где гостей принять. — Радостная рожа Торца показалась в проёме. — Ну чего рты раскрыли? Живо за работу! Весь хлам — вон из схрона, проверить, что там дальше, сверху земли нанести, камней — выложить у стены, притоптать. Устроимся здесь по первому классу! Давай Скрипач, шевелись!

— Я со вчерашнего дня здесь мудохаясь, устал, — пробурчал Толик.

— Мы, знаешь, тоже не с курорта, — тут же встрял Животное. — Куда воду дел? У тебя в рюкзаке наш запас остался.

— Вон рюкзак, возьми.

— Ого! — возмущённо заорал Саня. — Торец, он весь запас вылакал!

Тут явился Будда, красный, истекающий потом, и перепалка так и не состоялась. Торец не стал слушать, распределил работу между членами бригады. Саню с Мистером отрядил таскать хлам из подвала, Толику велел копать грунт наверху, в лесу, и спускать в яму, чтобы устроить земляную ступень вдоль наружной стены. С такой ступени можно будет отстреливаться, если что. Будду заставил утаптывать принесённую землю — толстяк всё равно ни на что больше не был годен, слишком устал.

Когда Толик подавал Будде сверху мешок, они успевали перекинуться несколькими словами. Вскоре обоим надоело трудиться, паузы сделались более долгими, разговоры — более обстоятельными, и Будда рассказал Скрипачу, что было после того, как они расстались.

Оказывается Торец сперва увёл бригаду на юг, и это было ошибкой — оттуда, со стороны Периметра, двигались подразделения миротворцев. Бандитов несколько раз обстреляли, тогда пропал Колян. Вероятно, получил пулю. Бригада уходила из-под обстрела — как обычно, не отвечая военным на огонь. Это их и спасло. Миротворцы действовали по плану: когда они видели, что не могут настичь беглецов быстро, бросали преследование и спешили занять место в боевых порядках согласно диспозиции. Ну а потом пришло письмо Толика, Торец ругался... но повёл бригаду к схрону — скорее всего, лишь потому, что ничего лучшего не мог придумать.

— А что за гости будут? — вспомнил Толик. — Торец сказал, мол, гостей принять здесь, в схроне, не стыдно.

— Не знаю. — Будда развёл руками. — Было ещё письмо. Скоро ждём каких-то людей из-за Периметра, велено им помочь. Что-то важное.

— Важное? — Толик удивился: что может быть важным здесь, в Зоне? Тут жизнью ежедневно рискуешь. Что же важнее этого?

— Для Торца важное, — поправился толстяк, — нам-то всё едино. Суета сует и всяческая суета, как сказал Экклезиаст.

Тут внизу закричали, и Толик полез в яму — поглядеть, что стряслось. Оказалось, Мистер добрался к дальнему углу зала, там бетонные стены были разрушены, показалась земля. Что могло послужить причиной обвала, непонятно, толстые перекрытия были частью изломаны, частью имели неестественно гладкие, будто оплавленные, срезы. Осколков бетона почти не осталось. Испарился он, что ли?

Но шум поднялся по другой причине: труженики откопали дверь. Вернее, двери не было, а был косяк с петлями, и Животное, сунувшись туда, обнаружил уборную с душем и рукомойником. Целенький унитаз привёл Саню в восторг. Коридор уводил дальше, но сейчас оказался намертво перегорожен обвалившимися перекрытиями. Трубы, которые тянулись под потолком, были здесь оборваны, изломаны, смяты, остатки электропроводки свисали лохмотьями, но несколько кабелей уходили в завал, и когда Саня щёлкнул рубильником, в уборной зажглась лампочка. Мистер по своему обыкновению что-то хмуро буркнул и открыл кран рукомойника. Раздалось шипение, потом кран злобно зарычал... и наконец исторг струю желтоватой вонючей воды. Слив был в порядке, вода исправно стекала по трубам. Жидкость проверили дозиметром — очень слабое заражение, почти ноль, по всей видимости, вода поступала через систему фильтров из подземного резервуара.

— Вот это да! Живём! — обрадовался Саня. — Вот это пруха! И вода у нас теперь есть!

Торец кивнул:

— Это точно, пофартило нам, пацаны. Здесь какой-то объект был, под землёй. Завалило его, нам краешек достался. Отличный схрон, молодчага, Скрипач! Я сразу понял, что ты удачливый... Ну, чего встали? Давайте валите работать! Хорош филонить-то.

Мистер убрался в тёмный коридор — копать. Вдруг обвал совсем невелик и удастся пробиться к основной части заброшенного объекта? Туда, откуда по трубам поступает вода и где источник электропитания.

Торец с Животным стали разгребать бесформенную кучу старого упаковочного картона — Саня копал, оттаскивал в сторону и пыхтел. Иногда попадалось что-то из содержимого раздавленных коробов, Гена разглядывал находки и авторитетным тоном делал глупые предположения, для чего могли служить эти стекляшки.

Толик, поднимаясь по лестнице, заметил, что Будда, воровато оглядевшись, нырнул в тёмный закуток под ступенями и что-то подобрал. Но не стал поднимать шум — притворился, будто не засёк находку толстяка. Вряд ли там что-то ценное.

Когда вылезли наружу, Толик спросил:

— Будда, а как Колян пропал?

— Так и пропал. Мы бежали, вояки по зарослям из пулемётов лупили... погоди, не спеши землю таскать, давай передохнём. — Он тяжело опустился на груды хлама и вздохнул. — Ты никогда не замечал, что Груз с Коляном были похожи? Когда Груз в аномалии сгинул, я сразу почему-то решил: и Коляну теперь недолго осталось. Какая-то связь между ними была.

— Связь?

— Ментальная. Психическая, если хочешь. Всегда вместе и понимали друг друга без слов, родственные души. Видишь, не смог один без другого. Ушёл следом.

— Да! — Толик вспомнил, что собирался расспросить Будду по поводу чудных слов о переселении душ. — Помнишь, ты что-то говорил насчёт того, что Груз в собаку вселится и собаку нужно пристрелить.

— Обязательно нужно! — подтвердил Будда. — Посуди сам: душа Груза, его истинная сущность, заходит на новый круг перерождений. Так?

— Ну... ты говори, говори дальше-то! — Груз был кем? Бандитом, сволочью? — Так мы ж...

— И мы тоже. В общем, карма Груза порядком попорчена несправедливой жизнью, и стало быть, он заслуживает понижения в этом... ну... чёрт, из головы вылетело.

— В пищевой цепочке? — подсказал Толик. Это выражение «пищевая цепочка» — он слышал когда-то давно от одного головастого пацана, и ему понравилось.

— Ну зачем же так грубо?... Хотя можно и так. Словом, душа Груза отягощена грехами и нуждается в очищении. Стало быть, он вселится в низшую тварь, скажем, в слепую собаку и будет бегать, завывать, жрать всякую дрянь и вычёсывать мутантских блох, пока не околеет. Довольно паршивый оборот колеса сансары, как по-твоему? Зачтётся душе, как отсидка блатному — искупление вины. После этого Груз вероятно, получит шанс на новое рождение в человеческом теле. Значит, убив собаку, ты обеспечиваешь Грузу скорейшее возрождение. Ты следишь за моей мыслью?

— Ну, типа я понял.

— А раз понял, мочи всех собак.

— Погоди-погоди... — Толик задумался. — А других причин убивать собак, по-твоему, нет?

Будда стянул капюшон и пригладил волосы.

— Других я не вижу. А зачем тебе другие? Так или этак, собак нужно убивать.

Тут на пороге возник Мистер. Крупный плечистый парень с трудом протиснулся в узкий проём и выволок мешок с рыхлым грунтом, который он выкопал в проходе, и разбитыми приборами, которые сгрёб Саня. Увидел болтающих парней и рывкнул:

— Факин недельник!

— Бездельники, Мистер! — поправил Будда.

— Факин недеятель! Живо трудить! Марш, хоп, хоп, хоп! — Рыжий выволок носу из бетонной надстройки, высыпал у подножия стены и велел: — Топай, толстый Будда. Помыть земля крепко! Ты, Скрипач, со мной. Второй железяка будем волочь.

Толик спустился с рыжим в подземный зал. Теперь, когда с одной стороны подвал был подсвечен лампами в санузле, а с другой проникал дневной свет, помещение выглядело вовсе не таким зловещим, как прошлой ночью. Сане, должно быть, надоело разгребать кучи раздавленного стекла и размокшего картона, теперь он просто переворачивал свалившуюся дрянь слоями и отпихивал под стену. Скрипач с Мистером вынесли второй стеллаж, потом ещё один... Копать дальше дезертир не стал — решил, что бесполезно. Дальний конец подземелья завален надёжно, не пробиться.

Торец обнаружил в стене забранное решёткой отверстие, чиркнул зажигалкой — возле решётки огонёк заметно отклонился.

— Есть тяга, — оживился бригадир. — Здесь можно и печурку приделать, дым будет в дыру утягивать! Хороший подвальчик!

Тут ко всем спустился Будда — заскучал наверху. Пока все осматривали вентиляционный выход, толстяк потянул Толика за рукав. Парни отошли в дальний угол.

— Чего тебе, Будда?

— На стеллажах следы дробы, свежие. Ты в кого здесь палил?

— Да так... крыса влезла.

— Убил?

— Вроде нет. Сбежала, сволочь.

— Надо было убить, — очень серьёзно произнёс Будда.

— Надо было, конечно. — Толик вздохнул. — Шустрая попалась, сбежала куда-то под мусор, не нашёл.

— Надо было прикончить, — повторил толстяк. — Обязательно.

Толик хотел спросить, с чего это студент так убийственно серьёзен, но тут подал голос бригадир:

— Ладно, пацаны, для первого дня хватит. Айда наверх, разведём костерок, перекусим. Будда, Скрипач, дуйте за дровами. Нынче новоселье... ну, типа. Полечимся малость.

Костёр развели снаружи, в яме. Даже вечно всем недовольный Животное одобрил новую базу, мол, огня не видно — горит, будто в погребке под землёй, никто не приметит издали.

После выпивки Торец подобрел и даже рассказал немного о том, каких гостей ждёт. Толком, конечно, ничего не растолковал, но хотя бы намёками прояснил ситуацию.

— Мы, пацаны, здесь, в Зоне, — люди вольные. Однако есть над нами большие. Вот ты, Скрипач, помнишь, кому пропиской обязан? То-то же.

— Мой нет, — вставил Мистер и добавил ещё несколько слов, из которых Толик узнал только «факин», прочие были ему неизвестны.

— Ты иностранец, Мистер, — примирительно сказал бригадир, — а у нас свои тёрки. Так вот, там, снаружи, за Периметром, тоже хищники, как здесь. Ну, к примеру, слепые псы задрали кабана, пришёл кровосос, псов разогнал... ну и так далее.

— Пищевая цепочка, — вставил полюбившееся выражение Толик.

— Ага, во-во, — обрадовался Торец, — правильно сечёшь. Ну так вот, а если, к примеру, два чернобыльца схлестнутся? Или контролёры, скажем? У каждого своя свора, свои подручные: собаки, псевдопсы или даже зомби, если мы контролёра возьмём для примера. Так хозяева станут своих подручных стравливать, да? Ну и здесь наподобие вышло. Нам велено чужую стаю потрепать.

— Потреплем! — убеждённо заявил Животное. И икнул.

— Ты потреплешь, ага, — ухмыльнулся Торец. — Видал я, как ты от Корейца первым драпанул. Но наше дело маленькое будет. Придёт человек, станет нам называть сталкерюг, которые в чужой стае, и мы их будет брать за это самое место.

— Факин «Долг»? «Свобода»? — быстро спросил Мистер. — Это есть опасно, большой «Долг» хватать человек.

— Да какое там! — махнул рукой Торец. — Наша цель — не группировки. Одиночки, простые мужики, шваль. Денька через два гостей ждать. К тому времени схрон в порядок приведём, проветрим, а ты, Саня, на охоту прогуляешься. Нам дичины бы для гостей, понял?

Животное снова икнул и пообещал:

— Это мы в лучшем виде!

Толик только теперь заметил, что Будда не принимает участия в разговоре. Бывший студент примостился поближе к огню и вертел потрёпанную тетрадку, поворачивал страницы к свету, приглаживал жирными пальцами и читал. Потом, будто почувствовав взгляд Толика, поднял голову и тихо бросил:

— Лучше бы ты эту крысу пристрелил.

— Чего это у тебя? — Толик ткнул пальцем в тетрадку. Саня ещё раз икнул и пробурчал:

— О! Бумажка! Сортир есть, и бумажка тоже!

— Это я за лестницей нашёл, — медленно и тихо проговорил Будда, глядя в костёр. — Пострадала бумага от сырости, почти ничего не могу разобрать. Здесь лаборатория была засекреченная.

— Это да. До второй катастрофы их здесь полно было, — кивнул Торец. — Потому что Зона Отчуждения, оцепление, режим, все дела. Раз территория всё равно закрыта, здесь и исследования проводились, лабораторий этих понастроили. Пацаны нет-нет, да и отыскивают такие объекты. Так что там, в тетрадке-то?

— Ну, вроде лабораторный журнал. Мне не разобраться, я в биологии не спец.

— Биология? — повторил Толик. — Они тут чего, биологическое оружие разрабатывали?

— Нет.

Будда, который сидел на груде мусора, поднятого из схрона, нагнулся и поднял круглый ком ссохшейся грязи, полый и оттого напоминающий скорлупу грецкого ореха: поверхность снаружи такая же сморщенная, испещрённая бороздами, а внутри — гладкая,

образующая почти правильную сферу. Повертел в пальцах и зашвырнул в огонь, пламя зашипело, взлетел ворох искр.

— Нет, — повторил Будда. — Не оружие. Супер-оружие.

* * *

Тварь, лишь едва-едва напоминающая крысу, задрала морду. Ей отчаянно не хватало роста, чтобы уловить запахи, которые нёс ветер. От лесной подстилки поднимались собственные ароматы, трава и палые ветки сдерживали движение воздуха, и Тварь не могла услышать свежих запахов. А совсем поблизости происходило нечто заслуживающее внимания! Тварь ощущала слабый намёк на разлитую кровь, на трепет умирающей плоти, сытной и тёплой — необходимой. После трансформации обновлённое тело нуждалось в пище, и Тварь, судорожно распахивая узкие крысиные ноздри, кралась навстречу слабым эманациям, рассеянным в сыром и прохладном ночном воздухе. Она то и дело замирала, дрожа и едва не подпрыгивая от возбуждения. Потом направление определилось, Тварь потрусила к цели увереннее. Она научилась держать равновесие, овладела изменённым телом. Человеку потребовалось бы выполнить множество пробных прыжков и разворотов, чтобы убедиться: он может то и это. Тварь в подобном не нуждалась, её бока и конечности пронизывали тончайшие ниточки нервных окончаний, которые обладали поразительной, невероятной чувствительностью.

Тварь контролировала собственное тело с точностью, совершенно невозможной для земного млекопитающего, появившегося на свет в результате естественной эволюции. Крошечный комок плоти, который овладел крысиным телом в подвале, стремительно рос, ответственные за размножение клетки и сейчас бурно делились, но Твари уже не хватало строительного материала, чтобы должным образом оборудовать свою нынешнюю плоть.

Будь она обычным животным, её ощущения следовало бы назвать голодом, но Тварь не чувствовала голода — она знала, что ей требуется органика для дальнейшей деятельности по исполнению программы.

Запах тёплой умирающей органики сделался сильнее, вот уже исчезла необходимость в верхнем чутье — шла к добыче кратчайшим путём.

На поляне молодой слепой пёс терзал тушку какого-то зверька. Мутант был совсем небольшой, он едва вышел из щенячьего возраста, теперь при делёжке добычи ему не доставались мягкие куски, положенные детёнышу, он стал считаться самостоятельным самцом и был обязан добывать себе пищу — либо довольствоваться обглоданными костями после того, как насытятся старшие члены стаи, вожаки и их подруги. Сейчас подростку повезло — он сумел выследить и загрызть тушкана, неведь откуда забредшего в лес. Тушкан тоже давно голодал, он был тощим, кожа да кости, но слепой пёс радовался и этой добыче, торопливо рвал на куски и заглатывал, почти не жуя, жёсткие сухожилия вместе с огрызками шкуры. Пёсик давился, хрипел, но жрал, жрал и жрал — боялся, что кто-нибудь из старших отыщет его и отберёт жалкую добычу.

Тварь встала на краю поляны и втянула воздух, насыщенный запахом столь необходимой ей органики. Теперь она видела источник запаха, в крысином мозгу зрительный образ совместился с картиной, выстроенной обонянием. Она видела добычу, которую сумеет одолеть — и таким образом существенно продвинется в исполнении программы.

Пёс тоже почуял пришельца и расслышал тихие шаги. Обоняние и слух слепой собаки просигналили: это существо слишком мало, чтобы отнять добычу, оно само может оказаться пищей. Пёс быстрее заработал челюстями, чтобы пораньше покончить с остатками тушкана и заняться новой целью. Рыжие уши приподнялись и зашевелились — пёс следил за продвижением пришельца. А Тварь приближалась лёгкими плавными шагами — это не было атакой, но приближение к чужой добыче, разумеется, само по себе являлось агрессией.

Молодой пёс проглотил кусок, поднял голову навстречу Твари и глухо зарычал — рык означал предупреждение, пёс не желал драться до тех пор, пока не доест. Тварь продолжала

скользить, она припадала к траве и оттого казалась бы ещё меньше, но пёс не видел её — он был слеп. Впрочем, по запаху он верно определил размер Твари.

Собачья пасть приоткрылась, чёрные губы подрагивали обнажая острые клыки. Пёс опустил морду — он сделал вид будто вернулся к трапезе, на самом же деле собирался напасть, едва самонадеянный гость приблизится на расстояние прыжка. Тварь не остановилась. Вот она уже совсем рядом... Пёс подобрался и снова зарычал... Прыжок! Жёлтые клыки клацнули там, где долю секунды назад находился облезлый загривок Твари — впустую, Тварь ускользнула и пошла по кругу, медленно сокращая дистанцию. Пёс снова прыгнул и снова промазал. Он взвыл, не скрывая досады, и прыгнул в третий раз, потом ещё и ещё. Тварь выжидала. Она не атаковала сама, только дразнила противника, который был крупнее её в несколько раз.

Во время очередной атаки рыжего Тварь не стала уклоняться, а молниеносно метнулась навстречу, проскользнула под смыкающимися челюстями пса — и развернулась. Под облезлой шерстью напряглись мышцы, налились каменной твёрдостью — Тварь боком ударила пса в лапу, он пошатнулся, стал заваливаться, дёрнулся, тщетно пытаясь восстановить равновесие. Тварь прыгнула, разевая пасть. Крысиные зубы впились в жилистую шею, прокусили покрытую рыжим мехом шкуру, разорвали артерию... Пёс, ещё не сознавая, что произошло, шарахнулся в сторону, увлекая повисшую на горле Тварь, рванулся из последних сил. И рухнул на бок. Тварь дёрнула головой, разрывая горло умирающего пса, и нырнула длинным рылом в исходящую кровью рану. Задние лапы оттолкнулись, заскребли, посылая вперёд тело, которое неожиданно стало гибким и тонким, как у змеи...

Тварь ввинчивалась, вгрызалась в тощую тушку слепой собаки. Снаружи остался только поджарый копчик, потом исчез и он. Кровь перестала сочиться, труп собаки замер.

Шли часы, тело оставалось неподвижным. Тварь получила достаточно строительного материала, чтобы нервные клетки росли и делились — для контроля над большим телом их требовалось много. Кроме того, Тварь исследовала мозг слепой собаки, и здесь её ждало разочарование — если так можно выразиться. На самом деле Тварь не ведала человеческих эмоций, надежды и разочарования были ей равно неизвестны. Однако она убедилась, что мозг более крупного существа не превосходит мозг крысёнка. Да, обоняние и слух были развиты лучше, так как им надлежало компенсировать отсутствие зрения. Слепой пёс был отчасти чувствителен к аномалиям, способен ощущать радиоактивность, обладал зачатками телепатических талантов. На этом преимущества заканчивались. Крыса превосходила его по большинству параметров, её мозг был меньше, но лучше подходил для исполнения заложенной в Тварь программы. Тварь не стала отказываться от первого захваченного ею разума, напротив — крысиный интеллект остался основным.

Ближе к рассвету рыжее тело зашевелилось — процесс трансформации был запущен. Стала колебаться температура, поочерёдно сокращались группы мышц, дёргались лапы, напрягались и снова опадали уши, челюсти периодически рефлекторно щёлкали, выполняя команды изменяющегося мозга... Заросшие шерстью глазницы начали опухать, наливаться горячими волдырями... Это выглядело бы отвратительно с человеческой точки зрения, но за процессом трансформации никто не наблюдал, а самой Твари были чужды эстетические соображения. Она знала лишь целесообразность и стремилась как можно точнее подготовить тело к исполнению программы.

Когда первые солнечные лучи коснулись верхушек деревьев, тело слепой собаки стала сотрясать дрожь. Конечности стремительно распрямлялись и тут же судорожно подтягивались к животу, мышцы под рыжей шкурой вздувались узлами, опадали и снова напрягались. Опухоли в глазницах лопнули, из прорех выкатились несколько тёмных капель, смочили короткую шерсть, заплутали в рыжих завитках. Из пасти вытекла мутная жидкость, потом всё замерло.

А лес начал пробуждаться. Где-то подала голос пичуга, откликнулась другая... Раздались тяжёлые хлопки крыльев, голоса мелких птичек смолкли, на поляну спикировал ворон. Замер, кося круглым глазом на рыжее тело, сделал несколько шагов, снова оглядел

похожую на собаку Тварь. Ему хотелось отведать мертвечины — он считал, что Тварь мертва, потому что от неё исходил запах смерти. Но ворон чувствовал и другие запахи, потому опасался. Он сделал ещё шаг и замер, настороженно блестя глазом.

По рыжему телу пробежала судорога, ворон подпрыгнул, расправляя крылья. Тварь совершила длинный прыжок. Казалось невозможным, чтобы зверь, лежавший на боку, так стремительно двигался, расслабленная поза не должна была позволить мгновенно напрячь мышцы, но Твари это удалось. Ворон едва сумел опередить противника и, шумно хлопая крыльями, взлетел над поляной. В пасти Твари осталось чёрное перо. Ворон недовольно каркнул и спикировал с ветки, пролетел над замершим рыжим зверем, описал круг, набирая высоту.

Тварь не глядела на птицу, которая уже не могла послужить пищей. Ворон летел слишком высоко, чтобы его можно было достать в прыжке, а бессмысленные вещи Твари были неинтересны. Она привстала, склонила уродливую голову, на которой поблёскивали бусинками крысиные глазки. Шея напряглась, Тварь приоткрыла пасть, судорожно передёрнулась... По шее пробегали волны, потом Тварь стала блевать — она отрывала красные ошметки, клочья серой шкуры, мелкие косточки — всё, что осталось от крысёнка, чей мозг продолжал служить ей по-прежнему. Остатки крысиного тела в глотке мешали дышать, их пришлось оторвать, но они всё ещё могли пригодиться — в качестве пищи. Тварь подобрала то, что вывалилось из пасти, и стала медленно жевать. Она не спешила, потому что ей требовалось время, чтобы восстановить координацию движений.

Глава 8

Пока шагали к свалке, сталкеры в основном помалкивали. Курбан пару раз указал младшему приятелю на аномалии, дал кое-какие пояснения. Слепой догадывался, что Эфиоп слушает эти лекции не в первый раз. Блондин не спорил, не перебивал, но лицо у него было такое сонное и кивал он так уныло, что сделалось ясно — лекции надоели. Может, Курбан нарочно показывал Слепому, что натаскивает молодого, обучает зональным премудростям? А зачем? Демонстрирует случайному попутчику, какой он правильный сталкер, с понятием? Ну и Зона с ним, каждый самоутверждается как умеет. Или он надеется, что Слепой его похвалит, когда станет трепаться с Корейцем? Слепой и так видел, что Курбан — опытный бродяга, но распространяться об этом не собирался. Наконец вышли на шоссе с ржавеющими остовами грузовиков, среди которых выделялась БМП. Обогнули брошенную технику, и открылся вид на обнесённый колючей проволокой лагерь. Слепой присвистнул — в самом деле кое-что изменилось! Несколько грузовиков и автобусов исчезли, на месте, где он привык видеть старые железяки, чернели неглубокие воронки. Грунт в них спёкся и местами маслянисто поблёскивал, как стекло, — это было заметно даже издали.

Вокруг воронок брошенные автобусы и грузовики пострадали: борта, обращённые к чёрным ямам, выгнулись, были сплюснены и смяты, деревянные кузова обгорели. Старая пожарная машина, краска на которой за годы выцвела и приобрела розовый оттенок, оказалась заброшена взрывом на вертолёт, замерший посреди лагеря, а хвост вертолёта исчез, листы обшивки загнулись и оплавилась. Среди обломков бродили сталкеры, у некоторых комбинезоны были покрыты копотью. Хотя пожар гасили давно, никому не пришлось в голову очистить снаряжение. А может, попросту не до того было? Люди разгребали завалы, переворачивали обломки, иногда что-то подбирали. Двигались они медленно, как-то расслабленно, что ли, вид у них был потерянный. Слепой несколько минут оценивал масштабы разрушений, потом зашагал к лагерю. Спутники шли следом, они попали на кладбище техники впервые, для них изменения были не так очевидны, но свежие воронки, оплавленный грунт и разодранный металл, который не успел потускнеть и покрыться патиной, — всё это достаточно красноречиво говорило о недавнем погроме. Слепой шёл вдоль рядов автомобилей, кивал знакомым, расспрашивал, где можно найти Корейца. Ему указывали то в одну сторону, то в другую, но сталкерский лагерь был невелик,

и вскоре Кореец нашёлся. Хотя он и напускал на себя уверенный вид, Слепой заметил, что приятель крепко раздосадован. Они обменялись рукопожатием, Слепой назвал спутников.

— Мы гостям всегда рады, — кивнул Кореец, — только нынче, сами видите, нелады у нас. Хорошо ещё, вояки не стали прочёсывать кладбище, обстреляли и дальше двинули.

— Понятное дело, — кивнул Курбан. — Здесь местечко для засады подходящее, миротворцы не захотели рисковать, вызвали вертолёты. А сами в сторонке выжидали.

— Соображаешь, — одобрил Кореец.

— Опыт имеется.

— Значит, приживёшься. Пацан при тебе?

— Обучаю помаленьку.

— Ну что ж, устраивайтесь, как сумеете... Идём, Слепой, расскажешь, как жизнь. Я слышал, что ты после той истории в «Снежинке» завязать решил?

Курбан с Эфиопом побрели смотреть лагерь, а Кореец со Слепым выбрали укромный закуток в тени под грудой искорёженного металла — теперь трудно было разобрать, что здесь ржавело до налёта миротворцев, но Слепой смутно припоминал, что вроде автобус.

— Нет, брат, «Снежинка» — это ерунда, по сравнению с тем, что дальше было⁴.

— Слышал. Шум тогда вышел знатный... только никто толком не знал, что там к чему. Вроде «долговцы» свою операцию проводили, схлестнулись с «Монолитом», а? Так, что ли?

— Не совсем... — покачал головой Слепой. — История там запутанная. Ты слышал о Полковнике?

— А-а-а... этот...

— Вот именно. Нет, не понимаю, у него же с армейским начальством договор. Почему его людей миротворцы тоже накрыли?

— Это не миротворцы. Вообще не военные. То ли СБУ, то ли ещё кто, я сам толком не знаю.

— А нынешняя операция — тоже?

— Да не знаю я. Нынешняя вроде нет... эту армейцы проводят.

— А что у вас здесь вышло? Я твои рассылки видел. Какая-то заваруха намечалась?

— Долго объяснять... Окопалась рядом банда. Трусливые сволочи, как и вся их братия. Я бы давно их вышиб, но здешних мужиков на серьёзное дело поднять сам знаешь, непросто.

— Я знаю.

— Ну вот... А тут выследили их, банда куда-то к северу намылилась. Мы за ними — догнали, прижали на холме. Им уже и уйти некуда, за холмом радиоактивные поля... Но тут начался обстрел, на наш шум прилетели вертолёты, всем досталось, и нам, и бандюкам, вместе оттуда ноги делали. Когда ракетами по тебе садят, приходится о разборках забывать... — Кореец ухмыльнулся, припоминая, как бежал рядом с мародёром, который минутой прежде разрядил в него дробовик. — В общем, получилось как в том анекдоте: пришёл лесник и выгнал нас из леса. Мы сюда, а здесь тоже жарко. Пришлось в холмы уходить, облучаться там, пока армейцы лагерь громили.

— А что «долговцы»? Их тоже обстреливали?

— Нет, они свой пост сняли. Я думаю, им заранее дали знать, что начнётся операция. А самое паскудство в том, что и бандюки об операции знали! Я уже после сообразил — они на север от миротворцев драпали! Вот что меня бесит! Бандиты знали, сволочь, понимаешь, последняя — а и ту нашлось кому предупредить! Одни мы, как слепые, носом тычемся...

— Как слепые, говоришь? А я и есть Слепой. — Сталкер невесело усмехнулся.

— Тебе всё шутки. Ладно, а сюда с чем? Снова сталкерить будешь?

— Посмотрим. Извини, всего рассказать не могу, но какое-то время покручусь здесь. Потом в «Сундук» свалю, там посижу... не знаю сколько. Может, с неделю или чуть больше. А там будет видно.

— Ну, значит, ещё поговорим! Ты вечером меня найди. За встречу, за удачу выпьем. Не откажешься?

---

⁴ Здесь упоминаются события из романов «Слепое пятно» и «Череп мутанта»

— За удачу? — Слепой изобразил удивление. — Когда это я за удачу выпить отказывался? Это святое.

— Ну, тогда до вечера. Разыщешь меня, лады? Кореец отправился раздавать распоряжения. Хотя в лагере сталкеры жили не постоянно — кто-то уходил, появлялись новички, — но кое-какой костяк старожилов оставался. Эти привыкли подчиняться Корейцу, а глядя на них, и вновь прибывшие признавали его главенство. Слепого мало интересовали местные проблемы, ему нужно было определиться, где устроить тайник — местечко должно было оказаться таким, чтобы там не шастали толпами, но при этом не слишком опасное, поскольку идти туда в одиночку. Поэтому он присматривался, слушал разговоры, замечал, кто куда ходит за хабаром, что рассказывают об обстановке в округе. По всему выходило, что территорию к северо-востоку от Свалки всё крепче подминает «Долг»; должно быть, группировка хочет контролировать проход к Тёмной долине, где у них давно постоянный пост. Северное направление тоже не внушало оптимизма, там постоянно происходили стычки, но получалось так, что придётся попробовать всё же пройти на север и поискать укромное местечко в глухомани, подальше от сталкерских троп. Тянуть Слепой не хотел — таскать при себе опасный груз было слишком рискованно. Однако решил, что сегодня отправляться в экспедицию уже поздно, куда лучше переночевать в лагере. Здесь, рядом с Корейцем, Слепой чувствовал себя более или менее уверенно.

* * *

Видел Слепой и Курбана с Эфиопом. Эти устроились рядом со старым грузовиком и развели костёр. С прежним спутником обменялись кивками. Когда Слепой отошёл подальше, Курбан шепнул блондину:

— Интересно, что у Слепого за дела здесь? На ночёвку вроде не устраивается. Эфиоп молча хлопал глазами, ожидая продолжения.

— Я говорю, вечереет, а он вроде ночлег не готовит. Не уж-то свалит на ночь глядя? Вряд ли.

— Одну-то ночь можно и так, — заметил Эфиоп.

— Вот и я думаю, что поутру Слепой снимется. Проследим за ним. Видел, какой у него ПДА? Старенький.

— И что?

— У меня машинка помощней, радиус действия большой. Помечу его сигнал, будем двигаться следом, он и не сообразит, что кто-то в кильватер пристроился.

— А на кой нам?

— Интересный он парень. И что-то знает. Может, координаты купил?

— Какие координаты?

— Ну, бывает, фраера покупают координаты поля артефактов. Нетоптаного, понимаешь? Эфиоп хлопал светлыми ресницами и молчал.

— Ну, прикинь. — Курбана злила непонятливость спутника. — Бабки у парня есть, так? Видал, как он в «Сундуке» затарился? Значит, есть бабки — это раз. Снарягу прикупил — это два. Шагает куда-то, хотя непонятно, чего ему надо, — это три. Значит, есть куда ему идти, есть подо что бабки палить. Надеется траты отбить, не иначе. Тут и нам свой интерес можно поймать.

— Ты что? Ограбить своего? — Эфиоп привстал, заливаясь румянцем, он легко краснел.

— Сядь, дурень, — махнул рукой Курбан. Огляделся, не слышал ли кто, потом заговорил ещё тише: — Я что бандит? На мужика руку поднимать — это гадство. Но ты подумай, Слепой знает какую-то тайну. Знает, где хабар лёгкий. Если мы рядом окажемся, он ведь не станет возражать?

— А если станет?

Курбан задумался. Потом медленно проговорил:

— Он вроде мужик правильный, такой не должен обижаться. Такой поделится удачей. Но если вдруг в бутылку полезет, то и мы не отступим, это будет справедливо. Нет у него права нас гнать, Зона — она для всех. Ну, прикинь — если мы, как бы случайно, выходим на хабар, который Слепой себе наметил? Случайно, понимаешь? Ну? Чего молчишь?

— Да, но... как-то... следить за ним... — Эфиоп никак не мог сформулировать, что ему не нравится в плане напарника.

— А что такого? Мы — вольные бродяги. Идём куда хотим. Мало ли, почему наткнулись на его делянку. Случайно, понимаешь? Удача нам такая вышла, а на удачу пенять нельзя. Нельзя против удачи!

— Если мы случайно найдём, это правильно, — решился наконец Эфиоп. — Тогда вроде можно.

— Слава Зоне, вот и ты дотумкал наконец... — проворчал Курбан. — Только варезку не разевай, помалкивай. И примечай, где он заночует. Пока я сигнал его компа на своём не пометил, нужно очень аккуратно за Слепым наблюдать. Ну а теперь сходи разузнай, как здесь с водой. Где местные воду берут? Блондин тяжело поднялся, почесал в затылке и поплёлся между старыми автомобилями. А Курбан проводил напарника долгим взглядом и сел колдовать над ПДА.

* * *

Под вечер, когда стало темнеть, Слепой нашёл костёр Корейца. Тот, понятно, был не один, вокруг огня расположились ещё трое парней, все в потрёпанных комбинезонах и с хорошим оружием — сразу видно, бывалые ребята, ветераны. Двоих Слепой знал хорошо, третьего помнил только в лицо.

Обменялись приветствиями. Кореец кивнул гостю — мол, присаживайся, а сам полез в рюкзак. Выпили за удачу, завели разговор. Вернее, возобновили прерванную появлением Слепого беседу. Говорили в основном о том, что времена нынче меняются и одиночкам всё труднее. Кореец упирал на необходимость объединения, остальные то вяло поддакивали, то вяло возражали. Слепой подумал, что подобные разговоры Кореец заводит постоянно, да толку не будет — здесь, на кладбище техники, собираются отъявленные эгоисты, личности нелюдимые и не терпящие даже намёка на власть. Анархисты из анархистов — таким даже в «Свободе» показалось бы не вмоготу. Потом выпили ещё, один из сталкеров принёс гитару, беседа угасла. Кореец стал расспрашивать Слепого, что слышно за Периметром, в ответ рассказал небогатые местные новости... Никто не обратил внимания на Курбана, который несколько раз прошёлся в тени за вереницей искалеченных грузовиков и автобусов, но тот подслушивал напрасно — не узнал ничего о цели путешествия Слепого и наконец убрался восвояси, к костру, у которого оставил Эфиопа.

Наутро Слепой собрался в путь. Солнце едва поднялось над линией невысоких холмов, а сталкерский лагерь уже пришёл в движение. Самые торопливые спешили обойти Свалку, опередить товарищей и собрать урожай — первыми поспеть к артефактам, которые, возможно, родились в аномалиях на склонах холмов. Кореец был в числе первых несмотря на заботы по обустройству жизни стихийного сообщества, ремеслом он занимался, как и прочие. Слепой с Корейцем миновали ограду кладбища техники, дошли до подножия холмов и там распрощались. Кореец собирался наведаться к заброшенной бандитской стоянке, за которой располагались густые поля аномалий. Там опасно и места труднопроходимые, зато выше вероятность заполучить хороший хабар. Ну а Слепой намеревался пересечь железнодорожные пути и двигаться дальше на север. Там начинались владения «Долга», и прежде Слепой избегал заходить на территорию группировки: «долговцы» взымали плату за проход, это казалось неправильным. Слепой не жадничал, просто полагал, что в Зоне должна соблюдаться свобода перемещений и не желал своим трудовым рублём поощрять мужественных, но жадных парней из «Долга». Курбан с Эфиопом не торопились, они следовали за Слепым на порядочном расстоянии, выждали, пока тот распрощается с Корейцем, потом убедились, что Курбан не ошибся, пометил на ПДА нужный сигнал, и

после этого отстали ещё больше. Теперь они должны были вести преследование вслепую, ориентируясь по прибору. Эфиоп хмурился, но помалкивал. Несмотря на согласие, которое он вчера дал напарнику, парень был недоволен. Зато Курбан излучал уверенность. К тому же им посчастливилось — у подножия холма попался «выверт». Недорогой артефакт, зато достался без труда! Курбан счёл находку добрым предзнаменованием. На ходу упрятывая добычу в контейнер, Курбан зашагал быстрее, он ориентировался по точке, подрагивающей у самого обреза монитора. Сперва точка двигалась почти строго на север, потом стала выписывать замысловатые петли.

Слепой вошёл в лабиринт холмов. Рыжие из-за глинистой почвы вершины возвышались над месивом веток, поросших листвой и хвоей. Макушки бугров были лишены растительности, у подножия смешанный лес перемежался густыми зарослями кустарника. Когда Слепой попытался пересечь холм, дозиметр, интегрированный в ПДА, издал возмущённую трель, в тон ему пискнул датчик аномалий. На холме был повышенный радиационный фон, а ближе к вершине располагались аномалии. Слепой решил не рисковать и свернул в лощину. Там приходилось продираться сквозь густые заросли, зато радиоактивность оставалась в пределах нормы. Иногда монитор ПДА будто рябью подёргивался — что-то, зарытое под холмами, создавало помехи.

Ни птиц, ни зверья было не слышать, и Слепой подумал, облава миротворцев распугала всю живность в округе — это казалось очевидным, тем более что сталкер дважды пересёк следы гусениц — военная техника проломилась сквозь лес, оставив позади искалеченные деревца и вбитый в грунт измочаленный кустарник. Холмы и узкие долины, холмы и узкие долины... местность была настолько однообразной, что казалось, сталкер бредёт по кругу, но ПДА сообщал, что он, петляя по запутанной траектории, продвигается к северу. Слепого вполне устраивало, что вокруг ни души. Участок глухой, не сулящий хабара, а радиация на холмах делает их малопригодными для стоянки. Сталкер уже начал озираться в поисках места для тайника... но тут впереди, за колючей стеной зарослей, послышались топот, хриплые вздохи — там бродил кабан. Следов гусениц давно не попадалось — должно быть, военные не углублялись так далеко в бесплодный холмистый край, потому и зверь здесь уцелел. Слепой и сам бы не смог объяснить, спроси его кто, зачем он пошёл в обход. Но некое предчувствие, интуиция, которой сталкер привык доверять, подсказала решение — свернуть, не тревожить зверя. Слепой полез в рюкзак, вытащил упаковку антирада и переложил в карман. Потом проверил маршрут по ПДА, вздохнул и под стрёкот дозиметра потрусил по рыжему, выгоревшему на солнце склону холма. Он не стал подниматься на вершину, а пересёк возвышенность по скату. Когда переваливал верхнюю точку, бросил взгляд вниз, в заросли. Тёмная туша возилась в кустарнике, кабан был крупный, матёрый. Заметить человека на холме он не мог, устройство шеи не позволяло задрать морду, запах тоже вряд ли ощутил, но что-то всё-таки растревожило зверя. Кабан развернулся в кустах, рванулся в одну сторону, другую, налетел на молоденькое деревце. Ствол хрустнул так, что и Слепой, уже сбегавший по другому склону холма, расслышал. Возможно, победа над деревцем успокоила кабана. Всё стихло. Слепой остановился в рощице, от мутанта его теперь отделял холм. Сталкер оттянул капюшон, вытер обильный пот и полез в карман — на всякий случай не помешает глотнуть антирад. Потом он поправил лямки рюкзака и пошёл дальше — уже медленнее, восстанавливая дыхание.

* * *

Тварь, похожая на собаку, не спешила. Она медленно и плавно скользила в тени деревьев, и сама напоминала тень. В её движениях не было торопливости слепых псов, она не суежилась, как крыса; обобщённый опыт двух звериных сознаний позволил Твари выработать грацию, не свойственную ни той, ни другой породе. Тварь поочерёдно напрягала и расслабляла мышцы, готовила тело к схватке. Память молодого пса хранила сведения о стае, и Тварь понимала, что ей предстоит встреча с сородичами последней жертвы. Долго ждать не пришлось — два взрослых пса поднялись из густой травы и дружно взвыли,

предупреждая Тварь о собственных агрессивных намерениях. Запах пришельца был псам незнаком, они не могли быстро определиться с моделью поведения — атаковать незваного гостя или подождать. В запахе Твари сейчас присутствовали оттенки, свойственные собакам их стаи, это сбивало с толку. Пришелец присел, напрягая задние лапы... Псы стихли. Они поводили безглазыми мордами, с высунутых языков капала слюна... Тварь рванулась с места, покрыла длинным прыжком треть расстояния, отделявшего её от слепых собак. Те всё ещё не решались напасть. Второй прыжок — псы оценили действия чужака как агрессию. Третий прыжок — Тварь ударила более крупного противника грудью, клацнули зубы, пёс с визгом отлетел и покатился по траве, из разорванной морды разлетались тяжёлые красные капли. Когда он сумел подняться, Тварь рвала горло второй собаке. Фонтаном ударила кровь. Первый, раненый, мутант развернулся, чтобы сбежать, но Тварь была проворнее. Догнала, прыгнула на спину... Потом встала, облизнулась... Вкус крови напомнил о том, что тело нуждается в пище, но Тварь не хотела терять время, ей предстояло отыскать стаю. Тварь задрала собачий нос, ловя лесные запахи. Потом взяла направление и двинулась к поляне, где расположились родичи убитых псов. Эти не раздумывали — запах свежей крови, который исходил от пришельца, их сразу взбудоражил. Хрипло рыча, скуля и завывая, слепые мутанты бросились к пришельцу рыжей волной. Их тактика была проста: налететь, впиться зубами, потом рывок — и прочь, сжимая в пасти клочок вырванной плоти. Твари эта тактика была прекрасно известна, в её распоряжении был мозг маленькой собаки. Поэтому атака стаи не удалась. Противник оказался слишком быстр. Тварь будто заранее знала каждое движение рыжих. Она прыгала, отскакивала, ускользала от собачьих клыков — и притом успевала наносить удары. Она не рвала тела противников, не стремилась ухватить клочок мяса — она убивала, вспарывая глотки. Прыгала на спины слепых псов, ломая хребты, после этого мутанты валялись и больше не могли встать. Стая кружила, рычала и разочарованно выла — никак не получалось свалить вёрткую Тварь, размерами уступающую большинству бойцов своры. Пару раз собакам удалось нанести Твари неглубокие раны, но это никак не отразилось на её боевых качествах — Тварь умела блокировать сигналы нервных окончаний о том, что тело получило повреждения, иными словами, она не чувствовала боли.

После того как свалился вожак, самый крупный пёс в стае, остальные бросились прочь. Тварь догнала и прикончила ещё парочку щенков, которые не могли улепётывать так же стремительно, как взрослые, но поймать других она не успела. Потом Тварь медленно обошла поляну, приканчивая раненых. Она ненадолго задержалась над издыхающим вожаком. Это тело, конечно, крупнее нынешнего... и мозг старого пса может содержать кое-какие полезные сведения... но работа с новым телом не окупится — оно не намного превосходит нынешнего носителя Твари. Приняв решение, Тварь приступила к трапезе. Она спешила наглотаться плоти — органика понадобится для регенерации повреждённых участков и для укрепления того тела, которым теперь обладает Тварь. Впрочем, она не собиралась слишком обживаться, собачье тело её не устраивало. Судя по тому, как стая атаковала Тварь, явившуюся в этом обличье, такое существо не внушает опасений. А значит, этому телу далеко до вершины пищевой цепочки. Сейчас Тварь отъестся, подлечит раны и отправится на поиски более подходящего тела.

Глава 9

Наутро все встали в дурном настроении. Торец ругал Будду за его идиотские шуточки насчёт супер-оружия, толстяк вяло оправдывался, что хотел, дескать, немного обстановку разрядить:

— ...А то сидим, будто не на новоселье, а на похорон могилку нашли просторную.

Это оправдание совершенно взбесило Торца, и Будда получил наконец в рыло. Правда, от этого бригадир и сам смутился, быстро остыл и буркнул:

— Давно тебя предупреждал, жирный: схлопочешь! Сам же напрашиваешься постоянно... Разве можно такие слова говорить?

Будда, которого крепкий удар сбил с ног, с минуту лежал, не двигаясь. Потом вяло зашевелился, сел, потрогал челюсть, вздохнул и сказал:

— Ладно.

После этого настроение у всех испортилось окончательно. Животное ушёл на охоту, Торец тоже утонул в лес, никаких распоряжений не отдал. Мистер вяло копошился, вытаскивая хлам из подземелья — этому непременно нужно было чем-то заняться, а Толик с Буддой не стали, обоим было лень. На второй день «благоустройство территории» всем надоело, старья в подвале стало поменьше, если что попадалось под ноги и мешало, мусор просто отпихивали в сторону, под стену. Толик с бывшим студентом устроились на солнечной стороне, присели на краю бетонной стены и наслаждались бездельем. Будда, у которого на подбородке — там, куда угодил кулак бригадира, — уже проступило фиолетовое пятно, улыбался и жмурился на солнышке, как кот.

— Больно? — спросил Толик. Ему хотелось поболтать, и надо было с чего-то начать беседу.

— А? Это, что ли? — Будда опять потрогал челюсть. — Не-а, не очень. Гена же вполсилы бил.

— Вполсилы?

— Конечно. Если бы приложил всерьёз, я бы так быстро не встал. Он же кулаком и убить может, физкультурник хренов. Да ладно, моя вина тоже есть. Всё время забываю, что у блатных свои представления о том, что можно говорить, а что нельзя. Суеверия — это плохо. Безымянный страх хуже названного. Страху нужно давать имена, тогда его проще пережить. Это вообще в человеческой природе — всему давать имена. А в бригаде, наоборот, считают: нельзя опасность звать, а то услышит и придёт. Суеверия! Чушь!

— Не скажи... — Толик всю жизнь разделял убеждение, что опасность можно накликать неосторожно сказанным словом. — Что-то в этом есть. Не может такого быть, чтобы столько людей на пустом месте привычку заимели... А куда это Гена ушёл? Переживает, что ли, из-за того, что тебе сунул?

Будда хохотнул:

— Переживает? Ещё чего! Он подальше от нас ушёл, чтобы с гостями связаться. Если завтра их ждём, значит, они по Зоне топают. Вот он и проверяет, как у них дела, боялся, чтобы через плечо ненароком никто не глянул, он же долго в клавишу будет граблями тыкать. Не доверяет никому вот и ушёл... Ха, переживает! Ну ты как скажешь!

Толик пожал плечами и взглянул на монитор ПДА. Яркая точка, сигнал прибора Торца, замерла неподалёку от них. Толик представил себе, как бригадир, присев где-нибудь под кустом, тычет толстым пальцем в крошечные клавиши, как сопит и вполголоса матерится, не попадая по буквам... Эта мысленная картинка доставила Толику удовольствие.

— Ладно, Зона с ним, с Геной, ты лучше объясни, что насчёт супер-оружия?

— Да я пошутил. — Будда снова потрогал синяк на подбородке и сморщился. Всё-таки рука у бригадира была тяжёлая, даже вполсилы бил крепко.

— Так теперь всерьёз расскажи! Чего там, в тетрадке-то?

— Хочешь, сам почитай.

— Не, сам не буду. Не пойму я там ни хрена. Рассказывай давай, не тяни.

— Ладно... Я, может, тоже не всё понял, но, во всяком случае, суть в том, что лаборатория занималась чем-то наподобие биологического оружия. Они разрабатывали агрессивную форму жизни с альтернативной нервной системой. На страх агрессору.

— А по-человечески?

— По-человечески это значит новый тип органического существа. Без центральной нервной системы, без мозга, то есть вообще без нервов. Или, наоборот, всё это существо сплошные нервы и мозг. Любые клетки его тела могут работать как нервная система, если нужно.

— А у нас?

— А у нас — только специальные клетки, которые к тому предназначены. Вот у этого существа всё иначе, оно сплошное мясо, но это мясо может проводить сигналы, как наши нервы, и ещё в него можно загрузить программу, которую существо станет исполнять, причём не будет тупо копировать то, чему научили. Тут всё хитро придумано, оно будет обучаться и искать новые пути.

— А смысл в чём? Какую программу оно будет исполнять? — Толик представил себе ком безмозглого мяса. Дрянь какая! — Зачем такое нужно? У него ж ни мозгов, ни зубов, ни... ничего вообще! Какое же это оружие?

— Смысл в том... — Будде, похоже, нравилось, что собеседник расспрашивает, толстяк любил быть в центре внимания, но, пока в бригаде не появился Толик, его рассуждения никому не были интересны. Теперь Будда получал удовольствие. — Смысл в том, что оно может адаптировать под свои нужды всё, что захватит. Не понимаешь? Ну, скажем, убило оно собаку и заполучило собачьи зубы и собачий мозг, протянуло туда свои нервные волокна и пользуется. Убило псевдогиганта — и... В общем, прикинь, на что такая штука способна!

— А! Понял!.. Ну и что? Ну будет ещё одна собака вместо убитой.

— Нет, ты не понял. Это существо может быстро расти, нужно только подкормить. Съев собаку, оно не станет собакой, да оно и есть-то собаку не станет в нашем понимании, эта дрянь пронижет собачье тело сеткой своих нервных окончаний, нарастит мышцы, улучшит органы чувств, наделит это тело способностью к регенерации и так далее. Сделает всё, чтобы это тело как можно лучше служило задаче. Сечёшь?

— Секу. А какая у него задача?

— Побеждать.

— Чего?

— Убивать всех, кто силён и опасен, чтобы завладеть их телами и встать на их место. — Будда задумчиво почесался.

— Ну, вот ты говорил «пищевая цепочка», помнишь? Вот и это существо будет стремиться занять положение альфа-хищника, стать вершиной пищевой цепочки. Такая в нём программа. В том и смысл — подкинуть такой подарочек супостату, пусть расхлёбывает... Ну да что зря говорить? Лабораторию бросили, эксперимент до конца не довели... Думаю, после второй катастрофы опыты вовсе свернули. Может, где-то и продолжают исследования, в каком-нибудь секретном бункере, что ли. Или на Янтаре, там военсталы научников охраняют. Но не здесь. Здесь после второй аварии стало слишком опасно, много непредсказуемых факторов. Сам подумай, каково здесь будет лабораторные эксперименты устраивать.

Помолчали. Толик обдумывал слова Будды. Вообще-то непривычное это дело оказалось — обдумывать слова. Прежде Толику жилось проще, он знал, как следует поступать правильному пацану, любая ситуация представлялась чёткой и простой. «Дают — бери, бьют — беги», чего ж проще? Ну, конечно, есть и другие правила — стоять за своих, не прогибаться перед чужими... и так далее. На любой случай жизни — конкретные правила. Просто выполняй их, и думать не надо. А тут странный человек Будда говорит странные слова, да ещё и предлагает подумать над ними. Непривычно... но Толику понравилось, что Будда объясняет не всё, так что можно дотумкать окончательно самому. Вдруг его осенило... Из бункера выбрался Мистер, вытащил маслёнку, расстелил на бетоне старый ватник и стал разбирать винтовку. Работал дезертир не спеша, аккуратно выкладывал отсоединённые части в строгом порядке. Он всё так делал — медленно и очень правильно. Толик полюбовался работой рыжего, подумал, что сам за дробовиком не ухаживает... Заняться, что ли, оружием? Нее-ет, неохота. Это всегда успеется, лучше ещё посидеть на солнышке, поболтать с Буддой. Когда ещё такой случай будет? И ещё такая мысль классная появилась!

— Слушай, Будда, а что ты говорил насчёт способности к регенерации?

— Я такое говорил? — Толстяк, покончив с объяснениями, успел впасть в своё обычное состояние полусонной задумчивости. — А, да, правда. Там было что-то насчёт регенерации, но эта лаборатория ею не занималась. Они взяли готовую разработку.

— Во! — Толик гордился собственной догадливостью. — Взяли готовую! А я слышал, у кровососов есть такое дело: если кровососа ранить, он рану быстро залечивает, а? Это же и есть регенерация?

— Она самая. А к чему ты это?

— А может, кровососов в другой лаборатории и вывели? И регенерацию для них придумали, а этим, которые здесь, передали готовую?

— А Зона их разберёт... Может, ты и прав.

Толик расстроился. Будда не оценил его мыслительные способности, а ведь какая хорошая идея! Так вот, значит, откуда вся эта дрянь в Зоне взялась! Кровососы эти, и другие. Небось удрали из секретной лаборатории после взрыва... Тут нехороший холодок пробежал у Толика между лопаток — крыса! Будда твердил, что крысу непременно нужно было убить. А что, если?.. Но додумать эту мысль Толик уже не успел — появился Гена Торец. Вид у бригадира был сосредоточенный, однако, перехватив взгляд Толика, он деланно улыбнулся и громко объявил:

— Стволы готовьте, пацаны, работа будет! Гости на подходе. Как заявятся, начнётся жара.

— Какой факин жара? — крикнул со дна ямы Мистер.

— Увидишь. — Торец перестал улыбаться. — Придут гости — всё узнаешь, они сами расскажут. А вы чего расселись? Вон, Мистер правильно понимает — стволом занялся, а вы?

— Ладно, — в который раз повторил Будда и неуклюже полез вниз.

Толику ничего не оставалось, кроме как последовать за собеседником. Парни пристроились рядом с Мистером и занялись оружием.

— Слушай, Будда, — снова заговорил Толик, — а чего ты всё с «Макаровым»? Мог бы ствол и посолидней подобрать, а?

— Мне пистолет нравится.

— Факин недеятель, не хотеть тяжёлый ствол таскать, — пояснил Мистер.

Сегодня рыжий был более разговорчив, чем обычно.

— Вы, два лох, можете брать мой факин масло. Но-но! Мало брать!

В общем, беседы не вышло, потом небо стало затягиваться тучами, упали первые капли... Пришлось убраться в провал. Настроение у Торца снова испортилось, он велел, чтобы снаружи всегда кто-нибудь караулил. Первым выпало Скрипачу. Он завернулся в плащ и снова взгромоздился на стеллаж, только теперь никакого удовольствия это не доставляло. Лес под дождём сразу сделался серым и мрачным, монотонный шорох капель убаюкивал, и вместе с тем в нём чудилось что-то зловещее, неприятное. Толик то и дело косился на ПДА, который размеренно попискивал — реагировал на «жарку» возле ямы. Стало скучно и холодно, Толик выбрался наверх и стал прохаживаться у края бетонного откоса. Когда он приближался к «жарке», датчик аномалий пищал быстрее, когда удалялся — медленнее, вот и все события.

Никто не явился сменить Толика, но тот был даже рад: пусть он отстоит день, тогда ночью ему не придётся караулить. Стало вечереть, дождь прекратился, но небо по-прежнему затягивали тучи... Когда уже порядком стемнело, на мониторе возник сигнал — человек уверенно приближался к схрону. Саня Животное шагал тяжело, он тащил густо вымазанный кровью мешок. Толик сделал несколько шагов навстречу.

— На, волоки в схрон, — велел Саня, скидывая тяжёлую ношу. — Еле нашёл мяско. Неладное что-то в округе делается.

— А что случилось?

— Бери мешок, идём в бункер, там всем расскажу, а то что ж по два раза одно и то же молоть...

Толик послушно поднял мокрый груз, взвалил на плечо и зашагал за Саней. В бункере уже развели костерок, дым уходил через вентиляционное отверстие, тяга была приличная. Но Животное втянул волосатыми ноздрями воздух и, как всегда, остался недоволен:

— Угорим здесь. Слышишь, бригадир, я не шучу, давай-ка сразу решим, чтоб огня внутри не жечь. Я думал, вы здесь сообразите навес какой снаружи. Чего же проще —

перекинуть пару брёвнышек с наружного края на этот пень, поверх навес устроить... — Саня махнул головой, указывая вверх — пнём он назвал бетонный цилиндр с дверью.

— Ну так тебя тут не случилось, чтоб нам указать, — буркнул Торец. — Рассказывай, чего целый день шастал?

— Расскажу. — Саня скинул промокшую накидку, поискал, куда бы пристроить, не нашёл и бросил на пол. — И крючков каких для одежды не догадались приделать... Ладно, слушайте. Значит так, места здесь нехоженые, зверя должно бы много водиться, однако поблизости ни одной скотины не нашёл! Пришлось отойти подальше, встретила псевдоплоть, её завалил. Эй, Скрипач, ты давай мясо-то вынимай из мешка.

— Говори, не тормози, — поощрил бригадир, — я же вижу, ты чего-то рассказать хочешь.

— Хочу. Пока бродил по округе, наткнулся на полянку. На полянке — куча собакдохлых.

— Собак? И что? — Торец почесал щетинистую щеку.

— Этой дряни здесь повсюду хватает.

— Дохлых! — со значением повторил Саня. — Трупки свежие, их совсем недавно прикончили.

— И что?

— Значит, какая-то опасная тварь здесь завелась, вот что. Напала, враз больше десятка слепых псов загрызла. Что за тварь, непонятно, следы хотел поискать, нашёл только собачьи. А потом гляжу — небо хмурится, дождь будет, я и свалил оттуда. Не с пустыми же руками возвращаться, мне дичь искать нужно было. Думал, на обратном пути заверну на эту поляну, но дождь и...

— Кровосос может стаю разогнать, — заметил Будда.

— Разогнать может, — согласился Животное. — Но если стаю кровосос шуганёт, собаки уйдут, не станут драться. Ну одну, ну двух, самое большее трёх собак он задавил бы. Остальные сбежали бы, они своё место знают, против кровососа не станут биться. А на поляне, видно, побоище было.

— Может, одна стая с другой схлестнулась, — предположил Толик.

— Нет, тогда бы победитель был. Одна стая сбежала, другая осталась бы и стала жрать. Говорю же, дело нечисто. Завелась какая-то сволочь в округе... может, потому и дичи не стало?

— Но плоть ты всё же добыл, — заметил Торец.

— Ага. Только шагать за ней далеко пришлось, потому и мяса мало принёс. Что гости, будут ли завтра?

— Будут, — кивнул Торец, — малява пришла, они уже близко.

— Может, завтра ещё на охоту схожу, — сказал Саня. Только один больше не пойду, одному стрёмно.

— Завтра нам, может, не до охоты станет, — покачал головой бригадир, — велено нам спешить. Что гости скажут, то и делать, и времени не терять.

* * *

Тварь, очень отдалённо напоминающая собаку, не стала задерживаться на поляне дольше, чем требовалось на перестройку организма. Когда начался дождь, она ушла. Её организм был очень функционален и неприхотлив — она нажралась собачатиной впрок и переваривала пищу на ходу. Под слипшейся мокрой шерстью буграми вспухали мышцы, перекатывались волнами и собирались тугими узлами в тех местах, где их не могло быть у собаки. Раны, полученные в драке, стремительно зарастали молодым розовым мясом, рубцы и шрамы длинными бороздами проступали под рыжей шерстью.

Дождь разогнал живность и прибил запахи. Тварь была одна посреди леса. Потом она наткнулась на цепочку следов. Понятно, что она заметила не отпечатки на земле, нет — признаки чужого присутствия были запахами, которые уловил в сыром воздухе чуткий нос,

унаследованный Тварью от слепой собаки. Запах был незнакомым, но кое-какие признаки — кислый привкус оружейной стали, терпкость пороха, резкий аромат пота и тому подобное — роднило того, кто прошёл по лесу, с существом, до полусмерти испугавшим крысёнка в заброшенной лаборатории. Крысиная часть сознания Твари готова была сбежать из страха перед великой опасностью, но для выполнения цели ей требовалось встретиться с опасным существом, чтобы перенять его способности. Этого требовала программа.

И Тварь двинулась по следу. Саня Животное брёл зигзагами, он наткнулся на скопление аномалий и потратил четверть часа, чтобы обойти его по краю в поисках артефактов, ничего не нашёл и отправился дальше, несколько раз пересёк собственный след. Он петлял, потому что искал дичь и не находил — эти места всегда были пустынными, а теперь ещё зверьё распугала сбежавшая собачья стая, лишившаяся вожака и старших самок, растерянная и потому непредсказуемая. Тварь сбилась с пути и описала несколько небольших кругов, чтобы снова взять верное направление...

Она услышала грохот выстрелов вдалеке и замерла, приподняв чуткие собачьи уши. Потом ощутила новый запах — аромат крови и смерти. Тварь осторожно двинулась навстречу этому поветрию. Она успела переварить собачье мясо, проглоченное на поляне, и тело было готово к новой порции пищи, а больше того Тварь нуждалась в новых впечатлениях, в информации, в новых противниках и в новых победах. Поплутав под дождём, она вышла на поляну, посреди которой неопрятной грудой лежало мясо — туша псевдоплоти, от которой Саня наскоро оттяпал несколько кусков по-аппетитнее.

Охотник ушёл другим путём — взял курс к схрону. Тварь не стала преследовать, осталась на поляне, чтобы изучить останки. Сперва она обошла поляну по кругу, принохиваясь и прислушиваясь. Потом приблизилась к туше.

Мозгом псевдоплоти нельзя было воспользоваться — он уже умер, и свернувшаяся кровь разорвала сосуды. Но Тварь старательно обследовала находку. Псевдоплоть была куда крупнее собак, это её заинтересовало. Особенно ей понравились (если так можно сказать — «понравились») длинные прочные выросты на ногах неизвестного существа. Нечто среднее между когтями и копытами — такие приспособления могли стать и орудием нападения, и средством защиты. Большое оружие! И ещё Тварь обнаружила на копытах псевдоплоти следы пуль. Страшное оружие, сразившее крупное существо, не смогло пробить роговые образования. Это было важно!

И Тварь осталась рядом с мёртвой плотью. Стемнело, дождь прекратился, но холодные капли падали с серых веток на серую траву. Тварь встала, встряхнулась — решение было принято, она должна отыскать особь, родственную той, что лежит здесь грудой мяса. Твари нужно живое тело такого зверя, а лучше — несколько тел. Но сперва ей необходимо подкрепиться. Перестройка собачьего организма требовала много энергии.

Глава 10

В роще Слепой остановился, чтобы перевести дух. Переваливая холм, он успел разглядеть местность впереди. Дальше снова шли возвышенности, но поменьше прежних, оставшихся за спиной. Эти холмы заросли кустарником и корявыми, искривлёнными ветром деревьями. Вероятно, под ними не зарыто радиоактивного мусора. Если так, местность вполне подходит для того, чтобы устроить тайник. Людей не видно, живности как будто здесь немного. Не устраивал Слепого рельеф местности — в долинах между холмами нетрудно заплутать, а ему требовалось такое местечко, чтобы отыскать тайник мог и тот, кто знает лишь координаты и приметы.

Слепой отхлебнул из фляги, утёр пот и медленно зашагал между деревьями. Денёк выдался жаркий, на дне долины лужа исходила паром, в узкой лощине сделалось душно. Похоже, вскоре пойдёт дождь, но небо пока ещё оставалось чистым.

Слепой пересёк лощину и достиг подножия очередного холма. Так и есть — здесь счётчик помалкивал, то есть радиоактивный фон не превышал нормы. Эти холмы были

"чистыми", теперь Слепой мог идти по прямой, он двигался в северо-западном направлении. Цель — отмеченные на карте руины. Аккуратные прямоугольнички обозначали строения, к настоящему времени, конечно, разрушенные. Но Слепому не нужны были здания, ему требовался ориентир, приметное местечко. Когда он отмахал с километр от последнего из лысых холмов — того, за которым пасся кабан, — услышал грохот стрельбы. Здесь сложно было определить направление, эхо бродило между склонами, накладывалось на звуки, которые его породили, и возникало впечатление, будто огонь ведут в нескольких местах. Слепой прислушался, но стрельба очень скоро стихла. Как обычно в такой ситуации, сталкер выждал пару минут, потом проверил почву.

Бывает, бродяги, оказавшись в передрыге, делают рассылку — мол, кто близко, выручайте. Места здесь не людные, по радиоактивному лабиринту вряд ли много народу ходит, так что если кто попал в беду поблизости, непременно нужно выручать — больше, может, и некому. Но просьбы о помощи не пришло, должно быть, стрелявший не нуждался в подмоге, и Слепой с чистой совестью зашагал скорее. Он то и дело поглядывал на браслет с компьютером, но датчик аномалий лишь изредка фиксировал опасность, здешние края были небогаты аномалиями. Чем дальше, тем больше Слепому здесь нравилось — в том смысле, что местечко было подходящее для тайника, а это значило, что отсюда очень скоро можно будет уйти. Самое лучшее место в Зоне — то, откуда можно уйти! Сталкер перевалил гребень очередного холма, в долине снова было душно. Вода после дождя стекала по склонам, собиралась лужами, которые теперь, в жару, быстро испарялись, на месте стоячей воды почва застывала коркой, трескалась. Высыхающие болотца источали вонь. Слепой стал держаться возвышенностей, здесь было получше. Вскоре налетел ветерок, по небу поплыли тучи. Потом край холмов закончился, дальше лежала равнина, поросшая кустарником и молодым лесом. Возможно, прежде здесь были поля, но после катастрофы лес снова отобрал землю, которую люди отвоевали много веков назад. Слепой взял курс на строения, указанные на карте. Впереди послышалось завывание слепых псов: «О-хо-хо...» Сперва шум раздавался далеко, но приближался — похоже, стая бежала навстречу сталкеру. Слепой свернул — зачем дразнить удачу? До сих пор ему везло. Теперь он забирал больше к северу, вправо от прежнего направления.

В кустах впереди раздался треск, навстречу выскочил пёс. Сталкер вскинул автомат и дал короткую очередь. Слепой мутант, которого пули встретили посередине прыжка, будто ударился грудью о невидимую преграду — рыжее тело перевернулось в полёте, запрокидывая безглазую башку, зверь завалился на спину, стал извиваться и беспорядочно бить лапами. Вздогнули кусты рядом — ещё один пёс выскочил на поляну. Слепой развернулся, но мутант, не обращая внимания на человека, длинными прыжками пронёсся мимо и снова канул в заросли...

А многоголосое завывание стаи приближалось по левую руку. Слепому пришло в голову, что псы убегают от большой опасности, раз они так перепуганы, что несутся сломя голову, не обращая внимания на человека и на потерю собрата. Сталкер развернулся и бросился прочь с дороги стаи. Вдруг шум гона замер, сменился отчаянным рычанием, звуками грызни, потом — опять завывания. Слепой успел вовремя убраться с дороги псов, теперь погоня удалялась, и сталкер рискнул снова сменить направление. Он прошёл обратно, миновал поляну с застреленным псом — зверь уже перестал бить лапами, и только слабые рывки рыжего тела показывали, что жизнь не вполне оставила мутанта. Несколькими десятками метров дальше сталкер обнаружил ещё одну убитую собаку — эта была изорвана зубами, значит, стая гнала чужих. Скорее всего, отстаивала территорию от вторжения чужаков. Довольно обычное дело. Слепой прикинул, где может находиться центр владений местной стаи, и не надумал ничего лучше, чем придерживаться прежнего плана. Он снова пошёл к отмеченным на карте строениям.

Теперь уже оставалось совсем недалеко: на ПДА точка в центре экрана, обозначающая самого сталкера, уже достигла серого прямоугольника. Небо потемнело, вот-вот должен был пойти дождь. ПДА запищал. Слепой обошёл расположившиеся на пустоши аномалии — здесь их оказалась целая россыпь, так что сложно было определить, на что именно

среагировал прибор. Сталкер обогнул, стараясь держаться подальше, коварную «воронью карусель» и увидел сквозь прорехи в листве стену красного кирпича. Он осмотрел развалины. Ничего примечательного, небольшое строение, теперь уже не понять, для чего служил это домик. Может, сезонные рабочие жили, если за холмами и впрямь когда-то располагались поля. Теперь это просто руины — четыре стены с провалами окон и дверей. Крыша давно просела, дощатый пол прогнил. Снаружи, перед пустой дверной коробкой можно было различить следы кострища. Здесь несколько раз останавливались бродяги, и всё, что сохранилось из утвари, пошло на дрова. Скорее всего, та же участь постигла раму и дверь. Домик не годился для ночёвки, одному здесь будет слишком опасно, так что Слепой решил поторопиться. Он обошёл кустарник вокруг здания, потом сделал новый круг, пошире, и вскоре попалось подходящее местечко. Груда камней вполне годилась для того, чтобы спрятать под ними небольшой пакет.

Слепой аккуратно сунул свой груз в расселину добавил несколько камней поверх — упрятал тайник надёжнее. Камни уложил так, чтобы груда не носила следов давней работы, поэтому сверху оказались грани, покрытые засохшей грязью или мохнатыми разводами мха. Потом побрызгал из баллончика, чтобы собаки не разрыли. Так Слепой всегда поступал со своими собственными тайниками. Даже если прятать не съестное, слепые псы могут разрыть, они везде лезут, их любой запах может привлечь. Закончив, Слепой тщательно проверил координаты, потом перевёл ПДА в почтовый режим и отправил два мейла. Он не стал пользоваться своим почтовым ящиком, а отправлял с нового, который открыл, сидя у Сорняка. Никому не известно, что этот адрес принадлежит Слепому. Бережёного и Зона бережёт, лучше перестраховаться. Оба мейла ушли по адресам, на которые Слепой никогда прежде не писал, да и вряд ли эти ящики были засвечены хотя бы разок. Одноразовые пустышки. На один сталкер отправил координаты заброшенного домика — без пояснений, без единого слова, просто цифры, скопированные из буфера памяти. Другой мейл, напротив, представлял собой письмо: «Отправил на тридцать километров в направлении север-восток-восток десяток килограммов ваты». Фраза самому Слепому понравилась, и он ухмыльнулся — вот такие казаки-разбойники... Километры обозначали расстояние от домика до тайника — в метрах, естественно. Под килограммами ваты следовало понимать десяток камней, внешний вид тайника. Если со Слепым что-то случится, гонцу Карого придётся перевернуть немало камней в округе, но тайник он отыщет наверняка.

Что ж, дело было сделано, теперь нужно возвращаться. До вечера было ещё далеко, но Слепой сомневался, что успеет дотемна в лагерь на кладбище техники. Следовало поспешить. Вот разве что перекусить наскоро, вскипятить воды в котелке да попробовать эти хваленые импортные консервы из пайка миротворцев. Давно собирался проверить, какие они на вкус.

* * *

Курбан шёл первым. Вообще-то двигаться впереди — задача молодого, «отмычки», но сейчас ситуация не была угрожающей, когда пара сознательно рискует менее опытным сталкером. Сейчас важнее было не потерять Слепого, поэтому направление и темп марша выбирал Курбан с его мощным ПДА, а Эфиопу оставалось лишь следовать в кильватере старшего. Парень, как обычно, помалкивал — он и так был немногословным, а теперь ко всему не хотел мешать Курбану. Тот держал между собой и Слепым такую дистанцию, чтобы точка на ПДА оставалась у края монитора. Так преследователь был уверен, что Слепой не заметит «хвост». Когда пара достигла рыжих, лишённых растительности холмов, Курбан выругался.

— Чего? — коротко осведомился Эфиоп.

— Помехи идут. И ещё холмы эти... То-то я гляжу: Слепой петлять стал, это он между холмами пробирается. Здесь напрямую нельзя, наверху сквозняк.

— Какой такой сквозняк? — удивился блондин.

— Ну, радиация, фон повышен. Выражение такое... Придётся и нам попетлять. Жалко, я его первоначальное направление не засёк, теперь не разобрать... эго его мотает...

Эфиоп смолчал, на его приборе Слепого не было видно, слабовата машинка. А Курбан чем дальше, тем чаще бормотал ругательства, он боялся потерять Слепого, отстать от него в лабиринте холмов и ложбин, поэтому то ускорял ход, то из опасения быть замеченным, наоборот, сдерживал шаг. У подошвы холмов тоже фон бывал повышен, прибор фиксировал радиоактивное излучение, то и дело попадались аномалии, их приходилось обходить, из-за этого Курбан нервничал ещё сильнее — потому и не замечал кабана до тех пор, пока тот не вылетел навстречу.

Это был крупный старый самец. Таких, когда они уже недостаточно сильны, чтобы отстоять положение лидера, выгоняют из стада молодые конкуренты. Из-за перемены статуса хряк постоянно бывает зол и готов выместить раздражение на любом, кто попадётся навстречу. А этот мутант давно бродил между холмами и копил злость. Накопил её порядочно, а тут как раз к нему вышли Курбан с Эфиопом. Сперва раздался грозный рык, потом куст перед сталкерами разлетелся в стороны, будто под ним взорвалась бомба. Обломанные ветки, крутясь и роняя листья, взлетели в воздух, а кабан устремился на незваных гостей. Курбан, который в очередной раз едва не потерял сигнал преследуемого, шагнул, уткнувшись в ПДА, и едва успел поднять голову. Оружие было под рукой, но пустить его в ход сталкер не смог. Всё, на что его хватило, — отпрыгнуть в сторону, вправо, убраться с пути зверя. Зато не сплеховал Эфиоп. Едва с линии огня исчез напарник, блондин, уже вскинувший дробовик, разрядил оба ствола в упор и прыгнул влево, упал, перекатился. Кабан не набрал большого разгона, он атаковал почти что с места и теперь успел затормозить. Огромные копыта взрыли почву, мутант развернулся за Эфиопом. Кровь заливала глаза зверя, но раны были не смертельными. Курбан, который свалился в кусты, успел вскочить, торопливо поднял автомат. Очередь легла удачно — пули ударили в шею и в бок кабана. Тот пошатнулся, а Эфиоп, стоя на колене, отбросил дробовик и выхватил «Макаров». Новый залп — очередь из АКМ и гулкий стук пистолета. Кабан сделал шаг, лапы подкашивались, он раскачивался, как пьяный матрос... Пуля из «калаша» удачно вошла под лопатку, сердце мутанта было разорвано, но он, умирая, брёл навстречу ударам пистолетных пуль в лоб и плечи. Блондин выпустил всю обойму — последний выстрел пришёлся в упор, когда стрелка от кабана отделяло не больше метра. Эфиоп напоследок вдавил спусковой крючок. Выстрела не последовало. Курбан теперь тоже не стрелял — боялся задеть спутника. Блондин замахнулся, будто хотел садануть зверя в лоб рукоятью «Макарова»... Тут мутант наконец рухнул, кровь полилась на сапоги Эфиопа... Тот отшатнулся. Потом поднялся и пошёл поднять свой дробовик. Курбан выругался:

— Зона его дерит! Потерял! Нет сигнала!

Эфиоп не сообразил, о чём говорит напарник. Тугодум сперва зарядил дробовик, потом до него дошло.

— А как же теперь?

— Как, как... Идём, идём быстрее! Курбан с ходу взял приличный темп и едва ли не бегом устремился через долину. Свернул в лощину, обогнул рыжий крутой скат, свернул... Сигнала Слепого на ПДА не появлялось, они отстали, потеряли след! Эфиоп пыхтел сзади, и Курбану чудилось, будто он ощущает затылком неодобрительный взгляд блондина. Конечно, это только чудилось — Эфиоп был слишком уравновешенным, чтобы винить старшего товарища, к тому же затея с самого начала была ему не по душе... Но Курбаном уже овладел охотничий азарт.

— Сейчас, — бормотал сталкер, — сейчас мы его вычислим... Он принялся на ходу прикидывать, куда мог направляться Слепой с самого начала. Курбан не сомневался, что преследуемый имел совершенно определённую цель. Ещё бы, ведь Слепой не останавливался, не бродил среди радиоактивных холмов в поисках артефактов, нет — он полдня шагнул, более или менее выдерживая направление. Курбан прикинул, в какой стороне сейчас лагерь на кладбище техники, повернулся спиной к стоянке и отметил на экране ПДА

точку у обреза карты — вот к ней они с Эфиопом и двинутся. Приняв решение, он убавил темп.

Двое сталкеров покружили между лысыми холмами и наконец вышли к краю равнины. Теперь они, как и Слепой, переваливали через холмы, покрытые молодым лесом. Здесь не было надобности обходить возвышенности, потому что радиоактивный фон оставался в пределах нормы. Потом и эти, невысокие, холмы пошли на убыль, местность делалась более плоской. На самом деле Курбан ошибся, хотя и не намного — он вывел напарника южнее того места, где Слепой углубился в лес. Курбан остановился и задумался, разглядывая карту. Он уже совсем было собрался задумчиво произнести что-то вроде: «А не проверить ли нам эти домики?..» — как вдруг в кустах послышались шорох и треск. Какие-то звери ломались сквозь заросли, и довольно быстро. Сталкеры переглянулись, встали рядом и приготовили оружие. Хруст веток и топот приближались... Курбан сплюнул... Потом показались собаки. Рыжие слепые псы возникали между кустами, снова исчезали в зарослях, с хрустом проламывались сквозь переплетение ветвей. Мутанты уже должны были учуять сталкеров и либо сменить курс, либо приготовиться к драке. Псов было маловато для нападения на двух изготовившихся бойцов, в этой ситуации слепые обычно применяли другую тактику — сперва кружили в нескольких десятках шагов, заставляли нервничать и попусту тратить патроны, а уж потом, выбрав подходящий миг, атаковали, но эта стая неслась сломя голову прямо на стрелков. Первым открыл огонь Курбан. Он уллучил момент, когда двое мутантов, огибая заросли, оказались рядом, и аккурат но срезал короткой очередью обоих. Несущиеся собаки были удобной мишенью. Курбан дал ещё несколько очередей, на этот раз не так результативно: раненные звери взвыли, но продолжали скакать, не меняя направления — то есть прямо на сталкеров. Курбан, ругаясь, встретил набегающих зверей длинной очередью, опустошил магазин и рявкнул:

— Заряжаю!

Эфиоп сделал шаг к нему, выстрелил раз, другой. Первого пса который слепо летел на Курбана, выпущенная в упор дробь едва не разорвала на куски, второму заряд угодил в заднюю часть туловища, пёс приземлился на раздробленные конечности и с воем покатился по траве и жухлым листьям взметая груды окрашенного кровью лесного сора. Курбан сменил магазин и тоже сделал шаг, прикрывая «отмычку». Он дал три короткие очереди — больше не понадобилось. Молодые самки и щенки, которые бежали следом за первой волной, успели свернуть и промчались в стороне, огибая поляну, где издыхали раненные сородичи... Этих выстрелов Слепой уже не слышал — пока преследователи сражались с мутантами, он успел оторваться, к тому же из-за ошибки Курбана и из-за того, что Слепой на равнине забрал правее, сталкеры расходились всё дальше. Курбан подошёл к умирающему псу, который, визжа и истекая кровью, катался в ворохе палой листвы, сплюнул и прикончил мутанта одиночным выстрелом. Потом осмотрел трупы и велел Эфиопу, указав на крупного самца:

— Отхвати у него хвост. Остальные не стоят того, чтоб за их хвостами нагибаться... Однако, погляди! Собачки-то после драки. Их недавно хорошо погрызли, то-то они так неслись... Интересно, что здесь происходит?..

* * *

Тварь, отдалённо напоминающая слепую собаку, двинулась по следам сбежавшей стаи. Она хорошо подкрепилась у туши псевдоплоти и нарастила мышцы. Сперва вновь образованные мускулы чудовищно болели при малейшей попытке напрячь их, но Тварь блокировала нервные окончания и трусила по лесу, уткнувшись носом в землю. Это снижало чувствительность и замедляло реакции. Походка Твари была деревянной, движения оставались не выверенными но только поначалу. Постепенно мускулы разогревались, и Тварь стала медленно возвращать им чувствительность. Её шаг сделался упругим, пружинистым, движения приобрели своеобразную грацию, не свойственную слепым псам.

Теперь конечности казались непропорционально короткими для массивного тела с налитыми мышцами, но и лапы стали мощнее и крепче.

Тварь шла по следу. Самые слабые запахи говорили очень много её носу, унаследованному от слепой собаки. Тварь понимала, что полтора десятка рыжих псов, уцелевших после бойни, растеряны. Они бесцельно носились по мокрому после дождя лесу, сбивались в группы, потом, утомившись, забивались в кусты, с которых сыпались холодные капли. Некоторые забрели на чужую территорию. Земля у бурых холмов принадлежала другой своре, более многочисленной и опасной. Цвет шерсти этих собак был темнее — скорее коричневый, чем рыжий, и у этой, чужой, стаи был необычный вожак. Крупный зверь светлой масти с большой круглой головой не был слеп, но от послушных его воле псов его отличало не только зрение — он принадлежал к другой породе.

Потревоженные обитатели холмов собрались на границе охотничьей территории и стали подстерегать беглецов. Рыжие отчаянно трусили, им не хотелось вступать в бой, но ужас, истребивший вожakov, пугал куда сильнее — и они, собравшись наконец вместе, вторглись на территорию чужой своры. Битва вышла совсем короткой, рыжие не пытались отогнать хозяев холмов, они лишь старались пробиться. Их натиск был отчаянным, но бесполезным, однако нескольким собакам удалось прорваться — они побежали к холмам. Стая тёмных, завывая, кинулась следом. За километр до границы голых холмов круглоголовый вожак дал команду остановиться. Он почуял запахи вооружённых людей и счёл, что незачем вступать в бой с опасным противником днём. Лучше дожидаться ночи.

Будь вожак обычным слепым псом, он не смог бы удержать стаю, но этому зверю было достаточно отдать мысленный приказ и свирепые мутанты, уже распалённые кровавой потасовкой и стремительной погоней, вдруг замерли. Взрослые голодные псы разом встали и, поджав облезлые хвосты, громко заскулили, будто перепуганные щенки. Потом дружно развернулись и бросились на зов вожака. Вожак отвёл стаю подальше от холмов и вскоре услышал звуки стрельбы — это сбежавшие собаки повстречались с Курбаном и Эфиопом. После того как эхо выстрелов отгуляло по лесу, вожак повёл стаю в стороне от пути, который выбрали сталкеры. Слепые псы были слишком тупы, чтобы вожак мог заставить их исполнить то, что задумал, — следовать за людьми, не показываясь на глаза, пока не стемнеет. Это слишком сложно для собачьих мозгов — не будь здесь вожака-телепата, стая бросилась бы в атаку. Поэтому круглоголовый постоянно сдерживал своих псов, запрещал им подавать голос и приближаться к добыче. На большее его телепатических способностей не хватало.

Глава 11

Гости объявились после полудня. Саня Животное, которому Торец запретил уходить на охоту, бродил по окрестностям. Он первым и обнаружил пришельцев. Два сигнала возникли на ПДА, и Саня прибежал доложить Торцу. Тот поскрёб квадратную челюсть, неохотно полез в почтовый ящик, нашёл нужный адрес и, отвернувшись, чтобы Животное не заглядывал в монитор, медленно отбил вопрос. Через несколько минут объявил:

— Они. Скрипач, Мистер, поляну готовьте.

Собрать угощение было недолго, Толик обмахнул тряпкой стол, выставил жареное мясо псевдоплоти, добавил пачку галет, консервы, а Мистер принёс водку. Толику, как молодому, воспрещалось прикасаться к бригадной заначке. Потом все выбрались наружу.

Десятью минутами позже явились гости. В том, кто шагал первым, Толик с удивлением узнал Чардаша. Когда-то Чардаш бывал в Зоне, хвастался, что сделал несколько очень удачных ходок, но, по слухам, зарёкся сюда возвращаться. Он потому и занимался отправкой молодых за Периметр, что имел кое-какой опыт. Вот, значит, пришлось бандиту снова сюда вернуться. Вид у Чардаша был хмурый, недовольный. К тому же он взмок под тяжёлым рюкзаком. Второй тип был Толику незнаком. Высокий худощавый мужчина в светлом плаще с тощим рюкзаком за плечами шагал легко и глядел равнодушно. Вооружён он был

«Винторезом» упрятым в чехол. Вообще, вид у второго гостя был какой-то городской, несерьёзный. Чардаш смотрелся вполне привычно — в тяжёлой чёрной куртке с кольчужной подкладкой, с «калашом», а человек, с беспечным видом шагнувший следом, совсем не походил ни на сталкера, ни на бандита. Рядом с настороженным Чардашем, маленьким, в грязной снаряге, этот тип выглядел особенно неуместно. Когда он откинул капюшон, показалось аккуратно выбритое лицо. Волосы у мужчины были светлые, коротко стриженные. В общем, чужой. На что ни глянь в его внешности и снаряге — всё чужое, неправильное.

— Ну, с прибытием, — приветствовал гостей Торец.

— Здорово, — неохотно откликнулся Чардаш. — Это Серж. Имя пришельца в светлом плаще тоже было непривычное, никак не подходящее к обстановке. А может, это кличка такая? Толик не врубился.

— Привет честной компании. — Голос у Сержа был негромкий, но слова он произносил очень чётко и внятно.

— Будете делать, что он скажет, — буркнул Чардаш. — Работа важная, отнеситесь со вниманием.

— Идёмте к столу, гости дорогие. — Торец широко взмахнул ладонью. — С прибытием, так сказать, и за успешное... это, развитие событий. Будда, прими у гостя груз. Чардаш скинул рюкзаки в руки толстяку, сделал шаг, но Серж придержал проводника:

— Некогда.

— Ну как же... — Торец сделал грустное лицо, годится так...

Чардаш тяжело вздохнул.

— Ладно. — Серж был немногословен. — Сейчас перекусим, и в путь. Только быстро.

— Вот! — Чардаш обрадовался. — Хоть маленько передохнуть! А ты, Серж, как раз информации дождёшься.

Толику разговор показался очень странным, он покосился на Будду — тот смотрел в сторону, будто происходящее его не касалось. Ещё Толику не понравилось, что Чардаш словно не узнаёт его, глядит как на остальных. А ведь вроде старые знакомые, земляки и всё такое прочее — мог бы хоть слово сказать, хоть знак какой дать, что признал. Потом все гурьбой пошли к схрону, Толик увязался следом. Ему было интересно, как чистенький Серж воспримет их берлогу. Воспринял нормально, сел на грязный стул, взял немытыми руками кусок зажаренного мяса мутанта. И не поморщился. Правда, Толик почему-то решил, что чистюля и здесь свой пижонский плащик не вымажет. И Толика это почему-то расстроило. Хорошо бы увидеть Сержа грязным...

За столом говорил в основном Чардаш:

— Дело, пацаны, серьёзное! Очень, можно сказать, ответственное. Тут вы понимать должны, что вам доверие большие люди оказали. Серж помалкивал и поглядывал на ПДА — видно, ждал письма. Наконец не выдержал Торец:

— Хорош трепаться, Чардаш, ты уже двадцать раз «серьёзное дело» сказал. Дела — они, знаешь, у прокурора в сейфе лежат. Чего нужно, говори. Потому что я не...

Тут пискнул браслет Сержа — есть почта. Гость прочёл, заговорил — так тихо, что все невольно умолкли, чтобы лучше слышать, даже Торец осёкся на полуслове.

— Работа, пацаны, вот какая. У хорошего человека вещичку увели те, кому не положено. Есть слух, что вещичку могли в Зоне заныкать. Нам её сыскать придётся. — Серж потянулся за куском мяса.

— Кто же это такой борзый, что уводит вещички у кого не положено? — Торец должен был задавать вопросы — это условие нормальной беседы такое, Толик сразу сообразил. Так люди общаются.

— Борзым был Гоша Карый.

— Был?

Серж аккуратно прожевал — он всё делал неспешно и аккуратно, — потом ответил:

— Он и сам хотел, видно, за Периметр ноги сделать, да не вышло у него. Сгорел с машиной вместе. Оттого шухер на днях вышел у Периметра.

— А-а-а... — протянул Торец. — Шухер был, точно. Значит, не прорвался Карый?

— Зона не для фраеров, — вставил Животное. Серж продолжал:

— Однако большие люди понимают так, что не Карый в этой истории главный, есть и другие. Значит, хотя Гоша ласты и склеил, вещичка всё ещё вполне может всплыть где не следует. Значит, наша задача: найти всех, кто у Гоши в «Звезде» тусовался, кому Гоша мог товар скинуть. Найти и каждого проверить. Таких немного, двое сейчас точно в Зоне, о третьем пока жду информацию.

— Что за люди? И что за вещичка?

— Вещичка небольшая. Люди... стalkerьё обычное, мужики. Они могут и не знать, что в кармане носят. Сказал такому Гоша: «Возьми пакет, поддержи у себя, я тебе забашляю», — мужик и взял. Мужики много не надо. Первого зовут Бузяк, он сейчас на базе «Долга», у второго кликуха Моня, недавно его на Свалке видели, потом пропал.

— А третий? — напомнил Торец.

— Третий — Слепой, он вроде завязал, но дома его не нашли. Сейчас проверяют по Зоне, не показывался ли где. Короче, сейчас мы за Бузяком...

— Э, я с «Долгом» связываться не стану, — буркнул Торец, глядя в стол. — С «Долгом» бодаться — это верная смерть.

Серж устался на бригадире и не сводил глаз, пока тот не поднял голову. Но, едва зыркнув на гостя, тут же отвёл взгляд.

— Бузяк не «долговец», — спокойно пояснил Серж, — только ночует у них, а пасётся в стороне. «Долг» за него не подпишется. Слушай, Торец, ты вернуться хочешь?

— Вернуться? — Бригадир вздрогнул.

— На большую землю. С бабками.

— Меня там срок ждёт.

— Спишут. Сработай это дельце — вернёшься чистым.

— Сделаем! — вдруг твёрдо заявил Животное. — Всё будет в ажуре. Сделаем, а, Гена?

Толику показалось странным, чего это Саня духарится. Энтузиаст выискался. Прямо активист! Но Торец лишь кивнул после некоторого раздумья. Схрон Серж осмотрел без любопытства. Усмехнулся, когда увидел ватерклозет и электрическое освещение. Улыбался он одним ртом, глаза оставались равнодушными. Толику этот гость очень не понравился. Неправильный. Но что да, то да — Серж был очень целеустремлённым. Получасом позже бригада выступила.

Первым, как обычно, шёл Животное, за ним Торец с гостями, потом Мистер. Замыкали молодые. Будда придержал Толика за рукав и, когда они отстали на пяток метров, шепнул:

— Видел, как Саня икру мечет? Хочет бригадиром заделаться.

— Ты чего? Какой из него бугор? Он же, это, Животное натуральное.

Толик представил себе невзрачного, вечно грязного Саню бригадиром — фигня. Но Будда был настроен серьёзно:

— Если Гена в родной дом белым лебедем улетит, кто кто здесь будет за старшего? Не Мистер же, он не наш. И не мы с тобой, уж точно.

— Это да...

— Так что вперёд не лезь. Пусть Животное шестерит, ему есть зачем стараться.

— Хм... — Толик задумался. Снова было над чем пораскинуть мозгами. Рядом с Буддой приходится думать всё чаще. Но это и интересно! — А ты что ж, под Животным согласишься потом ходить?

— Я свалю тихо.

Толик быстро глянул вслед топающим впереди бандюкам. Обзор заслоняла широкая спина Мистера. Иностранец вряд ли мог понять, о чём они с Буддой шепчутся, а остальные были далеко. Толик покосился на толстяка — тот спокойно шагал рядом, будто не сказал ничего особенного. И Толик решил:

— Мне свистни, как соберёшься, ладно? Будда, мы вместе, а? Возьмёшь с собой?

— Чудак, я ж затем и говорю теперь с тобой.

У Толика на душе полегчало. Всё будет хорошо, всё будет зашибись... От Гены Торца уходить стрёмно, из бригады валить запаadlo, но если от Животного — тьфу, плёвое дело! Такое чмо ничего не сможет сделать... Только сперва этих мужиков пощупать надо, о которых Серж толковал. А потом всё будет хорошо. Животное повёл бригаду в обход, лесами. К самой долговской базе им было не подступиться, но этого и не требовалось. Сталкер Бузяк только ночевал там, да и то нечасто. Мужик из «звёздного десанта», как прозвали контингент гостиницы «Звезда», теперь перебрался севернее — так по дороге сказал Серж. Этот Бузяк, конечно, бродяжит, обходит окрестные поля аномалий и раз в несколько дней возвращается на базу, чтобы обменять хабар и разжиться припасами у долговского перекупщика. Если он вчера ночевал на базе группировки, то теперь покинул её надолго. Удобный момент. Впереди, там, где шагал бригадир, тоже шла негромкая беседа. Торец выспрашивал подробности, приметы. Серж отвечал, сохраняя на лице всё ту же бесстрастную улыбку. Этот фрукт топал за Животным как по проспекту, вроде бы и по сторонам не глядел. Наконец бригадир не выдержал:

— Серж, ты бы хоть с винтовки чехол снял, что ли.

Ответ Торца просто поразил:

— А зачем?

— Ну, как... ну, типа, если заваруха какая?

— Это не моя работа. Вы находите нужных мужиков, приводите ко мне, тогда я работаю с ними. До тех пор — нет.

— Гена прав, Серж, — решился вставить Чардаш. Видно было, что ему неохота спорить со странным фраером, — распакуй ствол. И с предохранителя сними. Бережёного и Тёмный Сталкер бережёт. Это ж всё-таки Зона.

Серж бросил на Чардаша через плечо взгляд, от которого тщедушный бандит вдруг сбился с шага и сразу отстал. Но всё же чехол с «Винтореза» Серж стянул. Чехол у него тоже был пижонский — кожаный, с мягкой подкладкой. Торцу вдруг стало немного не по себе, спутник был ну совсем неправильный. Вроде человек как человек, но неправильный. Всё, что бы Серж ни сказал и чего бы ни сделал — всё отличалось от того, как следовало бы сказать и сделать правильному пацану. Одно хорошо: по ухваткам чувствовалось, что с оружием гость умеет обращаться. Потом подал голос Животное.

— Чего там, Саня? — Торец поспешил к следопыту, оставив Сержа позади. Бригадир был рад удалиться от этого спутника хотя бы на десяток шагов.

— Вот, — Животное показал объединенную тушу псевдоплоти, — это её мы жрали. Моя вчерашняя добыча. Смотри, как странно её драли. Вроде собаки, но непонятно почему. Не доели и ушли. Так собаки никогда не поступают... Хотя, если кровосос спугнул, то могли бы и сбежать...

— Кровосос?

— Ну или ещё кто-то такой же опасный. Вообще-то эту псевдоплоть кровосос не трогал... Скажи всем, чтоб скорей шагали. — Саня тревожно огляделся. — И держитесь ко мне поближе.

Торец только теперь сообразил: в лесу стоит неестественная тишина. На любой пустоши, в самом забытом углу Зоны всегда бывают какие-то звуки, хотя бы вой псов издаleка... но здесь тишина стояла абсолютная. Бригадир махнул рукой — дескать, давайте скорей — и сам пристроился за Саней, в пяти шагах позади. Так прошли примерно километра два — два с половиной, потом Саня перевёл дух и объявил:

— Вот! Следы и помёт, здесь нынче стадо плотей прошло. Ну вот и хорошо... а то как вымерла округа. Теперь-то куда?

— Северной бери, — велел Серж.

Торец, оглянувшись, увидел, что фраер на ходу щёлкает кнопками ПДА. Обменивается письмами с кем-то, стало быть. Это Торцу тоже не понравилось, сам-то он не слишком ловко управлялся с компьютером. Но сейчас ему очень хотелось выбраться за Периметр, а неправильный Серж посулил обратный билет. После долгого перехода решили устроить привал. Пустынные земли они уже покинули, Толик несколько раз замечал сигналы на ПДА,

но чужаки не желали сближаться с группой, а бригаде тоже не с руки было светиться. Будда, улучив момент, шепнул ему:

— Видел, как у этого кента дело поставлено? Он инфу с большого верха получает.

— С какого верха? — не понял Толик.

— С большого. Прикинь, я думаю, что мейл этого Бузяка уже взломали, и как только наводку дадут, ну, где его искать, Серж это мигом будет знать. Понял? — Тут Будда перехватил внимательный взгляд Сержа — чистюля косился на парней поверх поднесённого к лицу ПДА — и громко добавил: — Вот я и говорю, скорей бы всё закончилось. Стрёмно здесь, слишком людно.

— А скоро и закончим, — успокоил Серж. — Бузяк сейчас северней. Но он не один, придётся всё делать быстро.

— Что ещё известно? — тут же насторожился Торец.

— Ничего больше, только примерные координаты и то, что он не один. Ну, хорош отдыхать, встали, пошли!

— Во, — тут же шёпотом прокомментировал Будда, поднимаясь, — небось перехватили мейл этого мужика, а там: «мы идём, мы нашли, мы то, мы сё...» Получается, не один, а сколько их там — не понять. Тот, кто Сержа прислал, очень высоко сидит. Мейл вскрыли!

— Кто? Хакеры-муякеры?

— Нет, тут другое. Прокуратура может, Госбезопасность тоже может. Кто-то очень высоко сидит. Не нравится мне это, с такими свяжись — и карму ввек не отмыть.

Толик только плечами пожал. А что тут скажешь?... Карма и прочие заумные штучки его не слишком волновали. Но не хотелось бы, чтобы о существовании Толика Скрипача знали люди с самого верха пищевой цепочки.

Стало темнеть. Пока шагали, Толик поглядывал на ПДА. Зона миловала, больше машинка не отрубалась. Иногда на мониторе показывались чужие сигналы, то одиночки, то по двое или трое — на сближение не шли, убирались с дороги. С большой группой связываться никому не хотелось.

Потом Торец посоветовался с Сержем и объявил привал. Бригада расположилась в лесочке, и Чардаш неожиданно оказался рядом с Толиком.

— Ну как тебе Зона? Как тебя... э... Толян?

Толик даже растерялся — выходит, Чардаш его помнит? Чего ж раньше не обратился, не сказал ничего?

— Ну, нормально Зона...

— Торец говорит, у тебя удача и уже треть долга с тебя списываем. — Чардаш вытащил сигареты, предложил Толику и закурил сам. — Нам сейчас удача крепко нужна... Бандит выпустил густую струю дыма. — Постарайся, Толяныч. Этот заказ, который сейчас исполняем, с очень большого верха, авторитетные люди в доле. Проявишь себя сегодня — и враз поднимешься. Я о тебе словечко замолвлю, не сомневайся. Мне верные люди нужны, а ты как раз такой. Ну? Ты мне поможешь, я тебе.

— Да я-то... я конечно! Мысли Толика приняли другой оборот — вон как Чардаш заговорил! А что? Почему бы удачливому Скрипачу не стать бугром, когда Торец отвалит за Периметр? Очень даже можно стать! Чардаш за него слово скажет, Чардашу тоже нужно, чтоб верный человек в Зоне бригаду водил, тогда будет кому важную работу дать, если что.

Чардаш улыбнулся, похлопал парня по плечу, поднялся и отошёл в сторонку, туда, где Серж колдовал над ПДА.

— Иллюзии, — заметил Будда деланно равнодушным голосом. — Мара, господин иллюзий, умеет заставить человека поверить в миражи. А знаешь почему? Потому что мы сами хотим верить. Мара — всегда зеркало, в которое мы глядим. Обман — всегда отражение наших желаний. Сумеешь обуздать свои желания — и тебя никто не обманет.

И тут Толика будто по башке треснули — вот ведь, кровосос тебя ешь! А он-то растаял от слов Чардаша! Слюни пустил, бригадир Скрипач, тьфу! Как лох последний дал себя развести. Ведь Чардаш его, как щенка... как соплёнка последнего!.. Как дурака — лишь бы

старался, под пули лез! И неожиданно Толик почувствовал, что благодарен Будде, рядом с которым можно научиться думать. Думать! Он сердито вдавил недокуренную сигарету в камень, потушил, сплюнул и тихо сказал:

— Ты, Будда, не забудь, что обещал. Как рвать соберёшься, дай знать.

* * *

Тварь изучила следы и проанализировала ситуацию. Стая коричневых псов встретила рыжих беглецов, разорвала тех, кто оказался недостаточно проворен и дал себя догнать. Но на поляну, служившую местом дневной лѐжки, коричневые не вернулись. Тварь осторожно прошла до места схватки, потом — дальше. Следов здесь было много, они уводили к холмам. Тварь двинулась за стаей. Коричневые вели себя странно, и вскоре Тварь поняла: свора выслеживает новую добычу.

Вечерело, теперь Курбан с Эфиопом брели в поисках безопасного местечка, где можно остановиться на ночлег; свора коричневых псов следовала за ними на порядочном расстоянии, а Тварь преследовала стаю, также выдерживая дистанцию. Она уже знала, что со стасй идёт необычный зверь. Запах этого зверя не был знаком ни молодой собаке, ни крысёнышу, чьей памятью обладала теперь Тварь. И этот незнакомый зверь её очень интересовал. Было в нём нечто привлекательное, нечто, способное помочь выполнению программы.

Тварь трусила по лесу, который сумерки окрасили в тѐмно-синий цвет. Она не могла этого знать — крысиный глаз почти не различает цветов. Но Тварь полагалась на великолепное обоняние, она распутывала цепочки запахов, определяла расположение и перемещения взрослых загонщиков из коричневой своры, и ей казалось странным, что собаки действуют не характерным образом. Мозг молодого рыжего пса хранил память об охотничьих приѐмах его стаи — здесь было нечто иное. Неожиданно Тварь ощутила ментальное прикосновение, некто дотронулся до её разума — легонько, едва заметно. Тварь замерла, это было интересно... и опасно. Она тщательно прислушалась к собственным ощущениям, но контакт не повторялся. Вожак обнаружил, что его стаю преследует одинокий пѐс, и предположил — если выражаться в привычных человеку понятиях, — что это один из рыжих. Ничего любопытного, после того как закончится большая охота, этого пса можно будет убить либо включить в состав своры. И вожак сосредоточился на главной цели. Курбан с Эфиопом отыскиали полянку, которая показалась сталкерам пригодной, чтобы развести костѐр. Поблизости никого не было, сигналы на ПДА не возникали, и Курбан велел «отмычке» собрать хворост, а сам занялся ужином — вскрыл консервные банки, достал пачку галет. Если бы их преследовала обычная стая, псы давно дали бы о себе знать, но вожак запретил коричневым показываться добыче на глаза. Сталкеры развели огонь, голодный Эфиоп, не дожидаясь, пока нагреется тушёнка, уже грыз галету... и тут на поляне, в стороне от освещѐнного костром круга, бесшумно, как призрак, возник светлый силуэт. Курбан вскочил, вскинул «калаш» и прошил мутанта короткой очередью. Расстояние было невелико — метров десять, промазать невозможно, но серебристый зверь медленно, будто пули не повредили, развернулся и длинным прыжком исчез в кустах. Движение вышло лёгким и быстрым, на кустах, где скрылся зверь, даже ветки не дрогнули.

Курбан, не меняя позы, повѐл стволом автомата... и зверь снова возник на том же месте, где и в первый раз. Точно так же вылутился из темноты и замер. Эфиоп, не понимая, отчего приятель медлит, выстрелил из дробовика. Всѐ повторилось снова-призрачный зверь длинным прыжком канул во мрак. — Не стреляй! — рывкнул Курбан. — Вот влипли, Зона его дерит!

— Чего? Чего не стрелять? — растерялся Эфиоп.

— Не стреляй, не трать патронов! — Курбан, пригнувшись, вглядывался в темноту; автомат в его руках слегка подрагивал.

— Но он был рядом... Я его... — Эфиоп огляделся и переломил дробовик, чтобы зарядить.

— Что? Что ты его? В упор стрелял — и что? Дурак, это был призрак, иллюзия.
— Как это? — Парень щёлкнул оружием, взвёл курок. Но Курбан уже не слушал, он бормотал себе под нос:
— Вот влипли так влипли... Это ж надо было так попасть, и никого рядом, никого! Чернобыльский пёс... Вот влипли...

Глава 12

Слепой прикинул, что не успеет до наступления темноты к лагерю на кладбище техники, значит, придётся поискать другой ночлег. Сейчас он находился неподалёку от форпоста «Долга», там можно провести ночь. Ещё несколько месяцев назад ему бы и в голову не пришло связываться с этой группировкой. На то были две причины. Во-первых, Слепой испытывал некоторое предубеждение против строгих долговских порядков — он привык считать себя вольным человеком, то есть довольно безалаберным и не любителем дисциплины. Во-вторых, «долговцы» за право прохода по их территории взимали плату — это Слепому очень не нравилось. Однако недавние события изменили его отношение к группировке, он познакомился с несколькими «долговцами», оказалось, что они нормальные парни... Что же касается платы, то денег у Слепого пока что оставалось достаточно, чтобы не мелочиться. Пусть Гоша Карый финансирует группировку «Долг»! Приняв решение, сталкер направился к блок-посту. Пока добрался, уже порядком стемнело, и в сумерках издалека были видны фонари на шлемах. Чёрные бронированные комбинезоны «долговцев» оставались почти неразличимы на тёмном фоне; казалось, что яркие огоньки плывут над бруствером из бетонных блоков сами по себе, подвешенные в сыром густом воздухе. Здесь следовало передвигаться очень аккуратно, и Слепой замедлил шаг. Он выбрался на грунтовую дорогу, которая вела к проёму в бруствере долговского блок-поста, и не спеша пошёл навстречу лучам света — «долговцы» уставились на одинокого путника, фонарики развернулись к пришельцу. Сталкер шёл, держа руки на виду, таков порядок. Его разглядывали, а сам он не мог видеть лиц часовых — свет фонариков мешал.

— Хромой, ты, что ли? — окликнул знакомый голос. Хромым сталкеру пришлось назваться, когда он скрывался от агентов «Монолита», под этой кличкой его и знали в «Долге».

— Я! Камыш?

— Точно! Вали к нам.

Слепой прикрыл глаза ладонью, чтобы не слепило, и теперь тоже разглядел Фёдора Камышова, с которым познакомился, когда распутывал историю с нападением «монолитовцев» на блок-пост «Долга».

— Какими судьбами? — спросил Камыш, обменявшись с гостем рукопожатием. — Я слышал, ты в завязке. Ввали, значит, люди?

— Я очень популярная персона, все знают, где я и чем занимаюсь, — ухмыльнулся Слепой. — Скоро обо мне будут анекдоты рассказывать. Только я теперь не Хромой, а Слепой. Нogu вылечил, так что... А завязать — да, было дело, собирался завязать, но ты же знаешь, как это бывает: ну ещё разок, ну последний... ну на посошок... ну ещё капельку — вот я снова здесь. Принимаете гостей?

— А как же! — Камыш был настроен радушно. — Мужики, это свой, «Долга». Слепой, значит? Ты, Слепой, можешь не платить за вход на нашу территорию.

Кто-то из бойцов «Долга» буркнул несколько слов. Смысла Слепой не разобрал, но в голосе парня сквозило недовольство.

— Нет, Камыш, — величественно заявил Слепой, — я нынче как принц благороден и щедр. И богат тоже как принц! Давай лучше сделаем по правилам, я заплачу, как все. Переночевать у себя позволите?

— О чём речь! Примем как принца! Блок-пост был оборудован, как обычно у «Долга» — бетон, мешки с песком. Всё, что требуется для круговой обороны. Внутри ограды — два

жилых вагончика. Камыш повёл гостя в кунг и, не слушая возражений, усадил за стол. Сам полез в оружейный ящик под нарами, стал подавать Слепому стаканы, тушёнку, завернутый в газету батон; появилась на свет и бутылка. Когда выпили за удачу, Слепой решил разузнать, как недавний переполох выглядел со стороны «Долга».

— Камыш, а как вы заваруху пережили? Военные во время облавы «Долг» не трогали?

— Пришлось посты снять, всех отозвали на базу. Туда миротворцы не совались, у нас с ними это... как бы... ну, нейтралитет, в общем. Они делают вид, что нас не замечают, и в этот раз тоже. А ты как?

— Я в подвале пересидел. Камыш, а что у вас говорят, из-за чего шухер-то был?

«Долговец» снова наполнил стаканы.

— Это, брат, сверху указание пришло... Ну, давай за чистое небо, что ли?

— Ну... — Слепой выпил, придвинул банку тушёнки. — А что за верх, откуда такой шум поднимают? Всю Зону перебаламутили.

— Не, не всю. От Кордона развернули цепь, вертолёт у Свалки десант высадили, из Тёмной долины третья колонна подошла. Вот этот район и отутюжили. Верх... Большой верх, большой. Штаб международного контингента. Ну а там кто? Петрищев, Шмидт, Вильямс. Скорее всего, Петрищев приказ отдавал.

— Генерал-лейтенант Петрищев, я слышал о таком! А ему-то чего вдруг понадобилось?

— Конечно, ты слышал, а как же! Большой человек... и к тому же, говорят, большая задница. Таким всегда что-то да понадобится. Была какая-то заваруха к западу от Кордона, прорыв Периметра.

— Кто-то в Зону пробивался?

— Непонятное дело. Вроде, говорят, мутанты из Зоны наружу проломились через минные поля, но там была стрельба, какую-то машину взорвали, то ли бандиты, то ли военные погибли. Да я сам толком ничего не знаю. Сейчас всё перемешалось, не поймёшь, кто где. — Камыш задумчиво потянулся к бутылке. Потом вспомнил: — Постой-ка, если ты Слепой, то, наверное, из «звёздного десанта»? Я с одним из ваших здесь познакомился. Бузяк, знаешь такого?

— А как же! И где он? Что с ним?

— У нас на базе теперь хабар обменивает. Я так понял, что он, как на вечную прописку перешёл, потыкался там и здесь... ну и к нам. У нас надёжно! Вот и сегодня утром через наш блок-пост прошёл. Он обычно денька три-четыре бродит, потом с хабаром назад. Если удержишься у нас, встретитесь.

— Хорошо бы, конечно... — Слепой задумался. На самом деле встречаться с Бузяком было не с руки — мало ли, какие вопросы тот задаст. Рассказывать, по какой причине он, Слепой, снова в Зоне, по понятным причинам не следовало. Особенно в свете того, что Камыш поведал об армейской операции.

В общем-то Слепой не узнал ничего нового. Генерал Петрищев отдал приказ искать того, кто, возможно, прошёл сквозь брешь в Периметре, — это вполне очевидно. Из-за этого развернули войсковую операцию, перебили нескольких бродяг, которых угораздило оказаться не в то время и не в том месте... Обычно миротворцы не бывали настолько настойчивы, но в этот раз начальство потребовало конкретного результата. Разумеется, подчинённые, которым с верхушки пищевой цепочки миротворческого контингента был спущен глупый приказ, не стали слишком усердствовать и поленились разыскивать именно его, Слепого. Группы военных прошли со стрельбой по югу Зоны и свернули операцию, едва удалось заполучить несколько трупов. Покойников доставили на большую землю, а Петрищеву доложили, что их взяли неподалёку от места прорыва Периметра. Своей вины Слепой не ощущал, Зона — не место для рефлексии. И хотя беднягам он сочувствовал, но полагал, что если кто и виноват, так скорее Карый и Петрищев.

Так всегда бывает: когда хищники делят охотничьи угодья, это заканчивается потерями в нижних звеньях пищевой цепочки. Однако что с Петрищевым? Ему показали тела — хватит этого генералу, чтобы успокоиться? Кто знает... Хотя особо надеяться не следует. Человек, способный поднять армейские подразделения с бронетехникой и вертолётами,

перетряхнуть изрядный кусок Зоны, перебить немало людей и мутантов, может не остановиться на достигнутом. Ему, Слепому, следует быть поосторожнее. Размышления сталкера прервал Камышов. «Долговец» разлил по стаканам остатки водки и сказал:

— Давай за дружбу, что ли? Бузяк твой в «Звезду» не вернётся. Я так понимаю, он у нас надолго осел. И ты бы, Хромой... то есть Слепой, и ты бы подумал, а? Мы правильным мужикам всегда рады.

— Да я...

— Не, я всё понимаю, — продолжал, не слушая ответов, Камыш, — я ж тебя не зову в «Долг» вступать. Ты, как Доза, как Бузяк, хабар к нам неси, наши перекупщики не обманут! Ну а ежели вдруг чего не так, обращайся ко мне или к Рожнову, мы ж всегда поможем!

— Спасибо, конечно, но дело в другом. Женюсь я, — улыбнулся Слепой. — Сейчас прощальные гастролы.

— Ах, вот как! Это я понимаю! — Камышов вскочил. — Нет, ты сиди, сиди. Слепой, который начал было вставать, опустился на стул. А «долговец» снова полез под нары и вытащил вторую бутылку.

— За дружбу выпили, но коли такое дело, то и за любовь тоже нужно! Редко, признаться, такой хороший повод выпадает. Честно сказать, больше за упокой приходится...

Когда Слепой по просьбе «долговца» продемонстрировал фотокарточку Ларика, Камыш покачал головой и сказал, что теперь ему кажется, одного тоста за любовь недостаточно. Да что там кажется! Он совершенно уверен, что недостаточно! После второго тоста за любовь Камыш пустился в воспоминания, стал допытываться, с какой стати Слепой поменял кличку. Тот отшучивался... В общем, посидели, конечно, неплохо, потом в кунг заглянул боец и сказал, что слышна отдалённая стрельба, но на помощь никто не зовёт, тревожных мейлов не пришло. Камыш со Слепым на всякий случай проверили свои почтовые ящики — туда тоже не свалилось ничего существенного. Камыш махнул рукой — мол, если в самом деле что-то происходит, утром разберёмся, что там и кто стрелял, а ночью всё равно никуда не пойдёшь...

Слепой распрощался с гостеприимным Камышовым и пошёл на базу «Долга». Раз уж всё равно оплатил проход по территории группировки, неплохо заглянуть и туда. Может, какие-то новости удастся разузнать.

Часть Зоны, окружённая блок-постами «Долга», считалась вотчиной группировки, но на деле здесь было не намного безопаснее, чем на территории, которая формально никому не принадлежала. Здесь разве что можно было меньше опасаться встречи с мародёрами — те предпочитали держаться подальше от «долговцев», которые не давали бандюкам спуска. Ну а мутанты сюда проникали точно так же, как и в любой другой квадрат Зоны.

* * *

Пальбу, которая насторожила «долговцев», могли бы услышать и Курбан с Эфиопом — псы обложили их не так далеко от блок-поста. Но эти двое были слишком обеспокоены собственным положением, чтобы прислушиваться к отголоскам перестрелки. Они стояли рядом у костра, рыжеватые сполохи бродили по кустам, тени удлинялись и укорачивались, от этого на тёмной листве вдруг проступали странные силуэты. Снова на границе света и тени возник серебристый пёс, Эфиоп вскинул оружие, Курбан рывкнул: «Нет!» — и верзила не стал стрелять. Призрак — точь-в-точь как прежде — развернулся и прыгнул в кусты... растаял в темноте, не потревожив ни листочка.

— Что делать-то, а? Что делать?.. — растерянно пробормотал Эфиоп.

— Не тратить попусту патронов, понял? — Курбан шагнул в сторону и повёл стволом АКМ, будто ощупывал темноту. — Стреляй, только если будешь уверен, что зверь настоящий.

И тут же грохнул дробовик, потом ещё раз. Курбан обернулся, он был готов отругать «отмычку», у которого не выдержали нервы. Но тут к звёздам взлетел громкий вой раненого пса, мохнатое тело забилося и завертелось в траве. Чернобылец был так занят иллюзиями,

что ослабил контроль над стаей, и крупный самец вырвался из-под власти вожака. Эта тупая тварь видела добычу и без колебаний бросилась в бой. Эфиоп торопливо перезарядил обрез. Его дробь разворотила псу лапы, мутант не мог встать, но и не умирал. Он бился, истекал кровью, и запах добычи заставлял стаю беситься. Серебристый силуэт снова появился на миг и тут же пропал, потом объявился в нескольких шагах и опять исчез. Кусты заколыхались, тени замелькали быстрее. Курбан, не спуская взгляда с зарослей, подтолкнул сапогом грудку хвороста. Костёр вспыхнул ярче — и пламя отразилось в больших круглых глазах, силуэт крупного зверя проступил во мраке. Этот был настоящий. Но Курбан не успел прицелиться — чернобылец отпрянул и растаял в ночи, зато в кустах показались острые морды. Клыки в свете костра казались алыми, будто уже окрасились кровью. Псы мелькали в листве, подбирались всё ближе. Вожак едва сдерживал стаю, готовую напасть на чужаков. Курбан шумно выдохнул, дал короткую очередь, кусты отозвались воем, тени замелькали живее. Ствол «калаша» ходил из стороны в сторону.

Сталкеры понимали, что, если псы нападут, отбиться будет очень трудно. Двустволку Эфиоп перезарядить не успеет. Два заряда дробы, а потом надежда на один автомат... Рычание сделалось громче, тень за кустами сгустилась — псы вот-вот должны были броситься в атаку. Где-то в отдалении прозвучал одинокий вой: «О-хо-хо...» Голос был высокий, тонкий, так воют щенки. На зов отозвался другой, третий... Потом кусты задрожали, тени под ними сделались тоньше и прозрачнее псы отступили. Курбан покосился на Эфиопа.

— Что это они? — спросил тот, тяжело переводя дух. Курбан сам не понимал, почему свора отступила.

— Что-то случилось, щенки подали голос... Не знаю, что там, но нужно бежать. Хватай рюкзак, потом прикроешь меня.

Сперва Эфиоп забросил за плечи поклажу, потом встал перед зарослями с оружием наготове, пока Курбан хватал свои пожитки.

— Костёр? — коротко спросил блондин.

— Пусть горит, вчера был дождь, всё мокрое. Лес не загорится... Ну давай, давай!

Последние слова Курбан бросил уже на бегу.

Эфиоп задержался, чтобы отшвырнуть сапогом грудку хвороста от костра, и припустил следом. Стая ушла в южном направлении, оттуда доносились завывания, иногда низкий рык и, кажется, звуки грызни. Курбан уводил спутника на север, подальше от псов. Убежать они бы не смогли, пусть стая в погоню, но слепым собакам почему-то стало не до них.

— Кто-то, — выдохнул на бегу Эфиоп, — напал... сзади... а?

— Ага... — выдавил из себя Курбан. Хотя рюкзак, который тащил «отмычка», был тяжелее раза в полтора, старший сталкер выдохся намного раньше. Однако продолжал отчаянный бег из последних сил.

Ночью лес выглядит совсем иначе, даже этот молодой лесок, по которому бежали Курбан с Эфиопом, казался зловещим, игра теней под деревьями и переливы серебристого лунного света на полянах странно изменяли ландшафт. Когда ветер шевелил кроны невысоких дубов и клёнов, темнота перемещалась, редколесье наполнялось шорохом и скрипом... Лес не молчал, но завывания мутантов остались позади. Слепые псы охали и скулили совсем далеко, эти звуки медленно гасли, стихали... Иногда подавали голос ПДА, и сталкеры замедляли бег, выискивая невидимые в темноте аномалии... Наконец Курбан почувствовал, что больше не может и бежать.

— Кажется... оторвались... — выдохнул он и опустил в серебристую под лунным светом траву.

* * *

Неизвестный зверь, вожак стаи, заставил Тварь насторожиться. Она ощутила его волю, его прикосновение к собственному сознанию. Это было опасно. Поэтому Тварь решила воспользоваться моментом. Стая охотилась, Тварь подкралась с тыла. Как обычно, пока

взрослые бойцы кружили около добычи, самки с детёнышами держались в стороне. На них и напала Тварь. Вожак, конечно, должен был позаботиться о безопасности щенков, однако чернобыльский пёс не слишком обеспокоился присутствием одинокого чужака и сосредоточился на опасной охоте. Будь на месте Твари обычный зверь, даже очень сильный и ловкий, самки сумели бы дать ему отпор. Но этого противника им было не одолеть. Тварь атаковала молниеносно. Жертва её атаки ещё валилась в траву с разорванным горлом, а Тварь уже зависала в прыжке, направленном на новую цель. Слепые суки скулили, метались, но не поспевали за быстрыми движениями Твари. Потом пришла очередь щенков, с этими Тварь расправлялась ещё быстрее. Вой умирающих щенков заставил чернобыльца увести стаю от костра — спасение самок и молодняка было важнее охоты.

Тварь ждала посреди поляны. Ночью кровь кажется серебристой, пока не свернётся, — и чернобылец увидел чужака, застывшего среди серебристых луж и пушистых холмиков-мёртвых щенков. Следом за вожаком на поляну выступили слепые псы, они поднимали острые морды, тревожно втягивая запах крови и смерти. Чернобыльцу стало тяжело удерживать стаю в повиновении — мутанты бесились от желания убивать и от голода. Эти твари всегда голодны, а поляна была завалена пищей. Мёртвые соплеменники были для слепых псов такой же едой, как и любая добыча. Тварь собак не слишком пугала — в её запахе им чудились знакомые оттенки, хотя и мешались с неизвестными, но этот зверь был один против стаи, и стая была готова напасть. Вожак оценивал противника совсем иначе, потому что был зрячим и отлично видел в темноте. Он не только ощущал непривычный запах, но и различал приземистого, плотно сбитого зверя, плавно переступающего мускулистыми лапами. Тварь припадала к земле и кралась к центру полукруга, образованного стаей. Она не боялась, и вожак решил включить этого пса в свору. Чернобылец был опытным старым зверем, он отлично умел контролировать слепых псов и не сомневался, что сумеет справиться ещё с одним. Куда труднее оказалось сдержать стаю, готовую броситься на чужака. Поэтому сперва чернобылец сосредоточился на слепых псах. Те, пусть и неохотно, подчинились. Полукруг распался, псы, подвывая и изредка рыча, попятились — им страшно не хотелось отказываться от драки, тем более что они не сомневались в исходе, их-то много против одного пришельца! Но воля вожака была сильнее; подчиняясь его приказу, псы отступали, поджимали куцые хвосты и скалили клыки.

Тем временем Тварь, стелясь по серебристой траве, приблизилась к чернобыльцу. Она оглядела вожака снизу вверх, и её взгляд сфокусировался на горле. Она не спускала крысиных глаз с точки на мощной шее чернобыльца — той самой точке, куда нужно вонзить клыки. Ноздри собачьего носа Твари шевелились, втягивая запахи, исходящие от вожака. Не делая резких движений, она приближалась на расстояние прыжка — того самого, последнего прыжка. По мере того как расстояние между ними сокращалось, чернобылец опускал голову. Он был куда крупнее и тоже знал, как следует провести этот бой. Вот Тварь подобралась совсем близко и прижалась к земле — так, чтобы заветную точку на горле противника не прикрывала поросшая серебристым мехом челюсть. И тут вожак нанёс удар. Разом, всей мощью — он выпустил сознания слепых псов и сосредоточил свою волю, весь заряд психической энергии на чужаке. Он спешил, чтобы завладеть Тварью прежде, чем растерявшиеся псы придут в себя. Чернобылец ощерил клыки и зарычал, отвлекая Тварь от настоящей, невидимой атаки, мысленно потянулся к ней, ощущал бесплотными лапами мозг, облизал призрачным языком и установил связь. Эта связь имела чёткую организацию. В одну сторону по незримому каналу будут струиться приказы, в другую — сигналы о замеченной добыче либо опасности. Ну вот и всё, как обычно прошло легко. Очень легко. Чернобылец не успел сообразить, что собачий мозг, которым он овладел, не располагает телом, — он спешил восстановить управление слепыми псами. Те уже начали осознавать себя свободными от контроля, и вожаку нужно было поторопиться.

Тварь перекрыла нервные каналы, связывающие собачий мозг с её телом. Немыслимое дело для любого иного существа — но не для Твари. Теперь она снова была крысой. Тугие, будто стальные пружины, мышцы задних лап распрямились, Тварь совершила молниеносный, точно выверенный прыжок — и собачьи клыки, управляемые мозгом

крысёнка, вонзились в горло чернобыльца, в ту самую заветную точку, с которой Тварь не спускала глаз. Слепые собаки так не сражаются, это была атака крысы. Мощные челюсти, на которых Тварь нарастила дополнительные мышцы, легко прокусили шкуру на горле мутанта, хлынула кровь... Слепые псы, связь с которыми чернобылец едва успел восстановить, получили последний — очень чёткий и ослепительно яркий — сигнал: боль, и ужас, и страх неминуемой гибели. Агония умирающего вожака ретранслировалась по невидимым каналам всей своре. Слепые дружно завyli, попятились, потом побежали прочь. Их гнал невыносимый страх — скорей, скорей, подальше отсюда, от муки, от боли, от тоски и смерти... Куда угодно! Два перепуганных пса угодили в «воронью карусель», взвыли — их вой ударил по убегающим собакам, будто кнут... Слепые помчались бы ещё быстрее, если бы это было возможно, но их страх достиг предела, превзойти который невозможно. Тварь сунула морду в прокушенное горло вожака. Горячая кровь хлестала струями, заливала глаза, но теперь Тварь уж точно не нуждалась в зрении. Её язык продвинулся глубоко внутрь чужой — пока ещё чужой — плоти, и из него поползли тоненькие чувствительные ниточки нервных волокон. Тварь должна была завладеть мозгом чернобыльца прежде, чем он умрёт окончательно.

Глава 13

На поляне сидели, пока не стемнело. Серж без передышки гонял свой комп — должно быть, обменивался инфой с несколькими абонентами. Торец и Чардаш устроились рядом, остальных не подпускали. Животное сунулся было с какой-то ерундой, его тут же шуганули — не лезь под руку! Толику показалось, что Торец откровенно скучает, бригадир не понимал тонкостей, но его статус обязывал вникать в детали дела. Изредка эта троица обменивалась короткими фразами, Толик пару раз расслышал обрывки разговора: «Вот здесь могут быть они...»; «...сейчас сверится по сигналам спутника...»; «Да, похоже. Этих как раз трое и идут в нужную сторону». Наконец Серж принял решение:

— Вот это наш Бузяк, — и ткнул в экран ПДА — должно быть указывал Торцу точку на карте. — Три рыла, как раз подходит. Они на ночёвку встали, тут мы их и прихватим. Четыре километра отсюда.

— А если это не они, — с умным видом осведомился Чардаш.

— Тогда ты перед ними извинишься, — ответил с обычной холодной улыбочкой Серж. — Если это не они, то до утра успеем вот с этой группой потолковать, вот здесь, шесть километров к северу. — И снова указал на карту.

— Я понял. — Чардаш старательно не подавал вида, что слова Сержа были ему обидны. — А как брать будем?

— Как уговаривались. Растолкуй молодым задачу.

Чардаш кивнул и направился к Будде с Толиком.

— Вот что, пацаны. Как стемнеет окончательно, начнём работать. Смотрите на ПДА. — Бандит показал браслет, высветилась карта квадрата, где они сейчас находились. Он поставил небольшое разрешение, без фиксации чужих сигналов. — Мы сейчас вот здесь, а вот здесь трое мужиков расположились. Ваша задача — обойти их и шугануть, чтобы побежали на нас. Мы будем сидеть вот здесь с отключёнными приборами, нас не заметят, тут мы мужиков и примем. Ясно?

— Глупо, — отрезал Будда. — Хрена они от нас со Скрипачом побегут. У меня «Макаров», у него обрез, чем мы мужиков шугать будем? Они враз просекут, что нас двое, отойдут от костра и залягут. Мы даже приблизиться на выстрел не сможем, а они нас увидят на ПДА. А как подойдём, нас попросту положат в минуту...

Установилась тишина, Толик поймал на себе внимательный взгляд Чардаша — должно быть, тот ждал, что Скрипач, как лох, сейчас выскочит: мол, всё сделаем, шуганём, всех порвём! Как же, жди, Скрипач теперь умный, его иллюзиями не проведёшь. Пауза

затягивалась, все молчали, и было слышно, как где-то далеко-далеко подают голос слепые псы.

— Он прав, — наконец неохотно согласился Торец. — Этих сопляков положат и пикнуть не позволят.

— А мы сделаем иначе! — встрял Животное. — Пусть пацаны пару выстрелов дадут и отступят, потом снова. Раскочегарят стalkerюг, разозлят — те погонятся. И на нас..

— Хорошая идея, — одобрил Серж. — Мы засядем с отключёнными ПДА, молодые мимо нас просквозят, мужики за ними, ну и нарвутся. Так и сделаем.

Будда пересёк поляну, встал перед Животным и протянул руку:

— «Калаш» дай. Я что, на три шага к мужикам подходить должен?

— Не дам, моя машинка.

— Что, боишься, что нас грохнут и ты машинки лишишься? — подначил Толик. Он бы тоже был не прочь выпросить ствол посерьёзнее, но понимал, что два автомата им не получить. — А Будда не боится.

— Отдай, — велел Серж. И Саня мигом послушался. Даже бухтеть не стал. Серж — не Будда, с таким не поспоришь. Толстяк взял автомат, осмотрел и снова протянул руку:

— Рожок в запас.

— Там два, оба полностью снаряжённые, — буркнул Саня.

В самом деле, второй рожок был примотан изолентой, чтобы удобнее было сменить в бою. Будда не убрал руку, стоял и ждал, покуда Животное, всем видом изображая возмущение, не полез в карман и не вытащил запасной рожок.

— Потом верну, когда закончим, — пообещал толстяк.

— ПММ дать?

— Своим обойдусь.

Бригада двинулась выбирать место засады. Пересекли открытое пространство, углубились в лес. Дальше пришлось сделать крюк, обойти небольшое болотце. Пока добрались, окончательно стемнело. Бойцы расположились на краю леса-перед ними была поросшая невысоким кустарником пустошь. За пустошью в зарослях расположились стalkerы — туда и отправились Будда с Толиком.

Толстяк шагал медленно, не спуская глаз с ПДА. Толику хотелось всё проделать поскорее, но пришлось приноравливать шаг к походке напарника.

— Ты тоже запоминай дорогу, — велел Будда, — Потому что бежать будем под огнём. Если аномалия по пути или что...

— А-а-а... — Толик только теперь сообразил: ведь верно, нужно дорогу хорошо запомнить. Когда мужики в три ствола погонят их с толстяком, оглядываться будет некогда. И он старательно завертел головой, запоминая окрестности. Наметил раскидистую ель — вот отсюда нужно будет бежать к тому кусту с двойной верхушкой, дальше — во-он в ту сторону. Ошибиться нельзя: если не вывести погоню туда, где засела бригада, — привет, не уйти. Потом они с Буддой миновали опушку, и сразу стало темно.

— Слушай, Толик... — Будда, едва различимый в тени остановился. — Действуем так. Я иду первым, ты чуть позади. Они нас сперва увидят на ПДА, насторожатся. Так что я близко не подойду, открою огонь издали.

— Глупо как-то...

— Конечно, глупо. Пусть мужики считают, что мы дураки. Или что пьяные, ну или, там, обдолбанные. Я стреляю, делаю ноги. Ты их близко не подпускай, бей издали и бегом за мной. Когда они за мной погонятся, дистанция малость сократится, но ты не жди, бей издалека.

— Так дробовик же мой не... — Толик хотел сказать, что его оружие бьёт на короткое расстояние и урона стalkerам не нанесёт, если издали.

— Вот именно, — с нажимом произнёс толстяк, — тебе помирать из-за Сержа незачем, пусть он сам старается.

— Ну, идём.

Они прошли ещё немного по лесу, и на мониторе ПДА показались три точки. Сгрудились, у костра сидят. Ещё несколько шагов — и сигналы на мониторе пришли в движение. Толик представил себе, как сталкеры сейчас отодвигаются от костра и направляют оружие навстречу пришельцам — небось тоже на ПДА поглядывают, засекли гостей. Потом Толик различил рыжеватые отблески костра на стволах деревьев. — Стой, — сказал Будда. — Жди здесь, я чуть вперёд продвинусь. И гляди, меня не подстрели, когда я драпать буду.

— А ты...

— Я быстро! Почудилось, что толстяк улыбается, но в темноте можно было и ошибиться. Толик послушно встал, где было сказано, взвесил в ладонях дробовик, приготовился. Впереди тёмный силуэт Будды несколько раз заслонил свет костра. Потом ударила автоматная очередь — и тут же в ответ загрохотали выстрелы.

— Вы попали, уроды! Вы попали! — дурным голосом заорал из темноты Будда. — Я вас всех здесь положу! Сталкерё, уроды!.. Козлы!

Потом — снова выстрелы. Именно эту перестрелку слышали «долговцы» с блок-поста, которым командовал Камышов.

На фоне пальбы Толик иногда различал топот и хруст веток Будда перемещался в темноте, бежал от укрытия к укрытию, пару раз выстрелил, чтобы разозлить сталкеров покрепче, но те не спешили уходить от костра.

— Ну, козлы, всех урою! — завопил Будда чуть в стороне. — Получайте, лохи! Что, испугались? Обделались с перепугу? Сейчас я вас всех...

И снова длинная очередь. Мужики должны были сообразить, что придурак, которого нелёгкая вынесла к их костру, подобру не отстанет. В этом и состояла идея.

— Вот вам, доходяги! — совсем уж дико взвыл Будда.

Потом Толик различил возгласы сталкеров — звуки перестрелки и крики приближались. Совсем рядом захрустели ветки под тяжёлыми башмаками.

— Это я, — нормальным голосом бросил Будда, пролетая мимо.

Толик его и так узнал, потому что толстяк пыхтел на бегу, тут не ошибёшься. Звуки погони приближались... Толик вскинул оружие, приготовился. Между деревьями мелькнул силуэт, и он выстрелил — не надеясь попасть, просто, чтобы сталкеры не растеряли задора. Лес ответил пальбой, несколько пуль ударили в дерево, за которое отпрянул Толик. Он пригнулся, бросился в сторону, не целясь выстрелил из второго ствола, развернулся и побежал за приятелем. Будду он настиг у опушки, за спиной грохотали выстрелы — сталкеры видели сигналы беглецов на ПДА и не бросали погони. Стреляли они лишь изредка — берегли патроны. Напарника Толик обогнал уже в десятке шагов от кромки поляны. Будда обернулся, полоснул очередь по кустам и потрусил дальше за Толиком. Магазин опустел, и толстяк на ходу щёлкал металлом — переворачивал скреплённые изолентой рожки. Толик опустил на колено и тоже перезарядил дробовик. Сталкеры уже приближались к опушке. Толик поднял оружие и ударил дробью по тёмной стене леса. Потом бросился бежать и вскоре снова настиг толстяка. Тот уже не визжал глупости — берёт дыхание. Да и незачем стало дразнить мужиков — те достаточно раззадорились. На бегу Толик бросил взгляд на ПДА — вот они, голубчики, движутся следом все трое, двое впереди, последний немного отстал. Должно быть, тяжёл на ногу, но тоже спешит, тоже хочет догнать идиотов, которые напали на стоянку. Толик припустил скорей, расслышал писк датчика аномалии, присмотрелся. Будда кряхтел и отхаркивался позади. Толик свернул в сторону, писк прибора стал сильнее и чаще, парень быстро рванул в противоположном направлении, чуть не столкнулся с Буддой и прохрипел на бегу:

— Аномалия!

Толстяк притормозил, сзади прогремела очередь, и Толик отчётливо расслышал, как пули свистнули совсем рядом.

— Хрен с ней, — выдохнул Будда.

Они снова побежали, вздрагивая всякий раз, когда преследователи палили в спину. Наконец нырнули в спасительную темень леса, стали петлять среди стволов. Толик

испугался: а вдруг Серж станет стрелять, не разбирая, кто здесь, свой или нет? С этого станется, ему наплевать на бригаду.

— Эй! — окликнул Толик. — Эй, Торец! Саня!

— Не ори! — пропыхтел из темноты Будда. — Они левее, давай за мной!

Теперь Толик больше ориентировался по прибору, глядел, как рядом с его собственным сигналом в центре экрана перекачивается светящаяся капелька — Будда. Как ни странно, толстяк ориентировался в лесу лучше напарника. А сталкеры не отставали, их сигналы, то сходясь вместе, то рассыпаясь цепью, не исчезали с экрана. Иногда кто-нибудь из преследователей стрелял — вряд ли прицельно.

Толик бежал, стараясь держаться поближе к Будде, и гадал, миновали они засаду или нет. И даже сперва удивился, когда позади загрохотали стволы. Будда вывалился из темноты, его лицо лоснилось от пота, лунный свет играл на влажных щеках. И хрипел он, как сотня псевдопсов.

— Стой... ф-фух... — выдохнул студент. — Стой... — Он согнулся, упёр кулаки в колени и стал шумно отхаркиваться. Через несколько минут перестрелка стихла.

— Пойдём? — предложил Толик.

Ему вдруг стало не по себе здесь, посреди затихшего леса. Там, где осталась бригада, грохнул винтовочный выстрел, и вдруг сделалось странно тихо, только Будда сопел и плевался, никак не мог восстановить дыхание после долгого бега.

— Я бы не стал спешить, — пропыхтел он. — Спешка противоречит моим наклонностям. Истинный созерцатель всегда...

— Пойдём, а? — попросил Толик. — Что-то муторно мне. Когда не знаешь, чего там происходит, так не по себе. Может, сделать чего надо? Помочь как-то?

— Да чего... происходит... Наши победили. Как в кино наши всегда побеждают. Толик поглядел на ПДА — нет, они слишком далеко, сигналов не видать.

— Ну пойдём, а? — в третий раз попросил он.

— Ну ладно... Сейчас пойдём. Только не спеши. И ствол заряди. Будда в который раз удивил Толика. Ведь еле бежал, пыхтел, сипел — кажется, совсем выдохся, а успел заметить, что напарник дробовик не зарядил!

— Да-да, я сейчас...

Приятеля медленно крались по лесу, Толик поглядывал на ПДА. Конечно, они с Буддой убежали не слишком далеко — вскоре на мониторе возникла россыпь светящихся точек. Несколько сигналов перемещались, выписывая петли вокруг тех, что оставались неподвижными. А в лесу по-прежнему царила такая тишина, что любой хруст и шорох под ногами, любой хриплый вздох толстого Будды казался громоподобным. Наконец впереди замаячил свет — бандиты включили фонарики и обходили место схватки, собирали трофеи.

— Видишь, — сказал Будда, — компы врубили, свет врубили, значит, бояться некого.

— А я и не боюсь, — буркнул Толик, — это же ты хотел не спешить.

— И сейчас скажу: не спеши. Хабара тебе всё равно не перепадёт, Торец велит в общак сдать, зато чем позже явишься, тем меньше тебя припашут. Пусть лучше без нас пока обходятся.

— Как это — припашут? Будда не стал отвечать, зато демонстративно пошёл медленнее. Толик, как обычно, доверился опыту толстяка и тоже сбросил скорость, хотя они и до этого едва плелись по тёмному безмолвному лесу. В конце концов приятели вышли к краю поляны, по которой гуляли лучи фонарей. Полосы света то опускались к земле и выхватывали из мрака тела в помятой траве, то устремлялись в ночь, постепенно теряя силу. Будда придержал Толика за рукав, они остановились на опушке. Стали слышны голоса.

— Оба живы, Серж, — с подхалимскими нотками в голосе доложил Саня Животное, — как ты велел. Обоих живыми взяли. Гляди, я посвечу.

— Ага... — Самый яркий луч переместился к Животному, опустился — это Серж пригнулся, чтобы разглядеть раненых сталкеров. — Отлично. Повезло нам, пацаны, этот и есть Бузяк, нашли, значит. Ты Бузяк, верно?

— А ты кто? — прохрипел незнакомый голос.

Распростёртый на земле сталкер слегка пошевелился — должно быть, хотел встать, но Чардаш высунулся из темноты и ткнул его стволом автомата, заставив лечь. У Чардаша фонаря не было, и Толик его разглядел только теперь. Ещё он не видел Мистера и Торца. На ПДА присутствовал ещё один сигнал, неподвижный — и совсем рядом, у самой опушки. Тут тучи разошлись, показалась луна. До полнолуния оставалось совсем немного, и ночное светило щедро посеребрило поляну. Толик едва сдержался, чтобы не выругаться, не выдать себя удивлённым возгласом. В пяти метрах от них с Буддой лежал Гена Торец. Мёртвый бригадир разбросал конечности и после смерти будто стал ещё крупнее. Лунный свет играл серебристыми искорками в луже, которая широко расползлась под телом. Но разглядывать мертвеца Толику долго не пришлось — снова заговорил Серж:

— Бузьяк, у нас совсем мало времени, поэтому не будем его терять. Сейчас я тебя попробую убедить в том, что меня нужно слушать, я на ветер слов не бросаю.

Фонарь приподнялся, яркий луч скользнул в сторону, хлопнул пистолетный выстрел. Сталкер по кличке Бузьяк зарычал, Чардаш с Животным навалились на него, удерживая.

— Твой дружок мне не нужен, — спокойно продолжал Серж, — у меня только к тебе дельце. Поэтому давай без истерик, подбери сопли и слушай, я расскажу тебе кое-какие новости. Фонарик снова сместился, теперь он светил в лицо лежащему.

— Во-первых, меня зовут Серж. На этом хорошие новости заканчиваются, дальше всё несколько печальней.

«Пижон, — подумал Толик, — вот трепло!»

— Мне нужен пакет Гоши Карого, — продолжал всё тем же бесстрастным голосом пижон. — И без вопросов. Я не хочу слышать глупости вроде: «Какой пакет? Не знаю никакого пакета!»

— Не знаю я... — начал было сталкер.

Яркий луч задёргался. Каждый рывок сопровождался стонами и руганью — Серж бил сталкера ногами. В мечущемся луче толком было не разобрать, что происходит, но удары у Сержа выходили тяжёлые, с хрустом. Толик покосился на Будду, который так и не выпустил его предплечья. Толстяк сжал ладонь сильнее — мол, помалкивай, не лезь туда. Толику и самому теперь ни за что не хотелось соваться на поляну, не хотелось принимать участия в допросе пленного. В самом деле, пусть сами... Серж остановился, луч фонаря снова ощупал распростёртого сталкера и двух бандитов, которые его удерживали.

— Сука, — отчётливо вымолвил пленный.

— Неправильный ответ. — Серж снова стал избивать лежащего. — У меня... мало... времени... поэтому... давай... быстрее! Ну, где пакет?

— Да не знаю я, понял? Нет у меня никакого пакета! Я за Периметр уже месяц не выхожу, прописался я, понял? — прохрипел Бузьяк. — Мне на Гошу наплевать, понял? И на тебя вместе с ним! Понял?

— Месяц? — Серж задумался. — Ну вот, у нас уже разговор получается... Да, наш пакет возник совсем недавно, месяца не прошло. Но ты же можешь соврать? И тебе могли передать от Гоши посылочку, а? Чего молчишь? Кто-то мог пронести через Периметр и отдать тебе...

Тут на поляне возник новый огонёк — фонарик на армированном капюшоне Мистера.

— Факин третий готов. Лучи света скрестились на фигуре дезертира.

— Третий старый был, сто годов старый, не есть наше факин объект, — произнёс Мистер необычно длинную для него фразу. — Я на месте кончать. Не волочить на сюда.

— Что он говорит? — спросил Серж. Животное тут же принялся переводить:

— Он говорит, догнал третьего сталкера, ну, который от нас утёк. Оказалось, старик, совсем не тот возраст, он его и грохнул на месте. Наш должен быть моложе, так что чего зря...

— Ага.

— Мистер, ты чего так долго? — не унимался Животное. — Мы тут без тебя...

— Закрой факин пасть, — буркнул Мистер. — Я факин карман на старик проверь и хабар брать. Патроны есть. Запасливый старый.

Тут пленник, о котором все ненадолго забыли, решил, что у него есть шанс. Толик разглядел, как в луче света возникла нога в грязном сапоге, врезала в скулу Животному, который как раз приподнялся, чтобы ругаться с Мистером. Саня взвыл и пропал в темноте, луч его фонаря метнулся вверх, по дороге прочертив яркую дугу. Бузяк ударил стоявшего над ним Сержа ногой в живот, высвободил руку и врезал Чардашу, вскочил... На поляне всё смешалось, Мистер заорал что-то не по-русски, луч с его капюшона метнулся в сторону... В темноте грохнули три выстрела. И Серж спокойно сказал:

— Фонарь разбил, что ли, козёл. Не вижу, куда упал фонарик... Эй, дайте свет, кто тут...

— Идём, — шепнул Будда, увлекая Толика на поляну, а то увидят на ПДА, что мы рядом стоим... Идём, теперь можно.

Парни вышли на поляну. Мистер встал над Бузяком и глянул вниз. Потом поднял голову, луч его фонарика высветил Сержа с пистолетом в руке. На животе, на пижонском светлом плащике отчётливо отпечатались грязная подошва, и это зрелище Толику очень понравилось. Больше ему не нравилось ничего: Бузяка Серж застрелил.

— Факин стрелял, — констатировал Мистер. — Труп наше иметь. Нет инфа, онли факин труп.

Снова набежали тучи, закрыли луну, стало темнее. У ног Сержа из мрака появилась рука с фонариком — это услужливый Саня подобрал имущество, которое выронил пижон.

— Что же теперь делать? Как дальше? — спросил невидимый в темноте Чардаш.

— Здесь долго нельзя, — вставил Животное, — долговский пост совсем рядом, они стрельбу слышали. Уходить, уходить скорей надо.

Серж задумчиво щёлкнул выключателем фонаря, свет мигнул и снова зажёгся.

— Общайте всех, соберите хабар, — велел он. — Ты Бузяка осмотри. Я думаю, он не врал, но кто знает? Потом уйдём. К завтрашнему утру у меня будет информация о перемещениях Мони, и кстати, третий из фигурантов тоже засветился. Слепого видели, он точно в этих краях.

Животное, не брезгуя, стал выворачивать карманы мёртвого бригадира, и Будда, толкнув локтем Толика, прошептал:

— А я тебе что говорил? Про иллюзии, а? Вон Торец спалился потому что очень на большую землю хотел попасть.

— Да понял я...

Толик в самом деле понял. Гена очень хотел вырваться из Зоны, эта надежда затуманила мозг, потому попёр бригадир под пули, хотя был опытным, тёртым бойцом. И сам Толик тоже мог так загнуться — когда б не Будда. Если в самом деле он, Толик, оказался удачливым, так это в том, что встретил толстяка.

* * *

Тварь поспешно запустила тонкие отростки в тело чернобыльской собаки. Зона деления клеток активизировалась, и Тварь стала быстро наращивать нервную ткань. Но быстрота этого процесса — понятие условное, на самом деле результат проявлялся постепенно, потому что масштабы были микроскопическими, а работа предстояла громадная. Чернобылец весил раза в три больше, чем молодой слепой пёс. Теперь нужно было пронизать новое тело чувствительными отростками, взять под контроль, исследовать, овладеть. И Тварь справилась, она подключилась к мозгу побеждённого мутанта и реанимировала его без потерь. Результат ошеломил её — она ощутила мир неизмеримо отчётливее, чем позволяли органы чувств прежних жертв. Зрение чернобыльского пса оказалось куда острее крысиного, но важнее было другое: мозг мутанта сделал доступным для Твари ментальное пространство, не менее объёмное и насыщенное, чем физический мир. Тварь ощутила себя огромным объёмом, она словно выросла в длину, в ширину, в высоту, она вбирала, пропускала через собственное сознание кусты и деревья на расстоянии в десятки метров вокруг. Тварь чувствовала сознания крошечных зверей, населяющих лес. Она

чувствовала их так, будто они сделались частью её самой! Управлять ими, как слепыми псами, Тварь не могла — слишком велики были различия. В сущности, чернобылец являлся не слишком изошрённым телепатом и действовал больше инстинктивно, чем осмысленно, его интеллектуальные способности не превосходили крысиные. Поэтому полноценное ментальное общение у этого мутанта могло образоваться лишь с родственным собачьим разумом.

Но теперь Тварь воспринимала чужие сознания, она ощущала, слышала, видела не только своими органами чувств, но и чужими носами, ушами, глазами. Она смотрела на себя глазами белки, которую разбудили звуки грызни, она слышала себя настороженными ушами мыши, пробирающейся по лесной подстилке. Эти данные поступали к Твари, существенно теряя остроту, ибо контакт всё же оставался неполноценным — однако это было потрясающе. Мир новых ощущений оглушил Тварь, но не надолго, она сумела побороть удивление и продолжила работу. Ей предстояла трудная, очень трудная работа — перестроить большое сильное тело чернобыльского пса и овладеть всеми его умениями. Это нужно для достижения цели. Тварь существенно продвинулась в исполнении программы, но ощущала смутную уверенность — до окончания далеко. Чернобыльский пёс — вовсе не вершина, не замыкающее звено пищевой цепочки.

Глава 14

Слепой с Камышом просидели допоздна, так что поспать удалось меньше шести часов. Распорядок в долговских подразделениях строгий, подъём — по расписанию. Слепого никто не тревожил, но шум «долговцы» подняли с рассветом такой, что спать всё равно стало невозможно. Камыш гремел оружием, щёлкал ремнями снаряжения, за тонкой стеной кунга перекликались бойцы... Жизнь в Зоне приучает спать чутко, малейший шум — и всё, не уснёшь.

Слепой проклял в душе гостеприимство командира блокпоста и дал себе слово, что отоспится при первой же возможности. Ушёл в Зону, чтобы отлечьиваться, — и на тебе! Никакого покоя плюс головная боль. Когда гость выглянул из кунга, Камыш уже расхаживал снаружи и раздавал распоряжения.

— А, Слепой! Ну как, голова не болит?

— Чему там болеть, там же кость, как сказал сталкер Петров... Хотя вообще-то есть немного, — признался сталкер.

— «Пёрышки» к вискам приложить хорошо после этого дела, ухмыльнулся один из «долговцев». — Я сам пробовал, помогает.

— А я слышал, что нужно прилечь на спину, а «пёрышки» на грудь положить, — подхватил другой.

— Или бабу, — первый «долговец» ухмыльнулся ещё шире, — чтобы кровь от головы отливала, тогда всё как рукой снимет.

— Разговорчики в строю! — с деланной строгостью прикрикнул Камыш. — Шли бы вы с вашими советами...

— А чего?

— А того, что сейчас прикажу тебе «пёрышки» разыскать, а тебе, Чугун, бабу предоставить. А то советовать все мастера.

— «Пёрышко» у меня есть, — сказал «долговец» по кличке Чугун. — Держи, командир.

Камыш подержал артефакт у виска, буркнул что-то одобрителное и передал лечебное средство Слепому. Тот тоже попробовал — в самом деле стало лучше. Головная боль не унялась, но словно сделалась не такой заметной, отступила в глубину.

— Надо запатентовать, — заметил он. — Это же можно озолотиться на похмельных! Национальный бизнес!

— «Предмет запрещён к выносу из Зоны», — деревянным голосом процитировал Камыш, — так что лечись здесь, а я начальству сообщу пока набыю. Ночью стрельба была, помнишь? Я доложу, потом пойду проверять.

— Вот как у вас строго... — протянул Слепой. — Где-то постреляли, а тебе идти проверять.

— Ствола четыре или даже пять. Это серьёзно.

— Угу. Вот я и говорю: серьёзно у вас всё.

Камыш склонился над ПДА. Слепой подождал немного, потом вернул «долговцу» «пёрышко» и ушёл в кунг за рюкзаком. Наскоро распрощался с Камышовым и покинул блокпост. «Долговцы» тоже готовились к рейду — проверить, что за стрельбу слышали ночью, — так что расстались без особых церемоний.

Слепой зашагал к «Сундуку» по короткой дороге, через владения «Долга». Дела были окончены, теперь и правда можно отдохнуть, отоспаться. Побездельничать в ожидании позволения возвратиться за Периметр. Солнышко пригревало, дорога была пустынная, и с каждым шагом настроение становилось всё лучше. Слепой с удовольствием задумался о том, как вернётся, как встретится с невестой, как она будет притворно сердиться на него, как он станет — так же притворно — оправдываться, рассказывать про stalkера Петрова, который зарекался ходить по Зоне и решил завязать, но его не выпустили наружу, за Периметр, миротворцы, как Ларик наконец смирится и скажет, что прощает в последний раз, потому что он, Слепой, такой дурак, что на него толком сердиться невозможно... А он, Слепой, на это ответит, что последних разов не бывает, последняя только у stalkера Петрова рубаха — потому что он её никогда не меняет... и Ларик будет смеяться. Потом stalkер поймал себя на том, что от таких мыслей глупо улыбается, и это тоже было так здорово, что его улыбка сделалась ещё шире...

* * *

Камыш поглядел вслед Слепому, тяжело вздохнул и подумал, что завидовать, конечно, нехорошо... но иногда очень уместно.

— Ладно, — сказал он, — Хижняк, со мной. Чугун пока за старшего.

Двое «долговцев» отправились в глубину ничейной территории. По дороге оба строили догадки, что могло оказаться причиной стрельбы. Вообще-то здешняя округа считалась довольно тихим местом. В нескольких километрах к северу располагалась зона повышенной аномальной активности, то есть там чаще встречались злобные образования и, следовательно, выше была вероятность разжиться артефактами. Понятное дело, что stalkеры тянулись туда, и «Свобода» норовила подмять земли к северу под себя, там и стычки между группировками случались. А здесь — тишина можно сказать, курорт.

— Говорят, тут неподалёку собачья стая обосновалась, — разглагольствовал молодой stalkер по фамилии Хижняк, — и сюда забредают. А вожак у них — чернобылец, здоровенный, седой совсем, матёрый.

— Я слышал, даже пару раз издали на него глядел, — кивнул Камышов. Оба давно знали о стае с чернобыльским псом, просто молча идти скучно, вот и повторяли в который уж раз одни и те же нехитрые местные байки. — Близко он не подпускает, хитрая бестия. Но если стая насытит на мужиков, то стрельба не такая получается. Псы сразу не нападают, сперва кружат, пугают, дразнят... То есть как бы постепенно всё. А тут с ходу несколько стволов...

— Ага, несколько, — с готовностью подхватил Хижняк. — И стихло быстро.

— А как стихло? Мне из кунга было почти не слышать. Как оно, разом, дружно огонь прекратили или как?

— Ну... не совсем так. Перестрелка вроде как с минуту продолжалась, потом ещё одиночные вроде. Но уже издали, тише. А потом и вовсе смолкло.

— Чернобылец не отступился бы, если уж вывел стаю на охоту. Хотя... кто его знает, мутантскую морду? Так они прошли пару километров по редколесью, вокруг было спокойно — ни движения, ни громкого звука. Вдруг Хижняк замер и вскинул автомат.

— Что? — Камышов тоже взял оружие на изготовку и повёл стволом вокруг, осматривая редкий лес, пронизанный солнечными лучами, бьющими наискосок сквозь прорехи в кронах молодых деревьев. Из-за такого освещения казалось, что лес состоит из светлых и тёмных пятен. Словно мозаика.

— Собака вроде.

Камыш проследил, куда глядит автомат напарника. Сперва не увидел ничего подозрительного. Потом за кустами мелькнула тёмно-рыжая спина. Пёс брёл, опустив морду, и будто не замечал сталкеров. Не похоже на обычную манеру слепых собак. Чутьё у них острее, мутант не мог не ощутить присутствия людей.

— Подойдём ближе, — решил командир.

«Долговцы» осторожно двинулись наперерез медленно бредущему мутанту. Тот остановился, поднял безглазую морду, повернулся и немного быстрее потрусил прочь, удаляясь от сталкеров. Передвигался пёс по-прежнему медленно, будто нехотя. Он убегал, но словно не выказывал страха. Обычно слепые собаки действуют шустро — и когда нападают, и когда спасаются бегством. «Долговцы», разумеется, не могли знать, что пёс из стаи чернобыльца настолько оглушён ужасом, что до сих пор не может прийти в себя. Все эмоции, на которые способен мутант, у этой собаки были притуплены, реакции заторможены.

— Станный он какой-то, — заметил Хижняк. — Может, больной?

— Зона его знает. Как по-твоему, мы не слишком далеко прошли?

— Вроде не слишком. — Парень задумался. — Отсюда, если пальнуть, ещё будет у нас слышно... Хотя...

— Ладно. — Камыш остановился и сделал пометку на ПДА. Отсюда свернём, продвинемся на север с километр, там снова развернёмся, пройдем ближе к блок-посту. Прочешем местность, и если до обеда ничего не найдём, значит, ничего и нет. Обед пропускать неохота.

Сталкеры повернули в северном направлении. Намеченный километр им пройти не удалось.

Сперва Хижняк разглядел в зарослях что-то тёмное, мохнатое. Находку почти полностью скрывал невысокий, но очень густой кустарник, так что пришлось подойти вплотную и нагнуться, чтобы рассмотреть.

— Что там? — спросил Камышов.

— Ещё собака, дохлая, — младший боец пнул тушу. — Вроде свежая совсем.

— Застрелена?

— Нет, крови не вижу.

Камыш хотел приказать парню отойти на открытое пространство — не то чтобы он что-то разглядел, но интуиция советовала быть внимательнее и соблюдать осторожность. Позвать напарника он не успел. Раздалось хриплое рычание, кусты рядом с «долговцем» будто встали на дыбы — зелёная стена поднялась, пошла волнами, как изображение в телевизоре, если сигнал приходит с помехами. Воздух поплыл вокруг Хижняка, в нём проступили контуры почти человеческой фигуры, налились объёмом и цветом. Парень успел заметить движение, однако кровосос был быстрее — длинная когтистая лапа смахнула молодого сталкера в кусты, Камышов вдавил спусковой крючок. Кровосос оказался вполборота к нему, очередь легла поперёк широкого корпуса мутанта от поясницы до плеча, монстр отлетел, сбитый пулями с ног. Камыш шагнул следом, поливая огнём заросли, в которые канул кровосос. Шорох листьев и треск стали удаляться. Мутант получил хорошую порцию свинца — достаточную, чтобы убедить его, что он связался не с тем противником, но слишком малую для того, чтобы лишить подвижности.

Камыш вломился в кусты, отшвыривая автоматом гибкие ветви, пролетел сквозь зелёный хаос и вывалился по другую сторону колючей преграды. За деревьями — уже

далеко — мелькнул прозрачный силуэт, по которому из пулевых отверстий ползли коричневые потёки. Мутант удалялся широкими скачками, раскачиваясь и размахивая лапами на бегу. Гнаться за ним было уже бессмысленно, если кровосос решил убраться — значит, на этом бой окончен. Некоторое время он будет неопасен, забьётся в какую-нибудь нору и пересидит, пока затянутся раны. У кровососов это занимает не больше суток, завтра он снова выйдет на охоту.

— Хижняк, ты живой? — позвал Камышов.

— Я в порядке, — кусты зашевелились, боец на четвереньках выполз из-под нагромождения веток. — Просто не успел сообразить. Чего это он на нас напал? Я думал, мы здесь их уже научили держаться подальше, когда по двое идём.

— Я тоже так думал.

— Может, молодой? — Хижняк медленно поднялся.

— Или не хотел нас к добыче пускать, — предположил Камыш. — Из-за одной собаки он бы не стал так злиться. Ну-ка пойдём глянем. Давай за мной и по сторонам посматривай.

— Сам знаю...

— Знал бы, тогда б кровососа не подпустил.

Теперь сталкеры шли медленнее и держались подальше от подозрительных зарослей, где могла бы затаиться опасность. Камыш резонно полагал, что те, кто стрелял нынешней ночью, вряд ли оставили бы следы в густом кустарнике. Так что «долговцы» брели от поляны к поляне, разглядывая мозаику тёмных и светлых пятен, в которую превратило лес утреннее солнце. На одной из полян нашли погасший костёр. Хотя прогоревшие угли уже успели остыть, ясно было, что стоянку бросили совсем недавно. Возле кострища валялись консервные банки, промасленная бумага — всё свежее. Обнаружилось несколько гильз. Камыш поднял одну, понюхал.

— Ещё не выветрился запах. Здесь ночью стреляли, точно.

— А куда ж народ делся? Ни тел, ни снаряды.

— Угу и костёр бросили. Идём поглядим за кустами. Если была перестрелка, отыщем место, где нападавшие стояли.

Сталкеры осмотрели кусты у края поляны, потом прошли ещё дальше, ещё — они раз за разом обходили брошенную стоянку, постепенно увеличивая радиус. Хижняк разглядел пригоршню гильз — как раз там, где и следовало ожидать. Стрелок прятался за толстым клёном от тех, кто расположился у костра.

— Ага, — оживился Камыш, — кое-что ясно. Отсюда стреляли по тем, кто на поляне, они палили сюда. Вон, в дерево пуля попала, гляди. Можно пройти дальше, поглядеть, что ещё сыщется.

Хижняк пожал плечами: сидеть в лагере без дела скучно, а тут вроде развлечение — разобраться, что стряслось ночью. Сталкеры вышли из леса, причём Камыш отметил сломанные кусты у опушки — здесь кто-то торопливо проламывался, и совсем недавно, покалеченные ветки ещё не засохли. Значит, верно идут по следу, не сбились. «Долговцы» двинулись по открытому пространству и вскоре наткнулись на труп. Пожилой мужчина, застрелен. Ни оружия, ни рюкзака с поклажей при покойном не было, но на его драный ватник убийца не польстился — совсем никудышная одежда. Однако карманы вывернуты — не погнушался, значит, тот, кто старика прикончил. Ватник был распахнут, рубаха на груди разорвана в клочья. На шее и торсе рядом с пулевыми отверстиями отчётливо выделялись ярко-красные пятна, а мертвец выглядел слишком уж измождённым, высохшим, будто мумия.

— Понятно, что кровосос сбежал. Он сытый был, деда оприходовал с утра, — пояснил Камышов. — Вот пятна, тут он щупальцами своими присосался. Понимаешь? Не хотел нас сюда кровосос пускать, чтобы не отняли добычу, но и драться особо не рвался, потому что сытый.

— Ага, понятно. Пойдём дальше? Вряд ли этим дедом дело кончилось.

— Сейчас, только сообщение отобью нашим. Нужно посмотреть, конечно.

Пока Камышов набирал короткий доклад на базу, Хижняк расхаживал вокруг. Парень был несколько сконфужен из-за происшествия с кровососом, теперь он держался настороже и внимательно приглядывался ко всякой подозрительной тени ловил малейшее яркое пятно в траве. Не упустил он и россыпь гильз, оставшихся на том месте, откуда Мистер выпустил очередь, срезавшую пожилого сталкера. Прикинули направление от костра к мёртвому телу — место, где нашлись гильзы, находилось как раз на продолжении этой линии.

— Идём дальше, — решил Камыш. — Сюда наши придут, тело похоронят.

— Ты старика знал?

— Вроде знакомое лицо... но после того как кровосос поработает, не узнать человека.

— Идём, Камыш, — кивнул Хижняк. Ему не хотелось задерживаться у обезображенных останков. — Наши приедут, разберутся.

Это было верно — «Долг» добровольно взвалил на себя многие обязанности, в том числе и эту. Покойного похоронят, но сперва сфотографируют, исследуют, насколько это возможно в полевых условиях, затем постараются установить личность, для этой цели у группировки создана картотека. Возможно, в долговской базе данных отыщутся сведения о погибшем.

«Долговцы» отправились в прежнем направлении — по воображаемой линии, проведённой от заброшенного костра через луг с мёртвым стариком... Несколько минут неторопливой ходьбы, и они снова углубились в лес. Вскоре сталкеры наткнулись на поляну, где лежали три трупа. Сюда ещё не успели добраться мутанты, так что тела не пострадали.

Сперва внимание привлёк крупный мужчина — он лежал навзничь, раскинув руки и ноги. Пуля вошла в лоб, и черты покрытого засохшей кровью лица различить было трудно. «Долговцы» переглянулись — обоим здоровяк был не знаком. Хижняк осторожно пошевелил носком ботинка ладонь покойного. На пальцах синела татуировка «Геша».

— Не знаешь этого Гешу? — на всякий случай уточнил Камышов. — Я тоже не помню. На бандюка похож, а? Ладно, посмотрим на тех двоих... Два тела лежали рядом, земля вокруг была истоптана, взрыта каблуками и обильно залита кровью.

— Этого в упор пристрелили, — констатировал Хижняк, — он ранен был, вот и вот. А потом раненого прикончили. Ничего не понимаю. Что ж выходит? Сидели сталкеры у костра, потом пошли сюда, напали на бандюков? Или здесь тоже мужики сидели? А костра нет, не видно, чтоб стоянку устроили. Или они все у костра кантовались, а потом сюда пришли друг в друга стрелять? Ерунда какая-то получается.

— Сам не пойму...

Другой мертвец лежал на боку. Камыш наклонился и медленно перевернул тело.

— Вот это да-а... — протянул он. — Об этом придётся и Слепому рассказать. Не судьба ему со старым корешем повстречаться.

* * *

Именно в эту минуту ещё двое сталкеров вспоминали Слепого. Судьба любит подобные шутки. Курбан и Эфиоп брели несколько часов подряд, спешили убраться подальше от стаи. Они ещё расслышали взрыв собачьих воплей, когда умирающий чернобылец послал стае сигнал гибели и страха, но к этому моменту были уже достаточно далеко. Вой донёсся издали и заставил усталых беглецов снова подняться. Сталкеры не могли бежать, они с трудом переставляли гудящие ноги. Прыти, которую придал страх, хватило ненадолго, вскоре Курбан с Эфиопом снова еле плелись по ночному лесу. Собак теперь не было слышно.

— Куда мы идём? — выдохнул Эфиоп. Курбан только головой покачал — не было сил ответить, а сталкер и сам не знал, куда уводит напарника. Честно говоря, бежал прочь от костра — лишь бы подальше, пока стая отвлеклась. И сейчас хотел уйти куда угодно, чтобы псы не гнались. Выследить сталкеров слепым собакам ничего не стоит, след свежий, и мутанты с их развитым чутьём не собьются. Важно было покинуть их охотничьи угодья, а на

чужую территорию стоя вряд ли сунется. И сталкеры брели, удерживая первоначально выбранное направление. Через час Эфиоп повторил:

— Куда мы идём? Может, встанем снова лагерем?

— Опасно, — вполголоса отозвался Курбан. Ему не хотелось признаваться, что он не знает этих мест и плохо представляет себе, что делать. Неохота показывать «отмычке» собственную растерянность, он же ветеран. — Пройдём ещё. Там дальше на карте обозначены какие-то строения, может, в них обоснуемся, передохнём. Если найти подходящее убежище, тогда и стоя не так страшна — отобьёмся.

Под ногами захлюпало. Это было не болото, просто низина, где после недавних дождей собралось достаточно влаги, чтобы почва раскисла, превратилась в вязкую кашу. В стороне булькало и поблёскивало зелёным, будто окно в топком грунте открывалось, — довольно редкая аномалия, «тёткин кисель». Почти безвредная штучка, но высвободиться из её объятий тяжело. Пока не придёт срок разряжаться, держит крепко, а разряжается, только если определённую массу к себе притянет. Здесь аномалия была небольшая, и вполне хватало воды, перемешанной с грунтом, чтобы разряжаться с периодичностью в несколько минут.

Курбан пошлёпал по краю грязевой лужи, а Эфиоп задержался на минутку — поглядеть, как «тёткин кисель» медленно всасывает мутную жижу, потом разряжается, выстреливая фонтан капель, подсвеченный снизу зелёным. Довольно красиво, если любоваться издали.

— Идём, не стой! — окликнул Курбан, и парень поплёлся за ним, с чавканьем выдрав из вязкой почвы ботинки. Преодолевать топкий участок ночью представлялось затруднительным, но Курбан из упрямства не хотел отказываться от принятого решения. Эфиоп терпеливо топал за старшим партнёром, тот упорно шагал по краю топкой низины, но чем дальше, тем шире тянулась грязь. Ещё пару раз попадались аномалии, сталкеры устало плелись вокруг опасных мест, однажды их с ног до головы забрызгало грязью — какая-то особенно мощная штучка разрядилась. Хотя обходили стороной, грязь расшвыряло так далеко, что достало на большом расстоянии. Наконец, когда небо стало наливаться предрассветной серой мутью, низина осталась позади, но дорогу преградила цепочка аномалий, датчики затрезвонили наперебой, так что даже невозможно было определить, на что именно они реагируют, — как назло, выбранный Курбаном маршрут оказался неудачным по всем статьям. Снова пришлось закладывать крюк, огибая опасное место. В сером мареве обрисовались контуры заваленного на бок грузовика. Тент, которым когда-то был обтянут кузов давно сгнил, ржавый каркас напоминал рёбра доисторического чудовища, кабина была смята и сплющена «гравиконцентратом», который объявился среди ржавых обломков. Возможно, грузовик перевозил радиоактивный груз и теперь превратился в центр аномальной активности. Зловредные образования Зоны возникли среди останков техники и повсюду вокруг. К рассвету сталкеры вышли наконец к руинам — тем самым зданиям, что были обозначены на карте бледными прямоугольниками.

— Да-а, — протянул Курбан, — я думал, хоть что-то сохранилось...

— Стены-то стоят, — сказал Эфиоп. Смысла в этом замечании было немного: от стен мало что осталось, а крыши и вовсе провалились.

— Ну ладно, идём внутрь. Хоть какая-то защита от собак, если догонят, — решил Курбан. — Спать охота... Ты как, ещё продержишься?

Сталкеры вошли в разрушенный дом, Эфиоп сказал, что готов постеречь пару часов, пока Курбан поспит. Потом тот постережет, и парень тоже передохнёт. Добродушный Эфиоп вытерпел целых четыре часа и лишь потом растолкал напарника. Блондин не мог сдержаться зевоту, ему уже отчаянно хотелось лечь и забыться. Он показал Курбану консервную банку:

— Я тут походил вокруг. Смотри, свежая. Здесь недавно люди были.

— Ну-ка, ну-ка... — Курбан неожиданно резко вскочил и выхватил жестянку из рук «отмычки». — Ты баночку узнаёшь? Слепой такие же в «Сундуке» купил! Точно!

— Ну? — Блондин зевнул. Ему хотелось спать, и он не понимал причины радости напарника.

— Эти самые! — Курбан ухмыльнулся. — Сюда он шёл, к этим руинам! Здесь у него схрон, у голубчика! Точно говорю, здесь! Ладно, сейчас от тебя толку мало, ложись-ка отдыхай. Спешить некуда, задержимся у этих руин, будем искать. Наконец-то повезло!

* * *

Тварь не двигалась с места. Остаток ночи, утро, следующий день массивное тело черныбыльской собаки и прикипший к нему слепой пёс оставались неподвижными. Титаническая работа шла внутри, под серебристым мехом, Тварь, состоящая из одних лишь нервных волокон, овладевала новым телом и постепенно оставляла прежнего носителя. Когда она закончит работу, вожак встанет и с хрустом оторвёт от своей шеи безвольно болтающийся труп, покрытый облезлой рыжей шерстью. К этому времени чутьё и слух черныбыльца сделаются такими же острыми, как у слепого пса а мозг обзаведётся странным выростом — содержимое черепа крысы переместится в голову обновлённой Твари. Крысиный разум, хотя и не обладал телепатическими способностями, был острым и смышлёным, а также впечатлительным, Тварь не решилась от него отказаться. Мозг молодого грызуна отличался большей гибкостью и способностью к обучению. К тому же это был первый мозг, захваченный Тварью, он хранил многое. Твари он будет нужен долго, очень долго... возможно, будет нужен всегда.

Глава 15

Бригада покинула место схватки прежде, чем рассвело. Толик с Буддой, как обычно, оказались в хвосте. Говорить не хотелось, на душе после той стычки стало паскудно... И те, кто шагал впереди, тоже помалкивали. Да ещё усталость навалилась. Пока бежали и стреляли, Толик держался, а теперь сразу и коленки побаливать начали, и в груди будто сдавило. К тому же жрать хотелось. Сперва Саня вёл на запад — просто чтобы удалиться от долговских постов, потом остановился. Подтянулись остальные, Серж спросил:

— Чего встал?

— А куда идём-то? Назад, к схрону, или как?

Серж задумался.

— Поспать бы... — протянул Чардаш. — Может, остановимся здесь пока? Покемарим, пока тебе новую инфу скинут? А, Серж?

Чардаш держался неплохо, но, вероятно, на большой земле успел облениться. Должность-то у него была непыльная, вряд ли приходилось подолгу пешком бегать.

— Ладно, — буркнул пижон. Он как раз усталости словно и не чувствовал.

Толику показалось, что Серж раздосадован. Что ж, оно и понятно: понапрасну пленного завалил, так и не выпросив толком, что Бузяку известно. Тут Серж облажался, факт! Да ещё не ясно, как быть дальше. И бригадира не стало...

— Подальше бы уйти, — вдруг негромко произнёс Будда. — Вдруг те мужики, которых мы положили, успели кому-то сообщить? Скинули мейл, мол, напали на нас, выручайте... Не нравится мне, что территория «Долга» рядом.

— Не скинули они ничего, — неохотно буркнул Серж. — Ладно, встанем здесь.

— Здесь не годится, — тут же засуетился Животное. — Пройдём маленько, я поляну подходящую выберу. Он преувеличенно деловито затопал в заросли, и Будда, глядя ему вслед, сплюнул.

— Шестерит Саня, а? — обратился к толстяку Толик.

— Суета сует и всяческая суета, как сказал Экклезиаст, — буркнул Будда. — Что проку человеку от трудов его... Он и перед Геной выслуживался, а зачем? Суета сует, всё бесполезно... Ладно, идём.

Толик пошёл за приятелем. Усталость притупила чувства, но раздражение против Сани всё же пересилило. Это ж надо так перед Сержем шестерить! Вот гнида Животное... Будда

помалкивал, но Толик был уверен — ему тоже не по душе Санины номера. Минут через пять Животное остановился на поляне:

— Вот здесь! Молодые, киньте на пальцах, кому первому стеречь.

— А самому постеречь лениво? — тут же возмутился Толик. Он уже был готов зацепиться с Саней, ждал только повода. — Оборзел ты чего-то! Я и Будда с мужиками наперегонки бегали, пока ты прохлаждался!

— А я?! — тут же завёлся Животное. — Я каждый день по Зоне, как вербованный, ношусь — на охоту, на разведку, туда я, сюда я! Ты смотри, какой деловой, не успел прописаться, а уже права качает!

— Факин спор нет! — вдруг рявкнул Мистер. — Молодой уставать не зря, бегал ночь. Я постерегать до рассвет. Потом ты, Толлек.

«Толлек» — это иностранец так Толика называл на свой манер. Скрипач тут же остыл, он не хотел на Мистера сваливать заботы, но Будда буркнул что-то непонятное в знак согласия, может, по-английски. Во всяком случае, Мистер кивнул:

— Гуд!

Толик покосился на Чардаша с Сержем. Серж улыбался. В темноте выражения лица толком было не разглядеть, но точно улыбался пижон, причём улыбочка была явно нехорошая. Этого чистолюбя словно развлекали тёрки в бригаде. «Ну и ладно, — решил Толик, — всё равно вскоре мы с Буддой свалим. У нас бригада получится классная, без гнили». С этой мыслью он и уснул. Разбудил Толика не Мистер, а Будда — дезертир спал, как и прочие. Толик сел, помотал головой, прогоняя остатки сна, и зевнул.

— А чего ты не спишь, Будда?

— Я вчера вызвался вторым стеречь, — объяснил бывший студент. — Потом выспимся, а сейчас время на сон тратить не хочу.

— Чего это?

Толстяк поморщился:

— Говори тише. У Сани сон чуткий.

— Ладно, — Толик оглянулся и послушно перешёл на шёпот. — А чего сейчас время тратить не хочешь?

— Обдумать надо. И с тобой хочу посоветоваться.

Толику стало приятно — умный, проницательный приятель хочет знать его мнение!

— Вот послушай, — гнул своё Будда. — Вчера Серж сказал, — мужики не просигналили, что у нас перестрелка. И говорил так уверенно... Как ты думаешь, почему?

— Кто его знает... Ну сам прикинь: кто ж во время боя станет письма писать?

— Я уже прикидывал. Нет, он как-то очень уж уверен был. И вообще, мейлы тех сталкеров, которых мы пасём, для него вскрывают.

— Да мы уж говорили: значит, большой авторитет за ним стоит.

— Не просто большой авторитет, — вздохнул Будда. — Это власть. На кого он работает? На ментов? На прокуратуру? На Госбезопасность?

Толик не разбирался в таких тонкостях. Ну мало ли что там... Подумаешь, мейлы, что это такое вообще? Электричество или что? Сам он электронной почтой пользовался неохотно, ничего в ней не понимал и не доверял ей.

— А может, прокуратура ни при чём? Может, как-то просто...

— Балда! Ничего себе — просто! Чтобы получить доступ к чужому ящику, нужно...

Тут Саня Животное зашевелился, стал шарить руками по застёгнутому плащу и буркнул: «Котелок пропал, вот беда... уроды вы...» Приятели переглянулись.

— Ладно, — сказал Будда. — Ты подумай, а я всё-таки часок покемарю. Поговорим после, как случай выпадет. В девять часов разбудишь всех.

Толик встал и принялся расхаживать по поляне, чтобы в сон не клонило. Мысли сами собой вертелись вокруг того, что сказал толстяк. Если бы не он, Толик и не задумался бы, откуда Серж получает информацию... А в самом деле, на кого работает пижон? И чем пославший его авторитет отличается от законных властей, с которыми якшаться запаadlo правильному пацану? Ох, как непросто жизнь вывернулась... До чего легче было, пока Серж

не появился. Из-за чьих-то важных дел бригада, считай, погибла. Гена в общем-то был ничего, нормальный. За что он умер? На Бузяка и его приятелей сталкеров Толику было плевать, но бригады теперь нет. Из-за кого?.. Из-за чьего интереса? Вот какие мысли поселились теперь в голове простодушного Толика Скрипача.

Будить никого не пришлось — Животное проснулся минут за двадцать до названного Буддой срока, сел и тут же принялся орать:

— Эй, Скрипач! Ты бы хворосту пока собрал! Всё равно без толку тут гуляешь! Ну что за молодые теперь, ни рожна делать не хотят!

— Факин кричать! — прохрипел Мистер. Дезертир сел, прижимая к себе винтовку, он так и спал, обняв оружие. — Не спать дать...

— Сам бы собрал хворост, вместо того чтобы дрыхнуть, — пробурчал Будда. — Ещё полчасика можно было бы поспать, а ты орёшь. Вот уж точно Животное.

Чардаш застонал и тяжело поднялся, держась за поясницу — отвык в городе от походной жизни. Один Серж не произнёс ни звука, сел и застрекотал клавишами ПДА. Пижон вёл себя так, будто он один не только на этой поляне, но и в Зоне, а то и на всём свете — словно нет никого и ничего, кроме него и его задания. Толик с удовольствием отметил, что пижонский плащик Сержа уже порядком выпачкан и измят. Потом поплёлся собирать хворост, должен же кто-то в самом деле этим заняться...

Пока соображали костерок, пока открывали консервы, Серж не отлипал от ПДА. Наконец Чардаш позвал пижона к костру перекусить, и тот оторвался наконец от прибора.

— Всё складывается неплохо, пацаны, — объявил Серж, принимая из рук Чардаша банку тушёнки. — Наш номер два, сталкер по прозвищу Моня, идёт на Свалку, о чём сообщил номеру три, сталкеру по прозвищу Слепой. Этого сообщения Слепой не получил, равно как и сообщения о номере первом. Сейчас мы отправляемся к Свалке. Будем искать Моню. Он и Слепой как-то связаны... возможно, оба в деле. Во всяком случае, теперь мы будем действовать несколько иначе.

Произнеся эту длинную тираду, Серж ухмыльнулся, обвёл притихшую бригаду холодным взглядом, взял консервную банку и принялся орудовать ножом. Он сказал намного меньше, чем знал, и теперь наслаждался собственной осведомлённостью. После завтрака собрались и выступили в путь. Предстояло сделать большой крюк, обходя опасные места. Сперва Саня взял курс на юго-запад, в сторону от конечной цели — он объяснил Сержу, что проведёт лесами, подальше от известных сталкерских стоянок, потом, не доходя до «Агропрома», свернёт к востоку. Там придётся передвигаться медленно и осторожно, но этот участок пути будет относительно коротким. Серж кивнул, и Толику, который подслушивал, показалось, что пижон едва ли понял, о чём толкует Животное. Серж проявлял странное равнодушие к деталям, если за них отвечали другие. Взялся Саня вести — вот пусть и ведёт. Винтовку фраер расчехлять не собирался, пока Чардаш не сказал, — потому что за безопасность гостя отвечает бригада, и так далее. Ничего не делал сверх самого необходимого. Когда бригада рассредоточилась в пути, Скрипач с Буддой, как обычно, оказались в хвосте. Они брели через лес, здесь уже были не молоденькие заросли, поднявшиеся после катастрофы на месте прежних пустошей, — этот лес был настоящим, давним. Встречались высоченные сосны, которым от рода не один десяток лет, или дубы такой толщины, не обхватить. Казалось, что в этом бору должны водиться настоящие звери, не мутанты, но Зона есть Зона — время от времени были слышны завывания слепых псов, эти тоскливые вопли ни с чем не спутаешь.

Бригада вышла к старому шоссе, здесь заросли подступали к самому асфальту, природа постепенно возвращала то, что отняла цивилизация, дорожное полотно пошло трещинами, сквозь которые, будто уродливые руки мертвецов, пробивались корни деревьев, взламывали асфальт, выпирали наружу узловатыми изгибами. С протянувшихся над дорогой веток свешивались седые бороды мха и какой-то странной тины. Или не тины, но как называется зелёная волокнистая дрянь, Толик не знал — и невольно втягивал голову в плечи проходя под этой бахромой. Иногда зелёные завесы были украшены прядями «ржавых волос», но

таких аномальных образований встречалось совсем мало — «ржавые волосы» чаще появляются в развалинах.

Миновали разрушающуюся дорогу и снова вступили в густую тень. Кроны деревьев смыкались над головой, застилали небо, здесь не было ни погоды, ни времени. Глухая, тяжёлая, неподвижная тишина копилась под тёмно-зелёным пологом, сползала по чёрным шершавым стволам, замирала у перекрученных узловатых корней... Тишина здесь была странная, густая, казалось, её можно пощупать рукой, раздвинуть, как занавес... можно укрыться тишиной, завернуться в неё. Толик, подавленный странной аурой здешнего леса, брёл, опустив глаза, тишина облепила его, окутала и похоронила в своём чреве. Видимо, поэтому он не сразу сообразил, что происходит, когда тишина взорвалась грохотом, храпом и треском.

Из полумрака, будто из тёмной скорлупы, вылутился крупный, бесформенный силуэт, с хрипом и рёвом устремился к бандитам. Здоровенная псевдоплоть, издавая воинственные звуки, бросилась к Сержу — должно быть, его светлый плащ показался мутанту особенно неуместным в цветовой гамме леса. Серж отреагировал мгновенно — винтовка была у него под рукой. Пижон развернулся и всадил одну за другой несколько пуль в несущуюся на него тушу. То ли он в самом деле был настолько хладнокровным парнем, то ли растерялся, однако не отступил ни на шаг и последнюю пулю выпустил с расстояния в три-четыре шага. Первые выстрелы не остановили псевдоплоть, она уже взмахнула передними лапами, но последняя пуля удачно вошла в череп твари, пробила мозг, и мутант рухнул, выбрасывая длинные конечности. Острый коготь вонзился в землю, осыпав ботинки Сержа гнилью и комьями грунта. Тут Чардаш, опомнившись, всадил в рухнувшую плоть очередь из «калаша». Толик, уже вскинувший было дробовик, опустил ствол — мутант издыхал, слабые конвульсии заставляли конечности дёргаться и рыхлить землю... но тварь больше не представляла опасности. Тем не менее Чардаш — от волнения, вероятно — вдавливал спусковой крючок, пока не опустошил магазин на треть. Пули кромсали округлую тушу, спина мутанта разлеталась багровыми клочьями, пятная многострадальный плащ Сержа. Когда Чардаш опустил оружие, снова сделалось тихо, самым громким звуком теперь был плеск — кровь резкими толчками вырывалась из пулевых отверстий, багровые струйки бежали по грязному боку, быстро запутываясь в мохнатой шерсти... Толик огляделся — Мистер и Животное держали стволы наготове, и только Будда не шевельнулся. Теперь у толстяка тоже был обрез, такой же, как у Толика, — трофей, захваченный в ночном бою, — но он как будто и не думал пускать оружие в ход. Серж отряхнул плащ, посмотрел на тушу псевдоплоти и обернулся к Чардашу:

— Зря ты стрелял, я и сам управился. А что это такое?

— Зря или нет, а я за тебя отвечаю, — буркнул Чардаш, — случись с тобой что, с меня спросят. А ты даже чехол не хотел с винтовки снимать. Теперь понимаешь каково тут?

— Да ерунда... — Серж подошёл поближе и пнул уродливую башку мутанта. — Видишь, всё нормально. И что это я подстрелил?

— Псевдоплоть.

— Это псевдоплоть, мутант такой, — как обычно, не остался в стороне Саня, — мы его в первый день, когда вы заявили, на обед ели. Я на охоту ходил, мяса приволок.

— Ничего мясо, — одобрил Серж. — Я думаю, можно привал устроить, поджарить мою добычу.

Похоже, ему тоже не было чуждо тщеславие, хотя по пижонской привычке он и строил из себя невозмутимого супермена.

— Опасно, — скривился Саня; видно было, что возражает он с неохотой. — Здесь места глухие, зверья много. На запах крови набегут.

— Ну и что? Разве мы зверья опасаемся? Давайте собирайте хворост.

Саня засопел и многозначительно покосился на Чардаша. Тот понял правильно и тоже попробовал отговорить пижона:

— Серж, здесь нельзя задерживаться. Если пацан говорит...

— Слишком много говорите, — Серж улыбнулся. — Нас здесь шестеро, все вооружены. Чего менжуетесь?

Саня лучше всех понимал, что останавливаться в этом лесу опасно, но возражать Сержу ему было не с руки, подхалим хотел поддакивать и выслуживаться, а не пререкаться. Рискнул лишь спросить:

— А мы не очень торопимся?

— День в запасе у нас имеется, пожалуй. Слепой вчера на Свалку не вернулся, ушёл в зону «Долга».

— Только ночевать здесь не будем, а? — напоследок уточнил Животное. — Плохое место.

Удостоившись милостивого кивка Сержа — дескать, ночевать не здесь, — следопыт стал готовить место под костёр. Будда пошёл за хворостом, Толик отправился следом — подстраховать. У того, кто дрова несёт, руки заняты, значит, рядом должен быть кто-то со стволом наготове. Вообще-то Толик собирался потрепаться, когда отойдут подальше, но Будда вёл себя странно, не отходил от стоянки больше чем на пару десятков шагов, озираясь и молчал. Едва набрал охапку, повернул назад, так что беседы не вышло. Быстро развели костерок, Серж с Животным вырезали из туши псевдоплоти несколько ломтей мяса, при этом Серж с дотошностью гурмана интересовался, где куски получше. Потом вытер руки о бурую шерсть мутанта, позвал Чардаша и вручил крошечный приборчик:

— Смотри сюда, это объектив. Должен быть виден я и туша, потом вот сюда жмёшь. Отойди подальше, чтобы мы с этой хреновиной влезли в кадр целиком.

— Это что, фотоаппарат? — спросил Толик.

Не у Сержа, конечно, а у Будды.

— Угу, — буркнул толстяк. Его тоже заинтересовало поведение фраера. — Он и Бузяка дохлого потом снимал, ты что, не заметил?

— Да я как-то не глядел... Бузяка, значит?

— И Гену тоже. Отчитываться будет с фотками. Только вот на кой ему с мутантом сниматься?..

— Эй, пацаны, хорош трепаться, — прикрикнул Животное, недовольный, как всегда, — режьте мясо.

Саня, ворча себе под нос, вытащил из рюкзака сковороду и принялся пристраивать её между камнями над огнём. Серж закончил позировать, отобрал фотоаппарат у Чардаша и тоже подсел к костру. Животное сперва бросил на сковороду несколько тонких ломтиков сала, потом снова отругал Будду с Толиком — слишком крупно режут, не прожарится сразу. Сане хотелось поскорее покончить с трапезой и свалить с этой поляны.

Вскоре пошёл запах — сперва довольно неприятный, сало зашипело, запузырилось в прокопчённой посудине...

В общем, толкового отдыха не вышло: Животное поминутно вздыхал, Чардаш озираясь и скрёб заросший подбородок, Серж поглядывал на них с ухмылкой. Толик тоже нервничал, но старался не подавать вида. Тонко нарезанное мясо на раскалённой сковороде быстро темнело, покрывалось румяной корочкой. Теперь аромат от костра исходил совсем другой, у Толика даже слюна стала активнее выделяться. Животное перевернул мясные ломти, потом стал по одному снимать ножом; первый отдал Сержу, второй Чардашу, третий оставил себе, велел:

— Вы тут дальше сами — валяйте в том же духе, только тоньше, тоньше режьте! А я пройдуся... гляну, как чего в округе.

Будда, не теряя времени, шмякнул на раскалённую сковороду новую порцию, а Саня ушёл в лес. В левой руке он держал нож с нанизанным ломтём, дул и откусывал крошечные кусочки. Палец правой руки держал на спусковом крючке. Будда как раз перевернул поджаренные ломти, когда издали донёсся исполненный печали вой слепых псов: «О-хохо...» и чуть позже — снова. Звуки приближались. Все зашевелились, лязгая оружием. Мистер поднялся с винтовкой наперевес и стал вертеть головой, вглядываясь в заросли.

Вой донёлся опять, потом в лесу загрохотало, пошёл треск веток, раздался глухой рёв. Это уже не собаки — голос подал другой зверь. Грохот и треск нарастали, Толик тоже встал, за ним и Чардаш. Из кустов вывалился Животное. Он видно, только что откусил горячий шмат мяса и теперь отчаянно гримасничал — и жёстко, и язык печёт, а выплюнуть жалко. Саня бросил отчаянный взгляд на стволы, направленные в его сторону, втянул голову в плечи и метнулся вбок, судорожно проглотил недожёванное и выдохнул:

— Кабаны! Собаки кабанов испугну...

Конец фразы потонул в хрусте и топоте тяжёлых копыт, на поляну длинным прыжком вымахнул секач. Толику сперва показалось, что зверь чудовищно огромен — шерсть на загривке топорщится, глаза горят жёлтым пламенем! Парень и сам не сообразил, как руки направили ствол и вдавили спусковой крючок, дробовик содрогнулся в руках. Рядом стреляли Мистер и Чардаш. Кабан словно ударился в невидимую преграду, очереди остановили его, разорвали морду, огромный зверь с рёвом завалился на бок, а из зарослей, разбрасывая копытами сор, вырвался второй кабан.

Саня Животное, который при появлении первого мутанта бросился в сторону с линии огня, споткнулся, не устоял на ногах и упал. Он не успел подняться, а когда широкие копыта взрыли грунт в нескольких метрах от него, завизжал и, резво перебирая конечностями, на четвереньках поскакал прочь. Бандиты развернулись к новому зверю, поливая его свинцом, но этот мутант, оказавшись на открытом пространстве, завертелся. Он видел людей у костра, видел и ползущего Саню, длинное рыло рыскало из стороны в сторону, зверь метался под пулями, на туше тут и там расцветали алые пулевые отверстия, летели ошмётки мяса, брызгала кровь, но кабану удавалось избежать смертельной раны. Мистер двинулся к зверю, автоматическая винтовка в его руках дёргалась, посылая короткие очереди. Кабан наконец выбрал цель — бросился навстречу дезертиру... и получил несколько пуль в переносицу. Пули, выпущенные в упор, пробили кость, зверь с размаху грохнулся наземь, так что поляна будто подпрыгнула. Толстые мохнатые ноги кабана дёрнулись, туша приподнялась, тут и Толик с Чардашем разрядили стволы в лежащего мутанта. Из размолоченных кабанами кустов выскочили собаки. Должно быть, свора наткнулась на кабанов, которые расположились в зарослях. Обычно кабаны в такой ситуации бросаются на собак и гонят их от лёжки, но сейчас почему-то не стали драться, а побежали от псов — да так резво, что оторвались на несколько десятков шагов. Теперь увлечённые погоней слепые собаки выскочили на поляну и, рыча, заметались перед кабаньими тушами.

Саня только успел подняться на одно колено, теперь он торопливо вскинул «калаш» и дал очередь. Вид тянущихся к нему безглазых оскаленных морд напугал Животное, и он не рассчитал, открыл огонь из неустойчивого положения — отдача швырнула его на землю, пули из запрокинутого ствола ушли вверх. Толик торопливо перезарядил дробовик, Мистер тоже менял магазин, Чардаш не мог стрелять — на линии огня оказался выдвинувшийся вперёд дезертир... Собаки с хриплым рычанием развернулись к лежащему, Саня пронзительно завизжал, продолжая палить в воздух из «калаша» — он от страха совсем потерял голову... Выстрелы «Винтореза» в какофонии прозвучали словно негромкие хлопки: пам! пам! пам! Толик не верил своим глазам: три пса, один за другим, ткнулись носами в землю, разом легли и больше не двигались. Автомат Животного заглох, издав напоследок звонкий щелчок.

Второй патрон наконец встал на место, Толик взвёл курки и машинально вскинул оружие — он не сразу сообразил, что стрелять уже не нужно, потом заметил справа от себя Сержа, опускающего снайперскую винтовку. Снова бросил взгляд на собак — у каждой пулевое отверстие в черепе. Стрелял Серж не просто мастерски, а можно сказать, с ювелирной точностью. Почти не целясь, по движущимся мишеням — такая меткость! Вот тебе и пижон...

Саня ещё с полминуты подвывал, отползая на четвереньках. Потом и он сообразил, что спасён. "О-хо-хо!" — раздалось за кустами, стая следовала за первыми загонщиками. Эти псы не были настолько распалены погоней, они действовали в соответствии с обычной тактикой — побежали за кустами, приносясь к запахам, исходящим с поляны, и

медленно сужая круги. Гибель сородичей их не отпугнула и не обескуражила — на поляне громоздились горы свежего кровоточащего мяса, теперь слепых трудно было бы заставить отступить. Саня подобрал обронённый «калаш», тяжело поднялся и попятился к костру. Собаки, подвывая, мелькали за кустами то тут, то там на секунду показывался рыжий загривок. Бандиты сгрудились вокруг костра, настороженно водя стволами. Неожиданно стало тихо, и Толик расслышал за спиной громкое чавканье. Будда как ни в чём не бывало уплетал мясо.

* * *

Около двух часов пополудни Тварь пошевелилась. Подняла голову, медленно выгнула корпус, опираясь на передние лапы... Постепенно приходило ощущение тяжести, Тварь заново училась держать равновесие. Задняя часть тела всё ещё не вполне подчинялась сигналам мозга, нервные волокна недостаточно плотно пронизали корпус и лапы, пищевод не мог функционировать как надлежит... Но для работы с этим телом Твари требовалось больше энергии, больше пищи. Шея судорожно напряглась, тяжёлая голова чернобыльской собаки сунулась вперёд, и Тварь стала блевать, с корчами и хрипом избавляясь от плохо переваренной органики. Это продолжалось довольно долго, бурая масса стекала между сведёнными челюстями, пятнала поросшую седой шерстью грудь, капала в траву, покрытую давно засохшей кровью. Потом Тварь поползла, медленно переставляя передние лапы и подтягивая непослушное тело. Так она добралась до ближайшего собачьего трупа, впиалась зубами в остывшую плоть и резко тряхнула добычу, вырывая кусок жёсткого мяса.

Глава 16

Слепой сперва шагал по колее, оставленной долговской техникой, — этим маршрутом на блок-пост подвозили людей или припасы, следы остались чёткие. Несколько раз сталкер замечал, что более свежие колеи отклоняются в сторону, выписывают петли, оставляя в стороне участок старой дороги. В таких местах датчик неизменно пищал — значит, на старом маршруте образовалась аномалия и «долговцам» пришлось объезжать препятствие. Как-то попался опрокинутый джип с чёрными подпалинами на бортах. Днище выгнулось внутрь, будто от прямого попадания бронебойного снаряда, обломки трансмиссии торчали в стороны. Рядом сердито шипело целое семейство «электр», белые молнии тянулись от них, сталкивались, разбрасывали искры, опадали и снова вспыхивали ослепительными нитями. Какой-то шутник притащил старый проржавевший знак со стилизованным изображением молнии и подписью: «Не влезай, убьёт!» Теперь знак красовался на палке в нескольких шагах от «электры».

Присмотревшись, Слепой различил среди шипящих и сверкающих аномалий обугленное скрюченное тело с конечностями, вывернутыми под невероятными углами. Кровосос. Сейчас ещё можно было разобрать, что мёртвый мутант иссечён пулями так, что левая рука соединяется с плечом тонким лоскутом кожи — автоматные очереди раздробили кость и истерзали жёсткие мышцы твари. Несколько десятков пулевых отверстий почти не выделялись на бурой сморщенной шкуре — в «электрах» плоть мутанта обуглилась. По привычке Слепой сунулся осмотреть аномалии, обошёл вокруг опрокинутого джипа, но, конечно, ничего интересного не отыскал — места-то битые, исхоженные вдоль и поперёк. Здесь артефакту заваляться не дадут. Часом позже Слепой свернул на тропу, которая шла южнее, он решил не заходить на базу группировки. Погода была хорошая, настроение — и того лучше. В голове крутилась мысль: «Дело сделано!» Он выполнил свою работу, похоронил секреты Карого, теперь свободен... и скоро домой. О том, как он будет откапывать контейнер с компроматом и как получится пересечь Периметр, думать не хотелось. Так или иначе всё сладится! Вот закончится эта история — и домой, к Ларику... Потом Слепому пришло в голову проверить почту — не пропустил ли он во время

вчерашнего застолья какое-нибудь сообщение. Хотя кто бы мог сейчас написать? Дел в Зоне у него не осталось... Он переключил ПДА в почтовый режим и сперва отметил, что ничего нового нет, потом сообразил, что его почтовая функция не работает. Может, у провайдера какие-то неполадки или ещё что. Иногда такое случается. По крайней мере, в других режимах комп работал исправно — значит, спутниковый сигнал принимается. Это мелкое неудобство, конечно, не могло испортить Слепому настроения, и он в прежнем безмятежном расположении духа зашагал дальше. Здесь места были ещё более обжитые и истоптанные, поскольку лежали в глубине владений «Долга», а за своими угодьями группировка следила. Мутантов здесь регулярно отстреливали. Сталкеры-новички время от времени подряжались за небольшую плату очистить от зверья тот или иной участок — задание такого рода можно было получить у начальника караула перед заводскими воротами. Ну и вероятность отыскать артефакт здесь была существенно ниже, чем в бесхозном районе, — под охраной группировки кормилось немало народу из тех, кто по какой-либо причине не уверен в себе. Так что не было ни смысла, ни необходимости сворачивать с прямого маршрута. Тропа вывела к старому шоссе. На севере — невысокие холмы, за ними база «Долга» в старом заводском комплексе. К югу — Свалка. Слепой свернул на юг.

Здесь идти пришлось осторожно, аномалии довольно кучно расположились на обочине и на сером полотне дороги. Странное местечко — похоже, здесь зарыли что-то радиоактивное, не довезли до Свалки. Попетляв между аномалиями, Слепой выбрался к блок-посту. Здесь всегда было, что называется, бойкое место. Своеобразный перекрёсток: дорога на юг вела к кладбищу техники, на юго-запад — к «Агропрому», а если имеешь хороший костюм и не боишься пройти между радиоактивными холмами, то на востоке есть выходы к Тёмной долине, с этим маршрутом у Слепого были связаны очень тяжёлые воспоминания...⁵ Отовсюду народ сходил к базе «Долга» с её знаменитым баром «100 рентген». И сейчас со стороны Свалки выстроилась очередь — несколько сталкеров дожидались разрешения войти на территорию группировки. За это «долговцы» вносили плату. Слепой уже рассчитался с Камышом, так что его должны были всего лишь проверить — убедиться, что он находится в зоне влияния «Долга» на законных основаниях, и пропустить.

Поскольку со Слепым предстояла более простая операция, начальник долговского караула, здоровенный парень, которого экзоброня делала ещё крупнее, кивнул сталкерам, ожидавшим разрешения на вход:

— Погодите минуточку, мужики, — и обернулся: — Как зовут? Где вошёл на территорию «Долга»?

— Слепой я, у Камыша входил.

Начальник караула не стал глядеть в ПДА, вспомнил сразу:

— А, Слепой! Насчёт тебя имеется поручение. Ты не хочешь к нам на базу заглянуть? У Рожнова какое-то дело, он велел тебе передать. Знаешь Рожнова?

— Знаком, и сына его знаю, — кивнул Слепой, — а что за дело-то?

— Этого мне не известно. — Здоровенный «долговец» пожал плечами, от этого движения в его экзокостюме скрипнули сочленения. — Просили, чтоб я передал просьбу, если будешь у нас выходить. А ты мейла не получал? Он и тебе должен был написать. Слепой для верности ещё раз взглянул на экран ПДА

— Нет, не было писем. У меня сегодня с утра почта барахлила, я думал, у провайдера сбой.

— Не было сбоя, постоянно сообщения принимаю. Проверь машинку, это у тебя что-то не фурычит. Так ты не торопиться, зайдёшь на базу? Я сообщение Рожнову скину.

— Кидай, — согласился Слепой. — Иду.

При иных обстоятельствах у него бы, наверное, возникла досада из-за того, что нужно возвращаться, ведь можно было от блок-поста Камышова пройти напрямик... Но сейчас Слепой пребывал в таком чудесном настроении, что крюк в десяток километров не мог вызвать раздражения. Снова сложный фарватер среди аномалий, потом дорога нырнула в

---

⁵ См. роман В. Ночкина «Слепое пятно»

лощину между холмами; справа среди заросшей колючей жёсткой травы — ржавые кузова брошенных легковушек. Ветерок, струящийся по глинистым склонам, тихо подвывал, завершая мрачную картину. Пейзаж был поразительно унылый...

Слепой прошёл мимо грузовика, потом — под деревом, на котором раскачивался давным-давно высохший труп. То ли зомби, то ли бандюк — Слепой не знал, чей жизненный путь завершился над дорогой, ведущей к базе «Долга», а выяснять ему не хотелось. Никогда такого желания не возникало. Парням на входе в заводской комплекс уже было известно, что Слепого ждут. Когда он назвал себя, старший караула объяснил, как найти Рожнова. Слепой побрёл между заброшенными заводскими корпусами — облупленная краска на стенах, ржавые ограды и перила, выбитые стёкла... По территории базы бродили сталкеры, среди них выделялись «долговцы» в чёрных защитных костюмах, увешанные оружием. Эти шагали, никому не уступая дороги, явно были уверены, что перед ними будут расступаться. Так дело в общем-то и обстояло — кому же охота ссориться с «долговцами» в их вотчине?

— Вот! Вот, оно самое! — тихо пробормотал Слепой себе под нос. — Теперь я вспомнил, почему не люблю сюда заходить. Ему ещё раз пришлось назвать себя, когда входил на внутреннюю территорию группировки. Парни на КПП были незнакомые, велели подождать, пока уточнят, что он — именно тот человек, которого дожидается капитан. Один из часовых отошёл в сторону и тихо, чтобы Слепой не разобрал, стал наговаривать в микрофон, встроенный в воротник. Выслушал ответ, буркнул: «Есть!» — потом возвратился.

— Сейчас капитан сюда придёт, — пояснил он Слепому. У вас дело снаружи, так он сказал.

Так что в этот раз Слепому не пришлось пройти в логово «Долга», что его никоим образом не огорчило.

Рожнов появился минут через пять. Едва взглянул на Слепого и бросил:

— Идём, пока они друг друга не перестреляли.

Слепой ухмыльнулся:

— Здравствуй, я тоже рад тебя видеть.

Капитан, который уже прошагал мимо, даже сбился с шага. Обернулся и виновато развёл руками:

— Ох, прости, брат. Совсем я закрутился с этими... Прости, Слепой. У нас тут ситуация... Идём, а? После переговоров по-человечески. Не обижайся, но ваши, то есть вольные сталкеры, мне своими дрызгами уже плешь проели.

— Ладно, ладно... Рассказывай, что стряслось. Куда несёшься?

Слепой пристроился рядом с капитаном, тот принялся излагать на ходу:

— Меня сейчас поставили стоянкой заведовать. Ну, типа директор гостиницы. Кто пришёл, ушёл, учёт вести, склоки ваши разбирать. В штабе решили, что раз я сына здесь при себе оставил, то меня никуда больше отправлять с заданиями не станут.

— Отдыхаешь, значит?

— Кровососу бы такой отдых! Я бы лучше на границу со «Свободой» или на Барьер, да хоть куда, лишь бы не париться с этими...

Шагал Рожнов широко, за пару минут они со Слепым прошли по заброшенному цеху среди кострищ и грязных продавленных матрасов, потом по аллее — и оказались у здания бывшего склада.

— Вот здесь! — объявил Рожнов.

Слепой кивнул:

— Вижу.

Перед зданием собралась толпа — шум голосов был слышен и прежде, пока шли через пустой цех. Десятка два сталкеров переговаривались и пытались заглянуть в широкие ворота склада. Четверо «долговцев» в чёрных комбезах переминались с ноги на ногу и время от времени лениво отгоняли любопытных:

— Не напирай, не напирай... без тебя разберутся.

— А ну, мужики! — Рожнов решительно двинулся в толпу, расталкивая зазевавшихся. Бродяги расступились, пропуская офицера. Один сунулся навстречу:

— О, начальство! Слышь, командир, что ж будет-то? Нет новостей?

— Подпишись на долговскую рассылку, — буркнул Рожнов, аккуратно отстраняя любопытного, — думаю, завтра будет сообщение. Завтра, мужики. А сейчас дайте пройти.

Слепой вслед за капитаном прошёл в ворота. В обширном помещении было намного темнее. Свет проникал сквозь прорехи в крыше, выхватывая из тьмы покрытые наслоениями пыли потолочные балки и ржавые механизмы. Окна были заколочены или заложены кирпичом, так что остались небольшие проёмы, сквозь которые дневной свет проникал тонкими струйками, лучи били вкривь и вкось, скрещивались и образовывали причудливый узор света и тени на полу, на стенах и на лицах сталкеров. В здании находились девять человек — «долговец» в чёрном экзокостюме и восемь бродяг. Все стояли группами или поодиночке, косились друг на друга. Слепой обратил внимание — руки сталкеров то и дело ощупывают оружие. Хвататься за стволы на территории «Долга» запрещено, но привычка есть привычка.

Общее напряжение чувствовалось во всём: позы, хмурые взгляды, ладони, которые тянутся к стволам, — всё говорило о конфликте.

«Долговец» обрадовался появлению Рожнова:

— О! Вот вам, мужики, начальство! Капитан Рожнов — вот к нему и...

Сталкеры зашевелились, оборачиваясь к капитану, тот поднял руку:

— Разберёмся. Вот этот парень со мной — Слепой, слышали таком? Он же — Хромой. Человек грамотный и в подобных делах толк знает. К тому же он не наш, не долговский, интереса своего не имеет.

— Хромой? — «Долговец» уставился на гостя. — Тот который с тобой и Полковником «монолитовцев» гонял? О, это классно!

— Э, капитан, ты во что меня втравить собираешься? — подал голос Слепой. — Тоже мне, нашли сыщика... Я никого не гонял, я...

Договорить ему не дали — здоровенный детина, ростом и комплекцией не уступающий Рожнову, со шрамом в пол лица выступил вперёд и заявил:

— Нет, тут никто не разберётся, капитан. Мы сами по-свойски решим, как полагается. Ты только вели Арену нам освободить на полчаса.

— Какие полчаса! — подхватил мужик постарше, с мятым морщинистым лицом. Этого Слепой знал, кличка его была Грибник. — Да нам и десяти минут довольно будет! Расписной быстро разберётся. Ну, скажи, Расписной!

Парень со шрамом буркнул:

— Болтаем много. Нам бы Арену, а, начальник? Слепой оглядел остальных сталкеров — те помалкивали, переминались с ноги на ногу, особого энтузиазма не проявляли. Суетились лишь Расписной с Грибником.

— Видал? — Рожнов обернулся к спутнику. — Арену им подавай... Гладиаторы хреновы.

— Может, объяснишь, что случилось? Я вообще-то не в курсе дела.

Шум снаружи, за стеной склада, сделался громче, снова подал голос охранник:

— Не напирай, говорю, не напирай! Сейчас капитан разберётся!.. «Долговец», который ждал Рожнова со сталкерами, переступил с ноги на ногу:

— Ну я пойду, а капитан?

— погоди. Сперва расскажи Слепому, что тут стряслось, Потом можешь быть свободен.

— Да что тут... Вон у того, толстого, ночью хабар попёрли, парень кивком указал на плотного мужика. — Он дрых, не слышал, не видел. Говорит, хабар был знатный.

— Вчера пришёл усталый, как слепая собака, — подхватил пострадавший. — Думал, переночую здесь, а наутро в «Сто рентген» к Бармену. Отрубился, а утром глядь — мой рюкзак какая-то сволочь уже почистила! А я спал без задних ног, не слышал. И никто вроде не слышал...

— Да он это! — влез Грибник. — Вот этот самый Очкарик! Покажись, Шура, покажись! Выйди вперёд-то, не мнись. Раньше стесняться надо было, когда по рюкзакам шарил.

Сталкер указал на мужика средних лет. Этот держался в тени. Очков на Шуре не наблюдалось, но он шурился и постоянно тёр переносицу — должно быть, в самом деле был близорук.

— Очкарик это! — зудел Грибник. — У него в рюкзаке контейнер со «вспышкой», а контейнер Пузыря!

— Мой контейнер, верно, — подтвердил толстый Пузырь.

— Только у меня, кроме «вспышки», ещё три «выверта» и «душа» были. И «беретта» совсем новенькая, с мёртвого наёмника снял. Эх, думал, пофартило мне...

— Так что ж я, идиот, по-вашему? — устало огрызнулся Очкарик. — Стал бы я у своих воровать, а потом ворованное при себе носить?

— Нет, брат, ты не идиот, ты хитрый. Думал, как поутру все рюкзаки вывернем, так у тебя «вспышка» в контейнере Пузыря, а ты и скажешь: «Я ж не идиот, чтоб при себе ворованное носить, подкинули мне, пока спал!» Выходит, вор — один из нас, верно? А ты чистенький? Нет, брат, мы тоже не дураки, нас не проведёшь на дешёвке! Нас не подставишь! Мы — честные сталкеры, мы порядки знаем! Вон, на Арене всё и прояснится!

Очкарик только тяжело вздохнул — должно быть, эти реплики звучали сегодня уже много раз и обвиняемый оставил попытки объясниться.

— Вот и поговори с ними, — устало развёл руками Рожнов. — Ну точно, лучше на Барьере с «монолитовцами» встретиться, чем с этими. На Арене, значит, а, Грибник? А вы чего молчите? Мне бы и легче вам позволить, чтоб на Арене, но это как-то не по-людски. Очкарик вздохнул.

— На Арене у всех равные возможности, там правда откроется, — ухмыльнулся Расписной. — Только разреши, начальник. Я и Очкарик — мы вдвоём. Пусть Зона выберет правого.

— Что-то я не совсем понимаю... — протянул Слепой.

— Они хотят, чтобы я поединок устроил между Очкариком и этим вот, — пояснил капитан. — А я считаю: это непорядок. Разобраться нужно. Слепой, помоги!

— А когда пропажа обнаружилась? Давно? — осведомился Слепой. Он подсознательно сочувствовал Очкарику — тот совсем не походил на изощрённого хитреца, скорее уж подозрения вызывал чересчур напористый Грибник.

— Утром, часов в девять, что ли... — сообщил обворованный Пузырь. — Мы ж тут ночевали, восемь нас было. Утром встали — все налицо, никто не уходил. Да мужики-то все свои, проверенные! Я б ни на кого не подумал, если бы... Да только пропал хабар, значит, кто-то всё же вор.

— Ну, Слепой, что скажешь?

— Сейчас... сейчас... Значит, теперь у нас... — Слепой бросил взгляд на ПДА, — два пятнадцать. Пропажа обнаружилась около девяти.

— Мы только проснулись, — пояснил Пузырь. — Вчера маленько приняли, было дело. У меня с собой половинка, ну так за удачу я ж обязан проставиться! А у меня... ну, это, от радиации лекарство, для того и таскал, а так-то я не очень на водку налегаю. Я ж как думал — пойду в «Сто рентген», куплю в запас, а эту нынче оприходуем. И Грибник тоже с бутылкой, а чего же? Ну, такое вот обстоятельство. А поутру я пропажу как увидел, так и говорю: «Всем стоять, мужики! Никому не выходить!» Набил мейл долговскому диспетчеру, так, мол, и так, пришлите кого к нам, чтоб всё по правилам.

— По правилам, значит... — Слепой потёр лоб. Сам он правила не очень-то любил, но кто явился на долговскую территорию, тому положено уважать местные порядки.

— Я пришёл, — подхватил «долговец», который встретил их с Рожновым, — ну, может, минут через двадцать.

— Почти час ждали, — подал голос Очкарик.

— Пока доложил, пока запротоколировал, — не смутился боец, — я же с бумажками не очень-то... Тебя, капитан, на месте не было. Пока то, пока сё... Ну, так я пойду?

Конечно, никому не хотелось участвовать в разбирательстве, когда кража случается между сталкерами, между своими — подобные дела всегда с гнильцой. Раз не так слово скажешь — после многие будут тебе напоминать, как ошибся.

— Пойду я? А, капитан? — повторил «долговец». — Раз Уж и ты здесь, и эксперт нашёлся...

— А это правда тот самый Слепой? Который у Ковалей убийцу указал?⁶ — полюбопытствовал самый молодой из сталкеров, курносый парнишка. Он, должно быть, давно собирался спросить. — Я слышал, Слепой здоровенный такой, в татуировках, на болоте живёт...

— Вообще-то у меня на спине пропеллер и я нигде не живу, потому что всегда в полёте, — ухмыльнулся Слепой. — Значит, около десяти или половины одиннадцатого ты пришёл?

— Ну, — развёл руками «долговец». — С тех пор торчу тут, как псевдопёс в лопухах. Достали уже эти бродяги.

— А те, у дверей охрана, с тобой пришли? Толпа тогда уже была?

— Собрались мужики, да, — подтвердил один из сталкеров. — Мы их внутрь не пускали. Мало ли что. А охрана раньше пришла, почти сразу, как Пузырь мейл отправил. Этот после появился, — Сталкер имел в виду представителя «Долга».

— Ну я же говорю, — подтвердил «долговец», — я сюда тут же бойцов отправил, чтоб охраняли, никого не выпускали... Ну а сам — как только с документацией разобрался. Потом вместе склад обыскали, ни хрена не нашли. Пропал хабар... Так я пойду?

Слепой задумался. Рожнов наблюдал за ним и не отвечал парню, который просился уйти. Капитан видел, что Слепой уже что-то сообразил. А тот оглядел полутёмный склад, запрокинув голову, посмотрел сквозь дырявую крышу в белесое небо. Над ним в скрещённых лучах медленно и плавно кружились пылинки, закручивали замысловатые спирали, опускались и взлетали, когда в прорехи проскальзывал ветерок.

— Да, зацепок не видно... — глубокомысленно произнёс Слепой. — Видать, придётся всё-таки на Арену. А? Кто что скажет? Ну, заинтересованные стороны, чего молчите?

Парень со шрамом улыбался, Очкарик глядел под ноги. Сталкеры, которые провели ночь на заброшенном складе, не решались ни поглядеть друг на друга, ни сказать хоть слово. Их не вызывали на поединок, их не подозревали в краже, мужики не хотели ничего менять. Пауза затянулась...

— Нет, — решительно отрезал Рожнов. — Это ты зря! Непорядок это, мы же не дикари!

— Не, капитан, — забубнил Грибник, — ты лучше соглашайся... Вот и человек дело говорит: нет зацепок. Я в обвиняемых ходить не собираюсь, виновного ты не можешь указать. Ну и сколько нам здесь сидеть? Я пустой, мне в рейс нужно. А поединок — это правильно, это по-нашему. Зона — она всё видит, она всё о нас знает, о каждом. Она и пулю донесёт куда положено. Очень даже быстро правда откроется. Вот кореш твой то же самое сказал, верно, Слепой?

Расписной сплюнул под ноги:

— Всё у вас, «долговцев», не так, всё вам не этак... Правильно, не правильно... На Арене дело решить — это честно. Ты уж сам глядеть будешь, чтобы всё по справедливости.

— Я его уговорю, — пообещал Слепой Грибнику. — Дайте мне с капитаном минутку пошептаться, я ему иначе объясню, и будет вам поединок. Но условие: ближе трёх метров не сходиться. Я смотрю, Расписной — прямо богатырь, в рукопашной у Очкарика шансов нет, хоть он трижды невиновен. Пистолет, одна обойма — и пусть Зона виновного укажет, а? Если по обойме расстреляете, а оба на ногах устоите, значит, оба невиновны. Годится?

— И на том спасибо, — буркнул Очкарик.

Расписной только ухмыльнулся.

---

⁶ См. роман В. Ночкина, А. Левицкого «Череп мутанта»

— Ну вот видишь, капитан, все согласны, — подытожил Слепой. Потом обернулся к «долговцу», который уже раз десять просил разрешения уйти. — Зайдешь на Арену, договоришься насчёт нас? Только без зрителей! Правосудие не должно превращаться в балаган!..

И ещё Слепой увлёк парня в сторонку и тихо произнёс ещё несколько слов.

— Найдём, конечно, — кивнул «долговец». — Нет проблем.

— Только чтобы никто не видел!.. Рожнов, давай отойдём, теперь я буду тебя уговаривать. Сделаю предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

* * *

Насытившись, Тварь ткнулась мордой в наполовину обглоданный костяк слепой собаки и снова впала в транс. Мех на плечах и бёдрах шевелился, под шкурой шла напряжённая работа — нервные окончания пронизывали прежнюю собачью, плоть и принимались за дело, наращивали мышцы, увеличивали чувствительность оголённых участков кожи, присасывались к внутренним органам, перестраивали их, делали это тело быстрее, сильнее и послушнее... Ближе к вечеру Тварь сумела подняться на четыре лапы и медленно побрела, шатаясь, продираясь сквозь кустарник, задевая стволы деревьев и едва не падая от каждого столкновения...

Твари предстояло идти довольно долго, и она рассчитывала, что полностью овладеет этим телом по дороге. Тварь ничего не забывала, хотя теперь её мыслительные процессы протекали в другом мозгу — не в том, при помощи которого она исследовала мёртвое животное с длинными когтями-копытами.

Глава 17

Шум, который производили псы, пробираясь в кустарнике, удалялся, делался всё тише и наконец умолк. Почему-то стая решила отступить. Бандиты перевели дух, стволы опустили к земле. Теперь все, один за другим, оборачивались, и наконец взгляды скрестились на Будде. Толстяк прожевал и буркнул:

— Ну, чего уставились? Убежали собаки, а?

— М-мы т-тут с с-с-соба-баками... — заикаясь, завёл Животное. — М-мы т-тут... бьёмся... Пока м-м-мы т-тут...

— Вот именно. Пока вы развлекались, я мясца нажарил. Налетайте, что ли! — Будда продемонстрировал несколько хорошо прожаренных ломтей. Сам он наверняка успел слопать вдвое больше.

Мистер молча протопал к костру, вытащил нож и подцепил кусок побольше. За ним потянулись и остальные. Будда кинул на сковороду новую порцию и нарочито равнодушно отошёл в сторону — мол, вот вам, обжоры! Дескать, я вас накормил. Такая клоунада показалась бы неуместной в исполнении любого другого, но Будда есть Будда.

Тем временем Серж подошёл к кабаньим тушам и несколько минут изучал их. То отступал на шаг, то приближался, склонялся, обходил вокруг. Бандиты, делая вид, что увлечены трапезой, искоса следили за непонятными действиями пижона. Тот вроде что-то надумал. Направился к кустам схватил дохлую собаку за лапу, подтащил поближе к одному из секачей. Прошёлся за следующей, потом снова... Собак он укладывал в каком-то одному ему очевидном порядке так что образовалось подобие пирамиды из туш. Наконец Серж оглянулся и поманил рукой:

— Эй, Чардаш! Давай-ка сюда. И лапы вытри.

Бандит, хотя и не наелся, послушно приблизился к Сержу, торопливо дожёвывая и обтирая жирные ладони о бока. На свет снова появился навороченный фотоаппарат.

— Значит, так, сейчас снимешь, но чтоб обе свиньи в кадре были, понял? Стань здесь. Смотри, я весь виден? И что бы ствол целиком попал на фотку. Нет, отойди на шаг, ещё...

да, вот так. Серж поставил ногу на крутой кабаньей бок, упёр приклад «Винтореза» в колено так, что ствол устоялся в небо, и задрал подбородок. Он стоял над горой собачьих тел, сваленных у кабаньей туши, а на заднем плане виднелся второй секач. В общем, удачливый охотник возвышался над необъятной горой битой дичи.

— Вот пижон, — прошептал Толик. — Так он на память захотел! Ну и урод...

— У этого человека слишком много привязанностей, — глубокомысленно кивнул Будда. — Замаешься эти привязанности отсекай на пути к просветлению.

— По-моему, он идёт другим путём...

Толстяк пожал плечами:

— У каждого свой путь. И конец пути у каждого свой будет.

Тем временем Чардаш, закинув автомат за спину, мостился так и этак, чтобы угодить Сержу. Наконец вроде бы выбрал позицию, прильнул к видоискателю, присел... То, что произошло после, слилось в памяти Толика в размытую картинку — без начала, без конца, сплошное бесформенное движение цветных пятен. Кусты за спиной Сержа шевельнулись, пропуская переливающуюся прозрачными волнами пустоту. Пустота, играя оттенками, потянулась к пижону, нависла над ним, подняла длинные конечности... Серж ничего не видел, он старательно улыбался в объектив. Чардаш отшвырнул дорогую камеру, рванул из-за спины «калаш», но он не успевал. И другие, те, кто стоял у костра, тоже не успевали. В последний миг, до того как пустота обрушилась на него, Серж среагировал на движение Чардаша — выпрямился, разворачиваясь. Но не успел и он — кровосос ударил. Видимо, мутант метил в шею и в голову, но Серж успел сместиться и удар длинных лап пришёлся в плечо. Сержа словно ураганом снесло с кабаньей туши, он отлетел, ударился о землю, охнул. В момент атаки кровосос проявился, как изображение на фотобумаге, — и Чардаш начал стрелять. Он ещё не поднял оружие, и очередь прошла стороной, так что даже не испугала мутанта. Кровосос не желал отказаться от намеченной жертвы, он сделал шаг, растворяясь в воздухе. Пустота наступила на винтовку, которую выронил Серж, приклад хрустнул. Чардаш бросился между Сержем и колеблющимся прозрачным силуэтом, снова открыл огонь. Он стрелял наугад, не целясь.

Толика будто сковало странное оцепенение, он всё видел, сохранял трезвость мысли, но не мог и пальцем пошевелить. Только глядел, как ходит ходуном автомат в руках Чардаша да возникают в пустоте перед ним пулевые отверстия, из которых толчками выплёскивается бурая жидкость... Пустота надвигалась на Чардаша и Сержа, который медленно шевелил ногами и, похоже, был оглушён. Пули отбрасывали кровососа, но он, качаясь, шагал к стрелку. Мутант оставался невидимым — значит, пули не задевали жизненно важных органов, он уверенно контролировал собственное тело. Вот пустота подступила к Чардашу, автомат захлебнулся, из пустоты вывернулась сутулая тёмная фигура, взмахнули длинные лапы, ботинки Чардаша оторвались от земли, тощий бандит, как пушинка, подхваченная порывом ветра, взлетел над поляной, его вой прорезал тишину — и похоже, этот отчаянный крик нарушил оцепенение, охватившее бригаду. Тут же несколько стволов ударили одновременно, пули превратили верхнюю часть тела мутанта в сплошную кровоточащую рану. По ногам стрелять никто не решался — боялись задеть Сержа, тот всё ещё пребывал в беспамятстве и вяло шевелился в траве. Кровосос, шатаясь, сделал ещё шаг, повалился, сбитый автоматными очередями, попытался встать — бандиты, выстроившись цепью, шли к нему, теперь они палили прицельно, короткими очередями, мутант снова и снова приподнимался и валился, опрокинутый точными попаданиями. Он корчился и истекал кровью, но полз, приподнимался, валился в залитую бурой жижой траву... Он хотел жить. Вот он достиг кустов, рванулся в заросли... Все разом кинулись за кровососом — добить, пока он не очень опасен. Мутанту удалось проползти ещё добрый десяток шагов, прежде чем иссечённое пулями тело потеряло способность передвигаться. Магазины были опустошены, Будда вырвал из кармана «Макаров» и, склонясь над окровавленной, истерзанной тушей, выпустил обойму кровососу в голову, в упор. Тело и после этого не перестало дрожать и дёргаться в агонии, но эти судороги не пугали, было очевидно: мутант убит. Бандиты, перезаряжая на ходу оружие, гурьбой побрели обратно на поляну. Серж

сидел в траве и очумело озирался — он так и не понял, что произошло. Чардаш, согнувшись в три погибели и подтянув ноги к животу, тихо ныл. Толик подбежал к нему:

— Что? Чардаш, ты как?

— О-ой...

— Что?

— Нога... о-ох... и рука тоже. Ох, больно-то как... — Глаза бандита были совсем дикие.

— Ну ты герой, Чардаш, — брякнул Толик. — Супер! Встал перед кровососом... заслонил собой... Ну прямо... Вот это я понимаю! Это по-пацански!

Чардаш сел, его взгляд обрёл осмысленность.

— Дурак, — сказал бандит неожиданно спокойным голосом. — Заслонил... собой... Если бы я без Сержа на большую землю вернулся, меня б на куски... Нет, без него мне лучше не возвращаться. Вот тебе и весь мой героизм. Погляди, чего у меня с ногой.

Серж потёр лоб и уставился на спасителя:

— Э, Чардаш, ты куда мой фотик закинул, а? Ты вообще в курсе, сколько вещица стоит?

— Я сейчас... — Чардаш с видом усталой покорности вздохнул, попытался встать, замычал от боли и опять плюхнулся в траву. — Сейчас я... сейчас найду.

— Ничего ты искать не будешь! — неожиданно для себя самого выкрикнул Толик. — Сиди! А ты, Серж, ты-то сам в курсе? Ты в курсе, что Чардаш тебя спас? Что пока ты в отключке валялся, он тебя заслонил, как... — Толик задохнулся от возмущения, он никак не мог подобрать нужного слова, — как в кино! А ты, козёл!

Серж улыбнулся прежней холодной улыбочкой и удивлённо поднял брови:

— Ты чего, пацан? Оборзел, да?

Толика уже понесло, он себя не контролировал, возникло чувство, будто он видит со стороны всё: поляну, себя, стоящего над Чардашом, развалившегося на земле Сержа в наконец-то выпачканном пижонском плащике, бригаду... Он ощущал безшабашную злость. И шагнул, поднимая обрез, к Сержу. Тот уже не улыбался, цедил медленно сквозь стиснутые челюсти:

— Остынь, сопляк...

Рядом с Толиком встал Мистер, опустил ему на плечо тяжёлую ладонь:

— Не деять, нет. Стоп, Толлек! Энд ю, фул... ты есть факин глупак, Серж. Молчать тебе быть лучший. Понять есть? Ну?

Видимо, рослый дезертир произвёл на Сержа большее впечатление, чем тщедушный Скрипач. Во всяком случае фраер процедил сквозь зубы:

— Ладно, ладно, я понял. Хорош, пацаны, кончаем базар. Согласен, был неправ.

— Ну и факин молодец, — подвёл итог Мистер.

Потом занялись ушибами Чардаша — кровосос всё же крепко его помял. Бандит с трудом сумел подняться на ноги, но гримасы при этом строил такие жуткие, что Мистер с Буддой переглянулись и решительно ухватили пострадавшего, заставили снова опуститься, потом, невзирая на вялые протесты, стащили с него брюки. Пациент для виду отпирался, но больно ему было по-настоящему. Перелома не обнаружили, однако правая нога распухла и уже начала наливаться синевой от колена почти до паха.

— Идти сможет, — вынес вердикт Будда, — но медленно. Костыль ему, что ли?

Серж бродил у кабаньих туш, нагибался, раздвигал пучки травы — искал камеру. Толик несколько раз ловил на себе холодный взгляд пижона, ощущения возникали при этом до крайности неприятные. Рука и правый бок Чардаша то же были не в лучшем состоянии, но он заверил, что шагать сумеет.

— Ты быть середина нас, потому что факин стрелять не может, — объявил Мистер. — Толлек, давай-давай костыль делать.

Толик отыскал подходящее деревце у края поляны с удобной развилкой. Срубил, обтесал ветки, чтобы не торчали. Будда обмотал развилку тряпьем, получилась упор.

Серж уже отыскал свою камеру и теперь занялся винтовкой — кровосос умудрился повредить приклад. Серж вертел оружие так и этак, разглядывал трещину и шевелил губами ругался, наверное. Животное, угодливый, как обычно предложил ему изоленту. Серж взял, но глянул так, что охота общаться у Сани мгновенно улетучилась, он пробормотал, что нужно бы ещё мяса нажарить, пока всё наготове, и убрался за хворостом. При помощи Будды и Толика Чардаш проковылял к костру, сел и вытянул ногу. Лицо у него стало бледным, бандит обильно вспотел — ясно было, что с таким спутником далеко не уйти.

Все помалкивали. Ситуация сложилась такая, что чего ни скажи — всё будет не так. Серж кое-как скрепил треснувший приклад, Мистер с Толиком перекусили, потом распределили между собой содержимое рюкзака Чардаша — ему с больной ногой хватит и того, что себя тащить станет да автомат. Потом собрались и двинулись в путь. Хвала Зоне, мутанты больше не объявлялись, но издали то и дело доносился голодный вой слепых псов. Животное принялся объяснять, что от поляны теперь лучше держаться подальше, что кровосос — это только начало. На такую гору добычи мутантов к ночи набегит немеряно... Ему дружно велели заткнуться, и дальше шагали молча. Чардаш ковылял, как мог, продержался больше часа, Мистер буркнул, что быстрее будет, если его нести. Наскоро соорудили носилки из палок и широченного плаща покойного Торца. Носильщики менялись часто, и когда очередь дошла до Будды, толстяк заметил:

— Хорошо, что ты такой лёгкий, это тебе повезло. Меня бы сразу бросили.

— Я завтра на ноги встану, гадам быть, — простонал Чардаш. — Пацаны, я бы и сейчас лучше сам... но уж завтра точно!

— Не нужно загадывать на завтра, — глубокомысленно изрёк студент. — Человек предполагает, а Зона располагает. И ещё я думаю...

Где-то неподалёку завывали собаки — должно быть, учуяли кабаньи туши и всюю спешили к добыче.

— ...что надо поспешить, — закончил Будда. Больше он ничего не говорил — сопел, перхал и откашливался, для рыхлого студента и лёгкий Чардаш оказался слишком тяжёл. Но толстяк ни разу не пожаловался, тащил раненого, как все. Несмотря на всеобщее желание, с носилками не больно побегаешь — и бригада до ночи не добралась к холмам. Когда устраивались на ночёвку, Животное объяснил, что собирался убраться с равнины — среди радиоактивных холмов и живности меньше, и запахи не так быстро расходятся, мутантам сложнее учуять людей. Однако что толку жаловаться? Пришлось устраиваться посреди пустоши. Толик с Мистером натаскали побольше сушняка, развели два костра, дежурили по очереди. Но Зона в этот раз оказалась милостива к бригаде — зверьё ни разу не потревожило. Может, местная фауна успела собраться на поляне с подстреленными кабанами. Там, должно быть, жизнь была ключом, когда хищники вступили в драку за добычу. С рассветом не выпавшиеся бандиты двинулись дальше — они держали путь к лысым холмам.

* * *

Обновлённое сознание Твари фиксировало окружающий мир на нескольких абсолютно разных пластах восприятия. Меньше всего информации поступало от органов зрения: черныбыльский пёс неплохо видел, но в лесу — а Тварь теперь кралась по лесу — обзор был ограничен. Стволы деревьев, кустарник, кроны над головой и трава под ногами — всё это служило преградой и сужало поле зрения.

Обострённое обоняние слепой собаки покрывало куда большую площадь, особенно когда лёгкий ветерок просачивался сквозь заросли. Тогда Тварь поднимала круглую уродливую башку и верхним чутьём впитывала мир во всём богатстве запахов, оттенков запахов и легчайших намёков на запах. Наделённому зачатками ментальной силы мозгу черныбыльского пса мир представлялся чёрным фоном, на котором светящимися точками выделялись чужие сознания — от крошечных, едва заметных, принадлежащих примитивным существам, до ярких, отчётливо сияющих разумов млекопитающих. Окажись на месте Твари

человек, он бы, наверное, сравнил ментальную картину Зоны с картой звёздного неба... но Тварь никогда не разглядывала небеса, её интересы лежали куда ближе к поверхности планеты. Картина в сознании чернобыльца была трёхмерной, Тварь замечала птиц на ветвях и подземных зверюшек в норах. Эти разноплановые мироощущения накладывались, дополняли друг друга, а иногда и противоречили друг другу. Не привыкший к подобной нагрузке мозг чернобыльского пса не справлялся, Твари снова пришлось положиться на сознание крысы. Маленький грызун, первая жертва суперхищника, обладал наиболее гибким и лучше иных приспособленным к обучению разумом. Теперь он взял на себя функцию координатора и мало-помалу приводил сигналы, воспринимаемые обонянием, зрением и пси-органами, в состояние устойчивого равновесия.

Тварь уже достаточно организовала свой перестроенный из частей организм и теперь упорно продвигалась по лесу, игнорируя слабые сигналы, поступающие от органов чувств. Она разыскивала больших животных — пришло время для новой трансформации. Прежде, пока тело оставалось очень несовершенным, Твари приходилось соблюдать осторожность, теперь же она сделалась достаточно сильна — пора было вспомнить о длинных когтях. Ей не требовалось избегать встречных зверей — они сами спешили убраться подальше, уступали дорогу, разбегались, едва замечали приближение незнакомого, но несомненно опасного зверя. Тварь шла напрямик, прощупывая пси-органом пространство далеко впереди и вокруг, она исследовала достаточно большую площадь, куда большую, чем была бы доступна человеку с его примитивными органами чувств. И вот наконец она отыскала. На чёрном небе ментальной проекции вспыхнуло яркое созвездие — эти разумы были слабо развиты, но наверняка принадлежали крупным животным. Прежде Тварь выбирала возвышенности, чтобы складки местности не мешали обонянию и пси-органу прощупывать окружающее пространство. Теперь, изменив направление, она двигалась по очень пологому склону. Человек даже не заметил бы этого уклона — точно так же, как не заметил бы крошечной разницы в высоте, которая прежде служила Твари ориентиром. Однако для этого необычайно чувствительного существа разница была очевидна. Покатый склон привёл Тварь к заболоченной низине. После каждого дождя часть влаги не успевала испариться и копилась здесь, на дне, так что в конце концов образовалось топкое место. Здесь растительность была гуще, сюда тянулись и травоядные, и охотники. Сейчас низина привлекла семейство псевдоплотей. Вожак, крупный самец, меланхолично пережёвывал останки слепой собаки, издохшей здесь три недели назад. Остальные мутанты бродили поодаль и ждали своей очереди, чтобы получить кусок жалкой добычи. Некоторые без энтузиазма жевали сочную траву. Как-никак, псевдоплоти произошли от всеядного животного, так что иногда употребляли растительную пищу... хотя и предпочитали мясо. Они ещё не почувствовали приближения Твари, и она сама позвала их. Тварь, пользуясь навыками вожака-чернобыльца, попробовала привлечь псевдоплотей, как прежде чернобылец призывал свою свору. Но псевдоплоти были куда менее восприимчивы, чем слепые собаки, они не откликнулись и даже толком не осознали, что ментальный призыв обращён к ним. Тогда Тварь сама направилась к стаду. Если хитрость не подействовала, оставался безотказный вариант — атака. Тварь была уверена в собственных силах. Стадо псевдоплотей почуяло приближение чужака, когда Тварь находилась на расстоянии в два десятка метров от болотца. Глупые мутанты не пытались анализировать ситуацию, они действовали, подчиняясь простейшим инстинктам, — тревожно захрипели и вихляющей рысцей бросились к вожаку. Тот оставил пищу, призывно хрюкнул и стукнул передней лапой; от этого движения грязь брызнула в стороны. Его сородичи, глубоко увязая паучьими конечностями в вязком грунте, сбились в кучу. Пять уродливых животных неуклюже ворочались, толкали друг друга, высматривая опасность. Тварь и не думала скрываться, напротив — она выбежала из зарослей, встала на берегу и издала низкое угрожающее рычание. Псевдоплоти ответили дружным рёвом. Тварь двинулась вокруг сбившихся в кучу мутантов, она избегала топких мест, но и не удалялась от стада — для неё было важно удержать псевдоплотей вместе. Для этого она демонстрировала внушительные клыки и свирепо рычала. Угрозы действовали — псевдоплоти боялись, хотя каждая из них весом превосходила Тварь. Они теснились друг к

дружке, не решаясь ни напасть ни сбежать. Твари же было нужно собрать их вместе. С этой задачей она успешно справилась — псевдоплоти сбились в тесную кучу.

Тварь описала круг около перепуганного стада и снова издала протяжный рык. Глупые жертвы ответили нестройным хриплым курлыканьем и рёвом. Самый маленький из мутантов неуклюже склонился под ноги вожаку и впился неровными зубами в останки слепой собаки, которые перед появлением Твари глодал предводитель стада. Голод и жадность псевдоплоти оказались сильнее, чем страх — и перед вожаком, и перед опасным пришельцем. Воистину, нет в Зоне зверя глупее, чем псевдоплоть, но этот малыш отличался просто невероятной тупостью.

Тут наконец вожак не выдержал и бросился на противника. Отчаянно ревя, вздымая тучи брызг, самец поскакал на Тварь. Он, вожак и предводитель, должен был сразиться за своих самок. Самки заревели, к их вою присоединился отчаянный визг малыша, которого вожак опрокинул в грязь. Детёныш верещал, ворочаясь в грязи и не выпуская из судорожно стиснутых челюстей кусок собачатины. Тварь подобралась, напрягла задние конечности... и прыгнула навстречу самцу псевдоплоти. Он обрушился на то место, где только что щерила челюсти Тварь — и его натиск пришёлся в пустоту. Мутант покатился по земле, разбрасывая комья рыхлого грунта.

Тварь приземлилась в грязь позади вожака, прыгнула снова — теперь она оказалась посреди перепуганного стада, завертелась, вонзая клыки в податливые бесформенные туши, раздавая мощные удары, круша, опрокидывая, терзая отчаянно хрипящих самок. Те пытались сражаться, наугад били голенастыми паучьими лапами... Тем временем малыш выкатился из свалки и, увязая в грязи, пошёл к противоположному берегу грязевой лужи. Собачье бедро с кусками гнилого мяса болталось в перекошенной пасти, слюна, перемешанная с болотной жижей, стекала по костям, от движения несуразного тела расходились тяжёлые маслянистые волны. Вожак поднялся на ноги, рыкнул и бросился в копошащуюся посреди болота груду тел. Самки одна за другой тяжело опускались в грязь, где-то среди них, уже совсем неразличимая под слоем грязи, металась Тварь. Вожак споткнулся о вытянутую под слоем мутной воды тощую конечность самки, зашатался... из грязи перед ним вынырнула собачья голова Твари, зарычала, показывая окровавленные клыки. Вожак заревел — больше от страха, чем от ярости — и рухнул на Тварь, вдавливая её в грязь массивным туловищем. Острая ослепительная боль разорвала его мягкое брюхо, самец рванулся, но Тварь снизу держала крепко, она уже вгрызалась, втягивалась в необъятную тушу псевдоплоти. Вокруг шевелились, умирая, самки; липкая жирная грязь постепенно принимала из чёрного красно-коричневый оттенок — кровь, вытекающая из десятков ран, смешивалась с водой и тиной...

Маленький мутант с огрызком собачьей туши в зубах выбрался на берег, печально проблеял и шатаясь пошёл прочь от болота. Он не мог оглянуться из-за устройства тела, его шейные позвонки были погружены глубоко в массивный торс. Да детёныш и не хотел оглядываться — ему было очень страшно. Поэтому он не видел, как разодралась спина вожака, полетели багровые ошмётки — и наружу высунулась страшная окровавленная голова Твари.

Глава 18

— Чего ты ещё придумал? — спросил Рожнов, когда Слепой увёл его в тёмный угол склада. В голосе капитана сквозило недоверие.

— Знаешь, твои штучки, может, и хороши где-то там... — «долговец» сделал неопределённый жест рукой. Сталкеры, которые издали пожирали глазами капитана и Слепого, тут же зашевелились, Расписной склонился к Грибнику, эти двое стали шептаться — должно быть, пытались угадать, что сказал Рожнов.

— Ну, там, у вольных бродяг, — продолжал капитан. А мы — «Долг», у нас всё должно быть по закону. И поединок устраивать я не позволю. Это не закон, а самая настоящая анархия.

— Ну и что? — Слепой ухмыльнулся. — Ты даже не выслушал меня, а уже споришь. Может, то, что я предложу, не так уж страшно?

— Знаю я твои штучки, наслышан.

— Вот ведь, — притворно удивился Слепой, — все знают обо мне! Наверное, и анекдоты рассказываете, когда я отвернусь, а? Пришёл сталкер Слепой в бар «Сто рентген»... Ладно, ладно, давай серьёзно — и с самого начала. Что произошло ночью?

— Ну что, бухие сталкеры уснули, кто-то из них обчистил рюкзак жирного...

— А с чего вы все решили, что это был один из восьмёрки? На склад мог войти кто угодно.

— Они бухали допоздна, ночью движение по базе прекращается. Да и вообще... как-то странно, если бы чужой. Представь себе: другой сталкер сидит неподалёку, ждёт, пока на складе угомонятся, потом лезет... причём знает, в чьём рюкзаке сегодня праздник. Нет, это маловероятно, да и слишком рискованно. Если бы один из них проснулся, увидел чужого... Нет, нет, вряд ли. Не входил чужой.

— Правильно, чужой ждал снаружи, ему вынесли хабар, а в рюкзак Пузыря лазил один из этих. Они взяли хабар, скинули кому-то снаружи... Это несложно устроить. Улучил момент посреди пьянки, послал мейл: подойди туда-то, затаись и жди. Это не случайный прохожий, а? У вора есть сообщник снаружи, но вор здесь. И потом, прикинь: толпа начала собираться раньше, чем эти долговского координатора вызвали, — Слепой кивнул в сторону подозреваемых. Те переминались с ноги на ногу, ожидая конца разговора.

— А это ты к чему? — недоумённо нахмурился Рожнов.

— К тому, что кто-то пустил слух о краже. Кто-то снаружи. Нужен был шум, чтобы тебе захотелось скорее решить дело, хотя бы и поединком.

— И какой вывод?

— Очкарик наверняка не виноват. Ну разве что виноват в том, что бухает не в меру, а после не слышит, когда ему в рюкзак чужой контейнер суют.

— Это я и сам понимаю. Но ты его хочешь на поединок угнать? Против этого бандита? Да ты погляди на Расписного! Это даже не поединок, у Очкарика никаких шансов.

— Ну да. Я думаю, Грибник с Расписным заодно, они и есть воры, но хабар не при себе носят. Ты же велишь после поединка следить за ними, верно? И на выходе обыск велишь устроить?.. Я так и думал... Грибник, конечно, тоже это понимает. Значит, хабар они передали сообщнику, который пойдёт с базы сразу после них. Ты его возьмёшь на КПП. Есть, конечно, вариант, что это не Грибник с Расписным... Но, по крайней мере, на Арене никого зазря не пристрелят, разве этого мало? Ну ладно, хватит разговоров. Я думаю, твой парень уже на Арене побывал и сговорился, чтобы нам приготовили сцену. Тебе останется только потолковать с Арни, чтобы бойцам выдали пистолеты с холостыми патронами.

— А-а...

— Рискованно, я знаю. Но в случае чего вали на меня. Если обман откроется, скажешь: Слепой во всём виноват. Пусть меня выгонят отсюда с позором и запретят впредь являться на территорию «Долга». Я, знаешь ли, буду только рад. Не нравится мне у вас, скучные вы все.

— Значит, ты хочешь...

— Да брось, Рожнов, ты всё равно ничего лучше не придумал. Значит, давай попробуем по-моему.

Потом Слепой радостно сообщил сталкерам, что уже уломал капитана, и все дружно побрели со склада наружу. Там бойцы «Долга» заставили толпу освободить дорогу и запретили плестись следом. Но у Арены тоже былолюдно. Арни с шутками и прибаутками объявил, что в его театре антракт, так что недовольные зрители как раз расходились, когда Рожнов привёл группу подозреваемых. Арни Слепому никогда не нравился. Этот парень, распоряжавшийся боями на Арене, хотя и выглядел добряком, на самом деле отличался

изрядным цинизмом. Сохраняя непроницаемое выражение добродушной курносой физиономии, он провожал на смертельные бои отчаявшихся парней, мог и подлянку устроить, к примеру, подсунуть пистолет с наполовину снаряжённой обоймой, а то и вовсе «калаш» с парой патронов — Слепому говорили о таких номерах. Сколько бы в историях об Арене ни было выдумок, но рассказчики сходились в одном: что Арни способен на грязные шутки.

К тому же Слепому раздражала манера Арни вечно потирать ладони, поэтому он предоставил переговоры Рожнову. Тот тоже большого энтузиазма не испытывал, и кстати, задача была не из простых: разбитной Арни мог растрепать любой секрет, следовало убедить его придержать язык. Пока капитан толковал с распорядителем в соседней комнате, все маялись, Очкарик поминутно вздыхал, видно было, что ожидание даётся ему с трудом. Даже Расписной не выпендривался. Наконец на пороге появился Арни — ухмыляющийся и потирающий ладони, как всегда.

— Ну, — бодро осведомился здоровяк, — кто у нас больной? Кому процедуры прописаны? Ты?.. Или ты?.. А, Расписной! Здорово, здорово... Я же тебе говорил, что если подсел на Арену, то не соскочишь. Помнишь, говорил, что ты ещё вернёшься? С кем тебе сегодня встречаться? Вот с этим? Ну, мужики, у вас и шуточки... Расписному трёх таких нужно, чтобы хоть какой-то интерес был. Может, ему автомат дать? Как тебя, мужик?.. Очкарик? А, ну да, я бы и сам мог догадаться... Очкарик, дать тебе автомат? Два! Два «калаша»! Чтоб интерес был!

— Уйми сквотзяк, — посоветовал развеселившемуся Арни Рожнов. Капитану происходящее было очень не по душе, и потому хотелось скорее покончить с этим делом. — У нас не развлечение, так что интереса не требуется. Дашь по «макарову», как договорились.

— Ну ладно, — посерьёзnel Арни. — Значит, так. Кто в процедурке не участвует, пройдите, что ли, на трибуны. Сидеть там тихо, не орать, бойцам советов не давать, не то сами на Арену у меня выйдете, там и будете прыть показывать. Ясно? Вот и валите. А вы, куски мяса, скидывайте снарягу. Заберу ваши манатки на ответственное хранение. У меня, как в швейцарском банке, ничего не пропадёт. Процентом, правда, не набейте, не надейтесь, проценты только тем, кто...

— Заткнись, а? — попросил Рожнов.

Сталкеры, не участвующие в поединке, ушли, остались лишь бойцы, Арни и Слепой с Рожновым. Пузырь тоже задержался. Когда участники сбросили снаряжение и остались в грязных свитерах, Арни без смущения охлопал обоим карманы — проверил, нет ли оружия, — потом предъявил два ПММ:

— Выбирайте.

Расписной с Очкариком переглянулись, протянули руки, снова настороженно покосились друг на друга... Наконец каждый взял по стволу.

— Повторяю, ближе трёх метров не сходить, стрелять издали. Иначе у Очкарика шансов нет. Если патроны выйдут, прекращаем бой, оба невиновны, — зачастил Слепой. Он хотел отвлечь парней, чтобы те не слишком разглядывали оружие Арни. Патроны у обоих были холостые, но знать бойцам этого не полагалось. — Очкарик, за мной. Рожнов, ты Расписного выводи. Когда Слепой с Очкариком выходили из помещения, позади тихо заговорил Пузырь:

— Расписной, слушай... ты, это, не убивай Очкарика, а? Если убьёшь, мне ж никто хабара не вернёт.

— Ну, это уж как получится, — ухмыльнулся сталкер, при этом его шрамы растянулись, придавая лицу странное выражение. — На Арене, знаешь, не до расчётов, там всё очень быстро получается.

— Слушай, я серьёзно, — тянул Пузырь. — Я тебе из хабара, если найдётся, премию...

Дверь захлопнулась, и о размерах премии Слепой не узнал. Очкарик поплёлся за Слепым, они прошли длинным коридором, который вёл к противоположной стороне знаменитой Арены. Шагали молча. Посередине прохода Слепой остановился и взглянул в глаза подопечному:

— Очкарик, скажи честно, не брал хабар Пузыря?
— А ты мне поверишь, что ли? Если скажу, что не брал, отпустишь?
— Нет, брат, уже ничего не изменить, поединок начнётся через минуту. Просто скажи правду. Брал или нет?

— Нет, конечно...

Слепой протянул руку:

— Держи.

— Что это?

— Кетчуп из долговской столовки. Когда начнётся бой, лезь на контейнер, будто хочешь Расписного сверху подстрелить.

— Он заметит. Он уже на Арене дрался, все номера знает.

— Ну и хорошо, он выстрелит, ты упадёшь. Падать станешь с другой стороны от него, чтоб Расписной не видел, как ты уляжешься и кетчупом обольёшься. Патроны холостые.

— А у меня? — В голосе сталкера, который до сих пор выглядел понурым и смирившимся с судьбой, прорезалась неожиданная сила.

— И у тебя. Условия по-прежнему равные. Лежать будешь без дураков, неподвижно, как труп. Тебя как жмурика и унесут. Ну, готов? Всё понял? Тогда идём... Стоп! И учти, если тебе повезёт и этот день переживёшь, никому ни слова! Будешь врать, что был ранен, упал, ударился головой... оклемался в лазарете... В общем, ты меня понял?

— Слушай, Слепой... если я... если в самом деле... если...

— То ты за меня в огонь и в воду и в Четвёртый энергоблок?

— Ага.

— Все вы такие, — буркнул Слепой и зашагал к выходу на Арену, — обещаете чего ни попадя, лишь бы стакан водки не налить за спасение.

Очкарик заторопился следом, бормоча что-то о цистерне водки. Слепой не слушал, он обдумывал, как быть дальше если всё выгорит.

У выхода на Арену Очкарик нацепил очки, дужки были стянуты резинкой. Вид у парня сразу стал потешный, и Слепой понял, почему тот обычно ходит без очков — чтобы не выглядеть смешным. Подручный Арни, сохраняя непроницаемое выражение лица, отворил дверь и кивнул Очкарику — проходи. Слепой кивнул, чтобы ободрить парня, тот тяжело вздохнул и шагнул в проём. За его спиной гулко захлопнулась дверь, и Слепой побрёл на трибуну. Когда он занял место за решётчатым ограждением, Арни уже завёл свои привычные разглагольствования:

— Сегодня у нас необычный бой! Духи Зоны почтили своим присутствием это скромное, но повсеместно прославленное заведение! Сегодня духи помогут нам восстановить справедливость и укажут виновного! Итак, встречайте! Сегодня на Арене наш старый знакомый Расписной, знаменитый тем, что взасос целуется с кровососами... Его противник пока что не так знаменит, но, как утверждают, уже успел прославиться ловкостью рук...

В динамиках булькнуло, раздались скрежет, щелчки, и затем — не в микрофон, но вполне разборчиво, — Рожнов произнёс:

— Заткнись, я сказал. Просто дай сигнал к началу и заткнись.

— Итак, мы начинаем... — как ни в чём не бывало сообщил Арни. — Пошли! Да пребудет с вами сила!

Слепой подошёл к сетке, огораживающей зрительское место. Он впервые наблюдал поединок. Отсюда, с верхнего яруса, арена была хорошо видна — длинное помещение, бывший цех. Тут и там в живописном беспорядке были расставлены контейнеры и ящики. Участники в ожидании сигнала переминались с ноги на ногу — каждый со своей стороны. Когда Арни велел начинать, они двинулись навстречу друг другу.

Очкарик бросился к контейнеру, прижался к холодной поверхности и медленно пошёл вправо, потом передумал и обогнул препятствие слева. Двигался он довольно уверенно, но, едва Слепой перевёл взгляд на Расписного, как стало очевидно: вот фаворит. Покрытый шрамами сталкер точно знал, что делать. Похоже, он не забыл расположения укрытий и

смещался короткими перебежками — так, что Очкарик никак не мог его заметить. Он затеял обход по правому флангу.

Тем временем близорукий сталкер нашёл подходящую грудку ящиков и стал взбираться на ржавый контейнер. Осторожно прилёг, потом, выставив руку с пистолетом, приподнялся. Расписной будто ждал этого — вынырнул из-за укрытия с оружием наготове. И тут же раздались хлопки выстрелов. Очкарик повалился на спину, с грохотом покатился вниз. Потревоженные ящики задребезжали и обрушились на упавшего сталкера. Тот дёрнулся в последний раз, инстинктивно отталкивая упавшую тару, и замер. Зрителям был виден свитер, заляпанный красным.

— Готов! — бодро объявил Арни. — Расписной, на выход. Ты победил. Если передумаешь бродяжить и захочешь начать снова, милости просим на Арену.

Расписной хотел было подойти взглянуть на побеждённого, но Арни с шутками и прибаутками велел ему выматываться — мол, нужно продолжить прерванные поединки. Слепой побежал на Арену поучаствовать в выносе тела. Ассистент Арни то ли был не в курсе дела, то ли просто оказался хорошим актёром — ухватил недвижимого Очкарика за ногу, поволок к выходу и передвигался так сноровисто, что Слепому стало страшно — не разбили бы мнимому покойнику башку. Поэтому он подскочил, взял залитого кетчупом сталкера за руки и вдвоём с «долговцем» вынес за дверь. Потом скомандовал:

— Бросай!

— Чего бросай? — удивился служитель Арены. Выходит, он был не в курсе. — У нас для трупиков каморка под лестницей. Сейчас схожу проверю, выкопали могилу или нет. Потом зароем.

Очкарик не имел инструкций, как вести себя после схватки, и на всякий случай лежал тихонько.

— Рано ему в могилу, — объявил Слепой. — Сперва нам предстоит над трупом надругаться как следует. Смотри, сейчас я приступлю к сеансу некромантии. Очкарик, воскресни! И пистолет отдай.

Покойник завожился на полу и медленно встал, протянул оружие Слепому. Парень из «Долга» попятился, краски покидали его лицо, он потянул из-за плеча автомат.

— Не стреляй, — предупредил Слепой, — его пули всё равно не берут. Вот смотри! И разрядил в грудь Очкарику обойму холостых патронов. «Долговец» глядел на обоих совершенно очумело.

— А что теперь? — Очкарик стянул заляпанные кетчупом очки и стал старательно протирать стёкла.

— Теперь тебя не должны видеть, пока не найдём хабар Пузыря. Ну и видок у тебя, охренеть можно. Знаешь, как однажды сталкер Петров опрокинул на себя кастрюлю борща? Идёт по лесу, весь в красных потёках, как в крови, идёт и ругается... Тут из кустов к нему самка кровососа, облизывается: «Ух, какой у тебя вид, красавчик... возбуждающий!»

— Борщ?.. — промямлил «долговец».

До него уже начало доходить.

— Кетчуп, — пояснил Слепой. — И гляди, никому ни слова! Если что, Арни в курсе. Так что помалкивай, ага?

Пятью минутами позже за ними зашёл Рожнов. Оглядел вымазанного Очкарика, потом обернулся к Слепому:

— Что теперь? Я велел парням следить за Расписным и Грибником. Ну и за остальными тоже.

— А Пузырь как?

— Ему сказали, что Очкарик спёкся. Он уже хабара своего не ждёт, пошёл в «Сто рентген». Ему сегодня за счёт заведения обещано. Ну, утешить как бы...

— Я думаю, наши голуби, Грибник с Расписным, не больше часа здесь пробудут. Покрутятся немного, чтобы это не выглядело слишком вызывающе, а потом свалят.

Рожнов кивнул:

— На выходе их обыщем, конечно.

— Они ж не дураки, всё разыграли ловко, значит и хабар не при них, новый обыск они наверняка учли. Скорей всего, барахло Пузыря окажется у того, кто пойдёт следом. Чтобы с Грибником за вашим КПП встретиться и отдать.

— Следом? А не перед ними?

— Может, и перед ними, но я всё же думаю — после. Тот, кто выйдет первым, может и сбежать с хабаром, а? А так Грибник с Расписным его снаружи дождутся, и он никуда не денется. Я бы на их месте именно так и сговорился.

— Ладно, я пошёл готовить встречу. Очкарик, сиди здесь и носа не высовывай, понял? Близорукий сталкер только вздохнул.

* * *

Пока Слепой вершил правосудие на долговской базе, пока Тварь поднималась по пищевой цепочке и пока бригада во главе с Сержем пробивалась к Свалке, Курбан с Эфиопом не сидели сложа руки. Они искали тайник. Начали с остатков строения — подняли прогнившие доски пола. Эфиоп обнаружил несколько позеленевших медяков разного достоинства, в основном 1961 года. Парню понравилось, он всякий раз порывался показывать находки старшему. Курбан ругался и велел не отвлекаться на мелочи. Его старые монетки не радовали, он жаждал найти богатый хабар.

Когда с полом покончили, Курбан велел Эфиопу подставить плечо и тщательно обследовал остатки перекрытий. «Отмычка» напрасно отговаривал и показывал подножие стены — мол, там нет следов, никто не приставлял лестницу или какую-нибудь опору, но Курбан был непреклонен:

— Ты этих ребят не знаешь. Они хитрые, и Слепой этот — балагур вроде, шутник, да? А на самом деле тоже хитрый! Уж ты мне поверь, я сразу его раскусил — себе на уме парень, что-то скрывает... Давай. К стене!

Эфиоп, вздыхая, встал под стеной, подставил сцепленные ладони и помог приятелю взобраться наверх. Тот, ругаясь и поднимая клубы пыли, облазил закоулки и укромные местечки среди разошедшихся досок и гнили. Ничего не нашёл и сполз вниз. Следом за Курбаном со стены осыпался мусор, что вызвало новый приступ ругани. Потом Курбан обошёл руины вокруг, высматривая следы. Нигде свежевыкопанной земли или иных признаков тайника не нашлось. Эфиоп уже пару раз завёл разговор, что они здесь напрасно время теряют, а припасов маловато. Курбан прервал жалобы «отмычки», хлопнув себя по лбу и выкрикнув:

— Ага!

— Чего?

— Костёр! Вот оно что!

— А чего костёр-то? — Эфиоп захлопал ресницами. На всякий случай бросил взгляд на кострище, ничего не понял и снова спросил: — Чего костёр-то?

— Консервы он какие жрал? Слепой какие консервы жрал? — Курбан улыбался, он был страшно доволен собой.

— Как это какие? Ну, вот те, которые... Я ж ещё банку нашёл.

— Банка с саморазогревом! — торжественно объявил Курбан. — А костёрчик-то Слепой зачем жёг?

— Зачем?

— Не тупи, копай! Давай разгребай угольки, копай под костром! Он нарочно костёр разводил, чтобы тайник скрыть, а хабар — под углями.

Эфиоп вздохнул и приступил к работе. Он старательно разгрёб золу, отшвырнул в сторону обугленные косточки, которые обнаружились среди пепла... и нашёл пакетик из-под растворимого кофе. Посмотрел на торжествующего Курбана и не рискнул показать находку. Это стоило ему лишних полчаса работы — пришлось копать глубоко, чтобы убедить напарника, что гениальная догадка неверна. Так, в бесплодных поисках, прошёл день.

Ночевать сталкеры решили среди руин — какое-никакое, а всё-таки убежище. Раз настил с пола сняли, можно развести костёр под стеной. Те доски, что посуше, пошли на дрова.

Когда стемнело, округа наполнилась странными звуками. Ветерок шумел кронами деревьев у края поляны, завывал в разворошённом мусоре над головой — среди обломков кровельного настила. В костре трещали сырые дрова, выстреливали ворохами искр, рыжие сполохи бродили по стенам из пористого кирпича. Эфиопу стало не по себе.

— Может, всё-таки уйдём отсюда? — робко предложил парень. — Место какое-то... нехорошее...

— Не глупи, — Курбан растерял прежний задор, но его упрямство не уменьшилось. — Это место нехорошее, потому что мы в Зоне. Здесь хороших мест не бывает. Но бывает хабар. Сам посуди — парень сюда пёр из этакой дали, а зачем? Поел консервов, да и потопал прочь, так?

— У нас жратвы маловато. Снова в костре среди углей треснуло сырое полено, искры закружили в дымном хороводе.

— На охоту ходим завтра вечером или послезавтра, если до тех пор хабар не сыщем, — решил Курбан. — Здесь места глухие, значит, и дичь должна быть.

— Должна быть, — согласился блондин. — Даже странно, что никого не слышать. И собак нет.

— По собакам соскучился? — скривил лицо Курбан. — Лучше молчи, а то и впрямь накличешь. Рядом болотце должно быть, во всяком случае на карте обозначено. У воды всегда зверьё водится. Вот и ходим туда. Но лучше бы найти хабар Слепого и убратся отсюда быстрее.

Он передвинул поудобнее автомат на коленях и добавил: — А спать будем по очереди. Я первым, потом ты. Завтра пойдём по кругу около развалин, будем искать.

* * *

Тварь, затаившись среди умирающих псевдоплотей, сперва не двигалась — она быстро, насколько могла, вырабатывала нервную ткань. Зоны деления клеток работали на полную мощность, температура тела Твари в этих точках поднялась до шестидесяти градусов. Гибкие отростки пронизали тела убитых мутантов. Эти щупальца мягко обволакивали органы, необходимые Твари, или обретали твёрдость стальных лезвий — тогда они, будто нож, входили в податливую плоть. Тварь брала, что ей требовалось, и отбрасывала лишнее. Потом, несколькими часами позже, закончились запасы в пищеварительном тракте черномыльского пса, который по-прежнему служил Твари источником строительного материала. Она вытянула собачью шею к округлому боку псевдоплоти и впилась зубами. Твари снова требовалось много пищи. Двенадцать часов тяжёлого труда — и её тело изменилось до неузнаваемости. Тварь приобрела новые органы, при помощи которых рассчитывала существенно продвинуться к цели. Но сперва новому телу нужно было набрать массу, туловище черномыльской собаки оказалось теперь слишком лёгким. Тварь решила задержаться у растерзанных, изуродованных туш мутантов...

Глава 19

Утром Чардаш, как и обещал, сумел встать на ноги. Он едва ковылял, по-прежнему опираясь на чужое плечо. Ему помогали по очереди Мистер, Будда и Толик — Животное шёл первым, он был незаменим, а Серж ни разу не предложил помощи. Просить его никто не решился, да и не хотелось никому. Больно надо нарываться на грубость. На ходу Серж несколько раз ковырялся в ПДА — Толик предположил, что пижон обменивается посланиями с кем-то на большой земле. Чем дальше, тем более кислой делалась физиономия фраера. Должно быть, что-то происходит... что-то нехорошее, стрёмное.

После полудня бригада вышла к холмам. Тут же дружно подали голос интегрированные в ПДА дозиметры — начинался опасный район.

— Здесь передохнём? — предложил Саня. — Часок перекур, а потом — рывок. Потому что придётся быстро шагать, не то рентгенов нахватаемся, если напрямик. Или обходные пути между холмами нащупывать, где уровень радиации пониже, но тогда и к ночи можем не выйти на ту сторону.

— Нужно поспешить, — неохотно буркнул Серж. — У шефа неприятности. — Потом пижон оглядел недовольные лица спутников и кивнул: — Ладно, передохнём. Чардаш, поди сюда.

Увечный бандит проковылял к Сержу и тяжело опустился на траву рядом. Больную ногу он осторожно вытянул и морщился при каждом движении. Толик, как обычно, пристроился возле Будды.

— Как думаешь, что теперь будет?

Толстяк подумал и неуверенно протянул:

— Ничего хорошего. Сейчас пройдем холмы, к ночи будем на старой базе. Что там теперь?

— Да ничего там... — Толика удивил вопрос студента. — Пустое место, что ж ещё? Скажи лучше, как тебе Серж? Сам велел задержаться на поляне, чтобы пижонские снимки сделать, из-за него Чардаш хромает. А теперь, оказывается, спешить надо.

— Надо спешить, — кивнул Будда. — Тем, кто увлечён сансарой, всегда надо спешить. Теперь жди, совсем паршиво будет. Серж озверевает, его пахан торопит, что-то случилось. Переменилась ситуация, теперь не до фотографий.

— Угу, — Толик не знал, что ответить, и на всякий случай кивнул, чтобы поддержать разговор. Ему хотелось обругать Сержа, излить неприязнь и досаду, но толстяк заговорил о другом:

— Когда мы Бузяка пришили, пахан Сержа сделал так, что у Слепого и Мони почтовые ящики прикрылись. Не понимаешь? Ну, им мейлы не поступали. Значит, эти двое про Бузяка не знают, можно им фальшивые мейлы от его имени слать. Гляди, Серж комп покойника крутит. Может, пароль уже нашёл.

— Это к чему такое нужно?

— Ну, скажем, отправить мейл: «Моня, я здесь, приходи». Вроде Серж Чардашу о похоем раскладе толковал...а может, я не так расслышал. Однако теперь, похоем, у Сержева шефа доступа к почтовому серверу не будет. Поэтому и надо спешить.

Тем временем Серж толковал о чём-то с Чардашем и в самом деле тыкал увечному в нос чужой комп. Потом Чардаш поглядел на Толика и махнул рукой:

— Эй, Толян, поди-ка сюда.

Толик поднялся и неохотно подошёл.

— Слушай, Толян, — подчёркнуто дружелюбно заговорил Чардаш. — Ты парень молодой, знаешь, как сейчас пацаны ботают. Составь такой мейл, вроде как от имени Бузяка другому сталкеру — типа, я нашёл кое-что, один не вытащу, приходи помочь, только никому не говори, чтоб тихо было. Вот что-то в таком плане. Подумай, пока будем в холмах шагать.

— Можно с Буддой посоветоваться? Он пацан грамотный, в университете учился, а я-то и не знаю, как у мужиков между собой принято...

Бандит молча взглянул на Сержа, тот кивнул.

— Ладно, потолкуй с Буддой, — перевёл Чардаш молчаливое позволение Сержа в членораздельную речь. Толик кивнул и возвратился к Будде.

— Ну ты даёшь!

— Что именно?

— А то, что базар случился именно о том, что ты мне сейчас... — И Толик пересказал просьбу Чардаша. А вернее — приказ Сержа.

— Ладно, — толстяк важно кивнул, — придумаю. Но я тебе точно говорю, мы теперь слишком много знаем — о мейлах этих, о непростом пахане Сержа. С тебя-то взятки гладки,

а мне, едва закончим дельце, придётся на затылке глаза выращивать. Во многом знании есть много печали, как сказал Экклезиаст.

— Это ты чего? — не понял Толик. Потом проследил взгляд приятеля — тот пялился на Сержу, а пижон глядел на толстяка. Вроде бы ничего — смотрят двое пацанов друг на друга, но Толик неожиданно ощутил странное напряжение, повисшее над поляной. Постепенно и смысл фразы насчёт глаз на затылке стал до Толика доходить. Сержу не нравится, что Будда видит его насквозь. А если Сержу кто-то не нравится, он не задумываясь может и убить — если не считает помеху ровней себе. Будду он точно не считает ровней, полагает, что место толстяка в самом низу... этой, как её? Пищевой цепочки! Да, тут одними глазами на затылке не обойтись...

После получасового перекура бригада двинулась в холмы. Сперва Саня вёл извилистым маршрутом, бандиты петляли, обходя бугры. Время от времени Животное останавливался, задира голову и принимался — в эти минуты он особенно соответствовал кличке. Потом вглядывался в показания ПДА, махал рукой — и увлекал спутников новым маршрутом. Чем выше становились ржавые глинистые откосы справа и слева, тем чаще и громче стрекотали дозиметры и злее бурчал Мистер: «Факин радиэйшн...» Чардаш упорно отказывался от помощи и ковылял позади. Когда Саня замирал, принимаясь к одному ему ведомым приметам, хромой бандит догонял группу. Толик предположил, что это Серж запретил Чардашу жаловаться и принимать подмогу. После часа блуждания в холмах Серж догнал Саню, ухватил за плечо и рывком развернул к себе:

— Ну, долго нам ещё здесь нуклиды хавать?

— Так я ж дорогу выбираю, — забубнил Животное, — чтоб полегче, чтоб ниже уровень. Через холмы не веду, там сквозит шибче, долинки выбираю...

— Я спрашиваю: сколько? Час? Два? Три?

— К полуночи из холмов выйдем. — Саня знал, что ответ Сержу не понравится, и попытался вывернуться, но фраер держал крепко.

— К полуночи? Я сказал, нам нужно торопиться. Обстоятельства изменились, понял? Веди напрямик, хорош вилять, как сучка!

— Ладно, но просквозит же... и потом... — Животное обернулся, указывая глазами на Чардаша, который уже совсем изнемог и едва ковылял.

— Дальше идём напрямик, — отчётливо произнёс Серж. — И живо.

Животное кивнул, потёр плечо, оглянулся напоследок и развернулся. Теперь он повёл через пологий холм, счётчики тут же издали протестующие трели — «сквозняк», как мародёры именовали на своём жаргоне радиацию, здесь и впрямь оказался будь здоров! Саня перешёл на рысь, чтобы поскорее уйти со сквозняка. Чардаш сразу отстал, но Серж снова стал понукать Саню — мол, хромой после догонит, направление ему известно.

Толик шагал вместе со всеми — когда переваливали очередной холм, как и прочие, ускорял шаг, спешил преодолеть заражённый участок, в лощинах шёл медленнее, переводил дух между бросками. На холмах стали попадаться аномалии — как обычно, они возникали там, где уровень радиации выше. Так что пришлось удвоить осторожность. Чардаш остался далеко позади. Скрипач сперва поглядывал на ПДА — как там, плетётся ли за бригадой одинокий сигнал? С каждым разом белая точка, обозначающая бандита, оказывалась всё дальше и дальше, смещалась к обрезу экрана... После того как перевалили через холм, сигнал Чардаша исчез с монитора. Толик сказал об этом Будде, тот пыхтел и откашливался — темп, взятый по приказу Сержа, давался ему тяжело.

— Отсекай... привязанности, — бросил толстяк. — Зона всё видит, а тебе... не обязательно... Не видишь — и хрен с ним.

У Толика не было сил возмутиться равнодушием приятеля. К исходу второго часа все обессилели. Саня стал жаловаться Сержу, что надо бы сделать привал и полечиться — просквозило всех. Фраер хотел было сделать внушение и гнать бригаду дальше по холмам, но Мистер притопал и встал рядом с Животным. Дезертир не сказал ни слова, но глянул так угрюмо, что даже Серж понял: нужно соглашаться.

— Ладно, — махнул он рукой, — только много не пейте.

— Ага, ага, — как обычно, засуетился Саня. — Сейчас вот ещё одну горку минуем, там долина подходящая. Там встанем. Следующая ложбина в самом деле была пошире прочих, и дозиметр уgomонился — отщёлкивал уровень радиации медленно, будто с лeнцой. Саня достал бутылку, подумал с полминуты — и вытянул вторую. Мистер открыл банку тушёнки.

Водка была отвратительного качества, к тому же нагрелась за день, и честно говоря, с устатку пить совсем не хотелось. Толик бы лучше прилёг, вытянул ноги... но Будда сказал, что лекарство принять нужно обязательно. Серж не пил со всеми, глотал таблетки, запивал из собственной фляги. «Вот сволочь, — подумал Толик, — ни с кем не поделился!» Но парень так устал, что и на злость сил уже не было. В долине они провели около часа — Чардаш так и не появился. Толик отправил бы ему мейл, да адреса не знал. Спросил Будду, тот лишь плечами пожал. Тогда Толик пересилил неприязнь и попросил Сержа. Пижон спорить не стал, отбил пару слов на ПДА — ответа не пришло. Однако распоряжался здесь Серж, и он велел шагать дальше, не ждать и не разыскивать отставшего. Однообразный пейзаж тянулся и тянулся: холм — ложбина, холм — ложбина... Дозиметры и датчики аномалий то и дело трещали, солнце к концу дня стало припекать так, что все обливались потом. Одолевала усталость. Толик совершенно выбился из сил, но Будде было ещё хуже — толстяк шатался под тяжестью рюкзака, хрипел, отхаркивался, шумно переводил дух... однако шагал со всеми, не отставал. Толик подумал, что сегодня жирный Будда отсечёт привязанность к трём-четырёх килограммам сала... и тут совсем рядом раздался вой — в секунду из пронзительного свиста вырос в гулкий оглушительный грохот. Толик поднял глаза и увидел, как Серж взлетает над землёй. Ноги фраера оторвались от глины, и впервые в его холодных глазах мелькнули удивление и испуг. В том месте, откуда аномалия отшвырнула пижона, воздух наполнился коричневой пылью, столб мелкого гравия и комьев земли свивался спиралью, вздымался в узкой лощине, грозил заполнить её целиком — от одного склона холма до другого. Сержу ещё повезло, что он ступил на край зловредного образования Зоны, и его только отбросило. Аномалия грохотала, выла, стонала, во все стороны летели камешки, сухие стебли... Толику комок земли ударил в лоб, пылью засыпало глаза...

В облаках пыли заорал Серж. Толик торопливо протёр глаза и бросился на помощь. Плащ — когда-то серый, а теперь рваный и испещрённый пятнами — раздулся, как парус при сильном ветре, и волок Сержа вдоль склона, аномалия зацепила край ткани и уверенно затягивала человека. Толик подскочил, ухватил Сержа за рукав, дёрнул... Шов разошёлся с треском, почти не различимым в вое аномалии, Толик повалился на спину с куском ткани в кулаке. Серж упёрся каблуками, попробовал развернуться против движения, не сумел. Сквозь грохот и завывания пробивался крик Животного — Саня, который успел пройти мимо, не задев аномалии, теперь суется и вопил, однако подойти не решался. Каблуки Сержа взрыли сухую глину, его утягивало к центру смерча... Толик схватился обеими руками за ботинок и почувствовал, что его также увлекает невероятная энергия аномалии. Серж отшвырнул винтовку, рванул застёжки плаща. Одного рукава не было, теперь он пытался выпростать руку из второго, уцелевшего. Удалось — плащ расправил крылья и канул в грохочущий смерч. Серж рухнул на Толика, больно придавил руку и что-то заорал. Парень не разобрал слов — вдруг бабахнуло совершенно оглушительно, и тишина ударила по ушам, как молот. С шорохом и шелестом посыпались комья глины... Аномалия успокоилась, приняв в жертву порванный плащ...

— Что это было? — слегка дрожащим голосом спросил Серж.

— С ноги встань, — буркнул Толик. Он и сам не очень-то понял, что произошло. Тут, торопливо топоча сапогами, подбежал Животное. Он был так перепуган, что можно было предположить: именно его сейчас едва не сгубила Зона.

— Живой? Целый? Вставай, вставай! — Саня помог Сержу подняться и принялся хлопотать около него, как заботливая клуша над цыплёнком. — Ничего не болит? Знаешь, иногда пацан угодит вот так и не заметит, что у него...

— Куда угодит?

— В «трамплин»... Ты сперва на «трамплин» наступил, а он тебя к «вороньей карусели» отшвырнул. «Трамплин» то сам по себе ничего, не страшный, а вот... Эх-х... — Серж коротко, без замаха врезал Сане в живот, тот захрипел и согнулся.

— Смотри куда ведёшь, — бросил Серж, нагибаясь за винтовкой. — Следопыт хренов. Ну, чего уставился? Шагай вперёд, да теперь поосторожней дорогу выбирай. Глаза Животного недобро блеснули... но он смолчал, бросил только:

— Недолго уже осталось. Скоро из холмов выйдем.

И снова двинулись по холмам. Толик шагал, как автомат, машинально переставляя ноги, прислушивался к показаниям приборов, обходил опасные места... Теперь шли тесной группой, держась за Саней. Толик устал, он даже не заметил, что холмы стали ниже, впадины между ними шире. А что небо затягивается тучами, понял, уже когда пошёл дождь. Рокот грома над головой сплёлся с треском аномалий, в которые ударили дождевые струи, потом загремело снова и снова, ливень усилился. Толик знал, что сейчас лучше бы остановиться, подождать, чтобы непогода утихла, но Саня боялся соваться с советами к сердитому Сержу, шагал и шагал. Ну и бригада тянулась за следопытом. Серж накинул плащ покойного Торца взамен собственного, утащенного «вороньей каруселью», и мокрая ткань облепила его подтянутую фигуру.

Под ногами стало чавкать, сделалось скользко — потоки дождевой влаги стекали по склонам, глина намокла... Потом дождь пошёл на убыль, и мелкие капли равномерно сеялись с тяжёлого свинцового неба. Из-за этой тусклой серой пелены, затянувшей окрестности, Скрипач и не сообразил, что холмы остались позади. Потом, с опозданием, он огляделся и признал знакомые места — они выбрались к старому лагерю, откуда пришлось свалить несколько дней назад. Вон и брошенный экскаватор, выкрашенный в жёлтый цвет. Со временем краска потемнела, местами была съедена коррозией...

Саня остановился, подождал Сержа и стал объяснять, указывая рукой. С вытянутого пальца то и дело срывались капли. Толик тоже подошёл поближе — послушать.

— ...старая стоянка, — говорил Животное. — Только торопиться не надо, здесь бы поосторожней. Всё равно пришли, уже на месте. Лагерь мужиков совсем рядом, рукой подать, незачем выдавать себя.

— Ладно, — кивнул Серж. — Давай поосторожней.

Теперь бригада шагала, развернувшись цепью, все поглядывали на ПДА, не появятся ли чужие сигналы. Остановились в виду старой стройплощадки, Серж оглядел связки труб и бетонные блоки в оптический прицел, буркнул:

— Людей не видно, но вроде собаки там, что ли.

— Собаки? — Животное покачал головой. — Это да, это случается. Они любят места, где люди жили. Придётся стрелять, значит... Паршиво. Не хотелось шуметь. Ладно, стволы доставайте, пацаны.

Когда подошли к лагерю, Толик тоже увидел — какая тварь сидит на пирамиде бетонных плит. Потом мутант приподнялся и мягко канул вниз, пропал из виду. Он в самом деле походил на собаку, но двигался плавно, перекачивался мохнатым шаром. Сквозь шёпот дождя донёсся тихий печальный писк — странные звуки издаёт зверюга... Бандиты приблизились к прежнему лагерю и остановились — никто не хотел первым лезть в лабиринт препятствий, где за каждым куском металла или бетона могла притаиться смерть.

Мистер пробормотал что-то не по-русски и показал гранату — посторонитесь, мол.

— Не хотелось шум поднимать... — пробурчал вечно недовольный Животное, но попятился резвее остальных. Когда бригада отступила, Мистер зубами сорвал чеку и закинул гранату через стопку бетонных перекрытий, сам же быстро присел и прикрыл голову руками. Ба-бах! У Толика даже в ушах зазвенело, так грохот взрыва саданул по барабанным перепонкам. А Мистер уже бросился за препятствие, и тут же затрещала его автоматическая винтовка, заглушая ругань. Толик побежал, с разгона взлетел на плиты — Мистер остервенело дёргал ногой, чтобы стряхнуть повисшего на ней мутанта. Зверь был уже мёртв — вся задняя часть тела иссечена осколками гранаты, и башка прострелена, — но зубов не разжимал. Он был плотным, сбитым, с круглой кошачьей мордой. Псевдопсы, догадался

Толик. Он много слышал о таких мутантах, но вблизи видел в первый раз. Тут из-за связанных проволокой труб выскочил новый мутант, поскакал к дезертиру, тот развернулся. Но Толик не сплеховал — сверху, с бетонной пирамиды разрядил ствол в псевдопса. Заряд дробы, выпущенный в упор, как удар кулака, прибил голову зверя, псевдопёс кувыркнулся и замер. Мистер наконец отделался от дохлого мутанта и двинулся вокруг груды старых ящиков. Ящики когда-то сам Толик и собрал, приволок из окрестных кустов — на дрова для костра. Ему не хотелось покидать относительно безопасное местечко на плитах, но делать нечего — прыгнул и побрёл за Мистером. Одному слишком опасно, кто-то должен страховать. Вдвоём они обошли лагерь, но всё было спокойно — похоже, только два псевдопса оккупировали старую базу.

Толик с Мистером добрались до границы кустов — дальше была подошва холма, усеянная аномалиями, туда бандиты никогда не совались.

— Ну что, Мистер, пойдём назад? — предложил Толик. Дезертир, не говоря ни слова, развернулся и побрёл к стройплощадке. Толик задержался, чтобы зарядить пустой ствол и двинул следом. Не успел он добрести до границы лагеря, как за горами стройматериалов, за серой пеленой дождя загрохотали выстрелы, заорал Животное... Толик вскинул обрез, но лезть вперед не спешил — в такой суматохе несложно пулю от своих же схлопотать... За бетонным коробом слева раздался тихий зловещий звук: хр-р-р... будто растянутый, размазанный во времени кашель. Толик попятился... Зверь выскочил из укрытия мягко и плавно, сгруппировался, подобрался и устоял на парня огромными круглыми глазами, жёлтыми, страшными — холодными, как у Сержа. Толик заорал и разрядил оба ствола в псевдопса. Тот, опередив залп на долю секунды, прынул в сторону, словно перекатился — так мягко отпрыгнул, спрятался за уложенные плиты. Толик торопливо переломил ствол, ладонь скользнула в карман, вцепилась в патрон... Хр-р-р... Псевдопёс показался из-за бетона. Толик торопливо ткнул патрон в казённый, не попал как обычно в такой стрёмной ситуации, руки сразу ослабли. А зверь словно почуял растерянность человека — прыгнул. Толик торопливо взвёл курок единственного заряженного ствола и выпалил в упор. Заряд дробы застал мутанта в полёте, сбил, но он тут же вскочил, встряхнулся и подобрался, готовясь к новому прыжку. Сверкнула молния, над головой прогрохотало — гроза отвлекла мутанта на секунду, заставила промедлить.

Из-за груды труб выскочили Мистер и Будда, дружно вскинули стволы. Мутант услышал движение за спиной, отпрыгнул, разворачиваясь в полёте, — очереди настигли его прежде, чем лапы коснулись мокрой земли. Зверя отбросило инерцией пуль, швырнуло боком на бетон, по серой шершавой стене хлестнули багровые брызги. Псевдопёс уже не смог подняться, он корчился и хрипел, заходясь кашлем, под ним в луже расплзались красные ниточки — кровь смешивалась с дождевой водой. Толик взял себя в руки, аккуратно зарядил дробовик, подошёл к раненому зверю и с двух шагов разнёс ему череп. Только после этого руки перестали дрожать... Будда медленно приблизился, встал рядом:

— Что смотришь? Собачку жалко?

— Не, чего...

— Ты — человек-победитель, вершина пищевой цепочки, ты отбил у дикого зверя жизненное пространство, гордись, — наставительно произнёс Будда. — Здесь, в Зоне, это работает. А по ту сторону Периметра ты никто, твою почту могут проверить, тебя могут арестовать, подсунуть улики, осудить, а ствола в руках нет, не защитишься... — Потом толстяк без паузы сменил тон и заговорил тише: — Серж тоже псевдопса подстрелил. Стреляет он классно, конечно... любит это дело. Если дрова, там, собрать или воду вскипятить, с этим он не станет мараться. А пострелять — да. Хищник он.

— Ну да... — Толик не знал, что ответить. Зачем Будда говорит о таких очевидных вещах? — Конечно. Ага.

— Он и на большой земле тоже хищник, — совсем уж тихо закончил толстяк. — Только здесь мы на равных.

Лишь теперь Толик догадался, что толстяк прежде не всё о себе рассказал. Похоже, были у него и более веские причины для того, чтобы уйти в Зону, более серьёзные, чем скука

и жажда развлечений. Наверное, потому он и подался к бандюкам — здесь пришлому фраеру укрыться легче, чем среди вольных бродяг. Здесь вроде и жив, а никто о тебе ничего не знает... Правда, и помрёшь — тоже не узнает никто. И вот теперь Будду насторожила лёгкость, с какой Серж сотрудничает с властями. Вот как, значит! Толик даже возгордился — как ловко он всё сообразил, как догадался! Хорошее это дело — думать. Достойное занятие для человека победителя, вершины пищевой цепочки.

* * *

Тварь возилась в грязи, пробовала новые конечности. Они отлично справлялись — резали, кололи и рвали. Однако теперь их было слишком много, и мозг черновыльского пса не мог сладить с таким количеством нервных окончаний. На помощь пришёл крысиный разум. Молодая крыса обладала некоторым воображением, она даже могла представить себя совершенно иным существом, с большим числом лап. Огромная работа для такого мозга. Она выполнялась, но из-за почти непосильного напряжения разум грызуна теперь постоянно балансировал на грани безумия, воскресли старые страхи — прежде всего страх перед огромным и страшным человеком, вершиной пищевой цепочки, перед ужасным Толиком Скрипачом, который хотел застрелить, растоптать огромными сапогами, который орал: «Ах ты сволочь! Гнида! Скотина! Тварь! Грязная тварь!» Очень страшный человек — таким он сохранился в памяти крысёнка, таким и предстал в мыслях Твари. Вот это и есть настоящая цель, вершина...

Глава 20

На Арене началась подготовка к новым боям, и Слепой с Шурой Очкариком убрались через чёрный ход. Обычно этой дорогой выносили мертвецов, и у Слепого на языке вертелась шутка насчёт того, что Очкарику, как ни крути, а в конце концов этот выход достался... Но едва он взглянул на спутника, всякое желание шутить пропало. Тщедушный сталкер всё никак не мог отойти после боя — поминутно стаскивал и протирал очки, пальцы дрожали.

— Слушай, спрячь ты очки, что ли, ещё разобьёшь, посоветовал Слепой. — И капюшон накинь, здесь к зомби плохо относятся. — Не удержался всё-таки, сострил...

— Ч-что? — запинаясь переспросил Очкарик.

— Я говорю, скоро всё разъяснится. Эта история так или иначе закончится, а ты живой. Чего нервничаешь?

— Ну а вдруг не найдётся хабар Пузыря? Что тогда? Так и останусь я виноватым, а? — голос Шуры был совсем тусклый, неживой.

— Тогда мне дрожать надо, если что, я ж это придумал.

— Нет, представь: встречу я где-нибудь Пузыря...как я ему в глаза посмотрю? Что скажу?

— Эх, мне бы твои проблемы... Пузырь в «Ста рентгенах» сейчас накачивается. Если хабар не отыщется, мы с тобой пойдём к нему, я всё расскажу, растолкую, как оно вышло, что ты выжил... Кстати, твоим свитером теперь можно водку закусывать. Он весь в кетчупе.

— Это негигиенично, — бледно улыбнулся Шура. И неожиданно морщины на его лице разгладились. Слепой понял что Очкарик — совсем молодой парень, только казался старше из-за того, что вечно шурился.

— Значит, занюхивать будем, а не закусывать.

Тут к ним вышел Рожнов.

— Вот вы где... Ну что, пойдём? Расписной с Грибником уже к КПП направились. Я просил сержанта, чтобы придержал их маленько.

— Капюшон! — напомнил Очкарику Слепой.

Капитан провёл их задами, между грудями старой изломанной тары, ржавого стального проката и дикими зарослями лопуха. В конце концов они вышли к КПП вдоль забора. Отсюда самого бруствера из мешков с песком видно не было, зато хорошо слышались голоса. Сержант «Долга» Киценко, который распоряжался на КПП, как раз напутствовал Расписного с Грибником:

— Не пойман — не вор, конечно... но учтите, мужики, вам здесь не рады.

— Ладно, учтём, — с вызовом буркнул Расписной. — Только мне ваша радость знаешь до какого места?

— Идём, идём... — Более рассудительный Грибник, наверное, поволок приятеля прочь. Он что-то ещё говорил, голос удалялся, и слов было не разобрать.

Вскоре у Рожнова тихо зашипело в шлемофоне. Капитан склонил голову, прислушиваясь, потом ответил:

— Да, принято, — и обернулся к Слепому с Очкариком: — Они прошли мост, свернули, теперь их не видно, но на ПДА сигналы совсем рядом. Там старая траншея, в ней, наверное и ждут. Идём на КПП? Они выбрались из закутка.

— Обыскали? — вопрос Рожнова прозвучал скорее утвердительно.

Сержант кивнул и развёл руками:

— Ничего.

— Группа захвата наготове?

— Так точно.

— Капитан, идём отсюда, а? — позвал Слепой. — Народ пугаем. Вон тот мужик уже собрался было на выход, увидел нас и притормозил.

Они втроем — Рожнов, Слепой и Очкарик — тоже покинули базу и пошли по шоссе. Миновали канаву, где ПДА фиксировал два неподвижных сигнала. Капитан шёл первым, провёл спутников мимо брошенного грузовика, потом свернул вправо. На холме, откуда хорошо просматривались окрестности, в кустах лежали двое «долговцев». Один высматривал в бинокль, другой прильнул к прицелу «Вала». Рожнов, а за ним и спутники опустили на колени, капитан поднёс к глазам бинокль.

— Плохо видно.

— Они ж не идиоты, — буркнул снайпер. — Присели в канаве, ждут.

— Ничего, гонец явится — они встанут, — предположил Слепой. Сам он следил за КПП. Вот показался сталкер, обменялся несколькими словами с Киценко, прошёл. Рожнов процедил сквозь зубы:

— Я бы приказал всех выходящих сегодня обыскивать.

— Всех нельзя, — возразил Слепой. — Гонец увидит, что обыскивают, и не пойдёт. Тогда всё пропало.

— Да я понимаю... — Капитан развернулся и стал наблюдать за дорогой. — Поэтому пропускаем без обыска.

— Ничего, если есть гонец с хабаром, он в траншею свернёт, где эта сладкая парочка уединилась. Чего-то же они ждут, а?

Сталкер, который миновал КПП, шагал по дороге. Проходя мимо траншеи, не взглянул направо, не подал никакого знака — значит, это не гонец. А к Киценко уже приблизился другой, этот миновал охрану молча. Капитан уставился на второго бродягу и прокомментировал:

— А ведь, похоже, это и есть наш человек. Идёт медленно, озирается.

— Ну ясно, — кивнул Слепой, — подождет, не станет ли охрана обыскивать выходящих, убедился, что нет, — и в путь! Вроде как «отмычку» вперёд пустил.

Он говорил уверенно, но на самом деле испытал громадное облегчение, когда подозрительный парень свернул с дороги к оврагу, где ждали Расписной с Грибником. Слепой до последней секунды сомневался в собственном плане, однако сейчас всё как будто складывалось в точном соответствии с его предположениями.

Очкарик помалкивал и вздыхал — он, хотя и был заинтересован в деле побольше других, вынужден был оставаться безмолвным и бездеятельным наблюдателем. Конечно, это тяжело — глядеть, как решается твоя судьба.

— Ага, — удовлетворённо сказал снайпер.

Расписной с Грибником поднялись навстречу пришельцу, и теперь стрелок видел их. Парня с «Валом» не интересовали тонкости психологической игры и детали криминалистики. Ему приказали держать подозреваемых на мушке, и он, как любой профессионал, радовался, что может выполнить задачу. Зато Слепому и теперь ничего не было видно. Он слушал комментарии «долговцев». Те вполголоса обсуждали, что станут делать преступники. Как и предполагалось, поблизости от базы поделщики задерживаться не стали, выбрались из оврага на дорогу. Когда они приблизились к подножию холма, Рожнов сказал:

— Идём, мужики, — и бросил через плечо снайперу: — Смотри, не упусти момент. И помни: они приговорены «Долгом». Так что — без колебаний.

— Так точно, — буркнул стрелок, поудобнее устраиваясь на новой позиции, чтобы держать под обстрелом дорогу. — А кто из них опасней?

— Расписной.

Рожнов спустился с холма, Слепой шёл следом, а Очкарик — позади, за спинами спутников. Они держались так чтобы не перекрыть долговскому снайперу линию огня. Капитан вышел на асфальт, трое сталкеров замедлили шаг, глядя на него. Рожнов вскинул руку:

— Стоять! Вы задержаны «Долгом» по подозрению в ряде преступлений. Стволы на землю, не дёргаться.

— Что-то ты очень официальный сегодня, — заметил Грибник. — Как мент настоящий прямо.

Рожнов одним движением перекинул ТРС-301 из-за плеча, теперь ствол глядел на Грибника. Слепой при этом слегка растерялся. Ситуация была угрожающая, а он оказался к такому обороту не готов и сомневался, что успеет быстро перевести автомат в боевое положение. Его «калаш» висел за спиной, и Слепой осторожно потянул за ствол... Расписной действовал куда быстрее — вернее, он действовал без сомнений, автомат словно сам прыгнул ему в руки. Расписной вскинул оружие, но нажать на спуск не успел. На холме грохнул выстрел, у Расписного над переносицей возникло пулевое отверстие, Слепой метнулся вправо, припадая к асфальту и поднимая АКМ... Рожнов качнул стволом в сторону Расписного, когда тот взялся за оружие, и Грибник воспользовался моментом, чтобы выхватить Walther P99... Два раза хлопнул ПММ, Грибник завалился навзничь, в падении палец прижал спусковой крючок, и пуля из его «вальтера» ушла в небо. Рядом с ним рухнул сообщник, третий сталкер, имени которого Слепой не знал. Под телом быстро растеклась багровая лужа.

Слепой оглянулся — Шура Очкарик убрал ПММ в кобуру и потянулся за очками, протереть. Рожнов посмотрел на него с уважением:

— Ну ты мастер... Может, стоило выдать тебе с Расписным боевые? Там, на Арене?

Очкарик пожал плечами. Он увлечённо тёр стёклышки. Со стороны КПП, топоча тяжёлыми ботинками и звеня сочленениями брони, бежали «долговцы» — сержант Киценко с бойцом. Рожнов снова закинул автомат за спину и велел:

— Сержант, вызови группу. Рюкзаки обыскать, тела — на базу. И чтоб кого-то из штаба прислали, с протоколом, с описью украденного. Что там попёрли у Пузыря?

— Всё, что нажито непосильным трудом, — ухмыльнулся Слепой. Он сейчас сам себе удивлялся — руки дрожать начали. Нужно снять напряжение... с Пузырём в «100 рентген». Вещи убитых разложили у самого КПП, тут же подтянулись любопытные, выстрелы-то слышали многие. К тому же носилки с телами убитых не каждый день через КПП проносят. Даже самый поверхностный обыск показал: всё верно, у сталкера, которого застрелил Очкарик, в рюкзаке были украденные вещи. Потом пришёл «долговец» с протоколом, и они с Рожновым увлечённо стали подбирать формулировки:

— ...Да нет, так нельзя! Нужно: «Благодаря успешно проведённым следственным действиям сотрудников»!

— Каким «действиям сотрудников», ты что, в конторе? Мы не сотрудники, а бойцы, и нужно Слепого отразить в протоколе!

— Не нужно меня отражать, — попросил Слепой. — Я очень скромный герой. Давайте лучше я к Пузырю полечу с радостной вестью. Очкарик, ты со мной?

— Да, — согласился «долговец» с протоколом, — такие вещи нельзя делать наспех. Идём, капитан, в штаб, посидим, покумекаем, как грамотно рапорт составить.

Слепому выдали хабар Пузыря, «долговец» — любитель протоколов — заставил подписаться под перечнем и сопя вписал, что материальные ценности выданы для возвращения пострадавшему. При всей официозности он удовлетворился кличками «Слепой» и «Пузырь», не стал требовать фамилий. В Зоне мало кто пользуется настоящим именем... разве что сталкер Петров, герой анекдотов. Слепой с Очкариком отправились в «Сто рентген». Там Пузырь, воодушевлённый тем, что ему «Долгом» обещано бесплатное обслуживание, угощал всех желающих — таких набралось с полдесятка. Дармовую выпивку сталкеры очень приветствовали, но пользоваться чужим горем не у каждого хватало наглости. Слепой с Очкариком прошли мимо хмурых охранников, спустились в зал и попались на глаза Пузырю.

— Эй, мужики, идите сюда!.. Выпьем за мою... Очкарик? Шура?! — Стакан в круглом кулаке Пузыря замер на полпути, не дойдя до рта. — Живой?

Очкарик прошёл между притихшими сталкерами и брякнул на стол перед Пузырём рюкзак с хабаром. При этом движении плащ распахнулся, открывая залитую кетчупом грудь.

— Он возвратился с того света, чтобы покарать убийц и возратить твой хабар, — провозгласил Слепой. — Цени, Пузырь! Не каждый зомби способен на такое.

— Бросил бы ты свои шутки, Слепой, а? — Очкарик был серьёзен. — Пузырь, в рюкзаке твой хабар, воров нашли и шлёпнули. Проверь, всё ли на месте, это «долговцы» по списку собирали. Он распахнул пошире горловину рюкзака и развернул, чтобы толстяку было удобно посмотреть. Тот бросил взгляд в чрево рюкзака... потом на стакан в кулаке... и промямли:

— Это что же теперь? Теперь «Долг» потребует всё оплатить? Выпивку, то есть всю?

Парочка его собутыльников тут же отодвинулась в тень, оставшиеся переглянулись, один аккуратно поставил стакан на стол.

— Чего не знаю, того не знаю, — пожал плечами Слепой — Договорись с «Долгом» как-нибудь.

— С ними договоришься... — Пузырь горько вздохнул и опрокинул стакан в глотку. — Бюрократы.

— Если что, я в доле, — буркнул Очкарик. — Сейчас к бармену схожу, подождите. Пока он делал заказ, Слепой начал рассказывать Пузырю, как обернулось расследование. Очкарик принёс водки. К их столу снова подтянулись любопытные. Незнакомый парень поставил на стол поллитровку и попросил:

— Ну так рассказывайте, что ли? Интересно же...

Потом явился Рожнов, Пузырь тут же стал допытываться, как быть с его заказами в «100 рентген». Капитан отмахнулся — это не его компетенция. Пузырь тихо прошепел: «Бюрократы...»

Слепого снова засыпали вопросами... Потом Пузыря окликнул бармен — ему передан приказ: всё, что до сих пор выпито, оплачивает «Долг», но с этой минуты пусть рассчитываются сами. Очкарика, который успел слегка захмелеть, слова бармена странным образом взбодрили; покачиваясь, как каравелла при боковом ветре, он побрёл к стойке за новой порцией. Он всё делал так — молча и неторопливо, однако старательно. Сбить его с курса было невозможно.

— Бухгалтерия «Долга» справедлива, как Строевой устав! — заметил Слепой. — Ну что, за правосудие? За бутылкой, принесённой Очкариком, появилась другая, потом третья. Слепой уже не следил, чьи руки ставят поллитровки, вскрывают тушёнку и распечатывают

галеты, — от него ждали рассказов с красочными подробностями, и он старался. За разговорами сам не заметил, что пьянеет, и исправно продолжал молотить всё, что приходило в голову:

— Идут Слепой с Очкариком по базе «Долга». Слепой говорит: «Сейчас зайдём в «Сто рентген» и нам по морде нададут». И точно — стоит им зайти в бар, как со всех сторон бегут сталкеры, хватают их... Очнулись в канаве. Очкарик говорит: «Ну, Слепой, ты голова! Как ты мог заранее всё знать?» — «Элементарно, Шура, просто я в «Ста рентгенах» вчера на пару со сталкером Петровым выёживался».

Очкарик морщился, а Слепой не унимался:

— Нет, погодите, не смейтесь! А такой знаете? Летит сталкер Петров над Зоной. Рядом пристраивается ворона, некоторое время летит рядом, глядит, не понимает, гадает, кто это такой. Потом осторожно спрашивает: «Полтергейст?» Петров хмуро отвечает: «Нет, «трамплин».

Все вокруг смеялись, Слепому было весело, потом почему-то над головой оказалось звёздное небо, оно покачивалось, и Слепой пел танцующим звёздам: «Там, где кончается путь, там, где стихает пурга, может быть, есть что-нибудь, может быть, нет ни фига...» Потом голос Рожнова произнёс:

— Кладите его здесь, пусть до завтра отдыхает. И этого, Очкарика, тоже.

* * *

С утра Курбан снова приступил к поискам. Уверившись, что в руинах ничего нет, он пошёл вокруг — шуршал кустами, переворачивал крупные камни, заглядывал в промоины, даже ворошил груды палой листвы. Эфиоп бродил за старшим товарищем и тяжело вздыхал. Он вылизал последнюю консервную банку и пожаловался, что охота жрать. Курбан ничего на жалобы не ответил, протянул пачку галет. «Отмычка», конечно, не взял — знал, что у Курбана больше ничего нет, а последнее брать совесть не позволяла. Но совесть совестью, а в животе бурчало всё громче.

В полдень они всё-таки разделили галеты, после Курбан пошёл в кусты, бросив через плечо:

— Не ной, скоро отправимся дичь искать. Я хочу круг завершить.

Он искал методично, обходил по часовой стрелке развалины и не ленился оставлять отметки, втыкал вешки — так обозначал прочёсанную площадь. Эта обстоятельность напарника и удручала Эфиопа особенно сильно. Он-то надеялся, что, когда день поисков закончится безрезультатно, напарник скажет что-то вроде: «Ну, не везёт, ладно, уйдём отсюда...» — но Курбану, что называется, вожжа под хвост попала, будто на этом тайнике Слепого свет клином сошёлся.

Наконец Эфиоп собрался с духом и завёл:

— Может, и нет никакого хабара, а? Может, Слепой просто так сюда забрёл? Обошёл кругом, поглядел, что ничего нет, да и свалил? Курбан резко обернулся — Эфиоп даже отступил на шаг.

— Нет! Не просто так! Или ты не разглядел, что это за фрукт? Бабок полный карман, покупает что хочет, консервы эти пижонские, комбез классный... Ты знаешь, сколько он за комбез Сорняку выложил? Не-е-ет, ребята с таким баблом в кармане — они просто так не ходят. Да я задницей чую — что-то он здесь заныкал, что-то этакое... такое... Я свой шанс не упущу, может, мне судьба его нарочно подбрасывает, испытывает нас судьба, понял?

— Как это?

— А так, — Курбан уже остыл и заговорил спокойнее, — судьба шанс даёт и проверяет — ухватишь его или нет? Если слажаешь, то после удачи не будет, шанс — он только единожды выпадает. И будь спокоен, я своего не упущу. Здесь моя судьба, я чую! Здесь...

— Да я ж ничего... Просто жрать очень уж охота. Я большой, мне много надо.

— Ладно, потерпи до вечера. После этой отповеди «отмычка» заткнулся, но вздыхать ему Курбан не мог запретить, так что Эфиоп вздыхал — так допёк этими вздохами

напарника, что к болоту, обозначенному на карте, они пошли задолго до темноты. Пока шагали через лес, Курбан поучал младшего:

— Заметь, идём далеко от лагеря. А почему? Потому что там, где мы расположились, лучше не охотиться. Завалим, к примеру, кабанчика — на тушу собаки набегут, а то ещё похуже зверьё. Тогда только и думать придётся, как бы от них отбиться, это не дело. Лучше отойти подальше, но в лагере отдыхать спокойно, туда зверьё со всей округи не набегит. — Понял?

— Понял, — привычно кивал Эфиоп.

— Или вот, скажем, где лучше охотиться? Я тебя к болотцу веду. Почему?

— Ты вчера объяснял.

— Повторение — мать учения. Почему?

— Туда мутанты на водопой сходятся.

— Правильно. И в топком месте их брать легче. Теперь рассмотрим такую ситуацию: отказал у тебя датчик аномалий, а кругом — они самые, аномалии. Как будешь выбираться?

— По кустам, — заученно бубнил Эфиоп, — на аномалии куст не растёт. Да знаю я это всё, сколько раз твердили.

— Я нарочно, — признался наконец Курбан, — зубы тебе заговариваю, чтоб меньше жрать хотелось. Твой живот рычит так, что я не услышу, когда мутант подкрадётся. Потерпи, скоро уже...

«Скоро» обернулось часом ходьбы по лесу. Вокруг стояла тишина, даже птиц не было слышно, только ветерок шевелил кроны деревьев над головой, заунывно выл в голых ветвях старых дубов и клёнов, которые по неведомой причине умерли стоя и теперь торчали из земли, лишённые листвы, чёрные и страшные. Эфиоп озирался и поёживался, вспоминал старую книгу сказок. В детстве ему нравились сказки о Бабе-яге, там картинки были — точь-в-точь этот самый лес. Тишина и заунывный вой ветра тоже действовали угнетающе, так что парень даже обрадовался, когда расслышал поблизости знакомый треск аномалии — на поляне кружила жухлая листва «воронья карусель», а вокруг трава была забрызгана кровью, валялись кости с багровыми ошмётками плоти. Сталкеры обошли опасность стороной, но Эфиоп разглядел часть неуклюжего тела небольшой псевдоплоти. Уродливая башка мутанта паялилась на сталкеров разными глазами с укоризной, из пасти торчала обглоданная кость...

Наконец Курбан потребовал:

— Теперь тихо! Осторожно ступай за мной... — и медленно двинулся в заросли.

Здесь уклон почвы уже был замечен, болотце должно было находиться совсем рядом. Эфиоп втянул воздух — странные ощущения. К обычным для болота запахам сырости, плесени и гниющих растений примешивался сладковато-приторный и в то же время резкий дух. Сталкеры осторожно подошли к опушке и остановились. — Ничего не понимаю, — прошептал Курбан. — Глянь, что там, в воде? Можешь разобрать?

Блондин тихонько раздвинул ветви и выглянул. Он тоже не сообразил, что это ворочается в густо взбитой коричневой жиже в десятке шагов от топкого берега. Груда туш псевдоплотей потеряла очертания, расплзлась мягким кольцом вокруг Твари, засевшей в центре горы разлагающегося мяса. Да и Тварь, встань она из воды и покажись пришельцам, не могла бы быть опознана. Она уже утратила сходство с чем бы то ни было, привычным человеческому взгляду. Тварь освоилась с новыми органами и конечностями, она научилась быстро и эффективно присоединять к себе отъятые части чужих тел, наделять их новыми свойствами и заставлять служить себе — всё для достижения конечной цели: побеждать и убивать. Хотя густая вонь разложения забивала нюх, Тварь давно почуяла людей. Она не боялась и не спешила — пока эти существа движутся к ней, нет смысла самой что-либо предпринимать. Лишь когда сталкеры замерли у края зарослей, Тварь поднялась. Лапы черномыльской собаки упёрлись в топкое и податливое ложе болотца, ушли в вязкую смесь, так что большая часть тела Твари всё ещё оставалась под водой. Сложенные конечности псевдоплотей вяло пошевелились — Тварь пока не была готова пускать их в ход. Потом она стала карабкаться на мёртвого вожака мутантов, приподниматься над жижей...

Курбан шумно сглотнул, Эфиоп охнул — тело, всё больше выступающее над колышущейся поверхностью тины, смешанной с кровью, не походило ни на что, знакомое сталкерам, человеческий разум отказывался принять эту картину, осознать её и признать реальной.

— Ох... — только и вымолвил Эфиоп. — Курбан, что делать?

— Мне это не нравится.

Тварь выбралась на берег. Теперь она напоминала неуклюжее насекомое, с трудом передвигающееся на слишком коротких лапах. Болотная жижа колыхалась, от боков Твари расходились тяжёлые мутные волны...

Сталкеры, словно заворожённые, глядели на неведомое чудище. Конечности чернобыльского пса скрывались под бесформенным телом, под сложенными на спине голенастыми лапами псевдоплотей. Головы тоже не было видно, её прикрывали скрещённые перед грудью когти-копыта. Тварь медленно направилась к сталкерам — она чувала их и отчётливо ощущала пси-органами. Буро-зелёная грязь медленно стекала по шершавым бокам, на которых чередовались полосы собачьего меха и морщинистая чёрная короста в тех местах, где шкура разлезлась на разбухших боках и где Твари пришлось генерировать новые покровы.

Курбан аккуратно прицелился в то место, которое посчитал грудью Твари, и дал короткую очередь. Тварь замерла на секунду, изучая новые ощущения. Пули АКМ не смогли пробить прочные когти, которыми она прикрыла голову. Свинец оцарапал бока, вырвал клочок мяса, но на такую мелочь Тварь внимания не обратила — её нервные отростки блокировали болевые ощущения, а участки ткани, ответственные за регенерацию, принялись за работу. Кровотечение мгновенно прекратилось... Тварь встряхнулась, переместила конечности псевдоплотей, когти упёрлись в грунт, тело приподнялось на восьми паучьих ногах. Издали ноги псевдоплоти казались тонкими, однако они и прежде носили тяжёлые массивные туши мутантов, а теперь Тварь нарастила мышцы — с неожиданной прытью гигантский паук бросился к сталкерам. Две лапы, самые толстые и мощные, покачивались, словно щит, прикрывая переднюю часть корпуса.

Курбан выпрямился и заорал — чудище мчалось на него. Сталкер разрядил магазин в летящую к нему тушу, пули отбрасывали Тварь, но она не сбивалась с шага, напоследок оттолкнулась сразу четырьмя лапами и взмыла в воздух. Курбан метнулся в сторону, Тварь тяжело грохнулась туда, откуда он вёл огонь, собачьи лапы под брюхом пружинисто прогнулись, принимая вес. Эфиоп в упор выстрелил из обоих стволов, Тварь пошатнулась, но упорно преследовала Курбана. Тот помчался сквозь кустарник, на бегу перезарядил автомат. Монстр тяжёлыми скачками нёсся за ним.

Эфиоп разрядил «Макаров» в подпрыгивающий зад Твари и стал перезаряжать дробовик. В нескольких десятках метров загрохотал АКМ Курбана... и захлебнулся. «Отмычка» бросился на выручку, вылетел на поляну... и замер. Он успел увидеть, как несуразное паукообразное существо опускается на лежащего Курбана. Ноги в грязных ботинках дёрнулись, потом ещё раз... Тварь придавила сталкера, что-то зачавкало, утробно забурчало... Эфиоп заорал и бросился бежать. Сперва он нёсся, подгоняемый ужасом, не разбирая дороги и споткнулся, увидев перед собой оторванную голову маленькой псевдоплоти с костью в перекошенной пасти. Тут парень постарался взять себя в руки, сменил обойму в «Макарове», проверил, оба ли ствола заряжены в дробовике... и побрёл к разрушенному зданию, где они с Курбаном провели ночь, а отправляясь на охоту, оставили часть походного барахла — котелок, воду в пластиковой бутылки, лопатки, топорик... Начало темнеть, Эфиоп брёл к руинам, которые теперь казались ему надёжным убежищем. Почему? Трудно понять логику насмерть перепуганного человека, но он упорно пробирался к знакомой поляне с остатками стен. Когда дошёл, небо в прорехах между сомкнутыми кронами уже налилось густой синевой, близилась ночь. Эфиоп выхлебал воду из фляги, дребезжа зубами о горлышко. Забился в уцелевший угол, сбросил рюкзак и сел, опираясь на поклажу. Дробовик он выставил перед собой. Не лучшая позиция, однако вчера здесь было тихо, зверьё не показывалось — авось удастся пересидеть ночь, а утром он уйдёт. Сперва

Эфиоп держался, потом стала одолевать дремота. Парень то погружался в тревожное забытие, то встряхивался и вскидывал оружие — но нет, обычные ночные шорохи, шелест листьев, завывание ветерка в остатках кровли... Около четырёх часов, когда небо стало сереть, а звёзды слегка потускнели, Эфиоп проснулся в очередной раз. Теперь он отчётливо различал шум — треск, топот, хриплые вздохи... Звуки приближались. Парень прошёл вдоль стены, присел и выглянул — ничего не видать. Шорох и хруст раздались снова, уже в другой стороне. Нечто грузно двигалось вдоль стены, за которой притаился блондин. Вот шаги достигли угла, свернули... В той стене, на которую сейчас направил оружие «отмычка», имелось окно. Рамы давно не было, просто прямоугольная дыра в кирпичной кладке. Сквозь отверстие струился серебристый свет. Потом в проёме возник бесформенный силуэт. Эфиопу хотелось заорать, но ужас сковал глотку, парень с усилием просипел:

— Курбан?

В оконном проёме покачивалось лицо сталкера. Серые в предрассветном свете губы скривились, но Курбан не произнёс ни слова. Его глаза слепо скользили вправо и влево, потом закатились, зрачки ушли под верхние веки, на Эфиопа уставились белые бельма... Парень вскочил — и увидел: ниже лица приятеля нет ничего. Нет груди, нет шеи, там что-то вязкое и влажно поблёскивающее. Голова Курбана качнулась, зрачки снова выкатились из-под век. Между губами с сипением вырвался воздух...

Эфиоп заорал и выпалил из двух стволов в страшное лицо за окном. Заряд дроби, выпущенный в упор, разнёс череп, но Эфиоп этого не видел — он бежал сквозь молчащий лес, оборачивался, стрелял из ПММ, на бегу перезаряжал и снова стрелял... и орал.

Глава 21

Дождь промочил всё — и землю, и старые ящики, которые Толик собирал на растопку. Пришлось разобрать груды ломаной тары, чтобы выгрести снизу те, что посуше. Мистер с Животным натянули старую маскировочную сетку, на неё бросили кусок брезента, получился полог. Под ним и развели костерок. Горели отсыревшие доски плохо, едва удалось вскипятить в котелке воду. В котелок швырнули армейские дезинфекционные таблетки, растворимые пищевые концентраты в брикетах, похлебали воняющую дымом и лекарствами смесь... Хотя дождь прекратился, всё оставалось сырым и зябким, Толик не высыпался...

С рассветом поднялся туман — серые клочья громоздились в котловине между холмами, складывались в причудливые фигуры, за туманом мерещились гигантские чудовища. Потом поднялся ветер, протяжно загудел среди металлического лома на вершинах радиоактивных холмов. Свалка пробуждалась. Ветер стал растаскивать туманные хлопья, восток осветился розовым, и сквозь дымку проступили острые угловатые очертания металлического лома на вершинах холмов. Толик встал, встряхнулся, зябко повёл плечами, перехватил поудобнее дробовик и пошёл в кусты. Всё вокруг было влажным, стылым, с веток методично падали холодные капли...но небо поутру было чистым — ни облачка. Наверное, день выдастся жаркий. Когда Толик вернулся в лагерь, Животного не было видно — ушёл осмотреть окрестности, это его обычная обязанность. Мистер бранил «факин костёр» и пытался пробудить к жизни угли, едва тлеющие под слоем седого пепла. Будда топтался перед Сержем и диктовал:

— ...Никому не говори, там хабара на двоих как раз...» Нет, лучше: «здесь хабара», а не «там». «Здесь хабара на двоих как раз. Я бы сам, но один не управлюсь, а чужому не доверюсь. Дай знать, согласен ли?»

Серж закончил тархтеть кнопками складной клавиатуры и задумчиво протянул:

— Думаешь, сработает?

Будда зевнул, почесал круглую щеку и равнодушно ответил:

— Заинтересует, это уж точно. В крайнем случае, этот Моня не один придёт, а с делегацией — чтобы проверить. Толик присел рядом с Мистером и продолжал слушать.

— А если он Корейцу стуканёт? Я как раз это и говорю: он Корейцу стуканёт, Кореец с бригадой явится. Но мы их выпасем и сделаем ноги.

— Мне нужно спешить, — тон Сержа стал твёрже, резче, задумчивость вмиг улетучилась. — Некогда по этим холмам от сталкерья бегать, дело нужно делать, дело!

— Я и сам хочу закончить, чтобы ты скорей отсюда убрался. Скольких пацанов мы уже из-за тебя потеряли, а?

— Боишься оказаться следующим?

Будда перестал чесаться и взглянул на Сержа в упор:

— Не хочу карму испортить. Глупые поступки очень отягощают душу, а из-за тебя я могу глупостей наделать. Ты Чардашу ещё раз написал?

— Зачем? Вчера писал же... Ладно, ступай. Будда притопал к костерку. Мистеру как раз удалось реанимировать пламя. Толстяк присел на корточки и буркнул:

— Сейчас отправит мейл клиенту от имени Бузяка, и будем ждать.

Толик задал вопрос, над которым размышлял уже второй день:

— От имени Бузяка, значит? А что, можно любой чужой мейл подделать?

— Твой наверняка можно, а мой — наверняка нет, — важно ответил толстяк.

— Чего это?

— Всё дело в пароле к ящику. Пацаны вроде тебя всегда в компе держат пароль, боятся забыть. А я свой в голове храню, а в машинке — нет. Хочешь, проверим? Давай ПДА! Толик в самом деле хранил пароль к своему ящику в текстовом файле, но набор символов был вписан в текст, так что чужой-то вряд ли сумеет разыскать. Однако Будда рассуждал так самоуверенно... Толик расстегнул браслет и протянул комп студенту. Тот переключил режим, покопался в памяти, хихикнул и через несколько минут вернул ПДА владельцу. Толик только присвистнул: Будда открыл тот самый файл и пометил пароль к почтовому ящику!

— Ты как это?.. Колдун, что ли?

— Сперва я прикинул, когда машинка к тебе попала, — ухмыляясь, принялся объяснять Будда. — То есть за день-два до того, как ты к нам притопал. Потом я поглядел, какие файлы были созданы в это время, отыскал подходящий, не содержащий никакой полезной инфы. Сечёшь? Ну а дальше дело техники.

Толик выбрал паролем название лагеря, где довелось куковать, и год, когда откинулся. Он был уверен, что хорошо припрятал пароль и что чужому эти слова и цифры ничего не скажут, а оно вон как... Минута — и пароль Будде известен! Ну и Серж не дурак, тоже в машинке Бузяка покопался и пароль расколол. Или ему таинственный шеф помог.

— Будда есть факин ловкий, — буркнул Мистер, шевеля веточкой угли. — Котелок давай, вода давай. Второй порция факин жрать.

Вернулся Животное, и Серж, будто ни к кому конкретно не обращаясь, громко объявил:

— Есть ответ. Клиент будет здесь через час. Закругляйтесь с хавчиком.

Сам-то он перекусил консервами из собственных запасов, ни с кем не стал делиться — как обычно... Потом Мистер старательно затоптал костерок, а Серж принялся распоряжаться:

— Молодые, двигайте вон туда, там засядете в кустах или ещё где, чтоб не на виду, и затихаритесь да ПДА отключите. Не отсвечивайте там. Пропустите этого мужика и тихонько идите следом.

— Без ПДА не пойду, — тут же отрезал Будда. — Здесь опасно.

— Ладно.

Толик заметил, что Серж волнуется: от обычной бесстрастности и следа не осталось, даже сговорчивым пижон сделался:

— Тогда дайте ему отойти подальше, чтоб он вас не видел, потом идите сюда. Мистер, ты тоже отруби комп. Офф компьютер, ясно?

— Факин ясно.

— А я туда, — засуетился Саня, — вон там засяду, подстрахую. И тоже ПДА вырублю.

— Ладно, — снова буркнул Серж. Моню он собирался встретить сам.

Будда снова сменил оружие — прихватил АКМ покойного Бузяка. Все были заняты приготовлениями к операции, суеились, так что никто не обратил внимания на поступок студента.

Уходя, Толик заметил, что делает фраер — тоже вырубил комп, зато машинку Бузяка оставил включённой и положил в щель между бетонными плитами. Что же, в самом деле ловко. Будда не оглядывался, он больше смотрел в сторону кладбища техники, откуда ожидался гость.

— Волнуешься? — спросил Толик.

— Есть немного. Если нашу фальшивку этот самый Моня расколот, то нагрянет толпа мужиков. Нас с тобой Серж потому и отправил вперёд, якобы чтоб с тылу зашли, а на самом деле, чтоб мужики нас здесь положили, а Серж с остальными перестрелку услышит и успеет свалить.

— Ну да, это понятно, — согласился Толик. Хотя, если честно, понятно стало только после объяснений толстяка.

Приятеля расположились не там, где велел Серж, а в стороне, но так, чтобы держать подход к лагерю под прицелом. Помирать, прикрывая бригаду, они не собирались, однако пострелять придётся, чтобы Серж и другие услышали. Дать пару выстрелов — и бежать, вот такой план был. Уйти без стрельбы — запахло.

Наблюдать без ПДА оказалось непривычно, Толик и сам не заметил, как разучился пользоваться пятью чувствами, не полагаясь на компьютер. Сталкера Моню они с Буддой приметили, только когда тот оказался в тридцати метрах от кустарника, в котором засели парни. Небольшого роста, тощий мужик шагал, поглядывая на браслет, и вовсе не обратил внимания, что в зарослях под холмом затаились пацаны в чёрных куртках. Моня прошёл мимо, Толик перевёл дух и шёпотом спросил Будду:

— Что теперь?

— Ждём дальше, — флегматично буркнул толстяк. — Если никого больше не будет, минут через пять—семь снимемся. Я не хочу торопиться, пусть Серж сам этого мужика обрабатывает. Я и так после его прибытия карму не на шутку замарал, хватит.

— Серж спрятал ПДА Бузяка под плитами.

— Я видел. Этот Моня пойдёт друга искать, нагнётся, заглянет в щель или под трубы — тут его и возьмёт Серж. — Если один другого грохнет, это нам в любом случае полезно. Так что пусть всё идёт, как идёт.

Толик задумался. Если сталкер пришьёт Сержа, это, конечно, будет приятно. Или не будет? Как перед авторитетами потом оправдаться? Будда заметил растерянность приятеля и объяснил:

— Если Серж завалит Моню, нам работы меньше, а виноват кругом Серж. Так?

— Ну, вроде так...

— Если сталкер Сержа приберёт, то будет стрельба и мы с тобой сразу же валим. Момент подходящий. Что скажешь?

Толик подумал и кивнул. И то верно. Понятно, почему ленивый толстяк взял автомат — чтобы свалить с оружием посерьёзнее, вот зачем.

— Ну что, — подытожил Будда, — покончим с аскезой и включимся во вращение колеса сансары?

Толик не врубился, потом увидел, как пальцы Будды подрагивают на браслете ПДА у кнопки «on/off», и сообразил: пора включать комп. Немного страшновато стало, сейчас врубишь прибор, а на экране — яркая россыпь огней, бригада сталкеров валит за Монею. Что тогда? Толик решительно щёлкнул кнопкой... и с облегчением выдохнул: экран оставался тёмным, только в центре их с Буддой сигналы слились в общее продолговатое пятнышко.

Приятеля зашагали к стройплощадке. Вот и старый экскаватор... На ПДА высветились точки. Сперва Толик насторожился: слишком много! Потом сообразил: машинка Бузяка по-прежнему включена, вот и лишний человечек. Он увидел Мистера, сидящего на ржавых

трубах. Дезертир положил ствол на колени и равнодушно озирает окрестности. Эта картина выглядела настолько мирно, что Толик невольно ускорил шаг.

Стали слышны голоса — сначала невнятно, затем отчетливее.

— Быстрее соображай, быстрее! — твердил Серж. Чем дальше, тем чаще Толик замечал, что пижон не может сохранять наигранную холодную отстранённость. — Ну!

— Это какая-то ошибка... — уныло тянул незнакомый голос. — Я ж не знаю ничего ни о каких секретах Карого, я даже не жил у него последнее-то время. Месяц я в Зоне, целый месяц...

— Я знаю, что месяц, — нетерпеливо бросил Серж. — Посылку получал? Передавали через тебя что?

— Не знаю я ничего, мне дела Карого до лампочки. Мужики, послушайте... Ой!

Толик как раз обогнул связку труб и успел увидеть, как Животное пинает сталкера. Моня оказался совсем невзрачным — тощий коротышка в замызганном плаще сидел на земле, руки у него были связаны за спиной. Пинок Саниного сапога опрокинул его на бок.

— Мы тебе не мужики, — злобно каркнул Саня.

— Ну я знаю, знаю, да пацаны, конечно... — пленный с трудом поднялся и снова сел. — Пацаны, послушайте, дочь у меня, она болеет, я ей артефакты ношу, закон нарушаю. Понимаете? Если не мои артефакты, ребёнок не выживет. Я сам по ниточке хожу, я бы не стал из-за Карого рисковать — жизнь дочки на мне висит. Не губите, а? Ну ребёнок-то ни в чём не виноват!

Серж задумчиво почесал щеку и жестом остановил Саню, который уже занёс сапог для нового пинка.

— Ладно, Моня, — милостиво кивнул Серж, — я понимаю. Для вас, клоунов, ребёнок — это важно. Розовые сопли, косички с бантиками... Я понимаю. Если сделаешь всё, как я скажу, отпустим. К дочке.

— Слово? — быстро спросил Моня.

— Слово, — кивнул Серж. — Отпущу. Видишь, Бузяк мне помог, сдал тебя, и с ним всё в порядке. И ты уйдёшь... Но сперва мне нужен пакет Карого. Пакет в Зоне. Из вашего «звёздного десанта» здесь сейчас только ты, Слепой и Бузяк. Сечёшь ситуацию?

Моня обернулся и внимательно поглядел на вновь прибывших. Толик проследил, куда смотрит сталкер — на АКМ в руках Будды. Автомат-то Бузяка. Оружие старое, приметное для любого, кто привык иметь дело со стволами. Царапина, изолента определённого оттенка — для того, кто понимает, примет вполне достаточно. Толик догадался: Моня не идиот, понял правильно. Но догадки Толик с недавних пор стал держать при себе. Пленный облизал губы и кивнул:

— Секу ситуацию. Что требуется сделать?

— Вот это другой разговор! — с фальшивым энтузиазмом объявил Серж. — Если нужный мне пакет не у тебя, значит, он у Слепого. Помоги мне с этим мужиком договориться, чтоб он пакет отдал, — и ты мне не нужен, можешь проваливать. Для начала скажи, где сейчас Слепой.

— Зона его знает... На днях мы сидели с ним у Сорняка, Слепой сказал, что хочет на Свалку наведаться. Я поэтому и притопал... а его здесь нет. Говорят, ушёл куда-то на север, что ли.

— На север, значит... — Серж на минуту задумался. Потом решил: — Значит, так. Мы уходим отсюда, мне это место не нравится. По дороге продумай, как напишешь Слепому, чтобы он к тебе пришёл. О нас говорить не нужно. Сдай мне Слепого — и свободен. Всё, вставай, идём отсюда. Помогите ему, кто там... Скрипач, помощи. Рюкзак на него навьючивай.

— Развяжите, а? — попросил Моня. — Без оружия куда мне деваться?

— Ничего, походишь так, — Серж почему-то заволновался и стал торопить со сборами. Толик бросил взгляд на ПДА — вдоль края экрана ползли две точки. Может, случайно какие-то бродяги идут между холмами к старой дороге на «Агропром»? А может, и не случайно!

Парни быстро распределили поклажу, часть навьючили на пленного, его компьютер Серж отобрал. Потом, не теряя времени, бригада направилась в северном направлении. Скрипач догадался, что Серж хочет уйти к новому схрону, к заброшенной лаборатории. На ходу Будда шепнул:

— Сержик переживает. Его шеф в самом деле попал в какой-то переплёт, больше он чужих мейлов не читает. Слепой пропал на территории «Долга», и привет — мы не знаем, где он и что с ним. Понял?

— Ага, — кивнул Толик. И рискнул добавить: — Вот поэтому фраер и кипешует. Что-то там происходит. Там, наверху, — он имел в виду «на верху пищевой цепочки».

Бригада скорым шагом миновала дорогу на «Агропром», перевалила через насыпь, под которой железнодорожные пути скрывались в тоннеле, и взяла курс к холмам. Пока брели между склонами под треск датчиков аномалий и писк дозиметров, Толик искоса наблюдал за Сержем. Пижон то и дело поглядывал на экран ПДА, что-то переключал. Сперва парню пришлось в голову, что Серж, напуганный приключением с «вороньей каруселью», теперь особенно внимательно следит за аномалиями, о которых сигнализирует прибор. Потом сообразил — нет, фраер на ходу просматривает данные в компьютере, который отобрал у Мони. Думает пароль найти? Толик вдруг ощутил сочувствие к незнакомому мужику и с надеждой подумал, что этот сталкер — не такой лапоть, как Бузяк и как сам Толик, его пароля так просто не найти. И ещё интересно, что Серж торопится, даже на ходу делом занимается, не теряет времени. Видно, большие неприятности у того авторитета, что его сюда, в Зону, заслал.

Солнце стало пригревать, сделалось жарко. После двухчасового марша Серж разрешил сделать привал. Моне развязали руки — здесь, в глухом районе, полном опасностей, он точно никуда не денется. Уйти в холмы без оружия и приборов — верная гибель. Правда, Серж посулил пленному, что, если попытается сбежать, его свяжут и дальше понесут на руках.

— Только я тебе ноги отрежу, чтобы пацанам легче тащить было то, что останется.

Моня безропотно кивнул в знак понимания и держался в середине группы, под охраной вооружённых бандитов. Когда расположились на отдых, Будда тихо заметил Толику:

— Серж и теперь не хочет Чардашу сообщение отправлять. Уже списал пацана, всё, списал вчистую. Но мне его адресок дал, я сейчас кину мейл, что идём к схрону. Если живой Чардаш, пусть тоже к схрону валит... Хотя вряд ли он ещё живой.

— Я по дороге оглядывался, нет ли каких следов, — признался Толик. — Может, догонит нас ещё Чардаш? Бредёт где-нибудь в холмах, а?

— Говорю же, вряд ли, — покачал головой Будда. — Теперь и не найдёшь ни тела, ни следов, можешь не искать. Зона его забрала.

— Как это?

— Ну как... вот так. Забрала. Он же, я слыхал, в Зоне раньше подолгу оставался? С бригадой здесь ходил, верно? Так что успел Чардаш, видать, в прошлые ходки сильно с Зоной отношения испортить. Ну карму замарал, нагрешил, понимаешь? Вот Зона его и ждала. А как он вернулся — сперва за ногу ухватила, чтоб не сбежал в этот раз... а потом и вовсе. Заждалась его Зона.

Толику это было странно и непонятно, но слова Будды оказались очень созвучны его собственному настроению. А ведь верно, так и есть. Зона ждала Чардаша, тот не хотел больше сюда, однако пришлось. И Зона стала за Чардашем охотиться. Собаки, кровосос, аномалии... И Торца Зона тоже отпустить не захотела. Зона — она такая, умеет прибрать к лапам то, что ей принадлежит...

Пока Толик размышлял, Будда сложил ноги калачиком, откинул голову и закатил глаза:

— Ну хватит с меня суеты... сейчас хотя бы ненадолго уйду от вас всех...

— Э, куда это уйдёшь?

— В нирвану из этой вашей Зоны ускользну. Если забыть о страхах и желаниях, отсечь привязанности, то можно отойти от сей юдоли слёз, где плач и скрежет зубовный.

Толик поглядел, как толстяк отсекает привязанности, и даже слегка позавидовал: надо же! А вот он, Толик Скрипач, слишком привязан к этому миру, никак не отсечётся. Придётся и дальше мучиться здесь. Потом он перехватил внимательный взгляд Мони — сталкер пялился на них с Буддой. Заметил, что Толик тоже в его сторону глядит, и тихонько позвал:

— Слышишь, пацан, помоги, а? Я вижу, вы с толстяком нормальные ребята. Помоги, а? Дочка у меня! Ведь пропадёт ребёнок... Без меня пропадёт, не выживет, артефакты я ей... артефакты таскаю, — сталкер шмыгнул носом, и глаза у него были тоскливые, он просил и не верил, что выпросит.

Толику стало совсем паршиво. Что за жизнь такая? Вон вроде мужик совсем чужой, не деловой даже, так чего его жалко-то? И ещё о дочке толкует... Насколько проще было прежде, пока общение с Буддой не приучило думать, а от мыслей одно сплошное неудобство. Толик огляделся — никто не видит. И украдкой кивнул Моне, сам себе удивляясь:

— Посмотрим.

* * *

Тварь не преследовала убегающего Эфиопа. Когда заряд дробы разбил и искромсал голову Курбана, чудовищное существо рухнуло у стены и не меньше часа не делало ни малейших попыток пошевелиться — слишком велик был шок.

Тварь уже умела быстро протягивать чувствительные веточки нервной ткани сквозь чужое тело, умела чуть ли не мгновенно — если использовать человеческое представление о времени — подключаться к посторонним органам и без труда преодолевать естественное отторжение тканей. Когда удалось свалить и подмять под себя Курбана на берегу болотца, Тварь первым делом нащупала доступ к его мозгу. И была ошарашена — настолько человеческий интеллект превосходил всё, что прежде оказывалось в её распоряжении. Она будто вывалилась из тесного пространства в безграничную вселенную, до того громадной была разница между разумом *Homo sapiens* и примитивными мозгами мутантов. Человек способен мыслить абстрактно, анализировать, предполагать и фантазировать. Человек способен ошибаться — это было прежде Твари недоступно, и это оказалось завораживающе великолепно.

Оглушенная Тварь последовала за Эфиопом, ведомая скорее фантазией, чем точным расчётом. Конечно, это было ошибкой — приближаться к опасному существу, не освоившись как следует с новым, прекрасно развитым мозгом. Но Тварь не сумела совладать с влечением — и поплелась за блондином.

Зато когда разум, заключённый в мозгу Курбана, погас, разлетевшись на тысячу ярких осколков, и сознание Твари снова окутала тьма, шок был настолько велик, что паузы конечности подломились, грузное тело осело под старой кирпичной стеной. Тварь лежала без движения, приходя в себя — если так можно выразиться применительно к ситуации, когда она заново подчиняла тело мозгу черномыльской собаки и крысы. Теперь эти разумы казались Твари ничтожными, жалкими — недостаточными для исполнения задачи. Она, как наркоман, отведавший сильного зелья, не могла теперь довольствоваться мозгами мутантов, ей требовался *Homo sapiens*.

Через час с небольшим после выстрела Эфиопа Тварь вяло пошевелилась. Наскоро выращенный клубок гибких мышц, поддерживавших разбитую человеческую голову, стал стремительно отмирать. Тварь приподнялась на дрожащих лапах и, покачиваясь, направилась к болоту. Ей требовались пища и влага. На полпути ослабшие ткани лопнули, изуродованная зарядом дробы голова откатилась и замерла в кустах. Тварь, не обращая внимания на эту утрату, брела дальше, с трудом удерживая равновесие...

Огромный многоцветный мир, обретённый ею при помощи человеческого сознания, померк, схлопнулся, сжался до нескольких сотен квадратных метров сырого леса. Тварь теперь не удовлетворяли ни пси-способности черномыльца, ни сообразительность крысы, ни невероятный нюх слепого пса. Теперь ей был необходим настоящий интеллект. Она утратила

возможности думать, анализировать, фантазировать, однако не забыла о них! Единожды испытанные ощущения звали, манили и лишали спокойствия.

Но прежде следовало позаботиться о теле — Тварь почувствовала, что на болоте, среди останков стада псевдоплотей, горит большой, но тусклый огонёк разума — крупным зверь набрёл на трофеи Твари и жрал мясо, порывая, чавкая и хлюпая болотной жижей. Тварь заставила свой разум сосредоточиться на задаче одолеть пришельца. Тварь нуждалась в пище, чтобы усовершенствовать тело, приготовить его для нового человеческого мозга, которым ей вскоре предстояло завладеть. Мозг *Homo sapiens* был великолепен, ему требовалось и более совершенное тело.

Глава 22

Разбудил Слепый топот. Сталкер приподнялся, оглядел полуподвальное помещение... Вроде знакомое местечко. Где это? И почему так башка болит?

Он лежал на кровати, под ним был грязный продавленный матрас... На соседней кровати спал Шура Очкарик. Ага! В памяти стал собираться из разноцветных обломков вчерашний день. Те части воспоминаний, которые касались вечера, оказались как бы подёрнуты туманной дымкой...

Хлопнула дверь, в комнату вошёл мальчишка — сын Рожнова. Обеими руками паренёк прижимал к груди бутылку минеральной воды.

— Доброе утро, Коля.

— Доброе утро... Папа велел вам принести, — Коля огляделся и поставил бутылку на стол. — Ну я побегу? Меня Качюлис ждёт.

— Кто это был? — подал голос с соседней кровати Шура.

Он ощупал нагрудные карманы, вытащил очки, проверил, целы ли стёкла, успокоился и снова спрятал свою хрупкую драгоценность.

— Это был ангел. Ангел похмеля, — Слепой с трудом поднялся, протопал к столу и жадно припал к бутылке. — Хороший мужик Рожнов, обо всём подумал.

— Эй, эй, оставь попить! — потребовал Очкарик.

— На, держи. Знаешь такой анекдот? Шагает сталкер Петров по пляжу, навстречу ему из воды выходит роскошная блондинка, отряхивает воду с загорелого тела, отбрасывает за спину белокурые кудри и тянется к застёжке бикини... — Слепой сделал паузу. Очкарик на миг отлип от минералки и спросил:

— А дальше что?

— Ага, реагируешь! — обрадовался Слепой. — Значит, уже приходишь в норму. Дальше Петров очнулся, видит: рядом дрыхнет контролёр. Петров — раз ему бутылку в зубы: «Пей, браток, пей и дальше давай кино крути».

— О-ох... — Шура покачал головой и тут же скривился. — Башка трещит. Какая гадость эта водка, а ты ещё анекдоты про неё травишь.

— Пить нужно в меру, — наставительно заметил Слепой, — как я. А вот ты позавчера так же перебрал, тебе в рюкзак чужой хабар и подсунули. Меру соблюдать нужно! Тогда и не придётся водку гадостью обзывать. А что касается Петрова, он очень выпить любит. Говорит: «Главное, чтобы компания была хорошая. Я только с кровососами пить не люблю, они чуть что целоваться лезут».

— Ладно, пошли.

— Куда это?

— Лечиться.

Сталкеры отправились в «100 рентген». Бармен, едва завидев ранних посетителей, не говоря ни слова поставил на стойку два стакана и объявил:

— Вам сегодня по первой — бесплатно. За счёт заведения.

— Ого! — Слепой ухмыльнулся. — Вот так Бармен заманивает в свои сети простодушных клиентов. Первая бесплатно, а потом...

— Да брось. Вы мне вчера двойную выручку сделали, получайте премию. Слепой, приходи сегодня под вечер свои дурацкие анекдоты травить, завтра снова первый стопарь бесплатно выкачу.

— Очкарик, ты понял? Вот так он меня и раскручивает, соблазняет завтрашним бесплатным стопариком. Ну, за удачу?

Выпили. Потом Слепой спросил:

— А я, значит, вчера анекдоты рассказывал?

— Угу. — Очкарик обернулся к Бармену и стал заказывать: — Так, нам «половинку», консервов... Кстати, мне какой-то анекдот, помню, понравился... Эх, кровосос его дави, забыл о чём. Ворона какая-то, что ли... А ведь смешно было!

— Ничего не помню, — с сожалением покачал головой Слепой. — Надо было записывать. Потом они переместились за стол и Очкарик, немногословный, как и прежде, налил водку в стаканы.

— Ну, Слепой, ты мне, можно сказать... — неуверенно начал он.

— Ай, брось. Скажи лучше, как это ты вчера двух мужиков положил? — вспомнил Слепой. — Я думал, Очкарик и Очкарик, выручать надо. А ты, оказывается...

Шура замялся, отвёл глаза...

— Чего? Что-то не так?

— Да я, понимаешь... — Шура понизил голос. — Ну, я в самом деле плохо вижу. Ну, то есть сейчас, после контузии. А раньше стрелял, призы брал.

— А почему шёпотом? — Слепой тоже заговорил тихо.

— Ты никому не скажешь?

— Хм.

— Ну ладно, ладно, это я так, по привычке спросил. Не говори нашим, ладно? Я в спецчасти служил. В какой, не спрашивай, мне говорить нельзя, подписку давал. Ну, за чистое небо? Давай.

После второй Очкарик раскраснелся и стал доверительно рассказывать, что служил во внутренних войсках и участвовал в операциях. Слепой кивал — в самом деле, таких многие не любят.

— И вот как-то выпало... и вроде операция совсем плёвая... — Шура наполнил стаканы и взял свой. — Плёвая операция: проверить человека, поступил сигнал, понимаешь... Ну, такие сигналы время от времени поступают, и проверять их нужно, если уж бумага оформлена. Знаешь, как бывает — повздорит человек с соседом и пишет на него... ну, донос, в общем. Мол, у такого-то собираются террористы. А нам — проверяй всякую ерунду. Ну, давай?

— За тех, кто в Зоне.

— Точно.

— В общем, достали нас этими сигналами от населения, их и всерьёз воспринимать перестали. Так что и мне тоже как-то поручили. Слепой кивнул — он понял, что человеку нужно выговориться. Шура никому о прошлом не рассказывал, носил в себе.

— Обычно я в таких выездах не участвовал, не мой профиль. Я же снайпер.

— Да ну?

— Был снайпером, да. Так что на подобные проверки меня не назначали. Но как-то раз... в общем, поехали. Милиционер участковый постучал, а мы рядом сидим, страхуем, значит. Трое нас. Не знаю, как оно вышло, я дальше других оказался, поэтому и живой. Получилось, там настоящий боевик. Он сперва участкового застрелил, а потом... Нет, не смогу я описать. Давай-ка... — Шура вылил остатки водки в стаканы. Выпили. Он покачал головой. — Я взрыва не слышал. Всё стало белым. Верней, не всё. Земля исчезла, и небо исчезло, осталась только эта халупа, белый верх, белый низ, посередине участковый на спину валится, а стена халупы отрывается от белого низа и летит к белому верху. И так всё отчётливо видно, и так медленно — летит дом в белое. Давай, я ещё к Бармену за половинкой схожу? Давай, а?

— Сиди, теперь моя очередь.

Очкарик попытался спорить, но Слепой опередил — не слушая протестов, пошёл к стойке, вернулся с бутылкой. Несколько человек, расположившихся в баре, проводили его взглядами. Сегодня за их с Очкариком стол никто не пытался подсесть. Сталкеры все понимают в такой ситуации — если сидят люди тихо, шепчутся вполголоса, значит, не нужно их тревожить. Другое дело, если бы шум да веселье. Слепой распечатал бутылку.

— Ты говори, Шура, говори.

— А чего говорить, я уже всё рассказал. Знаешь, что странно? Мне тогда казалось, что я сознания не терял и даже глаз не сомкнул ни на секунду. Я всё время это белое видел. Дом улетел, а вокруг всё белое. И тишина.

— Да, бывает.

— И голоса. Я с ребятами разговаривал, точно помню. Их не видно было, потому что всё белое... Ну, слышать стал через месяц, нормально, можно сказать, слышу. А зрение так и не восстановилось. Ну и куда мне? Разве что в Зону. А раньше был снайпером.

— Может, зря я тебя отмазывал, а? Если ты так стреляешь...

— Да нет, Слепой, против Расписного на Арене у меня шансов не было. Так что тут всё верно, спас ты меня. И ещё знаешь что? Обидно было бы подохнуть вором, вот что. Жизнь-то моя всё равно в Зоне, никто её не замечает, и смерть никто бы не заметил. Мы тут как в...

— В слепом пятне?

— Во-во. Но если бы вором и сволочью напоследок посчитали и если бы как сволочь закопали... это было бы паршиво. Поэтому... — голос Очкарика стал твёрже, хотя стакан в кулаке подрагивал по-прежнему. — Поэтому ты меня не отговаривай, не пытайся даже! Я тебе крепко задолжал, водка — это само собой... водка не в счёт, это просто чтоб поговорить. Но если тебе чего требуется, только скажи. Лады?

Слепой улыбнулся.

— Ты не скалься, я серьёзно!

— Ладно. Сочтёмся.

— Ну, давай... — Очкарик звякнул бутылкой. — А ещё я память тогда потерял. Ну, не совсем, а как-то кусками. Меня комиссовали, я домой вернулся. Половину знакомых не узнаю...

— Как это?

— Ну, подходит ко мне человек: так, мол, и так, мы с тобой вместе то и сё, стрелковый клуб, там, чемпионат областной, ну мало ли... вспоминай, какие мы с тобой друзья! Выпьем, говорит, за встречу, как же ты можешь не помнить? И хуже всего стало, когда один такой дело предложил. Ты, говорит, всё равно контуженый, тебе пофиг, в кого стрелять. Вот есть такой человек, он хорошим людям мешает... Ну бабки предлагал, конечно. Говорит, мы ж друзья! А я его совсем не помню.

— Тебя бы сдали, — заметил Слепой. — На тебя бы убийство повесили.

— Ну вот я и говорю, подался сюда. Здесь, думал, можно и без памяти прожить. Здесь всё другое, жизнь заново...

— Так поэтому ты и помалкивал, когда Грибник на тебя наехал?

— Угу. — Шура скорбно покачал головой. — Меня как по темечку шарахнуло: вот, опять начинается! И здесь меня подставят! Я ж сюда от такого же сбежал!

— Растерялся, значит? Потому и молчал?

— Ну, как бы...

В зал спустился Рожнов, огляделся, отыскал в углу Слепого с Очкариком, потопал к ним.

— Ну как вы, герои? Оклемались после вчерашнего? — Потом оглядел стол и собутыльников. — Ага, вижу, вы и сегодня уже на взводе... Очкарик, хорош Слепого спаивать!

— Ты чего, это я его спаиваю! — запротестовал Слепой. — Кстати, ты слышал, учёные предложили новый проект по спаиванию кровососов, чтобы они на водку подсели и свои старые привычки бросили?

— Тебе всё шуточки. Кстати, если тебе интересно, Пузырь на рассвете ушёл. Так что завязывайте с водкой, эта история уже закончена, мужики делом занялись, даже Пузырь.

— Да вот я и говорю, мы как раз насчёт новой экспедиции сговариваемся. Очкарик берётся меня охранять. Видел вчера, как он стреляет?

— Я был снайпером, — настойчиво повторил Шура. Он снова успел захмелеть. На Слепого выпитое тоже подействовало, но иным образом — ему стало весело.

— Слушай, капитан, а есть у «Долга» здесь стрельбище? — обратился он к Рожнову. — Проверим, как Шура стреляет, а?

— А что, давайте! — Очкарика эта идея неожиданно захватила.

Капитан с сомнением оглядел собутыльников:

— Вы шутите, что ли?

— Кто как, а я серьёзно! Я серьёзен, как сталкер Петров. Однажды сталкеру Петрову рассказали анекдот про сталкера Петрова. Анекдот такой: поспорил сталкер Петров с псевдогигантом, кто сильнее землю раскачает. Ну, мутант свои обычные штучки показал с горизонтальной гравитацией. А Петров ка-ак даст псевдогиганту между глаз кулаком! Тот — бац, упал и лежит. Потом открывает один глаз и говорит: «Мужик, верни землю на место, а то моя горизонтальная гравитация неправильно на меня действует». Ну вот рассказали Петрову этот анекдот, а он и говорит: «Врёте вы всё, не так было. Псевдогиганты не разговаривают, тем более дохлые».

— А я тоже серьёзно, — буркнул Очкарик. — Я вам не анекдот. Есть у вас стрельбище?

— Ну есть.

— Пустишь нас, капитан? — Очкарик попытался встать со стула, но запнулся ногой и снова сел. Рожнов смерил пьяного сталкера скептическим взглядом и сказал:

— Ладно. Если сумеешь на своих двоих дойти до стрельбища, я договарюсь, чтобы тебе винтовку дали. Четыреста метров устроит?

— Ик, — кивнул Очкарик, вставая. Со второй попытки у него вышло, он сумел подняться на ноги. По дороге к стрельбищу Очкарик старательно шагал ровно, дышал глубоко, помалкивал и всячески демонстрировал, что на самом деле он вовсе не пьян. Слепой даже не пытался притвориться трезвым. Ему в самом деле было весело, и он пытался рассказывать Рожнову сочинённые на ходу анекдоты.

— Задумал сталкер Петров вступить в «Долг». В лесу стосковался, думает, хотя бы среди людей буду, ну и паёк опять же каждый день выдают... Приходит сюда, на «Росток», смотрит, как долговский капитан Рожнов команды раздаёт. И что он ни скажет, бойцы ему в ответ: «Есть! Есть. Есть!» Говорит Рожнов, чтобы оружие вычистили, они в ответ: «Есть!» Говорит, чтобы в караул заступали, те снова «Есть!» Не понравилось Петрову это дело. «Вот, — говорит, — какие тут люди. Что им ни поручишь, а они знай жрать требуют. Или, может, не кормят их здесь? Нет, не хочу в «Долг» вступать».

Капитан провёл их через КПП, отделявший территорию общей базы от расположения «Долга», куда посторонних не допускают. Там было не таклюдно. Слепому надоело трепаться, и остаток пути проделали в молчании. Судя по грудам ржавого проката в сторонке и по козловому крану, который, вероятно прежде был снабжён магнитом, на этом месте когда-то складировался металлолом. Сейчас длинная площадка пустовала, а на входе расположился ещё один пост «Долга». Встретил их снайпер — тот самый, что вчера застрелил Расписного.

— А, старые знакомые...

— Черныш, дай этому парню свой «Вал» и патронов с десятков.

— Этому? — Снайпер окинул взглядом тщедушного Очкарика. Тот уже успел маленько оклематься, на ногах держался более или менее твёрдо, однако шурился и тёр переносицу, в общем, выглядел несерьёзно. «Долговец» ухмыльнулся. — А куда стрелять будем?

— Четыреста метров, как обычно, — буркнул капитан. Его эта ситуация здорово смущала.

— Давай... — Очкарик вытащил из кармана очки, аккуратно водрузил на нос и протянул Чернышу дрожащую руку. — Это... ик... винтовку.

— Ну, парни, вы даёте... — долговский снайпер отдал оружие и покачал головой: — Если он хотя бы в «молоко» попадёт, я ему свой «Вал» подарю, так и знайте. Только следите, чтобы он никого из нас не подстрелил. — Черныш отошёл в сторону и поднял к глазам бинокль: — Давайте! Эй, парень, как тебя, ты мишень-то видишь?

Очкарик, не отвечая, отложил рюкзак, прилёг, пристроился... С оружием он обращался уверенно, это Слепого не удивило. Оставалось дожидаться стрельбы. — Ну чего ты тянешь? — Черныш ждал выстрелов.

— Сейчас... — Очкарик аккуратно прицелился. Хлопнул выстрел.

— Шесть... — растерянно протянул Черныш. — Новичкам везёт. Очкарик шумно вздохнул... ещё выстрел, ещё.

— Шесть... восемь... — без энтузиазма комментировал «долговец». — Восемь, семь. Девять.

Очкарик буркнул:

— Стрельбу закончил.

Поставил винтовку на предохранитель. Потом тяжело завозился, с трудом принимая вертикальное положение. Подошёл к Чернышу и возвратил оружие. Руки его дрожали точно так же, как и до стрельбы.

— Ну, парень... — проговорил «долговец». — Тебя же качает, как накуренного бюрера! Как ты вообще ствол удерживал-то?

— Он в резонанс попадал, — буркнул Рожнов. Очкарик пожал плечами и ещё раз икнул.

— Однажды сталкера Петрова заказали киллеру, — сообщил Слепой. — Петров об этом узнал и сказал: «Примем меры!» Всосал три бутылки водяры и пошёл себе. Киллер стрелял, стрелял, три цинка патронов извёл, ни разу не попал, так Петрова качало. Черныш, ты обещал Очкарику ствол подарить.

— Так я ж не думал, что он... — долговскому снайперу стало неловко, он оглянулся посмотреть, какое выражение лица у начальства. Рожнов нахмурился.

— Мужики, ствол-то казённый, — Черныш покраснел. — Может, я водкой отдам, а? Я гляжу, вы принимаете...

— Проставишься, это само собой. Чтоб не смеялся над незнакомым стрелком, — кивнул капитан. — Только не сей час, они со Слепым сегодня и так в норме. А ствол...

— Вспомнил! — лицо Черныша просветлело. — Вспомнил! У нас на складе винтовочка имеется, старенькая, но вполне на ходу. Приклад треснул, я договорюсь, чтобы её передали для учебки, а там... А, капитан?

— А там и спишешь? — Рожнов наконец улыбнулся. — Ладно, я ничего не слышал.

— Винтовка всё равно под списание, — торопливо забормотал Черныш, — так лучше её в хорошие руки, чем...

— Сказал же: ладно, — улыбка Рожнова стала шире. — Идём на склад, я дам команду. А вы, мужики, больше не пейте. Ну хотя бы до вечера, что ли?

* * *

Тварь, пошатываясь, двинулась к болотцу, где возилась грузная туша. Паучьи лапы с трудом удерживали усталое тело, Тварь то и дело припадала на брюхо, опиралась на короткие собачьи ноги, чтобы восстановить разладившиеся функции равновесия и передвижения. Встреча с крупным и наверняка опасным существом требовала большей осторожности, но сейчас Тварь не вполне контролировала свои действия, ей было плохо и беспокойно.

Старая кабаниха, которую на болото привлёк запах пищи, почуяла приближающуюся Тварь далеко не сразу — слишком увлеклась вылавливанием из мутной жижи кусков мяса растерзанных псевдоплотей. Но когда обнаружила пришельца — не раздумывая бросилась в

атаку. Появление незваного гостя свинья восприняла как покушение на собственную добычу — в таких случаях она без колебаний нападала.

Здоровенная скотина заворочалась в воде, поднимая мутные тяжёлые волны, развернулась рылом к Твари и побрела на твёрдую почву. В болотце она не могла взять разгон, но изо всех сил рвалась в бой. Тварь, путаясь в восьми длинных лапах, брела навстречу. Вот старуха выбралась на берег, злобно фыркнула и ринулась в атаку. Тварь сконцентрировалась в самый последний момент — и прыгнула. Массой она уступала кабанихе, так что встретить её напор в лоб и не пыталась. Когда две туши столкнулись в воздухе, тонкие конечности Твари не касались земли, она взлетела на спину старой самке, короткие лапы чернобыльца распороли шкуру на спине, а собачья пасть впилась в мохнатый круп. Кабаниха заматалась, сию секунду стряхнуть обузу, которая причиняет такую боль. Сцепившиеся звери заматались по берегу, сшибая молоденькие деревца и топчась в кашу кустарник... Тварь держалась крепко, она методично подтягивала голенастые конечности псевдоплоти и вонзала длинные когти в бока противницы. Особого вреда Тварь таким образом причинить не могла — раны, которые она наносила, были не слишком опасны для огромного мутанта, но обезумевшая от боли и ярости кабаниха ранила сама себя куда сильнее, когда ломилась через лес. Она разбила рыло, исцарапала морду так, что кровь заливала горящие ненавистью глазки... Ничего не видя перед собой, громадная свинья неслась между толстыми дубовыми стволами, ударялась мордой, разворачивалась от этих ударов на бегу — и снова налетала на деревья... Безумный бег завершился, когда молодой клён не выдержал натиска разогнавшейся туши и хрустнул. Кабаниха рухнула на колени, пролетела по инерции несколько метров, распоров брюхо об острый обломок древесного ствола, ткнулась рылом в грязь. Тут наконец Тварь не удержалась на спине, кувыркнулась, перелетела через изувеченную морду кабанихи... Собачья пасть впилась в растерзанное ударами рыло, кабаниха попыталась вскочить, но ноги не держали её больше — она умирала, кровь хлестала из разорванного живота и многочисленных ран на боках. Тварь тоже получила немало повреждений, были сломаны три ноги, несколько рёбер... Она подползла к кабаньей туше, стала жадно вырывать большие куски окровавленного мяса и торопливо поглощать. Ей требовалось много пищи, чтобы восстановить повреждённые кости и ткани. К тому же она собиралась набрать вес — яростная атака кабанихи произвела на неё впечатление, если так можно выразиться применительно к примитивным ощущениям ткани, которая заменяла Твари центральную нервную систему. Для того чтобы испытать настоящие эмоции, Твари требовался мозг *Homo sapiens*.

Глава 23

Между холмами петляли до вечера. Серж шагал за Животным хмурый и злой. Ему не нравилось всё — и туповатые исполнители, и сердитые напоминания шефа, который требовал результатов и торопил, торопил... В последние день-два ситуация изменилась коренным образом, теперь шефу приходилось осторожничать и он уже не мог дать команду вскрыть почтовые сообщения в электронных почтовых ящиках сталкеров. Прежде Серж казался себе полубогом, он мог прочесть переписку этих ничтожных людишек, мог отправить их на смерть, натравить грязных бандитов на грязных сталкеров, которые, в сущности, такие же бандиты. Сержу не нравился плащ покойного Торца, не нравилась угрюмая настороженность Толика, угодливость Сани, мрачная отрешённость Мистера, а больше всего не нравился Будда. Хотя пацан разыгрывал из себя такого клоуна, завёрнутого на эзотерике, Серж чувствовал, что Будда не глупее его самого, и вот это обстоятельство было самым паршивым. Серж привык быть лучшим. Ох, скорей бы закончить здесь, выполнить работу и возвратиться в нормальный мир... Он размышлял о том, чем станет заниматься по возвращении — первым делом ванна... То есть сперва к шефу! Очень правильно будет явиться пред светлые очи вот прямо в таком виде, как есть, — в грязном плаще с чужого плеча, небритым, пройти по красным коврам, оставляя жирные чёрные

следы. Приятно будет смотреть на вытягивающиеся морды адъютантов, всех этих выбритых и выглаженных майоров да подполковников. Ни с чем не сравнимое удовольствие — видеть, как в душе они негодуют, однако не решаются сказать ни слова поперёк, с каким душевным напряжением они сохраняют хладнокровие, распахивая перед ним, Сержем, двери... Ну и, конечно, генерал — Серж вручит ему груз, генерал мельком глянет, бросит что-то вроде: «Молодцом, Серж! Я всегда знал, что на тебя можно положиться... Ну ступай, отдохай, завтра с тобой свяжутся!» И вот после этого — такси, ванна, звонок Леночке. Или Люсе. Или обеим? А что, в этот раз можно пригласить их обеих, он нынче такой радиоактивный!..

Серж до того размялся, что едва не прозевал «воронку». Саня осторожно обогнул аномалию и ушёл вперёд, а он чуть было не наварился. Успел отскочить в последний момент, когда аномалия уже начала просыпаться. Но Серж отпрянул, и проклятая ловушка не сработала, поворчала и снова успокоилась в шатком равновесии, обрывки жухлой листвы поплыли по кругу в прежнем темпе...

Да, придётся ещё несколько дней проторчать здесь, среди грязи и мрази. Ничего, результат того стоит, главное, что всё получится. У него всегда получается, иначе и быть не может, он всегда победитель, он сверху, так будет и в этот раз...

Серж остановился и подождал, пока сталкер Моня поравняется с ним. За пленником следом брели Мистер и Скрипач, а пыхтящий Будда, как всегда, отстал.

— Слушай, мужик, — Серж старался говорить спокойным, деловым тоном, — скоро мы выйдем к схрону. Оттуда ты пошлешь мейл Слепому. Нормальный мейл, без гнили, без штук.

— Я понял, — грустно кивнул Моня.

— Пригласишь его к нам, то есть к себе. Скажешь, есть хабар, приходи, вместе возьмём... Ну, как мы тебя дёрнули так и ты Слепого. Лады?

— Лады.

— Не нравится мне, мужик, как ты отвечаешь. Чего грустный-то такой? — Серж растянул губы в ухмылке. — Скоро всё закончится, уйдёшь к своей дочке. Я слова никогда не нарушаю. Обещал же, уйдёшь.

— Я всё сделаю.

Серж подумал, не хлопнуть ли мужика по плечу, чтобы ободрить. Решил: не надо, это уже лишнее, поэтому ограничился кивком.

Толик шагал сзади и слышал каждое слово. Он отчётливо понимал: Моня не верит Сержу. Не верит и правильно делает, конечно. Серж гниль, такому соврать — раз плюнуть.

Бригада выбралась из холмов, теперь шли по лесу. Небо стало наливаться синевой, близился вечер. Толик притормозил, подождал Будду. Они вдвоём слегка отстали от всех.

— Слушай, Будда, что думаешь о нашей ситуации?

Толик не смог даже вопрос сформулировать получше. Вся эта история со сталкером, с дочкой его больной — всё было как-то неправильно, не так. Толику было необходимо хотя бы поговорить, потому что непокой поселился в душе, распирал и давил изнутри. Никогда раньше такого с ним не случалось.

— О какой ситуации? — Будда дышал с присвистом, он устал и, пройдя десяток шагов, всякий раз харкал и сплёвывал.

— Ну вот с Моней этим, с корешем его. Я вот думаю, Моня дочке через Кордон артефакты носит, закон нарушает, значит, он наш, блатной? Ну хоть немного?

— Ищешь оправдания, — догадался толстяк. — Тебе его жалко, и ты ищешь для себя дополнительный повод, чтобы помочь мужику. Ну и зря. Зачем тебе ещё причины выдумывать, если ты для себя уже решил?

— Ну, это... как-то не по понятиям вроде. А если так глянуть, то Моня как бы свой. Тогда понятия позволяют помочь. Ну, это, как бы сказать... раз он законы нарушает...

— А Серж с властями сотрудничает, значит, не наш, — вдруг сменил тему Будда. — Ты сейчас обнаружил, что Моня не слишком от нас отличается. А вчера мы говорили, что Серж от ментов недалеко ушёл. Он с властями заодно, они ему помогают сталкеров давить, которые, выходит, слегка блатные. А?

— Зона меня возьми... — только и промямлил Толик. — Как-то умеешь ты всё наизнанку вывернуть.

— Я ничего не выворачивал, я, наоборот, прямо излагаю, как оно в жизни устроено.

— Вот ведь... — Несколько минут оба молчали. Толик напряжённо обдумывал ситуацию, аж мозги закипали.

— Не торопи события, — бросил Будда, — дай им увлечь себя, следуй судьбе и доверяй своим внутренним порывам. Не пытайся обмануть жизнь, потому что кривая никогда не вывозит. Держись прямого пути... Смотри, что там? Чего они встали?

Впереди Животное остановился, глядя под ноги, и все подтянулись к нему, даже Моня сунулся поглядеть. Толик тоже подошёл узнать, что заинтересовало следопыта.

— Ну чего встал? — буркнул Серж.

Уже начало темнеть, поэтому он не сразу сообразил, что именно привлекло внимание следопыта. Куча красноватых и серых осклизлых ошмётков в притоптанной траве — что с ними не так?

— Нет, здесь что-то необычное, — пробормотал Животное. — Это... даже не соображу, откуда взялось. — Он пошевелил грудку мягких серых трубок, те под башмаком вздрогнули и, выгибаясь, раскатились в стороны.

— Кишки! — догадался Толик.

— Во, точно! — Саня, кажется, впервые с кем-то согласился без споров и брани. — А откуда они здесь? Ни костей, ни обрывков шкуры. Если бы какая-то скотина жрала, то осталось бы много всякого, да ещё по кустам бы разнесли, скоты, по кусочкам раскидали. А тут только требуха одной-единственной кучкой... А это что? Мозги, что ли?

— Ну, сожрала какая-то скотина, а потом кучу наложила того, что не переварено, — предположил Серж. Его не беспокоили тайны животного мира Зоны, пижон в мыслях был уже не здесь, а шагал по мягким коврам Управления международного миротворческого контингента или нежился в бассейне с двумя девочками.

— И не куча, — покачал головой Животное. — Дерьма-то нет! Это как сблевало какое-то... это... существо. Никогда такого не видел.

— Всё рано или поздно случается в первый раз, — философски заметил Будда. — А давайте к схрону пойдём? Не стоять же здесь до ночи. Вон, темнеет уже.

— Да, уйдём, — снова согласился Саня. — Мы уже недалеко, через часок доберёмся... Только странно это.

— Да чего тебе странно?

— Никакая сволочь не пришла сюда огрызки жрать, — объяснил Саня. — Эти места глухие, здесь зверь водится. Бывает, банку консервную выбросишь, так и часа не пройдёт, а собаки уже лезут. Чуют съестное и лезут. А сюда не лезут.

— Может, хищник, который здесь сблевал от пережора, каким-то запахом обладает, которого собаки не переносят? — предположил Будда. — Может, он больной? Или этот зверь страшный, его запах собак пугает, что он, что его объедки вонючие.

— Может, и так... Может, он пометил блевотину, тогда и впрямь собаки не сунутся... Но странно это.

Саня не стал спорить, побрёл дальше. Однако Толик заметил: его манера изменилась, он как-то очень уж настороженно стал озиаться. Настроение следопыта передалось всей бригаде, теперь уже не растягивались длинной вереницей, держались рядом. Однако ничего не случилось, и меньше чем через час в синих сумерках стали видны знакомые сполохи — «жарка» у схрона.

Толику выпало входить в подземелье первым, это стрёмный момент — хотя ржавая скоба, которой заперли дверь, на месте, однако мало ли что или кто может внутри притаиться? Вот и пришлось молодому, как «отмычке», первым лезть. Но Зона была милостива, схрон за время отсутствия хозяев никто не тревожил, и дровишки, которые собирали Толик с Буддой, оказались в полной сохранности. Тут же развели костёр, Будда остался наверху хлопотать с огнём, остальные спустились в подвал. Там всё осталось в прежнем виде — сырость, грязь и гниль. Мистер вывернул карманы, стал возиться с

обрывками кабеля, которые подобрал по дороге. Потом утонул к туалету, где работало электричество.

Серж вернул пленному ПДА и велел набить послание для Слепого. Моня послушно сочинил и прочёл вслух:

— «Привет, Слепой! Мы тут с Бузяком хороший хабар разведали, приглашаем тебя. На троих в самый раз дельце, не хотим с чужим человеком делиться, а ты парень надёжный. Ты с ответом не тяни, сразу дай знать, если согласен. Мои координаты...» — Он поднял голову и, подслеповато щурясь, взглянул на Сержа снизу вверх: — А какие координаты? Этой точки? Или встречать где-то в другом месте собираетесь?

Серж отобрал браслет с прибором, перечитал сообщение и кивнул: — Координаты я сам вобью. Отдыхай теперь.

Появился Мистер, он шёл вдоль стены и осторожно разматывал кабель, а в руках его горел огонёк — дезертир запитал лампочку от рубильника в туалете.

— Эй, так нельзя! — подал голос Животное. Он не хотел перечить временному бригадиру, но тут не выдержал. — Он же про Бузяка написал! А Бузяк...

— Придержи язык! — рявкнул Серж. — Бузяк Слепому ничего не скажет.

— Так это ж... — Саня почесал затылок и отступил к стене, в тень.

— Моня, послушай, — Серж обернулся к сталкеру, — мы с Бузяком по-хорошему решили, он Слепому на глаза не покажется, так договорено. Понимаешь?

— Понимаю, — покорно согласился пленный. — Я тоже не подведу.

Хмурый Мистер, ни на кого не обращавший внимания, приладил самодельный светильник на старом стеллаже и объявил:

— Факин горение быть. Светить нам жизнь.

Толик глядел и мучился сомнениями. Все здесь врал друг другу, все понимали, что их обманывают — и делали вид, что верят вранью. Серж врал Моне насчёт сговора с Бузяком, чтобы сталкеру не так тошно было предавать кореша, чтобы не подвёл, не надумал играть в геройство. А Моня видел Сержа насквозь, но притворялся, что поверил, потому что до последнего надеялся спастись или хотя бы предупредить Слепого — потому и вставил фразу насчёт Бузяка. Только не знал бедняга, что Серж закрыл почту Слепого на то время, когда «долговцы» нашли труп Бузяка. Вот какая вышла картина. Сержу важно лишний раз обмануть, покуражиться, показать, что он на вершине пищевой цепочки — мол, пусть Моня обман подстроит, а он, Серж, заранее всё предусмотрел. Вот пижон! Какая сволочь — небось считает себя самым умным и втихомолку посмеивается над мучениями бедняги сталкера... В этот самый момент у Толика и дозрела окончательно мысль — помочь Моне и этому неизвестному Слепому. Почему им следует помогать? А вот хрен его знает, вот кровосос его знает... вот... да хотя бы назло Сержу! Тоже нашёлся какой умник! Бури, настоящие бури бушевали в душе Скрипача. Он не мог больше сидеть в этом тёмном подвале, встал и буркнул:

— Пойду наверх, гляну, что там у Будды с костром.

У Будды всё было в порядке, вода начала закипать, Толик сходил за плитками концентрата, и вскоре бригада вывалила наружу — ужинать. Моню, конечно, тоже накормили.

Хотя в подвале была вентиляция, дух там стоял тяжёлый, поэтому все, не сговариваясь, решили есть наверху. Обычно за едой начинались разговоры, шутки и подначки, но сегодня настроение было паршивое. Слишком много беготни, перестрелок. И слишком много смертей. За ужином усидели пару бутылок водки — нуклиды вывести из организма. Пока бегали по заражённым холмам, просквозило изрядно. Однако и водка не смогла развеять овладевшее бригадой уныние.

После ужина Серж распорядился:

— Моню связать. Пойми, мужик, это для твоего же блага, чтоб тебе не пришло в голову глупости делать. Так что подставляй лапы, так и тебе, и нам спокойней будет.

Будде и Толику пижон велел стеречь снаружи — мол, делитесь между собой, отсыпайтесь по очереди, как сами знаете, как хотите, но чтоб стерегли и назавтра чтоб оба

были в форме. Завтра всё, может, и решится с заданием. Напоследок добавил: внутрь не суйтесь, не нужно. И погладил замотанный изолентой приклад «Винтореза».

Когда Будда с Толиком остались вдвоём у огня, толстяк заметил:

— Серж не дурак, просто слишком высокого мнения о себе.

— Это ты к чему?

— Не доверяет ни мне, ни тебе. Сейчас последний рывок остался, он не хочет слажать. Видишь, делал вид, что не смотрит, но твою беседу с мужиком всё же просёк.

— Думаешь, он понял, что я... — Будда поднёс толстый палец к губам — мол, говори потише, и сам очень тихо сказал:

— Ничего он не понял, иначе бы шлёпнул тебя, ни на секунду не задумавшись. Однако подозрения у него имеются. Это я к тому, что, когда решение будет принято, больше никаких колебаний ты себе позволять не имеешь права. Как решишь, так и поступай.

— Я уже решил, — глядя в потрескивающий костерок, буркнул Толик. — Ты со мной?

— Нет, я впереди тебя. В смысле, ложись спать, я первым покараулю. Часика через три-четыре разбуду.

— Три маловато, — вздохнул Толик.

— Я толстый, я больше устал, — с укоризной заметил Будда, — мне больше отдыхать надо!

И вот снова — на другого Толик за такие слова обиделся бы, но сердиться на этого толстяка у него никак не получалось. Уж такой Будда человек... С этой мыслью Толик и заснул. Снилось ему всякая дрянь — ухмыляющийся Серж, который превращался в крысу — ту самую, которую он, Толик, обнаружил в схроне, преследовал, но так и не подстрелил. Во сне он снова гонялся за крысой по подземелью, стрелял — и всякий раз мазал, а крыса-Серж то отбегала, то подпускала преследователя поближе, но в последний миг ускользала из-под выстрела, оборачивалась, скалила зубы и верещала: «Не поймаешь, не поймаешь, ещё не время!..» Толик злился, перезаряжал, стрелял, топал сапогами, опять злился и промахивался, а крыса пищала: «Ещё не время!.. Ещё не время!..»

Вдруг обернулась снова человеком — всё тем же мерзавцем Сержем и объявила: «Время». Потом Серж ухватил Толика за плечо, а Толик совал и совал патрон в казённый и, как это бывает в кошмарах, никак не мог зарядить. Он думал, что в большого Сержа он не промажет, однако проклятый патрон не становился на место, а Серж тряс его за плечи сильнее и сильнее...

— ...Время! — повторил Будда, тряся спящего Толика. — Вставай, соня. Я и так больше времени тебе дал. Четвёртый час уже, я тоже спать хочу.

Толик потянулся, потёр глаза и огляделся по сторонам. Над головой небо начало светлеть, наливаясь серым. Будда в самом деле дал напарнику поспать, а теперь, не говоря больше ни слова, поплотнее запахнул куртку, привалился к бетонной стене и закрыл глаза. Минутой позже его дыхание сделалось размеренным и ровным. Он уже спал. Толик встал. Сырая ночная свежесть проникла под одежду, заставила зябко поёжиться. Он стал расхаживать по бетонной яме, чтобы согреться. Потом вскарабкался по стеллажам, оглядел ночной лес. Тихо здесь, спокойно. «Редко где в Зоне, — подумалось Толику, — встретишь ночью такую тишину».

* * *

Твари ничего не снилось. Вместе с мозгами уничтоженных зверей она унаследовала способность видеть сны, но Тварь не была ни чернобыльским псом, ни крысой, она была новой сущностью, которая никогда не спала по-настоящему. Даже если тело оставалось неподвижным, Тварь неустанно трудилась. Она не умела уставать, поскольку попросту блокировала болевые ощущения или отключала группы мышц, нуждавшихся в отдыхе. Сложная система пищеварения, выстроенная из органов собак и псевдоплотей, могла часами переваривать пищу, проглоченную достаточно давно, этот процесс не был помехой новой охоте и пожиранию новой добычи. Сейчас Тварь вгрызалась в громадную кабанью тушу,

зоны деления клеток трудились с максимальной нагрузкой, пищеварительный тракт непрерывно снабжал их материалом и энергией. Тварь стремительно наращивала массу. Схватка с кабанихой показала, что нынешние размеры недостаточны. Увеличить вес стало первостепенной задачей, но притом Тварь не оставляли смутные воспоминания-мечты — ощущения, равным образом обращённые в прошлое, когда она обладала человеческим мозгом, и в будущее, когда она снова им завладеет. Краткое знакомство с интеллектом и способностями *Homo sapiens* показало, что одной лишь головы мало, человеческие руки — инструмент не менее уникальный, чем человеческий разум. Для эффективного использования рук необходимы плечевой пояс, мышцы груди... словом, слишком многое из тела будущей жертвы. А чтобы обслуживать «инструменты», требуется ещё больше органов человека. Тварь напряжённо анализировала, какого рода операция ей предстоит, едва она завладеет организмом *Homo sapiens*. Мозги крысы и черномышской собаки мало подходили для аналитической работы, но Тварь компенсировала недостаток способностей временем и упорством. И наращивала массу. Для того чтобы закрепить и встроить человеческий мозг со всеми необходимыми придатками, потребуется большое и сильное тело. Так что Тварь ела, ела и ела...

Глава 24

Просьбу Рожнова — не пить хотя бы до вечера — Слепой с Очкариком исполнили в точности. Впрочем, заслуги Слепого в этом определённо не было. Часа два им пришлось проторчать в арсенале «Долга», там Черныш с капитаном добывали обещанную винтовку. Это оказалось делом долгим и хлопотным — по крайней мере три бумажки «долговцы» заполнили при Слепом, потом тот заявил, что ему невыносима местная бюрократия, и удалился. Очкарик не ушёл, он уже пожирал близорукими глазами оружие, даже очки надел, чтобы лучше видеть.

Судя по времени, которое Слепой провёл в ожидании, он пропустил никак не меньше половины документов... Наконец на пороге показался Рожнов, за ним шествовал Черныш с «Валом» в руках. Шура семенил следом, блистал очками и не спускал глаз с вожака винтовки. Он, похоже, опасался, что «долговец» выронит оружие и оно окажется настолько хрупким, что разобьётся при падении.

— Да погоди ты, — ухмылялся Черныш, — вот отойдём подальше, там отдам. Не бойся, не обману же!

— А... да, конечно, — Шура бормотал, вряд ли задумываясь, что именно говорит, он видел только роскошный приз — старенький «Вал» с треснутым прикладом и извилистыми царапинами на стволе. Обогнули цех — здесь заведующий арсеналом не мог их видеть. Теперь Черныш торжественно передал оружие Шуре. Тот осторожно взял «Вал» и тут же вытер ствол рукавом. Рожнов заявил, что ему некогда, но вечером он постарается подскочить в «100 рентген». Черныш тоже заторопился к себе на стрельбище. Довёл сталкеров до долговского КПП, сказал своим, чтобы не задерживали, и тут же слинял, пообещав напоследок проставиться вечером в «100 рентген».

— Ну что, а мы сразу в бар? — предложил Слепой.

— Нет, я сперва разобрать винтовочку хочу, почистить, смазать... — мечтательно заулыбался Шура. — Оружию уход требуется!

— Маньяк, — констатировал Слепой. — Точно, маньяк. У меня друг есть, Тарас Костиков, он тоже завёрнут на чистке оружия. Женился недавно... Я думаю, он жену первым делом научит за оружием ухаживать... Вот, кстати, точно! Он свою Надьку обнимает точь-в-точь, как ты винтовку. Наши жёны — ружья заряжены! Слышал такую песню?

— Слепой, давай сюда завалим, а? — Шура кивнул в распахнутые ворота старого цеха. — Здесь никого вроде нет, я оружием займусь. Слепой покорно отправился с новым приятелем и часа два наблюдал, как он чистит винтовку и заново обматывает изолентой треснувший приклад. Слепой тяжело вздыхал, прохаживался вокруг, потягивался,

многозначительно хмыкал и покашливал — снайпера ничто не могло отвлечь. Наконец Слепой высказался открытым текстом:

— Я думаю, уже как раз и есть вечер.

Шура снял очки, поморгал, глядя в светлый прямоугольник цеховых ворот.

— С чего ты взял? Ещё совсем светло!

— Мои биоритмы не подводят. Раз нам вечером обещана поляна, а жрать уже теперь охота — значит, вечер. Не сомневайся, верный признак, я сколько раз проверял!

Так что до вечера приятели в самом деле не выпили ни капли. Вечер, правда, наступил раньше обычного. Очкарик со Слепым спустились в «100 рентген». Охранникам было скучно, и они лишний раз демонстрировали рвение, ворча на проходящих по лестнице клиентов. Слепой нарочито громко принялся рассказывать только что придуманный анекдот:

— Зашёл как-то сталкер Петров в «Сто рентген», и, пока бармену заказ делал, его рюкзак тихо увели. А рюкзак хороший, из парашютного шёлка, из цельного парашюта! Ну, Петров давай ругаться: что ж такое, прямо в баре воруют, и охрана вроде стоит, да толку от них нет! Охранник это выслушал и говорит: «Мужик, не гони, я могу сказать, кто хабар твой взял». Петров: «Ну и кто?» Охранник: «Сволочи!»

Бармен, не меняясь в лице, выслушал последние слова анекдота и выставил на обшарпанную стойку два стакана. Человек опытный, он по выражению лица клиента мог определить, что требуется.

— Хорошие стаканы, — заметил Слепой. — Рядом с такими и половинка неплохо бы смотрелась, а? Шура кивнул, полез в карман за кошельком, заказал батон и тушёнку.

— Это для начала, — пояснил Слепой. — Бармен, мы тебе который день подряд кассу будем делать, ты бы уже должен нас бесплатно поить.

— Можно подумать, ты, Слепой, сам хоть раз заплатил, — отрезал Бармен. — И как тебе удаётся за чужой счёт день за днём квасить?

— Чистая совесть! Всё дело в чистой совести. Понимаешь?

— Нет.

— Это нормально — при твоей работе. Откуда тебе знать о чистой совести?

И приятели удалились за угловой стол, оставив Бармена обдумывать слова Слепого относительно работы и совести. Очкарик, откупоривая бутылку, с застенчивой улыбкой признался:

— Я давно столько не пил.

— Это потому что ты был одинок в этом негостеприимном мире, — объяснил Слепой. — А теперь гляди: Слепой да Очкарик — практически профсоюз. Я тоже не очень-то пью, но...

Часом позже явился Черныш — должно быть, согласно его биоритмам вечер наступил именно теперь. После второй бутылки Чернышу пришла в голову странная мысль — спойть Осведомителя, парня, который чуть ли не безвылазно торчал в «100 рентген» и торговал информацией. Тот, когда его позвали к столу, с сомнением покачал головой:

— Парни, думаю, вам мой товар не по карману, — но к застолью присоединился. Пили за удачу, за воскрешение из мёртвых Шуры Очкарика, за тех, кто в Зоне... Слепой рассказал, как кровососы открыли донорский пункт... Вскоре стало ясно, что идея Черныша никуда не годится — Осведомитель хладнокровно вытягивал стакан за стаканом, ничуть не пьянея, зато сам Черныш развеселился, и стало очевидно, что его уже разобрало. Очкарик тоже быстро охмелел, сделался разговорчивее обычного.

Потом явился Рожнов — его биоритмы явно отставали.

— Вот сейчас начнётся настоящее веселье, — объявил Слепой.

Но Чернышу почему-то расхотелось веселиться. В присутствии офицера он принялся старательно делать вид, что вполне трезв — это слишком очевидно не соответствовало действительности. Зато Осведомителя наконец-то начал брать хмель. Он по-прежнему хладнокровно поддерживал все тосты, но глаза его стали маслянистыми, движения утратили чёткость. Наконец он заявил:

— А знаете, мужики, из-за чего в Зоне шум был? Военные, облавы, патрули — знаете, из-за кого?

— Ну так был же прорыв Периметра, — осторожно заметил Слепой. Он-то лучше других знал, из-за кого взбеленились миротворцы.

— Ха, прорывы случаются время от времени! — Осведомитель махнул рукой, едва не сбив со стола банку энергетика. Его в самом деле разобрало. — Особенно после выброса, если гон достигает границ Зоны и не распадается на отдельные потоки на линии «Агропром» — Свалка — Тёмная долина. Тогда волна докатывается до Периметра... ну и всякое бывает. Военные реагируют, усиленно патрулируют квадрат, где было ЧП, запрашивают у «Долга» информацию. Верно, капитан?

— У нас есть программа обмена данными, — кивнул Рожнов. — В приемлемых пределах, конечно.

— А в этот раз? — настаивал Осведомитель.

— Это служебная информация.

— Тогда я скажу, — знаток тайн Зоны ухмыльнулся. — В этот раз «Долг» придавили, чтобы выдали всё, что известно о прорыве, и даже больше.

— Мы ответили, как обычно, — буркнул Рожнов.

— И тогда вам посоветовали убрать внешние блок-посты, сидеть здесь, на «Ростке», и не отсвечивать, — заключил Осведомитель. — А всё почему? Приказ из штаба, а стоит за шухером генерал Петрищев. Слыхали фамилию?

— Комендант южного сектора Периметра, — кивнул Рожнов. — Честно говоря, неприятный тип. Его в подразделениях не любят, он штабной.

— И как пишут в газетах, коррумпированный, — заключил Осведомитель. — Что-то ему понадобилось в Зоне, что-то, связанное с последним прорывом Периметра. Верняк, что-то понадобилось, в этот раз он результатов требовал.

— Насчёт Петрищева — это точно? — тут же спросил Рожнов. — Откуда информация?

Осведомитель задумчиво икнул. Он своих источников не раскрывал — это был один из основных принципов его работы.

Слепого упоминание знакомой фамилии тоже взволновало, но ему не хотелось показывать своей заинтересованности. Так что он сделал вид, что глядит в стакан, но ловил каждое слово.

— У меня всегда точно, — наконец изрёк Осведомитель и снова икнул. — Петрищев дал приказ: найти всех, кто крутился у Периметра в день прорыва. Как пишут в книгах, взять живыми или мёртвыми. Ну а миротворцам лишние километры по Зоне таскаться-то зачем? Нашли пару мужиков, на Свалке как раз очередная заваруха была, вроде бы Кореец бандюков гонял... или ещё что-то в этом роде. Ну так генералу и предъявили пару трупов, чтоб не бухтел.

— Не повезло кому-то, — вставил Слепой, чтобы беседа не угасла.

Но Осведомитель наверняка сказал всё, что собирался. Знай он что-то ещё — потребовал бы плату. Об этом человеке Слепой слышал, что он в подобных ситуациях не стесняется. Раз не предлагает сделку — значит, и правда ничего не знает. Да он и насчёт Петрищева сказал только потому, что не видел возможности заработать. Видимо, это уже не тайна, а Осведомителю наверняка больше ничего конкретного не известно.

— Угу, — кивнул Черныш, — давайте за удачу. Чтоб генералы поменьше нашим братом интересовались.

Осведомитель икнул.

После этого разговор переключился на другие темы, почему-то вспомнили, как Слепой водил по Зоне иностранца.

Черныш с пьяной настойчивостью начал допытываться, как иностранец договаривался с патрулями военных. Слепой стал рассказывать:

— Да у нас с Вандемейером всё было схвачено. Ему заранее объяснили, что наши все как один коррумпированные, что все берут взятки, мол, не подмажешь — не поедешь, без взятки шагу не дадут ступить. Ну, Вандемейер запасся всем, что нужно, заранее, документов

всяких прикупил у чинуш, подготовился, в общем, как следует... Вот останавливают нас как-то трое украинских миротворцев: «Давайте разрешение на пребывание в Зоне!» Вандемейер им: «Зачем вам разрешение? Вот тебе сотка баксов, вот тебе сотка, вот тебе. Мы пойдём?» Те: «Какой пойдём?! Разрешение давай!» — «Зачем вам разрешение? Вот тебе двести баксов, вот тебе двести, вот тебе. Ауфвидерзейн!» А миротворцы настырные попались: «Какой-такой ауфвидерзейн?! Разрешение давай!» — «Ну, ладно, — говорит Вандемейер, — на тебе разрешение, на тебе разрешение и на тебе разрешение. Ауфвидерзейн!»

Черныш сперва не въехал, стал спрашивать, над чем все смеются — после этого уже смеялись над ним... смеялись все, кроме Очкарика. Слепой украдкой взглянул на него — лицо у парня было счастливое, он под столом поглаживал винтовку.

Утром, когда Слепой проснулся, Очкарик был на ногах. Вернее, не совсем на ногах — он сидел, обняв «Вал», как любимую девушку. Увидев, что Слепой не спит, поинтересовался:

— А ты не знаешь, где можно клея хорошего раздобыть? Приклад бы я промазал...

— Мне бы твои проблемы, — скривился Слепой и пощупал затылок. — Так, порядок, голова на месте. А я уж думал, отвалилась и у меня фантомные боли. Нет, с пьянками пора связываться. Мне жениться скоро, а я веду аморальный образ жизни. И всё из-за тебя, Шура. Ты раскаиваешься?

Очкарик торжественно кивнул. На раскаивающегося он совсем не походил, потому что блаженно улыбался, тиская винтовку, — но кто знает? Возможно, именно так и нужно раскаиваться.

— Я тоже думаю, что в последнее время слишком много пью, — задумчиво изрёк Шура, — а мне вообще-то врачи запретили. Слепой, ты теперь куда?

— Хм... — Сталкер задумался. — Вообще-то я собирался в «Сундук», но подзадержался здесь, так что не знаю, есть ли смысл к Сорняку тащиться. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, я бы это... — Очкарик потупился. — Я бы с тобой?..

— Не знаю, Шура, не знаю. Я же не собирался в серьёзный рейд, мне сейчас за хабаром ходить не с руки... Ладно, для начала я проверю, что у нас с почтой... Ага, есть корреспонденция! За стеной играл бравурный марш и диктор сочным голосом вещал о том, что настоящим сталкерам следует вступать в «Долг». Каждое слово отзывалось болью в голове, и Слепой поморщился.

— Так, что тут у нас?.. О, Моня пишет! Хороший человек, очкарик вроде тебя. «Привет, Слепой! Мы тут с Бузяком хороший хабар разведали, приглашаем тебя. На троих в самый раз дельце, не хотим с чужим человеком делиться, а ты парень надёжный. Ты с ответом не тани, сразу дай знать, если согласен. Мои координаты...» Шура! В самом деле идём со мной. Познакомишься с правильными мужиками, Бузяком и Моне́й, хабар у них, видишь, намечается... Мне-то ни к чему, так что, я думаю, они будут не против того, чтобы с хорошим человеком поделиться. Ну, вместо меня. Идём!

Настроение у Слепого было отличное, на душе — легко и мирно, ему хотелось делать добрые дела, хотелось, чтобы все славные парни дружили и брали хороший хабар. Он и думать забыл, что решил с Бузяком не встречаться.

— Да я как-то... — Очкарик замялся. — Это ж тебя зовут, для тебя хабар-то?

— Шура, в чём дело? Ты же сам хотел со мной, а там уж моё дело, как с ребятами объясниться. Идём!.. Хотя я, конечно не настаиваю, но ты лучше соглашайся... — Слепой поглядел, какие координаты указаны в мейле Мони. — И кстати, совсем недалеко...

— Недалеко? — Очкарик колебался. Ему страшно не хотелось снова остаться одному, но и навязываться на чужой хабар — тоже не слишком вежливо.

Слепой нахмурился — ему пришло в голову, что Моня с Бузяком ждут его в какой-то паре километров от точки, где он припрятал пакет Карого. Совпадение? Или письмо Мони имеет отношение к тайнику?

Тут ПДА на браслете Слепого пискнул, и сталкер вздрогнул от неожиданности. Ещё одно сообщение. Письмо, подписанное «Кореш», гласило: «По твоему вопросу ничего узнать не удалось, извини». Это был условный сигнал — Гоша ждёт его с пакетом. Пора.

Это судьба... Слепой потёр лоб и поглядел на Очкарика:

— Вот что, Шура. Ты мне обещал помочь? Так вот, пришло время должок отдавать. Мне нужно, чтобы кто-то надёжный подстраховал... В общем, только что объявились кое-какие обстоятельства, — Слепой постарался, чтобы его речь прозвучала как можно более внушительно, многозначительно. — Очень на тебя надеюсь. Что скажешь?

— Так я это... обещал же. — Шура в волнении погладил «Вал» — похоже, прикосновение к винтовке его успокаивало. — Пойду, конечно, какой разговор?

— Тогда я напишу мужикам, что иду. О тебе пока сообщать не стану, так надо... — Слепой задумчиво отстучал ответ Моне. — И капитану напишу, что уходим. Вообще-то попрощаться, руки, там, пожать, на посошок сто грамм хлопнуть было бы более по-человечески.

— Угу, — кивнул Шура.

— Но в «Долге» свои правила. Отрывать офицера от исполнения обязанностей я не решусь!.. Галеты будешь? — Слепой протянул пачку. — Позавтракаем на ходу.

Мейл Рожнову имел глубокий смысл: капитан даст знать на КПП, чтобы их с Шурой пропустили без вопросов. Так и вышло. Сержант Киценко даже буркнул: «Счастливого пути и доброй Зоны!» Не каждый день «долговцы» бывали настолько вежливы. Слепой с Очкариком успели отойти от КПП на несколько десятков шагов, когда сзади раздались крики:

— Слепой, погоди! Стой, Слепой! Стой!

«Долговец» в тяжёлом чёрном экзоскостюме бежал за ними, махал руками и орал. Сперва сталкеры решили, что стряслась какая-то неприятность, раз «Долг» хочет их притормозить, потом Слепой узнал в преследователе Камышова. Тот увидел, что парни остановились, и перешёл на шаг. Бегать в долговской броне было тяжело, Камышов покраснел и дышал с натугой. Жидкость в системе гидроусилителей чёрного комбеза булькала, шарниры звякали.

— Слепой, я... это... фух, сейчас отдышусь... Я это... хотел тебе соболезнование типа высказать. Ну, по случаю гибели твоего кореша.

— Какого кореша?

— Так Бузяка! Ну, хотел тебе лично, чтоб по-людски. — Чувства Слепого, видимо, отразились на лице, потому что Камышов вдруг забеспокоился:

— Что-то не так? Разве ты не знал? Я ж писал тебе — как раз после твоего ухода... Помнишь, стрельба была? Ну так вот, Бузяк это. Он и ещё три трупа. А разве ты мейл не получал?

— Бузя-ак... — протянул Слепой. — После моего ухода? Вот это и есть — судьба.

* * *

Когда утром солнечные лучи отразились в мутной воде болотца и спёкшаяся грязь приобрела на короткое время золотой оттенок, Тварь пошевелилась. Грузное мягкое тело всколыхнуло тяжёлую болотную массу, длинные паучьи конечности упёрлись в податливый илистый грунт, поверхность воды пошла волнами. Круглая голова черныбыльского пса качнулась — на раздувшемся массивном теле она казалась непропорционально маленькой, её едва было видно в мясистых складках, покрытых грубой розовой шкурой. Остатки старой собачьей шерсти клочьями торчали тут и там среди морщинистых валиков. Тварь предполагала нарастить массу ещё больше — тогда складки разгладятся и загрубевшая кожа натянется на раздутых мускулах.

Загребая тяжёлую муть длинными ногами, Тварь побрела к берегу, грузно выбралась из топкой массы. Вода потоками лилась по круглым бокам, ручейками сбегала по складкам,

накапливалась в ложбинах между набухшими узлами мускулов — и катилась вниз, когда при движении шкура натягивалась и напрягшиеся мышцы образовывали под ней новый узор.

Тварь неторопливо ковыляла по редколесью, наискось пронзённому золотыми лучами. С каждым шагом походка делалась ровнее, Тварь двигалась быстрее и ловчее — тело разогрелось на ходу, мышцы заработали в лад. Теперь Тварь больше всего напоминала гигантского паука — округлое тело бугрящееся валами мышц, шагало, переступая длинными тонкими конечностями псевдоплоти.

Огромный, не меньше полутонны, вес заставлял когти глубоко вонзаться в рыхлую почву. Из массивной груди торчала голова чернобыльского пса, круглые жёлтые глаза медленно перемещались в орбитах, собирая визуальную информацию, мозг прощупывал лес в поисках источников ментальной активности, острый нюх слепой собаки дополнял разноплановую картину ощущений. Мозг крысёнка, упрятанный в самом безопасном месте, позади головы чернобыльца под защитой массивных костей, координировал работу восьми конечностей и множества органов. Непосильная работа для не слишком развитого разума грызуна! Крысёныш в чудовищном теле Твари едва справлялся с делом, для которого он не был предназначен. Крысёныш напрягал все силы и балансировал на грани безумия, его рвали на части непривычные задания, его угнетала невозможность отказаться, ему хотелось убежать, спрятаться, затаиться в укромном тёмном местечке — это было бы естественной реакцией, но Тварь заставляла разум детёныша грызуна трудиться. Захваченный мозг она принуждала мыслить, насильно присоединённые конечности — нести непривычно тяжёлый вес, многочисленные желудки — переваривать чересчур обильную пищу. Она умела заставлять. На спине Твари начал вспухать горб. Он вздувался, натягивал свеженькую розовую шкуру, выпирал. Мышцы спины вспучивались, приподнимались. Потом из глубины организма пришли новые сигналы — мускулы разорвали шкуру. Это могло быть очень больно, однако Тварь, как обычно, блокировала болевые сигналы. Из рваной раны на спине вывалился пучок влажных гибких отростков, края разрыва в шкуре стянулись, выплеснулась бесцветная вязкая жидкость, схватилась упругой корочкой... Тварь готовила местечко для того, чтобы вживить новые приобретения. С их помощью она предполагала достичь верха пищевой цепочки.

Глава 25

Утром Серж выбрался из схрона, поглядел на Толика, на едва тлеющий костёр и буркнул:

— Дровишек подкинь.

Потом зевнул, вскарабкался по стеллажам и встал на краю бетонированной ямы. Сделал шаг — и пропал за краем. Толик привычно подумал, что Серж — ленивая скотина, мог бы и сам дровишек подкинуть. Покосился на ПДА — сигнал маячил совсем рядом, не рискует фраер отходить от схрона. Когда Толик занялся костром, из подземелья вылез хмурый Мистер, он осторожно нёс котелок с водой.

— Факин греть на огонь, — пояснил. Вдвоём они приладили посудину над костром, от шума проснулся Будда, потёр глаза, подсел поближе к огню, сплёл ноги, поднял лицо к небу и стал мычать сквозь сжатые зубы. Медитировал, значит. Серж спустился в яму, взглянул на Будду, проворчал:

— Ну-ну, сектант хренов, — и тоже поглядел вверх.

Небо над схроном было яркое, голубое; денёк задался славный, ясный. Похоже, нынче будет солнечно... Хотя в Зоне с погодой творятся странные штуки, тучи налетают совершенно неожиданно.

Закипела вода, сели завтракать, накормили и Моню. Тот держался тихо, да впрочем, что ему ещё оставалось? После завтрака Животное попросил Будду:

— Слышь, толстый, дай бумажек. У тебя тетрадка была, ты здесь нашёл. Будда неторопливо полез во внутренний карман, вытащил сложенную пополам тетрадку и стал листать — искал чистые страницы.

— Можешь и исписанных дать. Только скорей, брюхо ноет, — попросил Саня.

— Нет, — коротко ответил Будда, нашёл чистые страницы, выдрал несколько. Саня, буркнув что-то, слегка похожее на благодарность, утопал вниз, а Будда принялся снова просматривать записи. То, что прочитал, тут же рвал на мелкие кусочки и совал в костёр. Ветхая бумага, хотя и была сыроватой, всё же обугливалась, свёртывалась в ломкие чёрные колечки и рассыпалась прахом.

— Ты чего? — спросил Толик.

— Не нужно, чтобы это оставалось, — пояснил толстяк. — Такие вещи правильно будет уничтожить. Это зло.

— Наверняка это не единственный экземпляр, — вдруг бросил Серж. Он впервые снизошёл до беседы с бойцами от волнения, вероятно. Сегодня ему предстояло довести до конца работу.

— Зло не бывает в единичном экземпляре, — важно согласился Будда, — но это не отменяет необходимости уничтожить его там, где встретится.

Сталкер Моня хмыкнул. Толику тоже захотелось хмыкнуть. Какое ещё зло? Добра и зла нет, есть правильное и неправильное. Что по понятиям — то и правильно. Хотя, если задуматься... Вот для Мони они — бригада, то есть, разумеется, самое очевидное зло... Толику сделалось пакостно, и хмыкать он не стал. А Будда хладнокровно листал тетрадку, читал, рвал, бросал клочки бумаги в огонь.

Серж снова выбрался наверх и стал прохаживаться вдоль края ямы, только к «жарке» не решился приближаться. Через час спустился и велел:

— Готовимся, пацаны. Ответ пришёл.

— Ответ? — Саня Животное угодливо заглянул Сержу в глаза.

Тот прочёл:

— «Моня, я всё понял. Буду один, никто не узнает. К вечеру доберусь». Моня тяжело вздохнул.

— Не грусти, — ухмыльнулся ему Серж, — всё путём! Ты уже на полдороги к дочери... Пара часов — и ты свободен! Собирайте манатки, пацаны.

— Так вечером же он будет, — осторожно заметил Толик. — Куда собираться?

— А может, он шустрый и быстро прибежит, — тут же встрял Животное. — Когда хабаром запахнет, мужики быстрыми делаются.

Серж выдал очередную ухмылочку:

— Толик, не тупи. Я же не сюда этого фраера зову, я координаты дал другие, в километре к востоку отсюда, — и обернулся к Животному: — Саня, давай свой ПДА, я тебе цифры скину, где расположено место randevu. Ты сейчас пройдёшь туда, отыщешь местечко для засады, подходы присмотришь и приметку какую-нибудь найдёшь. Скрипача возьми с собой. Через час вернёшься, и я Слепому отправлю описание — куда курс держать. Ясно?

Толик сообразил: Серж хочет постоянно переписываться со Слепым, чтобы понимать, где тот и куда направляется. Поэтому ответит не сейчас, а часом позже — сейчас-то понятно, что сталкер далеко.

Потом они с Саней отправились на место будущей встречи. Саня бросил:

— Ты по сторонам поглядывай. Не нравится мне это место.

— Схрон не нравится? — Толик обиделся, он же гордился тем, какой отличный схрон для бригады нашёл.

— Схрон что надо, — признал Саня. Когда рядом не было авторитетов, он делался куда менее сварливым — не перед кем понты показывать. — А вот лес здесь стрёмный, неправильный какой-то. В общем, поглядывай. Не спорь, а поглядывай, понял?

Толик не стал отвечать, и остаток пути они проделали в молчании. Лес был на удивление тих: ни птиц, ни мелкого зверья не слышать. Когда Саня остановился и стал озираться, Толик понял: они на месте. Животное стал ходить кругами, присматривался,

принюхивался, а Толик остался на месте, решил, что ему здесь ничем больше заниматься не надо — пусть следопыт из себя активиста строит. Животное пару раз оглянулся, он всем своим видом демонстрировал недовольство напарником, однако ворчать не стал. Потом возвратился на поляну, где Толик ждал, удобно пристроившись на поваленном дереве, и объявил:

— Здесь встречу назначим. Приметы я высмотрел, Сержу расскажу.

— А почему здесь? — удивился Толик. — Кустов нет, где же прятаться будем?

— Вон холмик, с него полянка просматривается. Оттуда в два ствола всё под огнём будем держать. Одному можно вот как раз под этим поленом прилечь, — Животное постучал мыском сапога по стволу, на котором сидел Толик, — отовсюду прикрыт будет, никто не просечёт. А Моня здесь, на полянке, как на ладошке, не смоеется. Хорошее местечко. И вообще, чего ты споришь? Твоё дело маленькое — по сторонам глядеть.

— Саня, не борзей! Нас двоих Серж отправил, мне тоже можно слово сказать.

Вообще-то Толик спорил из чистого упрямства, ему не понравились слова про «дело маленькое», а так-то доводы Животного звучали убедительно.

— Сам не борзей. Тебя Серж отправил, чтоб ты меньше с жирным шептался. Так что прикрой отдушину, не то душа-то выскочит.

Когда они возвратились к схрону, там всё было по-прежнему: Моня тосковал, Мистер угрюмо поглаживал ствол и не спускал глаз с пленного. Будда всё ещё листал тетрадку. Теперь он читал медленнее, иногда даже губами шевелил от усердия. Животное отправился с докладом к Сержу, который торчал в подвале.

Вскоре Серж поднялся на поверхность — наверное, чтобы сигнал лучше ловить — и стал сочинять для Слепого послание с приметами. Толику стало скучно, он пристроился рядом с Буддой. Тот по-прежнему меланхолично читал, рвал и жёг листы из старой тетради. Толику хотелось поговорить, и, чтобы завязать беседу, он спросил:

— А вот это биологическое оружие, которое здесь разрабатывали, оно как? Вселяется в какую-то скотину и...

— Не только. Оно может конструировать тело из частей. Зубы химеры, нюх собаки... Понимаешь, самое интересное здесь, на мой взгляд, что эта сволочь смогла бы преодолевать отторжение чужой ткани.

— А мозги?

— Что мозги?

— Ну, вот ты говоришь: зубы, ноги...

— А! — Будда оживился. — Это интересная мысль! Мозги, наверное, тоже. Ну конечно, своих-то у твари нет, она должна чужими мозгами пользоваться. Нервная система — это она сама, а мозг нужен чей-то, точно!

Толик поёжился, представив себе сконструированную из кусков животину. Из пяти кровососов, например, можно такое чудовище соорудить... А Будда уже увлёкся новой мыслью, даже тетрадку терзать перестал.

— Точно, если она наделена стремлением к самосовершенствованию, то должна стремиться приладить к себе самое лучшее, смертоносное, быстрое и ловкое, так-так... Значит, и мозгов эта бодяга касается. Такая тварь будет стремиться завладеть самым совершенным мозгом!

— А какой самый совершенный? — поинтересовался Толик. Будда одним рывком выдрал оставшиеся записи, с минуту глядел на них... потом сунул в огонь и, сопя, принялся шевелить палкой, затапливая пылающие обрывки в жар. Потом буркнул:

— А хорошо всё-таки, что исследования до конца не довели...

— М-да... — кивнул Толик. Он тоже заворожённо наблюдал, как жёлтые листочки превращаются в пепел. Потом поднял глаза — оказывается, Мистер, пристроившийся у огня напротив парней, тоже внимательно слушал.

— Факин милитари секрет, — буркнул дезертир. И плюнул в костёр.

— Зря мы всё-таки сами пошли, — пробурчал Камышов, продираясь сквозь кустарник.

«Долговец» всячески демонстрировал недовольство. Ему не нравилось всё — и то, что Слепой запретил сообщать руководству группировки, и то, что приходится тащиться в обход участков с повышенной радиоактивностью из-за Очкарика, у которого нет защитного костюма, а скорее всего он опасался, что ему поставят в вину, что ушёл со Слепым, не получив формального разрешения отлучиться. «Долговец» только предупредил, что покидает расположение группировки для проведения незапланированной акции.

Спутники слушали его со всё возрастающим раздражением, но сдерживались. Когда Очкарик заявил, что отправится выручать незнакомого ему Моню, Слепой только плечами пожал — отлично видел, что отговорить его не удастся. Раз уж втемяшилось в голову Очкарику, что он обязан Слепому и должен отблагодарить, — значит, не откажется ни за что. Теперь выходило, что Шура всех задерживает, из-за него приходится делать крюк... Это верно, но если Слепой не бухтит, то и «долговцу» правильно было бы заткнуться... Слепой, конечно, помалкивал — во-первых, Шура в самом деле мог пригодиться; во-вторых, сейчас было не до брюзжания, сталкер волновался за Моню.

— Зря мы через эти кусты прёмся, — снова завёл Камышов.

— У нас времени в запасе полным-полно, — буркнул наконец Слепой, — я ж нарочно сказал, что к вечеру буду, чтоб было несколько часов на подготовку... И вообще, тебе в твоём костюмике колючки не страшны, чего зудишь?

— Да я так...

— Волнуешься, что начальство взгреет за самоволку?

— Есть и такое обстоятельство, а как же... У нас в «Долге» с этим строго. Но я ж по делу! На моём участке четыре мертвеца, должен я разобраться, что там к чему было?

— А, так ты по делу... Тогда ладно, ворчи, — смиловился Слепой.

— Так я же чего? Я говорю, дать бы нашим знать — и выслали б тревожную группу, прочесали окрестности, разобрались...

— Вашу тревожную группу за версту слышать, доспехами гремите, как танковый полк! А нам нужно тихо, Камыш, не бузи! Ты же понимаешь: если Моня ещё жив, его в случае заварухи первым шлёпнут.

— Это да, я понимаю... Я ж согласился. Согласился же я!

— А какой у нас план? — подал голос Шура. — Что вообще делать-то станем? Не попрёмся же мы прямо в эту точку, ну, координаты которой тебе по мейлу прислали? Ведь засада ждёт, как пить дать.

Слепой задумался. Он размышлял над планом действий, пока шагали от завода «Росток», теперь пора уж было и итог подвести.

Тот факт, что в деле оказались замешаны Бузяк и Моня — его знакомцы по гостинице «Звезда», — наводил на нехорошие подозрения. Вполне возможно, ниточка тянется к пакету Карого, ох возможно! Тогда его, скорее всего, заманивают в засаду. Бузяк мёртв, и Моня, славный человек, даёт знать, что приглашение паршиво пахнет... Значит, Моня ещё жив? Или был жив, когда отправлял мейл? А сейчас?.. Что, если ему, Слепому, предложат обменять друга на компромат?.. Эта мысль показалась заслуживающей внимания. Пакет Карого хоть так, хоть этак пора было вынимать из тайника...

— Вот что, мужики, — решил Слепой, — нам придётся ещё один крюк сделать, совсем небольшой. Если предложат обменять Моню на пакет — придётся соглашаться. На этот случай пакет следует иметь при себе... ну а потом действовать по обстоятельствам. Как-то обмануть, исхитриться... Слепой свернул к руинам, в тридцати метрах от которых спрятал секреты Карого. Минут через двадцать Камыш окликнул:

— Постой, Слепой! Впереди кто-то есть.

— Что за «кто-то»?

— Сигнал на ПДА. Человек. Слепой поправил автомат, передвинул ремень на плече, чтобы оружие полвечнее расположилось под рукой, и уточнил:

— Двигается?

Очкарик, который шагал в нескольких шагах позади, теперь подошёл ближе и встал рядом. Он также поглядел на браслет — его прибор ничего не фиксировал, у «долговца» машинка была круче.

— Двигается, — после паузы ответил Камышов, — только медленно. Я сперва подумал — труп. А может, в самом деле? Ну, мертвяка хищник ворочает?

— Всё ещё движется? — Слепой напрасно пялился в монитор ПДА, он чужого сигнала не видел.

— Ага. Нет, зверь так долго не стал бы тащить. Как поступим?

— Проверим.

Слепой посмотрел на ПДА «долговца», чтобы определиться с направлением, и решительно зашагал наперерез медленно ползущей точке — чужаку. Он решил непременно выяснить, кто здесь, на тот случай, если вдруг его тайник окажется вскрытым. Чтобы знать, с кого спрашивать.

Через пару минут сигнал высветился на ПДА Слепого и Очкарика. Чужак не сменил ни направления, ни темпа — всё так же тащился через редколесье. Сталкеры развернулись цепью и пошли медленнее, поглядывая на ПДА, чтобы выйти незнакомцу навстречу. Слепому пришло в голову, что чужак бредёт по дуге. Как известно, правая нога делает шаг несколько длиннее, чем левая, поэтому, если человек не координирует направление — в лесу или в темноте, он будет идти по кругу...

Вскоре между стволами деревьев мелькнула тёмная фигура — человек, сильно сутулясь, брёл, не обращая внимания на трою. Он наверняка должен был заметить сигналы на своём ПДА, но виду не подавал.

Преследователи остановились, поджидая. Уже можно было различить грязную куртку цвета хаки, светлые волосы...

— Эфиоп?! — изумлённо пробормотал Слепой. Потом позвал: — Эй, Эфиоп! Эфиоп, давай сюда! А Курбан где?

Парень медленно поднял голову, равнодушно оглядел троих сталкеров... потом медленно развернулся и медленно зашагал навстречу. Он двигался заторможенно, как изображение в замедленном кино.

Когда блондин приблизился, Слепой с удивлением заглянул в глаза «отмычке». Взгляд Эфиоба был бессмысленный, веки покраснели, он выглядел измождённым и уставшим — похоже, брёл так, не останавливаясь, уже давно.

— Не может Курбан идти, нет у Курбана ног, — медленно выговаривая слова, будто выплёвывая по одной буквке, произнёс блондин. — И рук нет тоже. У Курбана теперь голова.

— Какая голова? Ты чего, парень?

— Голова, — твёрдо повторил Эфиоп. — Только голова, ничего больше. Голова на меня уставилась, я вниз глянул — там ничего. Пустота. Голова заглянула в окно, я смотрю, а ниже ничего.

Сталкеры переглянулись, Камыш озадаченно скривил физиономию.

— Объясни, что случилось, — Слепой старался говорить мягко и убедительно, как с ребёнком. — Что было, прежде чем голова на тебя посмотрела?

— Был зверь, тварь какая-то. Я таких не знаю. Курбан всё знает, голова-то осталась, это очень важно. Все знания в голове. Можно было голову спросить, но я в неё выстрелил.

— Зверь напал на Курбана?

— Зверь. Да, Слепой, зверь напал на Курбана.

— Ага, так ты меня узнал! Уже проще... — Слепой подумал, что проще-то не намного. — Значит, зверь напал, ты... убежал? Или стрелял?

— Стрелял. Я стрелял, Курбан стрелял, потому что тогда у него были руки, чтобы стрелять, — Эфиоп говорил всё так же медленно и размеренно, без интонации, — были и ноги, но он не успел убежать. А зверя пули не берут, он Курбана поймал. Я убежал, спрятался в развалинах, там сидел. Потом пришла голова Курбана, заглянула в окно.

— Голова? — встрял Камыш. — Пришла? Мёртвая голова?

— Нет, живая. Глаза шевелились и рот. Я вниз глянул, там ничего. Одна только голова, больше ничего. На меня посмотрела. Я стрелял. Потом убежал. Бежал и стрелял... Этого зверя пуля не берёт, но мне было страшно, и я стрелял. Когда стреляешь, не так страшно.

— Стрелял?

Тут только Слепой обратил внимание, что парень в руке держит «Макаров». Он медленно и осторожно двумя руками разжал побелевшие пальцы «отмычки» и вытащил пистолет. Обойма была пуста.

— Стрелял, — рассказывал тем временем блондин, который, похоже, и не заметил, что его обезоружили, да он вряд ли помнил о «Макарове». — Страшно было. Очень страшно. Стрелял, бежал, устал бежать...

— Слепой, ты что-нибудь понимаешь? — спросил Камыш.

— Эфиоп не в себе.

— Это я вижу.

— Послушай, Эфиоп, теперь всё будет хорошо, — всё тем же мирным тоном обратился к парню Слепой. — Вот этот мужик, Камышов, отведёт тебя на базу «Долга», там помогут. Понимаешь? Пойдёшь с ним. Эфиоп медленно-медленно повернул голову, внимательно оглядел Камыша с ног до головы и кивнул:

— Хорошо, я пойду. Я давно иду. Очень устал. Понимаешь, Слепой? Очень устал. Курбан не устаёт, у него же нет ног.

— Ну ничего, главное ты понял. Пойдёшь с Камышовым.

— Не нравится мне это, — буркнул «долговец». — Мало прежних дел, теперь ещё зверь... голова какая-то... Я бы лучше с вами.

— Оно так, но ведь Эфиопа нужно на базу. Кто, если не ты, отведёт?

— Это верно...

— Так что шагайте... ну и поосторожней там.

— И вы тоже... того. Удачи, Слепой! Камыш с Эфиопом двинулись прочь. Шура проводил их долгим взглядом, потом обернулся к Слепому:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Ничего, ровным счётом ничего. Эфиоп тронулся, крыша поехала. Это бывает от страха. Ну, надеюсь, Камыш приведёт его в «Росток», там парню помогут. Иногда водка творит чудеса.

Очкарик покачал головой:

— По-моему, это помешательство, вряд ли водкой удастся вылечить.

— Значит, его переправят за Периметр. У «Долга» связи с военными, есть возможность вывести человека из Зоны. Как ни крути, с Камышом его отослать — самое верное. А вот нам... Ладно, идём.

— Куда?

— Эфиоп говорит, что прятался в развалинах, там голова на него посмотрела... туда и пойдём. Мне около тех развалин кое-что откопать нужно. Только, Шура, учти: ты этого не знаешь. Ввязался я в дело, где хищники замешаны куда опасней всех тварей Зоны.

Развалины в округе были единственные — стены с остатками кровли, те самые, которые служили ориентиром Слепому. К ним сталкеры и направились. Если Эфиоп говорил об этих руинах, то, стало быть, он долго тут бродил, развалины-то совсем недалеко от места, где парня подобрали.

Слепой с Очкариком вышли к поляне, на которой среди груд обломков высились потемневшие от времени кирпичные стены. Раздвинули ветви кустарника на опушке и осмотрелись. Тихо. Сталкеры переглянулись, Слепой двинулся первым. Ему, в усиленном комбинезоне и с «Калашниковым», было сподручнее. Очкарик страховал с «Валом». Снайперская винтовка в лесу не слишком нужна, зато стрелял он мастерски, это точно. Слепой подошёл к стене, заглянул в окно, отметил, что полы разобраны. Потом жестом позвал спутника:

— Здесь всё тихо, но в развалинах кто-то ковырялся. Непонятно зачем.

Очкарик пожал плечами.

— Ладно, обойдём вокруг, — Слепой опять пошёл первым.

Когда он остановился и устоялся под ноги, Очкарик приблизился и тоже посмотрел на землю. Голова. Разбитая зарядом дробы, выпущенным в упор. Из неровно разодранной шеи торчат багровые обрубки, целый пучок, десять или больше.

Очкарик осторожно пошевелил красное месиво ботинком.

— Странно выглядит, у человека не так устроено, я видел. Что это, Слепой?

— Не знаю, не знаю... В общем, головы у Курбана теперь тоже нет. Практически. Ещё удивительно, что звери не тронули.

— Это верно.

— Шура, выкопай яму, что ли? Вон там, под стеной, где доски сняты. Земля рыхлая, легко должно копаться... Я сейчас вернусь, а ты пока могилку подготовишь.

— Не нужно здесь одному ходить, — возразил Очкарик.

— Тоже верно. Хотя мне недалеко, всего-то тридцать метров... но сходим вместе. Потом — к Моне.

* * *

Сперва Тварь услышала запах — развитое обоняние слепого пса учуяло людей издалека. Тварь развернулась навстречу лёгкому ветерку, который нёс запах человека и стали. Наделённый пси-способностями мозг чернобыльской собаки известил о присутствии очень яркого разума — и совсем рядом. Существо, наделённое своеобразным интеллектом, быстро двигалось через лес поперёк направлению, которого придерживалась Тварь. Очень быстро, потому обоняние сообщило о втором объекте с опозданием.

Нет, это был не человек, хотя некоторое сходство вроде бы наблюдалось. Ментальный сигнал отдалённо походил на человеческий, но запах был другой — острый, хищный. Люди пахли иначе, к их многочисленным ароматам непременно примешивался кислый запах стали с горьковатыми миазмами машинного масла и сгоревшего пороха. Это существо заинтересовало Тварь, и она двинулась наперерез. Существо также отметило присутствие Твари, мгновенно свернуло в сторону. Тварь устремилась в погоню неуклюжей рысью на восьми паучьих конечностях. Она знала, что расстояние сокращается, но, даже оказываясь на открытом пространстве, не видела преследуемого. Был запах, был отчётливый и яркий ментальный сигнал — но зрение не фиксировало этого, наверняка крупного, существа. И ещё — Тварь чувствовала некоторое сходство между беглецом и собой. Очень дальнее, почти неосознаваемое, однако оно определённо присутствовало.

Вскоре беглецу, должно быть, надоело, он резко увеличил скорость — и уже через минуту пропал из многоплановой картины мира, которую выстроила для себя Тварь. Эта картина состояла из запахов, тактильных ощущений, зрительных образов, звуков и ментальных проекций. Перед тем как исчезнуть окончательно, существо показалось на миг будто выступило из воздуха. Тварь разглядела собачьими глазами высокую сутулую фигуру, потом чужак помчался длинными скачками и пропал на бегу из виду. Тварь не могла бы его настигнуть без длительной погони... Она предпочла вернуться к прежнему маршруту. Дальний родственник был интересен... однако сейчас ей требовался мозг *Homo sapiens*, и это было важнее всего. Переход по лесу — и вот они, люди. Тварь приподнялась, выпрямив тонкие ноги псевдоплотей, чтобы слишком низко расположенная голова чернобыльца лучше улавливала ароматы и ментальные сигналы. Тварь обнаружила много людей. Четверо на поляне, плотной кучкой, двое в стороне, на пригорке. Охота началась.

Глава 26

Серж, как обычно, поступил по-своему. Он выслушал Саню, кивнул, выбранную им полянку одобрил, но пацанов расставил по-другому. Сам с Животным разместился на

холмике, откуда простреливалась поляна, а остальным велел прятаться под поваленным деревом. Животное предлагал посадить туда одного или двоих, потому что толпой всё же тесновато. Серж велел прилечь за бревном троим — Будде, Толику и Мистеру. Толик счёл решение дурацким — трое пацанов вместе за деревом? Зачем? Ведь Саня предлагал хорошо сделать, по уму — пусть двое ждут в сторонке, чтобы подтянулись, если заваруха начнётся. Замысел Сержа стал яснее, когда он напоследок напугивал Мистера:

— Если что-то пойдёт не так, первым делом мужика шлёпнешь, Моню этого. Понял?

— Понять, факин, есть, — ответил дезертир. Больше этого никто не слышал, только Толик и Мистер. Тут Толик и сообразил — Серж со своей пижонской снайперской винтовочкой собирается держать под прицелом не только Моню и гостей, он собирается и своих взять на мушку. Контролировать, значит, хочет. Дезертиру велел сталкера кончать, а Скрипачу с Буддой не доверяет. Вот сволочь... Однако спорить не стали, посадили Моню на дерево, сами прилегли в тени под тощим пологом, образованным изломанными ветками с бурой хрупкой листвой. Потянулось ожидание. Толик от нечего делать медленно обламывал по одной веточки, которые топорщились над головой. Хотел подумать о чём-нибудь... но мысли путались. Рядом сопел Будда, да Мистер иногда со скрежетом чесал небритую щеку.

— Мистер, — тихонько позвал Толик, — а почему ты всегда говоришь «факин»? Ведь есть же столько ругательств на русском.

— Заткнись есть, Толлек. Зачем много слов, когда один хорошо? Ты с факин Будда слишком много слов говорить, когда молчать лучше. Сейчас молчать.

Моня сперва сидел спокойно, потом начал ёрзать. Мужика одолевали горькие мысли. Наконец он заговорил, не оборачиваясь, чтобы не заметил Серж, который, конечно, наблюдает в оптический прицел:

— Мужики... то есть это, пацаны... Пацаны, не убивайте! Дочка у меня, понимаете? На меня плевать, но она жива, пока я ей артефакты из Зоны таскаю. Двенадцать лет человечку, пожалейте её, что ли. Отпустили б вы меня...

— Ноу, — коротко бросил Мистер.

— Мистер... — завёл было Толик. Дезертир буркнул:

— Ноу, факин Толлек. Ноу. Он есть видеть наш подвал. Он есть знать факин нашего. Уходит — ноу. Трепать наш секрет после.

— Мистер, ты послушай... — снова начал Толик.

— Да я ж не знаю, где мы! — перебил Моня. — Ваш пижон у меня комп отобрал, я координат не знаю, ничего не знаю. Да и знал бы, клянусь, никому не скажу, чтоб меня кровосос поймал, чтоб меня контролёр захватил, гадом быть, никому ни слова! Не губите, а? Ну что ж вы? Вы ведь люди?

— Мы не люди, а братки, — наставительно сказал Будда. — У нас всё не по-людски. Мы хуже зверей и мутантов хуже.

— Факин Будда, — пробурчал Мистер. Русский он понимал достаточно хорошо, чтобы уловить намёк. — Не гонить. Не гонить, факин Будда!

Все притихли, только Моня сопел на бревне. Тут у Мистера тихонько, едва слышно, пискнул браслет. Он медленно прочёл:

— «Слепой ответил, что на подходе», вот что факин Серж сообщить. Тут отключим ПДА, шуметь ноу, задница чесать ноу, говорить бла-бла — ноу! Ты, Моня, тихо также быть. Только ты бежать, мой факин стрелять, поэтому ты не бежать и молчать. Друг не спасти быть, если факин бежать. Думать голова и молчать быть.

Моня притих. Пацаны завозились под деревом, отключая приборы. Прошло минут пять, и Толик сообразил:

— А ведь один-то сигнал должен быть — Монин! А у него нет ПДА.

— Факин соображаешь, — одобрил Мистер. — Ты свой давай врубить.

Моня снова тяжело вздохнул, и стало тихо. Толик представил себе, что сейчас творится в душе мужика. Он друга, получается, предаёт, в засаду заманивает. Ещё он вроде понимает, что Скрипач на его стороне, но это может оказаться и обманом — пацаны дают пленному надежду, чтоб не рыпался... Ох, и хреново же сейчас этому сталкеру...

Додумать Толик не успел — на экране ПДА возник сигнал, и именно там, откуда должен был появиться сталкер Слепой. А Толик никак не мог решиться — что же делать? Что делать? Как остаться человеком?

Наплевать на понятия, на место в блатном кругу? Наплевать на это место в пищевой цепочке, кровосос её дери? На своё невеликое, зато законно заработанное место? Или оставить всё как есть, проехать, миновать, забыть этот эпизод? И... быть как все?..

* * *

Слепой шагал, поглядывая на монитор ПДА. Теперь он остался один и всё зависит от него. Начало темнеть, Слепой ускорил шаг. Шура умеет стрелять, но в темноте что он сделает? Нужно поторопиться, пока светло, хотя и страшно неохота спешить навстречу опасности... И когда на мониторе появился одинокий сигнал, сердце забилося тревожнее. Понятно, что если ждёт засада, то чужаки отключили приборы, затаились и ждут его. Может, он уже на прицеле? И даже не у одного гада? Слепой остановился и отбил мейл: «Моня, я тебя вижу. Это ты?» Ответ пришёл тут же: «Да я, конечно, вали быстрее!» Сейчас, когда Слепой отовсюду ждал подвоха и чувство близкой опасности заставляло во всём видеть угрозу, сразу же возникла мысль: «А ведь настоящий Моня ответил бы иначе! Написал бы что-нибудь вроде: «Таки да, это я, а шо ты думал?» Или ещё что-то такое...»

Место было открытое, ровное, кустарника почти нет, тонкие деревца без листвы не заслоняют обзор... Вообще-то непохоже, что здесь засада. Слепой переключился на адрес Очкарика и спросил: «Ты меня хорошо видишь?» Тот ответил не сразу, надо думать, неуверенно обращался с почтой ПДА: «Держись 5–6 м левей. Впереди человек, его вижу плохо».

Слепой оглянулся — ага, вот и дерево, на которое вскарабкался Шура. Действительно, нужно держаться левее, снайперу будет лучше видно... А человек впереди? Слепой прищурился. Да, теперь и он различил шуплую фигурку на бревне. Моня пошёл бы навстречу, точно. Снова пискнул комп: «Чего встал? Давай живей, Бузьяк нас ждёт». Ну ладно...

Слепой вытер мокрую ладонь о комбинезон, пригнулся и осторожно пошёл вперёд, забирая левее, чтобы Шура лучше его видел и чтобы уйти с линии огня, если человек на поваленном дереве — не Моня.

Палец дрожал на спусковом крючке... Сталкер шагал не спеша, пару раз взглянул на ПДА — нет сигналов. Ей-богу, обнаружь он засаду — сразу стало бы легче, а так совсем паршиво, ждёшь неведомо чего... Тут и Моня увидел приятеля. Привстал, потом резко уселся на прежнее место. Слепой не стал окликать, пошёл чуть быстрее и при этом шарил взглядом по лесу, но поблизости никого не было видно. Неловко придерживая автомат и косясь по сторонам в поисках затаившихся чужаков, он отбил сообщение: «На дереве Моня» — это чтобы Очкарик не стрелял в своего. Ну, теперь всё, теперь будет не до почты.

— Слепой!.. — вдруг выкрикнул Моня. И снова вскочил. Махнул рукой, оглянулся...

«Сядь, — мысленно упрашивал его Слепой, — сядь, дурак! Сядь, а ещё лучше под дерево падай...» Он искал засаду и не видел никого. Найти бы, где прячутся, тогда и поговорить можно будет...

Моня сорвался с места и помчался, бестолково размахивая руками:

— Слепой, беги! Беги! Засада!

Загрохотали выстрелы, Слепой присел, вода «калашом» из стороны в сторону, но по-прежнему не видел ни единой цели. И пули не свистели, не били ни рядом в землю, ни по кустам...

Он запоздало сообразил, что палят вдалеке, с холма. Или на холме, но не в него? Через гребень перевалили двое, один обернулся, вскинул ствол и дал очередь, побежал дальше. Другой мчался и вовсе не оборачиваясь.

Потом на тёмной вершине, чётко вырисовывающейся на фоне синего неба, показался странный силуэт. За беглецами по склону мчалось нечто такое, что может разве что привидеться в кошмаре...

* * *

Когда Моня помчался навстречу приятелю, Мистер шустро, будто только этого и ждал, вскочил и вскинул штурмовую винтовку, выпеливая беглеца. Толик едва успел подбросить его ствол вверх. Мистер удержал палец на спусковом крючке, развернулся к парню и ткнул оружием в грудь, оттолкнул:

— Факин Толлек, бежать ноу, знать секрет наш! — Глаза у бывшего миротворца были совсем белые, бешеные.

Вот теперь Толик испугался: Мистер ведь ненормальный, может и в своего шмальнуть. За спиной Мистера показался Будда, приставил пистолет к шее дезертира. Тот почувствовал холодную сталь, скривил рот, показывая крупные жёлтые зубы... На холме загрохотали выстрелы, все трое вздрогнули — о Серже-то забыли... Но Серж палил не в их сторону, да и не он один — два ствола били, АКМ Животного тоже работал, потом стрельба оборвалась, на вершине возникли силуэты — двое, пригибаясь, бежали к поляне... а за ними...

— Факин... — только и выдохнул Мистер.

Все трое рванули следом за Монею. Тот, оказывается, успел споткнуться и теперь поднимался с земли. Слепой выставил ствол, но не спешил стрелять, он видел, что произошло за деревом и, наверное, догадывался о том, что двое пацанов на его стороне... или что-то в этом роде. Серж с Животным скатились с холма, Тварь неслась за ними огромными скачками, восемь паучьих ног мелькали под грузной тушей. Мистер оглянулся, выругался и пошёл навстречу Сержу и Сане, поднимая оружие.

Саня Животное мчался впереди, Серж на бегу отшвырнул винтовку, догнал его и свалил подсечкой. Саня заорал, Тварь настигла его, проткнула длинным когтем, подняла... Саня орал, ноги болтались, а из-под плаща, в том месте, где вонзился коготь, хлестала кровь. Серж, воспользовавшись тем, что Тварь замешкалась, бросился в сторону, но Мистер, злобно скалясь, свалил его короткой очередью. Потом пошёл навстречу Твари, поливая её огнём. Тварь вскинула орущего Саню, чтоб заслониться от пуль. Мистер распорол очередью округлый бок монстра, но Тварь это не остановило, она поскакала к дезертиру и ударила его, сбивая с ног. Слепой, который видел короткую схватку, навёл автомат, но стрелять не мог — Тварь заслонялась от него нанизанными на длинные когти Саней и Мистером. Дезертир, корчась от боли и рыча, сменил обойму и дрожащими окровавленными руками поднял винтовку... Тварь теперь не бежала, она стояла, покачиваясь и опираясь на четыре ноги — двумя удерживала жертвы, а ещё две выставила, как щит, перед Мистером. Саня перестал дёргаться и затих, только голова моталась из стороны в сторону. Скорее всего, он уже потерял сознание.

Истекающий кровью Мистер выстрелил. Пули даже в упор не пробивали копыта-когти, унаследованные Тварью от псевдоплоти. Тогда дезертир развернул оружие, короткой очередью разнёс голову Сане, сунул ствол себе под челюсть и из последних сил вдавил спусковой крючок. Моня тем временем успел поравняться со Слепым, за ним бежали Толик и Будда. Шура Очкарик, который видел не всё и совсем ничего не понимал, решил, что двое в чёрных куртках преследуют Моню. Конечно, сомнения у снайпера не могли не возникнуть — Слепой-то стоял на месте. Стреляет он или нет, Шура не понял, потому что Слепой то и дело вскидывал автомат, пытаясь взять на прицел Тварь...

Шура аккуратно прицелился в правое предплечье Толика и выстрелил. Он решил не убивать, но обезвредить преследователей. Толик на бегу почувствовал, как боль обожгла руку, пуля прошла навылет, лишь разодрав мышцы. Тут же несколько пуль просвистели совсем рядом, он с разбегу рухнул на землю, перекатился. Будда завизжал и кинулся в сторону. Теперь Моня сообразил, что происходит, бросился закрывать Толика. Встал и раскинул руки. Слепой выпустил по Твари полмагазина — теперь он не боялся задеть

бандитов. Особого вреда Твари он не причинил, но чудище попятилось. Моня заорал, и Слепой обернулся, увидел приятеля, стоящего над парнем в чёрной курточке, и кинулся к ним. Толик завозился на земле, из разорванной руки текла кровь...

— Он спас меня! — выкрикнул Моня. — Слепой, он спас!

Вдвоём сталкеры подхватили Толика под мышки и поволокли прочь — подальше от поляны. Тварь не гналась за ними, она, по-прежнему удерживая на весу тела убитых бандитов, побрела к Сержу, который пытался уползти. Он плакал навзрыд и изо всех сил упирался ладонями, а раздробленные пулями Мистера ноги бессильно волочились, за ними тянулся широкий кровавый след...

Тварь медленно брела за ползущим Сержем, анализируя, теплится ли сознание в телах, нанизанных на когти. Мозг чернобыльца не уловил ментальных сигналов, и Тварь отбросила ставший ненужным груз, позволила мертвецам соскользнуть с когтей. Теперь её интересовал последний Номо sapiens, оставшийся на поляне. Она догнала Сержа, потом, осторожно переступая длинными конечностями, нависла над ним, накрыла собой... и опустилась. Плач и вой Сержа оборвались.

* * *

Шура, осторожно придерживая свою драгоценную винтовку, медленно спустился с дерева. Тут к нему добрались Слепой и Моня, волокущие Толика.

— Некогда объяснять, — бросил на ходу Слепой, — давайте скорей прочь отсюда. Сталкер перехватил половчее Толика, тот не выдержал — застонал, руку будто раскалённым штырём проткнули.

— Ты, парень, как тебя, ты держись. Нам сейчас валить нужно, да поскорей. Потом сделаем передышку, переведем...

— Да продержусь... — Толик отстранил спасителей и попробовал стоять ровно. Получилось. — Я теперь сам пойду.

— Парень, — Моня хлопнул носом, — ты это... я тебе того. Я обязан по гроб тебе...

— Потом объяснитесь, — вмешался Слепой, — сейчас уходим. Так как тебя?

— Ну Толик.

— Послушай, Нутолик, ты не обижайся, но пистолет отдай Моне.

Скрипач только сейчас сообразил, что дробовика при нём нет — непонятно, когда успел обронить в этой беготне и суматохе. Делать нечего — Толик, хотя и не хотелось, неловко вытащил левой рукой «Макаров» и протянул сталкеру. Потом добавил и запасную обойму.левой орудовать было неудобно, но на правой рукав набух кровью и каждое движение отдавалось тупым ударом в плечо. Они пошли по лесу, озираясь, Шура на ходу молча вытащил нож, стащил куртку с правого плеча Толика и распорол рукав рубахи. Парень морщился и шипел сквозь зубы.

— Станем на минуту, — предложил Очкарик. Сталкеры остановились, и Шура очень ловко вколол раненому стандартный набор из аптечки. Достал бутылку, намочил водкой тампон, вытер кровь и быстро залепил рану. Единственное, что он при этом сказал:

— Извини, Толик. Непонятно, за что снайпер извинился — за то, что ранил, или за боль при медобслуживании. Скрипач ответил невпопад:

— Спасибо.

— Ну и пойдём, — заключил Слепой. Пока Очкарик обрабатывал рану, он настороженно озираясь. Вокруг был негустой лес, хилые деревца, тишина... Странная тишина, тонкая, напряжённая, как натянутая струна. Казалось, лишь задень такую тишину — и всё кругом загремит, завоет, затрясётся...

Но никто беглецов не преследовал, сталкеры немного расслабились, и Слепой стал расспрашивать Моню и Толика, что же произошло.

Толик больше помалкивал, зато у Мони после пережитого страха прорезалось красноречие. Он в красках живописал свои приключения — как его заманили в засаду, как он заметил ствол Бузяка в руках бандита, и прочее. Толик шагал и слушал, пару раз вставил

слово, больше не удалось — Моня тарахтел и тарахтел, да Толику и не хотелось болтать. Небо потемнело, налилось спелой синевой, близилась ночь. Парень задрал голову, поглядел вверх, тоненькие ветки закружились над ним, завертели спираль, слились в серую паутину на синем небосводе... Он потерял сознание.

— ...От потери крови, от усталости и вообще... Но это пройдёт... ничего страшного... — прозвучал над Толиком в чёрной пустоте голос Мони. Потом навалилась тишина.

* * *

Хотя Тварь была готова к обретению нового мозга, прикосновение к человеческому сознанию оглушило её. Курбан был неглуп, но мозг Сержа оказался куда более развитым и способным к абстрактному мышлению... Она запустила гибкие отростки в тело человека, и по тоненьким ниточкам нервной ткани, которые и являлись подлинным телом Твари, пробежали сигналы, обожгли и ошарашили нервную систему монстра. Перед сознанием Твари развернулся новый, необъятно огромный мир, целая вселенная, насыщенная красками, звуками, образами, догадками и фантазиями, наполненная всем, что составляет человеческое мышление, всем, что мы используем, не задумываясь и не подыскивая определений, — всем, чем владеет Homo sapiens, вершина пищевой цепочки Земли.

Серж мыслил изощрённее Курбана, чьим разумом Тварь владела совсем недолго... Серж был гораздо лучше осведомлён о пространстве и о времени, ему случалось размышлять, пусть и недолго, об устройстве мироздания, иногда он от скуки листал научно-популярные брошюры... Теперь потоки информации, гигантские глыбы сведений об устройстве Вселенной и туманные, бесформенные представления о свойствах человеческого духа — всё это обрушилось на нервные волокна Твари. Сведения, смысл которых и сам-то Серж не вполне мог уразуметь, устремились в сознание, выстроенное из нескольких примитивных разумов, затопили это сознание, окутали и пропитали его...

Тварь плотнее прижалась к телу Сержа. Разум человека был и мёртв, и странным образом жив, хотя и почти лишён личности. Его тоже заполнили разнообразные видения и мысленные конструкции, не свойственные человеку. В мозг Сержа поступала информация о запахах и звуках, недоступная людским органам чувств, он оказался вплетён в сложную картину ментальных образов и пси-волн. Разум человека оказался жарко полыхающим солнцем среди тусклых звёздочек, в виде которых мозгу черномыльского пса представлялся участок леса, населённого разнообразными обитателями — существами, чьи сознания были доступны для считывания пси-органу мутанта.

Тварь тяжело заворачивалась; паучьи лапы, снабжённые острыми когтями, пролезли под брюхо, стали рвать и терзать человеческое тело, придавленное к земле, придавать ему нужную форму. Сквозь раны проникали новые и новые чувствительные отростки. Затем Тварь сползла с изувеченного человека, тяжело завалилась на бок и прикинула к кровотокающему обрубок мягким горбом, выращенным заранее для того, чтобы принять новую часть себя. Когда Тварь окончательно освоится с этим мозгом, она ощутит то, что свойственно человеку, — вечную неудовлетворённость достигнутым, стремление увеличить собственные знания и возможности. Это сосущее чувство, своеобразный интеллектуальный голод, совместившись с заложенной в Тварь программой, приведёт к естественному выводу: необходим ещё один мозг, а лучше два... три... много, много!.. Тварь не знала смысла арифметики, для неё не существовало понятия количества, но жажда расширить сознание за счёт присоединения новых разумов погонит её за сбежавшими обладателями мозгов. Как только Тварь будет в состоянии двигаться, она пойдёт по следу — и как обычно, поступит рационально, выберет то, чего легче достичь. Тварь пойдёт не за теми, которых много и которые умеют больно ранить, она двинется за одиночкой. Он слабый, медленный, зато его ментальная проекция горит очень ярко.

Глава 27

Когда Толик очнулся, была ночь. Он лежал у костра, рядом сидели двое, и отблески пламени неторопливо ползали по лицам и одежде, вспыхивали на оружии... Крошечные бледные язычки пламени глодали брошенные в костёр ветки. Ветки были сырые, горели неохотно, с треском лопалась кора, выстреливая в серый дым рыжие искры. Рука под тугой повязкой тупо ныла. Толик стал припоминать события, которые предшествовали забытию. Пришла мысль: почему их двое — сталкеров у костра? Должно быть три человека... Будто в ответ на его сомнения из мрака выступил Очкарик с охапкой валежника, бросил ношу у огня и подслеповато поглядел сквозь клубы дыма:

— Очнулся?

— Угу... — Сталкеры, сидевшие у костра, зашевелились, уставились на Толика.

— А что со мной? — хмуро поинтересовался он.

— Болевой шок, усталость... ну и небольшая слабость от потери крови, — объяснил Шура. — Извини, браток, это я тебя. Я ж не знал, что ты с нами, думал: бандюк гонится... Голова-то кружится? Толик с трудом сел, подтянул затёкшие ноги. Моня тут же заботливо поправил чёрную курточку, которая сползла с плеча и перебинтованной руки.

— Есть немного, кружится. Да я понимаю... — парень пошевелил рукой, проверил, движутся ли пальцы. — Хорошо ты меня забинтовал. Давно я так лежу?

— Больше часа. Мы тебя сперва волокли, потом стало темнеть, решили на ночёвку встать. Очкарик присел и подкинул в огонь принесённых веток — и без того слабое пламя опало, придавленное сырым хворостом, костёр зашипел, дым повалил гуще.

— Ну я ж не мог знать... — снова стал оправдываться снайпер. — Смотрю, вроде как бандюк, курточка эта твоя чёрная с толку сбила...

— Да брось... — Толик машинально махнул рукой, дескать, всё в порядке, не извиняйся, и в раненом предплечье вспыхнула боль. — Тем более что я и есть... был... В общем, ладно. «Надо же, — подумал он, — ещё оправдывается...» По всем делам сталкеры должны были его шлёпнуть или, во всяком случае, бросить там, где он свалился. Так нет же, волокли на себе, да и остановились, конечно, из-за него. Потому что ночью нести опасно. Не бросили, в общем. Чудные люди...

Он пошевелил рукой, на этот раз осторожнее — вроде ничего, не очень больно. Потом посмотрел на ПДА. Машинка снова отключилась.

— Вот тебе и раз, — Толик с досадой покачал головой, — опять не работает. Несколько дней не барахла, и на тебе! — Он постучал пальцами по монитору, компьютер пискнул, мигнула лампочка — сперва красным, потом зелёным. ПДА ожил, пропищал несколько звуковых сигналов и стал перезагружать систему.

— О, гляди-ка, — констатировал Слепой, — у него новая жизнь началась. Это, парень, тебе знак свыше. Начни всё сначала!

— Да, — с энтузиазмом подхватил Моня, — идём с нами! Новую жизнь начнёшь, всё будет хорошо.

— Точно! — ухмыльнулся Слепой. — Это как сталкер Петров решил новую жизнь начать, трезвую и правильную. Сказал, что бросает пить, с утра умылся, побрился, оделся во всё чистое, глянул на себя в зеркало — ну писанный красавец! И так ему это дело понравилось, что он под вечер снова напился, подрался, в грязи вывалялся. И всё для чего? Чтобы с утра новую жизнь начать!

— Не, ну я это... — начал было Толик и запнулся, потому что сам не знал, что он собирается сказать.

— Ты ж не сталкер Петров, — успокоил его Слепой. — Это вот он Петров.

— Таки это я Петров, — грустно подтвердил Моня. — Это он про меня придумывает анекдоты, чтоб поиздеваться над старым больным человеком.

Толик догадался, что эти двое ведут какую-то странную игру, и если они занялись развлечением при нём, значит, не считают его чужаком. Его приняли в круг. Вот так просто, без трудной и унижительной «прописки», как это принято в блатном обществе. Ну точно — чудные люди. Слепой полез в рюкзак, стал вынимать консервы — дорогие, из

миротворческого пайка, галеты в пластике, алюминиевые стаканчики. Очкарик вытащил поллитровку, свинтил пробку. Первым делом протянул бутылку Толику:

— Держи, парень, сними стресс. Полечись, в общем. Толик думал, что они откроют консервы и подогреют над костром, однако Слепой что-то проделал с банками, и эта иностранная жестянка зашипела. «Саморазогрев», — догадался Толик. Пацаны болтали о таких вещах, и Мистер поминал как-то «факин селфхетинг», так что Толик был в курсе дела. И ещё знал, что этот «селфхетинг» — штука дорогая.

— А что это за чудище на нас напало? — спросил Очкарик. — Я таких раньше не видел.

— Это такая тварь, — буркнул Толик, — из секретной лаборатории. Точно она, больше некому. Ей мозги нужны, вот она и ищет человека, чтобы мозги у него забрать.

— Что за тварь?

— Да я сам толком не знаю. Наш схрон... вот он, Петров ваш, там был, так вот, в схроне была лаборатория, и она разрабатывала биологическое оружие. Так Будда сказал, он в тетрадке вычитал... — Толик осёкся, потому что только теперь вспомнил о Будде. Где толстяк? Что с ним? Он побежал прочь, когда снайпер, не разобравшись, стал палить в них...

— Мозги! — Слепой даже привстал. — Теперь понятно! Курбан! Голова! Эфиоп прострелил башку, которую эта Тварь оторвала у Курбана, и...

ПДА на запястье Толика снова пискнул. Перезагрузка была окончена, и компьютер извещал, что есть почта. «Толик, ты жив? Что с тобой?» — писал Будда. Слава Зоне, толстяк в порядке! Парень облегчённо улыбнулся.

— Что новенького пишут? — осведомился Моня. Глядя на довольную физиономию Толика, он тоже заулыбался — по-доброму так, наивно, как ребёнок.

— Это Будда, — объяснил Толик, — живой он, значит.

— Это тот, толстый? — догадался Моня. — Можешь его позвать к нам, мы отсюда до утра не снимемся. Мужики... Это... Слепой, этот толстяк — нормальный парень.

— Да я ж не против. — Слепой тоже ухмылялся. — Пусть подваливает. Собирается, я вижу, чертовски славная компания. Кстати, я тебе не рассказывал, что Очкарик — на самом деле зомби? Его застрелили на Арене. Во имя справедливости.

— Да ну тебя, Слепой... — Шура тоже улыбался.

Толику стало неожиданно хорошо среди странных пацанов... то есть, вернее, не пацанов, а мужиков. Вот они, оказывается, какие — шутят, смеются... Дальше он не слушал, набирал ответ Будде: «Я в порядке, со сталкерами. Хочешь, приходи, правда. Всё хорошо...» Потом Толик задумался, как бы объяснить, что это не подвох, что с мужиками в самом деле классно и все они классные. Ничего не пришло в голову, и он добавил наконец: «Приходи, короче. Мои координаты...» Ответ пришёл быстро: «Не могу. Эта дрянь идёт за мной, почти догнала. Спрячусь в схроне».

* * *

Тварь шла по следу. Поначалу она двигалась медленно и на ходу перестраивала собственный организм. Личность Сержа пыталась вырваться на свободу и осознать себя снова, Твари приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы обуздать эти порывы. Наделённый пси-способностями мозг чернобыльского пса посылал успокаивающие сигналы, однако их было недостаточно, гипнотического дара чернобыльца хватало, чтобы подчинять слепых собак, но против мощного разума Homo sapiens этого было маловато.

Когда воля Сержа брала верх, Тварь аккуратно, чтобы не повредить захваченный мозг, перекрывала нервные каналы, идущие под череп человека. Окончательно перестроить и подчинить этот разум она не могла, ей нужны были навыки, которыми обладал Серж, так что кое-какую свободу требовалось ему предоставить. Поэтому Тварь осторожно блокировала участки мозга, провоцирующие человеческий разум к мятежу. Вместе с тем Тварь обучалась управлять движениями человеческого торса, который был теперь укреплен на её широкой спине. Она заставляла голову Сержа поворачиваться вправо и влево, училась двигать руками.

Для этого тоже требовался разум Сержа, так что ей оставалось отдавать распоряжения мозгу человека, который в свою очередь руководил работой рук.

Внешне это выглядело жутко — верхняя часть человеческого тела, всё ещё покрытая остатками одежды, покачивалась на паучьем туловище, голова дёргалась и вертелась, руки совершали хаотичные взмахи, выворачивались так и этак, поднимались, опускались, сгибались в локтях. Между тем крошечный мозг крысы, заключённый в глубине чудовищного тела, неустанно управлял восемью длинными конечностями псевдоплоти, заставляя их согласованно и размеренно нести по лесу тяжёлую тушу Твари.

Отвратительное подобие кентавра двигалось вслед за Буддой, который, пока ещё не подозревая о погоне, неторопливо брёл, держа курс на схрон бригады. Когда по ним открыли огонь, Будда не растерялся — он ждал чего-то в таком роде. Толстяк понимал, что, если Слепой полез навстречу опасности, значит, держит в рукаве некий козырь. Этим козырем оказался снайпер? Что ж, тогда нужно воспользоваться суматохой и бежать. Появление Твари напугало бывшего студента не меньше, чем прочих, однако он гораздо лучше представлял себе, с чем им пришлось иметь дело. К тому же он давно воспитал в себе привычку ко всем неожиданностям относиться философски, то есть спокойно.

Первым делом толстяк убрался подальше. Поскольку помочь тем, кого захватила Тварь, он не мог, оставалось позаботиться о себе. Когда крики и стрельба позади стихли, Будда перешёл на шаг, сориентировался по ПДА и направился к схрону. Даже пребывая в полубезумном состоянии, осваиваясь с мозгом Сержа, Тварь двигалась в несколько раз быстрее, чем жирный увалень. Будда мог бы и не заметить погони, но на запястье Сержа, вернее того, что осталось от человека про прозвищу Серж, по-прежнему оставался исправный ПДА. Будда увидел сигнал, целеустремлённо преследующую его точку, на всякий случай сменил направление и ускорил шаг. Уже порядком стемнело, и ему был подозрителен некто, упрямо идущий за ним с приличной скоростью. Когда Будда повернул в сторону, неизвестный проделал тот же манёвр и продолжил погоню. Тогда толстяк изменил курс ещё раз — он рассмотрел в сгущающихся сумерках довольно высокий пригорок и поспешил туда.

Холм торчал посреди пустоши; толстяк, сопя и отхаркиваясь, поднялся по пологому склону и остановился, тяжело переводя дух. Он ждал преследователя, чтобы разглядеть его, пока не наступила ночь. То, что Будда увидел, нагнало на него такого страха, что он припустил с холма бегом. Теперь он больше не сворачивал и со всей прытью, на какую только был способен, мчался к схрону.

На таком расстоянии и в полутьме он не смог разглядеть, каким трофеем обзавелось чудовище, но и того, что увидел, было достаточно, чтобы пробрал ужас. Будда не надеялся одолеть Тварь, ему хотелось укрыться в подземелье с тесным входом — туда-то здоровенная скотина наверняка не влезет. А если попытается, можно стрелять из удобной позиции в упор. Уж в тесном-то проёме ей некуда будет деться. К тому же в схроне бригада припрятала кое-какой запасец, там есть патроны...

Когда Будда добрался до места, уже стемнело, и, завидев впереди знакомый огонь «жарки», толстяк несколько приободрился. Он даже задержался на полминуты, чтобы ответить на мейл Скрипача. При других обстоятельствах Будда обрадовался бы, что с приятелем всё в порядке, но сейчас было не до того. Отправив сообщение, он отметил, как быстро приближается на экране ПДА сигнал Сержа, и, грохоча ржавыми стеллажами, спустился в яму. Торопливо выдернул ржавый прут, запиравший дверь, бросился вниз, споткнулся на лестнице, под ногами хрустнули обломки стеклянных колб... Будда метнулся к стене, нащупал самодельный светильник, который приладил покойный Мистер, повернул лампочку...

При свете стало немного лучше, но едва он перевёл дух, совсем рядом загремело ржавое железо — Тварь пробовала острым копытом самодельную лестницу...

* * *

Толик огляделся — сталкеры смотрели на него и будто чего-то ждали. Во всяком случае, никто больше не шутил и не подначивал приятелей. Толик прочёл ответ толстяка.

— Дела-а... — протянул Слепой. — А мне было почудилось, что эта история подходит к концу.

— Угу, — поддакнул Моня, — придётся что-то делать. Как бы эту сволочь завалить, а? Пули же её не берут!

— Я стрелял метров с двадцати, — вспомнил Слепой. — Что попал, так это точно. Боль-то она чувствует...

— Нужно что-то придумать. С огневой-то мощью у нас не круто...

— У меня граната есть, — вставил Шура, — «эргэдэшка». Можно гранатой попробовать, это её остановит, ну а там уж... как-нибудь. Главное, прикрывать друг друга, не подпускать её близко. — Он полез в рюкзак, пошарил и вытащил РГД-5, будто ему могли не поверить, что граната у него в самом деле имеется.

Толик переводил взгляд с одного сталкера на другого и дивился. Что этим людям Будда? Кто он им? А ведь не задумываясь решили помочь! Это, конечно, с одной стороны, вполне по понятиям, но никто из бригады Торца в сходной ситуации и пальцем бы не пошевелил, чтобы выручить не то что незнакомого пацана, а и своего даже, своего — из бригады! Вот чудно!

Пока Толик размышлял над странностями новых знакомых, они перекидывались репликами и при этом собирали манатки. Моня дожёвывал последний бутерброд, Слепой сгребал пожитки в рюкзак, а Шура торопливо запихивал РГД в карман, чтоб была под рукой. Слепой что-то негромко сказал, но Толик не разобрал слов. Тут он ощутил, что все взгляды снова скрестились на нём.

— Чего? — буркнул парень.

— Координаты схрона, говорю, на всякий случай давай, пусть у всех будут, — повторил Слепой. Толик, сверяясь по ПДА, продиктовал нужные цифры, все внесли пометки в компы... А подняв голову, он уткнулся взглядом в пистолет. Слепой, ухмыляясь, протягивал ему оружие.

— Это... мне?

— А кому ж ещё? — улыбка сталкера сделалась совсем лучезарной. — Держи, пригодится.

* * *

Тварь попробовала когтем старый стеллаж, служивший бандюкам лестницей. Ржавая конструкция тихо скрипнула. Тварь покопалась в памяти Сержа, отыскала опыт пользования подобной опорой, поставила вторую лапу на шаткую поверхность и нажала сильнее, придавила массой. Стеллаж застонал, но выдержал.

Будда с автоматом на изготовку наблюдал за действиями чудовища. В лунном свете он хорошо видел собачью башку, которая нелепым придатком торчала из широкой груди, различал молочно-белое лицо Сержа, на котором беспорядочно ворочались глазные яблоки, а перекошенный рот застыл в безумной гримасе. Две лапы Тварь держала поднятыми, длинные изогнутые когти покачивались, прикрывая человеческий торс, торчащий над хребтом паучьего тела. Длинные царапины — следы от пуль — поблёскивали голубым под луной.

Толстяк понимал, что шанс прикончить Тварь из автомата ничтожно мал, и ждал возможности выстрелить наверняка.

Тварь перенесла большую часть веса на передние лапы, плоскость под ними согнулась и задрожала, однако выдержала. Задние лапы подтянулись, Тварь нависла над краем бетонного откоса, присела... Коготь зашарил в поисках новой опоры. Тем временем мозг черныбыльского пса транслировал затаившемуся под землёй человеку умиротворённое спокойствие и ленивое любопытство. Сейчас Твари требовалось, чтобы человек бездействовал, а лучше — чтобы полез наружу из тесного проёма.

— Как славно... — прошептал Будда, — такой подходящий настрой у меня для медитации! Давно не удавалось настолько дивно отсечь привязанности. Ну давай, давай, не останавливайся!

АКМ в его руках медленно опускался, сопровождая движение Твари на стеллаже. Вот коготь нашёл следующую ступень, со скрежетом процарапал по ржавому стальному листу. Тварь медленно-медленно скользнула вниз, вытянула вторую лапу. Мёртвые холодные глаза Сержа следили за движением оружия в руках Будды, и длинные когти покачивались перед бледным лицом, готовые прикрыть голову человека — самое ценное приобретение Твари, более важное, чем когти и зубы.

Будда дождался, пока Тварь зависнет на спуске в неудобном положении, тщательно прицелился и выстрелил. Автоматный грохот разорвал тревожную тишину. Будда уже догадывался, что повредить верхней части несуразного тела Тварь не позволит, он наметил иную цель. Очередь раздробила колено длинной ноги, подсечка нарушила неустойчивое равновесие чудовища, Тварь под скрежет ржавого железа съехала с верхней полки, пошатнулась... замерла на миг... и свалилась. Падение вышло слишком коротким, она не успела сгруппироваться как следует и рухнула, тяжело ударившись человеческим обрубком о бетонный пол. Хрип Сержа и хруст ломающейся шеи заглушил грохот падающего железа — стеллажи, потревоженные толчком, обрушились на Тварь. Она, предпринимая отчаянные усилия, чтобы сохранить жизнь в повреждённых сегментах, успела выбросить ногу в сторону входа в подземелье, и Будда, испуганно взвизгнув, покатился по лестнице — коготь едва не ударил ему в лицо.

Тварь при падении сломала одну из паучьих ног, свернула шею человеческому обрубку, но сохранила работоспособность мозга Сержа. Теперь она отчаянно билась и возилась под обломками стеллажа, стараясь освободиться и снова встать. При этом она не забывала время от времени делать выпад в сторону подсвеченного изнутри входа в подземную лабораторию. Тварь отпугивала того, кто там затаился. Сейчас она была особенно уязвима и вполне осознавала опасность.

Будда так и не осмелился подняться к выходу, он отступил в глубину подвала и присел за опрокинутым столом. Ему потребовалось всё искусственно тренированное хладнокровие и привычка к самоконтролю, чтобы не поддаться панике и действовать осмысленно. Правда, полностью овладеть своими чувствами не удалось — например, он так и не решился погасить лампочку. Понимал, что Твари, которая заглянет снаружи, из темноты, он будет отлично виден, но не сумел заставить себя. Древний, тысячелетний страх темноты пересилил волю современного человека.

Тварь стряхнула ржавые железяки и поднялась на ноги. Две конечности оказались выведены из строя, у одной был раздроблен пулями сустав, другая сломалась при падении. Поэтому несколько минут ушло на то, чтобы крысиный мозг скоординировал порядок движения на шести лапах и научился держать равновесие. По нервным окончаниям Твари побежали сигналы — нарастить жёсткие мышечные образования в повреждённых местах, с тем чтобы выведенные из строя конечности можно было использовать. Гораздо сложнее оказалась работа по восстановлению человеческой части. Голова Сержа так и осталась свёрнута набок, но мозг функционировал, и руки худо-бедно слушались приказов. Будь Тварь способна удивляться, она непременно поразилась бы тому, с какой лёгкостью можно изувечить и вывести из строя тело *Homo sapiens*. Но удивление было ей неизвестно, Тварь приняла к сведению новую информацию и скорректировала алгоритм поведения. Теперь она станет ещё тщательнее беречь хрупкие придатки на хребте.

Восстановив контроль над телом, Тварь шагнула к освещённому дверному проёму, попробовала протиснуться внутрь. Сперва пролезли голенастые конечности, потом — плечо. На этом возможности оказались исчерпаны. Массивное тело не могло проникнуть в отверстие.

Будда изнутри наблюдал за усилиями противника. Он подозревал, что огромное чудовище не просто так лезет в узкий проём, и опасался, что оно имеет некий план, некие неизвестные ему, Будде, возможности. Толстяк истекал потом от страха и волнения, но не

сводил глаз с шевелящихся на входе конечностей... Вот Тварь отступила из проёма, медленно подтянула лапы... Дверь с гулким грохотом захлопнулась. Снаружи раздались скрежет, стук, глухие удары... Металл стучал о дверь — Тварь заваливала выход из убежища обломками стеллажей, чтобы пленник не смог отворить дверь.

Потом грохот стих, и тишину нарушали лишь скребущие звуки — копыта царапали бетонное дно ямы. Будда не решался приблизиться к лестнице, сидел, скрючившись, за опрокинутым столом и стискивал автомат. Он не видел, как Тварь встала на дыбы, закинула пару ног на бетонный борт, осторожно подтянула тело поближе, продвинула конечности дальше... Потом ещё одна пара ног опёрлась о грунт наверху, Тварь оттолкнулась от бетона, болтающиеся под брюхом собачьи лапы зацарапали по стене, помогли перевалить тяжёлую тушу — Тварь поднялась над откосом и встряхнулась.

Будда с подозрением прислушивался к звукам снаружи, даже рот приоткрыл от усердия... Когда его ПДА пискнул, свидетельствуя о том, что поступила почта, толстяк едва не подпрыгнул от неожиданности — так ударил по нервам негромкий звук.

Будда вытер взмокший лоб, уставился на собственную ладонь, вытер пальцы о куртку и открыл мейл. Адрес отправителя был ему неизвестен. «Будда, как ты там? Держишься? Мы идём к схрону. Слепой».

Глава 28

— «Я в порядке. Сволочь завалила дверь снаружи, выбраться не могу. Похоже, она ушла», — прочёл Слепой вслух. — Ну, что будем делать? Прямо к схрону?

Сталкеры переглянулись. Никто не решался взять на себя ответственность и предложить план действий. Слепой смотрел на спутников, луч фонарика скользил по лицам. Сталкеры опускали глаза и отступали в тень. Наконец Очкарик пробурчал:

— Вроде ты у нас за старшего был, ты и решай. Как скажешь, в общем.

— Тоже, нашли командира... — Слепой вздохнул. — Ладно, буду командовать, хотя учтите, это стоит мне немалых усилий! Шура, я думаю, тебе бы лучше нас издалека страховать. Учитывая твои таланты.

— Да я бы того... я ж не против, да в такой темноте — что я могу?

— Да, это верно. Темно, как у бюроера в... у бюроера подмышкой, в общем. О, идея! — Слепой скинул рюкзак, торопливо пошарил в нём и вытащил ПНВ. — Сможешь с такой штукой стрелять?

— Приходилось, — в темноте Слепой не видел лица снайпера, но догадался, что тот улыбается. — Давай прибор. Только мне бы позицию выбрать, чтоб деревья не застили.

— Там у входа «жарка» была, — подал голос Толик. — Давайте пройдем, куда тварь не появилась. Я помню, «жарку» издалека было видеть. Как увидим, так и...

— Залезу на дерево повыше, — закончил Очкарик.

— Может, нам фонарики потушить? — деловито предложил Моня.

— Вряд ли это поможет. Идём, — позвал Слепой.

Группа продвинулась на несколько сотен метров, все то и дело поглядывали на ПДА — точка с координатами схрона медленно смещалась к центру экрана, они были почти у цели. Наконец Толик разглядел за деревьями знакомое свечение. Сталкеры остановились, стали оглядываться. Тонкие лучи фонариков скользнули по кругу, вырывая из темноты стволы деревьев и корявые ветви кустарника. Всё здесь было тонким, изломанным, в неярком свете лес казался неестественным, напоминал рисунок углём на шершавой серой бумаге.

— Вот это годится, — Шура указал на корявый разлапистый клён, голый, лишённый листы. — Помогите взобраться... и гранату возьми, Слепой. Мне на дереве она ни к чему.

Очкарика подсадили, он вскарабкался на ветку, ему подали рюкзаки, чтобы дальше двигаться налегке... Наконец снайпер растворился в ночной темноте. Сверху свалились обломанные сучья, Очкарик похрустел во мраке, устраиваясь поудобнее, потом объявил:

— По-моему, там что-то движется. Слепой задрал голову, луч его фонаря мазнул сплетение веток, нащупал ботинки снайпера.

— Ты точно видишь?

— Далеко очень, не разобрать толком, — неуверенно отозвался Шура, — за «жаркой», там, в лесу... Трудно сказать, я ж в ПНВ смотрю, он искажает.

— Если мы выходим к схрону со стороны «жарки», то вход не здесь, — сказал Толик. — Тварь ко входу напрямик чешет. Интересно, зачем уходила-то?

— Скоро узнаем, — бросил Моня.

— Или не узнаем, — поправил Слепой, — тут есть два варианта. Вообще-то я думал, она должна нас издалека учуять. Шура! Шура, Очкарик, слышишь? Эта тварь не свернула, не остановилась? Как она себя ведёт?

— Да я вообще не уверен, что вижу её, — отозвался снайпер.

— А нас видишь?

— Вас вижу, но не слышу ничего умного. Что дальше делать будем?

— Давайте подождём, пусть эта скотина вниз спустится, — предложил Толик. — Схрон в яме, края бетонные. Она спустится, а тут мы и нагрянем. Внизу-то она не так страшна, а?

— Э, мужики, — подал голос Шура, — вы чего? Мне её и отсюда-то достать непросто... а внизу и вовсе не смогу!

— А тогда так, — встрепнулся Моня, — мы начнём её гасить в яме, а если она вырвется, то мы побежим к тебе и ты нас прикроешь.

— Ну хватит болтать, что ли? Пойдём, — Слепой первым зашагал к огоньку «жарки», едва различимому среди редколесья.

Они прошли несколько метров, обшаривая лучами фонариков безмолвный лес... Картина перед ними была совершенно нереальная, как сцена из фантастического фильма. Лунный свет пробивался сквозь неплотные кроны деревьев, падал на траву и груды валежника, чередование серебристых и чёрных пятен превращало пейзаж в гротескную мозаику, а желтоватый электрический свет фонарей наполнял её неровным беззвучным движением. Хруст веток и шорох листвы под ногами казались среди безмолвия более громкими, чем это было на самом деле.

Неожиданно среди тёмных искривлённых стволов впереди мелькнул серебристый силуэт. Крупный зверь тенью скользнул за деревьями. Лунный свет играл бликами на светлой, будто седой, шкуре. Сталкеры замерли, вскинув оружие, но зверь исчез. Выждав немного, продолжили движение — и в кустах слева возникла оскаленная мохнатая морда. Показала жёлтые клыки и отпрянула в темноту, мигом пропала из виду, прежде чем кто-нибудь успел толком её разглядеть.

Теперь сталкеры избегали кустов и густой тени под деревьями — словно выбирали светлые квадраты на шахматной доске. Серебристый силуэт мелькал то тут, то там, выписывал петли около троицы сталкеров, медленно приближающихся к мерцающему рыжему пятну «жарки».

Вдруг длинным плавным движением — и беззвучно, не потревожив ни ветки, — из кустов вылетела мохнатая тень. Одним махом преодолев расстояние, отделявшее её от людей, она оказалась совсем рядом, чуть ли не у ног Слепого, шагавшего первым. Тот отпрянул, палец сам собой вдавил спусковой крючок, но автоматная очередь не повредила зверю. Тот сумел непонятно каким образом уклониться от выпущенных в упор пуль. Толик тоже выстрелил, а когда зверь отскочил — ещё раз.

Серебристый силуэт растворился в ночи, будто растаял, погрузившись во тьму. Потом Моня, шагавший позади, резко развернулся и прошел короткой очередью тень под молодой разлапистой ёлочкой. Слепой, который метнулся к другу, не успел ничего разглядеть.

— Туда, туда! Под ёлку нырнул! — возбуждённо выкрикнул Моня. Слепой осмотрел дерево. Ветки не раскачивались, как должны были, если б между ними проскочил крупный зверь. И тут же Толику под ноги упала серебристая тень, как будто выскочила из круговерти светлых и тёмных пятен. Толик выстрелил, в луче фонаря он разглядел, как взметнулся

лесной сор там, где пуля ударила в землю, а зверь скользнул в сторону, как будто не в его широкую мохнатую спину только что стреляли.

Слепой успел заметить мутанта, который длинными скачками удалялся к тени под деревьями, и тоже дал короткую очередь.

— Эй, вы куда палите? — донёсся издалека голос Очкарика. — Я никого не вижу.

Тут Слепой сообразил и с досады даже топнул ногой.

— Фантомы! Тьфу, сволочь! Это фантомы, я таких видел, это чернобыльский пёс шалит!

— А при чём здесь чернобыльский пёс? — растерянно спросил Моня. — Мы же не его?.. Ну, не на него идём? Там это, ну, чудище?

— Откуда я знаю, что там! Скорей вперёд. Появятся фантомы — не стреляем, патроны бережём! Вперёд! Сталкеры устремились к мерцающей «жарке» с максимальной скоростью, какую можно позволить себе ночью в Зоне.

Под ноги Толику опять бросился серебристый зверь, парень машинально вскинул пистолет, но, спохватившись, с досадой пнул призрака ногой. Ботинок провалился в пустоту, и Толик едва не рухнул носом в валежник. Устоял, огляделся и прихрамывая побежал за спутниками — прямо сквозь скалящего зубы фантома.

Сталкеры не успели преодолеть и половины расстояния, когда ночную тишину разорвал оглушительный грохот. За деревьями вырос столб дыма, подсвеченного снизу рыжим, в ночное небо полетели крупные и малые осколки... Потом они стали сыпаться вниз. Некоторые падали в «жарку» и заставляли аномалию извергать шипящие струи пламени...

* * *

Завалив выход из лаборатории, Тварь отправилась к месту схватки — туда, где остались тела и брошенное снаряжение. Действия Твари казались осмысленными, однако это вряд ли можно было считать результатом интеллектуальной деятельности в человеческом понимании. Тварь поставила перед мозгом Сержа задачу и позволила ему принять решение — не выдумать, а подыскать приемлемый алгоритм из прежнего опыта. Как проникнуть в лабораторию сквозь узкий вход? Серж знал как. Теперь Твари был необходим рюкзак, оставшийся на поляне.

По пути она наращивала мышцы и временные хрящеобразные конструкции в тех местах, где кости оказались повреждены. Когда Тварь добралась к месту схватки, она уже могла опираться на искалеченные ноги, хотя и по-прежнему пользовалась ими с осторожностью, а подача крови в мозг Сержа была восстановлена полностью.

Тварь обошла поляну и остановилась над отвратительной, обильно залитой кровью кучей, состоящей из ошмётков одежды, кусков мяса и сломанного оружия. Там чудище склонилось, широко расставив длинные конечности — так, чтобы человеческий торс мог дотянуться до земли. Руки слушались плохо, и подцепить рюкзак Твари удалось лишь с третьей попытки, а добраться до его содержимого — с седьмой. Аккуратно расфасованный пластик и запалы в мягком чехле... Моторика пальцев не восстановилась в полном объёме, и свёрнутая набок голова не вполне уверенно могла контролировать действия рук, однако Тварь не испытывала тех чувств, которые мы называем сомнениями, она знала, на что способен человек, и планомерно вырабатывала необходимые навыки заново.

Дрожащие и хаотично дёргающиеся руки подняли рюкзак над вывернутой головой Сержа, медленно и осторожно опустили — неудача. Новая попытка, потом ещё... Наконец рюкзак повис на груди. Тварь подтянула расставленные ноги псевдоплотей и развернулась. Теперь, когда она возвращалась по собственным следам — по прямой, не следуя за меняющим направление Буддой, — обратный путь занял совсем немного времени. Уже подходя к схрону, Тварь заметила присутствие трёх ярких разумов. Она не считала целесообразным вступать в бой, сейчас ей требовался один-единственный трофей — источающий интенсивные эмоции разум Будды. Сказать по правде, самой мощной из этих эмоций был страх. Будда уже испробовал все доступные возможности выбраться из

подземелья собственными силами — и сдался. Дверь была заблокирована намертво. Теперь толстяк отступил в глубину подвала и ждал... Он надеялся, что сталкеры подоспеют первыми, но услышал знакомый скрежет когтей-копыт по бетону... Будда не мог догадаться, что предпримет Тварь, поэтому на всякий случай навалил грудой всю мебель в дальнем от входа углу и затаился позади баррикады с оружием наготове.

Тварь остановилась на несколько секунд, взвешивая варианты поведения. Три ярких ментальных сигнала, которые принял мозг чернобыльца, быстро и целеустремлённо приближались. Конечно, они хотят напасть. Тварь выбрала один из стандартных алгоритмов боя, какими пользовалась чернобыльская собака. Для того чтобы пробраться в схрон к Будде, потребуется разум человека, а чернобылец пока что займётся остальными врагами, тем более что он умеет атаковать на расстоянии. И Тварь, с одной стороны, слегка ослабила контроль над мозгом мутанта, с другой — устремила по нервным окончаниям набор электрохимических символов, которые побуждали чернобыльца напасть на пришельцев, чтобы задержать их, пока Тварь управится с Буддой.

Тварь медленно и осторожно, избегая опираться на повреждённые конечности, сошла вниз, ко входу в лабораторию... стала сопеть и скрежетать металлом у двери.

Будда с тревогой прислушивался к звукам снаружи, его била нервная дрожь, и ладони, сжимающие оружие, непрерывно потели. Вот слегка вздрогнула дверь — он не мог знать, что это Тварь непослушными человеческими пальцами прилаживает взрывчатку. Лёгкие скребущие звуки — это она втыкала запалы... Толстяк отчаянно пытался угадать, чем занят враг и как быть ему, Будде? Вдалеке раздались несколько выстрелов, Будда едва расслышал их — заглушали стены и бетонированный скат. Да и сердце колотилось так, что казалось, его стук может перекрыть даже канонаду.

На миг стало тихо, потом копыта Твари застучали снова. Сначала Будда подумал, что проклятая скотина наконец-то поняла, что внутрь не влезть, и решила свалить... затем сообразил, что она обходит вокруг бетонного цилиндра, удаляясь от двери. Зачем? Что ещё она затевает? Толстяк машинально поднял голову — над ним был надёжный бетонный свод, хоть покрытый разводами плесени и зарослями мха, но, конечно, слишком прочный, чтобы Тварь могла пробить его.

Додумать мысль Будда не успел — у двери гроыхнуло так, что застонала бетонная конструкция подземелья, сотрясение и вибрация ударили по арматуре, заставили вздрогнуть стены и свод в разных местах, даже далеко от эпицентра взрыва. Пол подпрыгнул под ногами, с потолка посыпались сырые мерзкие хлопья, баррикада, сложенная Буддой в дальнем конце зала, затряслась и осела, а сам он повалился на спину. Попытался подняться, сумел перевернуться на живот, среди обломков нащупал автомат... и неожиданно понял, что ничего не слышит. Подземелье накрыла гулкая звонкая тишина. Будда оглох. Поэтому он не услышал, как здоровенный сегмент бетонного цилиндра развалился и осыпался, как исковерканная и смятая стальная дверь с чудовищным лязганьем съехала по лестнице. Не слышал он и цокота острых копыт по бетону, когда Тварь, пошатываясь и качаясь — её тоже крепко тряхнул взрыв, — возвращалась ко входу.

Оглохший Будда протёр глаза тыльной стороной ладони, вгляделся в звёздное небо, а небо посмотрело на него сверху сквозь бесформенную прореху в бетоне. Затем небо исчезло — его заслонило массивное тело Твари.

* * *

Слепой побежал. Под ноги ему метнулся фантом, но сталкер стиснул зубы и усилием воли заставил себя не останавливаться. Он пробежал сквозь иллюзию, сзади что-то крикнул Моня... Толик заорал:

— Скорей! Скорей!

Все трое снова бросились к схрону. Слепой первым подскочил к краю бетонированной ямы и услышал громкий протяжный вздох — это Тварь выпускала воздух из лёгких. Для того чтобы питать кислородом крупное массивное тело, она развила кабаньи лёгкие, так что

теперь при вдохе её туша заметно раздувалась. Сейчас же, чтобы протиснуться в узкое отверстие, пришлось сделать выдох, сжаться. После этого передняя часть пролезла в дыру. Торчащие осколки бетона и вывернутая взрывом арматура затруднили движение, и Тварь стала возиться, постепенно просовывая себя внутрь.

Сталкер вскинул автомат и дал очередь. Он не целился, да и не видел подходящей цели — перед ним были округлый зад и длинные конечности. Когти скребли по бетону, упираясь в дно ямы и разгребая разбросанные взрывом осколки. Человеческий торс уже был внутри, сейчас Тварь проталкивала заднюю, более массивную часть тела.

Тварь, разумеется, знала о приближении новых противников, но сейчас её сознание полностью сосредоточилось на проникновении в подземелье. Пули из АКМ Слепого не произвели на неё ни малейшего впечатления, из ран выплеснулись тонкие струйки крови, блеснули рыжими искорками в сполохах «жарки»... Толик подскочил к яме, встал рядом со Слепым и начал всаживать пулю за пулей в дрожащую от усилий филейную часть Твари. Перед Толиком проплыл в воздухе фантом, выбрасывая в беззвучном беге толстые лапы. Мозг черномыльского пса по прежнему запускал иллюзии, но в этот раз призрак сформировался над ямой. Толик дёрнулся было, чтобы прострелить бестелесного мутанта, но опомнился.

— Ах ты, Зона тебя заberi! Вот скотина!

Моня прибежал последним, зато ему пришла в голову блестящая мысль.

— Гранату, Слепой, гранату! — выдохнул он. Слепой тут же оценил предложение — и впрямь, Тварь сейчас была не в состоянии увернуться, её стискивали края разлома.

— Ложись! — рывкнул сталкер, занося РГД-5.

Моня с Толиком отпрыгнули и повалились на землю, Моня охнул, ударившись боком о крупный обломок бетона. Но бросать Слепой не стал, он почувствовал, как его будто под руку толкнули — сознание черномыльца, подчинённое Твари, сменило характер психического воздействия. Слепой поглядел на собственную ладонь, сжимающую гранату, присел... и осторожно запустил РГД низом — под брюхо Твари. Потом повалился на спину и оттолкнулся ногами, чтобы отползти подальше.

Разрыв гранаты прозвучал глухо — Слепому удалось прокинуть её между ног Твари, и РГД сработала точно под брюхом. Тварь вздыбилась, разом выламывая справа и слева порядочные куски бетона. Задние, иссечённые осколками, лапы задрожали, когда чудовищная туша поднялась на дыбы и развернулась. Повреждения оказались слишком велики, и связь между частями тела нарушилась. На этот раз Тварь не успела перекрыть нервные окончания, и сигналы боли затопили все три мозга, привели к вспышке ярости. Тварь бесилась и жаждала разделаться с тем, кто причинил ей такие страдания. Она слегка присела, сгруппировалась, тело сжалось в упругий шар... затем Тварь оттолкнулась четырьмя задними конечностями, взвилась в воздух, передние лапы стремительно выпрямились, отыскивая опору, ударили в грунт, туша качнулась на краю обрыва, обретая равновесие... Под брюхом болтались кровавые лохмотья мяса, их было отчётливо видно во время её полёта, но и эти страшные раны не могли остановить Тварь и лишить её боевой мощи.

Толик и Моня стреляли из пистолетов, пули рвали широкую, испещрённую шрамами и складками грудь, но Тварь не остановилась, сделала шаг, потом другой... Слепой только теперь поднялся и выпустил остаток магазина в упор. Пули раздробили череп черномыльского пса, а Тварь в этот раз не пыталась заслониться, она пёрла напролом.

Чудище выбросило длинные конечности, когти ударили Слепого в грудь, опрокинули, отшвырнули в сторону. Сталкер перевернулся в воздухе и плашмя шлёпнулся на землю. Броня защитного костюма выдержала, но удар вышиб воздух из лёгких. Слепой медленно и неуклюже завозился в темноте, нащупывая автомат.

Тварь выпрямилась, Моня испуганно заорал, отскакивая в сторону, — его едва не задел взмах длинного когтя. Толик перезарядил оружие и снова открыл огонь, отвлекая чудище.

Голова Сержа на искривлённой шее моталась из стороны в сторону — Твари потребовалось зрение человека, чтобы отыскать противника... Выстрелы снайперской

винтовки были не различимы в общем шуме, так что Толик не сразу сообразил, почему страшная мёртвая голова задёргалась сильнее.

Очкарик всадил одну за другой три пули в обрубок человеческого тела, торчащий из широкой спины чудища, — в лоб, в глаз, в грудь. Тварь рванулась, перестраивая управление на ходу. Потеря двух разумов погрузила её в беззвучный мрак. Теперь громадным телом распоряжался крысёнок, чей мозг, утопленный в грудной клетке, был защищён очень надёжно. Малыш задыхался от напряжения, управлять слишком большим и сложно устроенным телом ему было не по силам, его хлестали болевые сигналы, он хотел сбежать в темноту, забиться в норку, затаиться, укрыться от безжалостного мира, причиняющего столько боли... но непреклонная воля Твари заставляла крошечный измученный мозг биться и уничтожить врага. Твари удалось восстановить слух мёртвой собачьей головы, и теперь она металась, пытаясь поймать сталкеров, ловила новые пули, корчилась от новой боли, спотыкалась и никак не могла настичь ни одного стрелка.

Сталкеры, сами перепуганные до полусмерти, бросались прочь, едва им казалось, что Тварь несётся к ним, отскакивали, увёртывались от слепых взмахов копыт и снова стреляли. Тварь издавала хриплое сипение, молодые деревца с треском разлетались в щепу под натиском обезумевшего зверя, Очкарик всаживал в мечущуюся тушу пулю за пулей...

Наконец Твари удалось прижать к краю бетонированной ямы самого нерасторопного — Моню. Слепой, который после падения ещё нетвёрдо держался на ногах, кинулся наперерез, спихнул приятеля вниз — на дно ямы. Удар паучьей лапы Твари, предназначенный Моне, пришёлся поперёк груди Слепого, снова свалил его с ног...

Тварь остановилась, отыскивая врага. Слепой попытался встать и со стоном упал на землю, Тварь качнулась в его сторону — на звук. Толик вскинул пистолет и нажал на спуск. Оружие лишь щёлкнуло — обойма была пуста. И тут Толик, не помня себя от ярости и отчаяния, швырнул бесполезный кусок металла в истекающий кровью бок Твари и пошёл на неё, крича срывающимся фальцетом:

— Ах ты сволочь! Гнида! Скотина! Тварь! Грязная тварь!

Крошечный крысёнок, заключённый в громадное сильное тело, узнал этот голос, вспомнил чудовищное существо, которое едва не прикончило его в подвале... Крысёнок пришёл в ужас. Разум грызуна, и до того балансировавший на грани помешательства, не удержался и соскользнул в бездну, переполненную невыносимым страхом. Оковы, стянувшие сознание, лопнули.

Страх — основной побудительный мотив крысы — вывел малыша из подчинения Твари, сбросил путы, которыми окутало его искусственное существо. Теперь крысёнку не хотелось быть вершиной пищевой цепочки, не хотелось сражаться и побеждать — он жаждал лишь одного: сбежать в темноту, убраться подальше от страшного Толика, который в его сознании вдруг вырос до гигантских размеров, вознёсся над крошечным зверьком и занёс над ним громадный ботинок...

Тварь попятилась по краю круглой ямы, одна лапа не нашла опоры, провалилась в пустоту. Тварь шарахнулась в сторону, восстанавливая равновесие, споткнулась, запуталась в восьми конечностях — ног было слишком много для маленькой перепуганной крысы — и рухнула всем телом в «жарку». Взметнулось жадное пламя, Тварь вскочила среди языков огня... Над краем ямы показалась голова Будды. Он моргнул, поднял автомат и открыл огонь. Толстяк по-прежнему ничего не слышал, струйки крови, вытекшие из ушей, медленно подсыхали на шее и воротнике, но парень действовал спокойно и хладнокровно. Он целился в ноги.

Длинная очередь из АКМ, прежде принадлежавшего Бузяку, раздробила суставы на ногах Твари, и грузное тело осело, провалилось в пламя. Огненные языки снова взлетели, потом с треском сомкнулись над стремительно обугливающейся горой плоти, медленно опали. «Жарка» успокоилась, приняв жертву и поглотив её.

Глава 29

С минуту все, щурясь и прикрывая глаза ладонями, глядели, как сжимаются языки пламени — словно лепестки росянки, ухватившей комара, — наблюдали, как «жарка» успокаивается, её огонь меняет оттенок и умиротворённо опадает...

Потом Слепой стал ощупывать смятую броню на груди, его окликнул из ямы Моня, и сталкер подал приветную руку. Потом оказалось, что Моня не в состоянии выбраться, а Будда никак не может его качественно подсадить, потому что руки дрожат и он никак не разберётся, что нужно делать. Потом Толик спрыгнул вниз и помог подняться сперва Моне, а затем и Будде. Потом прибежал Очкарик и успел принять участие в вытаскивании толстяка. Потом Будда, едва оказался на поверхности, стал громко орать:

— Толик! Слышишь, Толик! Скрипач, я к тебе обращаюсь! Ты пойми правильно, я не боялся! Смерть — это путь к возрождению! Смерть — путь к возрождению, совсем не страшно! Но эта тварь — не смерть, она не позволит колесу сансары совершить оборот, а нет смерти — нет возрождения, это неправильно, понимаешь?! Она длит и длит жизнь, а карма отягощается! Ты понимаешь, что это хуже смерти?! Да ты слышишь, чего я говорю?!

Сталкеры удивлённо переглядывались, пока Толик не выбрался из ямы и не ухватил Будду за плечи.

— Ты оглох! — прокричал Толик, тряся приятеля.

— Что?! Ты не шепчи, говори нормально!

— Ты оглох, у тебя кровь из ушей течёт!

Слепой набрал последнюю реплику на ПДА и поднёс руку к лицу толстяка. Тот отпустил Толика, провёл ладонями по ушам и удивлённо уставился на окровавленные пальцы:

— Надо же! А я ничего не чувствую!

«Контузия, пройдёт, — набрал Слепой. — Ты только не ори, а то и мы оглохнем».

— Мужики, — вдруг подал голос Очкарик, — а вот этот тип, которого я шлёпнул, он на чём верхом сидел-то? Я в ПНВ как-то не разглядел. Кабан не кабан, ноги как у псевдоплоти... Чего это было? Тут напряжение, охватившее всех — и сталкеров, и Толика с Буддой, — схлынуло, обернулось диким желанием смеяться. Все стали хохотать, даже Будда, который ничего не понял, но торжественно прокричал:

— Человечество смеясь расстаётся со своим прошлым! Карл Маркс сказал!

Потом смех угас, стало тихо. Толик шмыгнул носом и буркнул:

— Вообще-то у нас водка в схроне припрятана. Можно расстаться с прошлым, бухая. А то смеемся тут, как собаки слепые.

— Точно, — одобрил Слепой, — лучше напьемся, как кровососы.

И они в самом деле напились. А пустые бутылки швыряли в «жарку» и всем нравилось наблюдать, как бесится аномалия. Счастливый Моня всем несколько раз объяснял, что «жарка» злится, потому что бутылки пустые:

— А шо вы себе думаете? Если бы мне пустую дали, я бы тоже так шипел. Наливай, Слепой, наливай!

Толик не заметил, как заснул, а очнулся в схроне, заботливо укрытый старым ватником. Сам он вряд ли стал бы так устраиваться. Сквозь прореху в своде ярко светило солнце и виднелся кусок неба — яркого-яркого, неестественно чистого голубого цвета. Доносились голоса.

— Ну куда ты пойдёшь? — твердил Моня. — И главное, зачем? Лучше давай с нами, а? Познакомим с правильными мужиками, дадим, так сказать, характеристику...

— Нет, я лучше сам, — Будда говорил тихо. Значит, слух вернулся. — Так мне спокойней.

Толик заторопился к выходу:

— Эй, ты куда сам? А я? Мы ж давно решили, что вместе!..

Он выбрался наружу. Оказалось, все, кроме него, уже были на ногах, а Будда даже рюкзаки успел приготовить.

— Вместе... — повторил Толик. — Мы же договорились! Будда обернулся к нему и широко улыбнулся, отчего глазки, и без того маленькие, превратились в узенькие щёлочки.

— А я думал, ты с мужиками пойдёшь.

— Да, в самом деле, и мы, это, познакомим... — повторил Моня, но уже без прежней уверенности. — Ну, с кем надо, чтоб начать... это...

— Начать праведную жизнь, — подсказал Будда. — Спасибо, сталкер Петров, но мы уж сами как-то привыкли. Верно, Скрипач?

— Точно!

— В Зоне много интересного, — продолжил толстяк, — есть на что посмотреть, есть над чем подумать. Я хочу отсюда на север, к Рыжему лесу пойти. Пойдём, а?

— Пойдём, — снова поддакнул Толик.

Он был готов идти с Буддой куда угодно. Ему тоже хотелось смотреть и думать — уж очень это оказалось интересным занятием. Бригады больше не было, вернее, теперь они с Буддой — бригада. И это тоже было хорошо.

— Ну что ж, — подвёл итог Слепой, — а мне дорога теперь на юг. Пойду через Свалку к Кордону. Моня, ты как?

— Я с тобой, у меня материала теперь — у-у-у!.. Я таких статей напишу, что даже в моей жёлтой газетёнке народ очумеет. Всю правду напишу! — Моня закатил глаза, чтобы показать, как много у него теперь материала. — Да и Танюшку пора проведать. Слушай, Слепой, поедом со мной, а? Ты же Таню ещё не видел. Познакомлю с дочкой.

— Ну, может... может, позже. Нам сперва за Периметр выбраться, и мне потом кое с кем... Шура, а ты? Очкарик близоруко сощурился и погладил приклад винтовки.

— Нет, ребята, я теперь на восток хочу прогуляться, в Тёмную долину или ещё куда.

— Значит, расстаёмся?

— Эх, жалко, выпить нечего на прощание, — расстроился Толик.

«Жарка» над бетонным откосом сердито зашипела и выпустила рыжий язык пламени. Должно быть, вспомнила вчерашние пустые бутылки. От схрона разбрелись в разные стороны, Толик с Буддой — на север, трое сталкеров — на восток. Потом пришло время прощаться с Шурой... Когда остались вдвоём, Слепой попросил Моню подождать и набрал сообщение: «Скажи тёте, что посылку отправил. Через пару дней должна дойти». Этот мейл ушёл по тому же адресу, что и сообщение с координатами тайника.

Моня не стал ни о чём спрашивать.

— Если всёйдёт удачно, меня через Периметр выведут как по проспекту, — сказал Слепой. — Но тебе лучше не со мной, потому что... Ну, в общем, когда доберёмся до Периметра, держись от меня подальше. Сам выберешься?

— Нет проблем. Ты же знаешь, у меня свои каналы.

— Значит, потом я тебя разыщу. Только подожди немного, сам около меня не появляйся, а то мало ли что! Вот закончу одно дельце, и тогда будет можно.

* * *

Время выхода было оговорено заранее, причём Гоша Карый написал Слепому со старого адреса. Опасность миновала, теперь можно было работать... ну не то чтобы открыто, а как раньше — соблюдая обычные меры предосторожности. Гоша писал, что сам подъедет на блок-пост встречать.

Прежде чем показаться на глаза миротворцам, Слепой минут двадцать лежал с отключённым ПДА в кустах и рассматривал блок-пост в бинокль. Солдаты расхаживали за бетонными блоками, которые были уложены поперёк старого шоссе, и поглядывали на молчаливый лес. Здесь было тихо, зверья совсем мало, потому что военные время от времени зачищали окрестности. Иногда Слепому казалось, что боец таращится прямо на него, будто видит сталкера в кустах; на самом деле, конечно, это было не так. Из-за вагончика кунга вышел офицер, молоденький лейтенант. Встал, широко расставив ноги и заложив руки за

спину. Сразу видно, новичок — его может обмануть тишина, а старослужащий всегда ладонь на рукоятки оружия держит...

Наконец Слепой разглядел и кое-кого из комитета по торжественной встрече. Верзила Дрон был хорошо заметен. Должно быть, он что-то сказал офицеру. Лейтенантик обернулся, сердито махнул рукой, Дрон пропал, зато в поле зрения возник Гоша.

Слепой в бинокль хорошо видел, как Гоша кривит рот — должно быть, говорит что-то неприятное. Мальчишка офицер налился краской, демонстративно сплюнул под ноги и строевым шагом утопал прочь — за вагончик. Гошино лицо расплылось в довольной ухмылке — напомнил мальцу, как устроена пищевая цепочка, кто вверху, а кто внизу. «Ну ладно, — подумал Слепой, — пора выходить на сцену исполнителю главной роли, пока Гоша окончательно не расстроил миротворца. А то ведь доведёт парня до греха...»

Он включил ПДА и отбил мейл: «Я иду. Встречайте». Встал и потопал к шоссе. Миротворцы засекли его, едва он включил прибор, так что не стали изображать удивление, заметив сталкера, притворились, будто ничего не видят.

Слепой не медлил. Скорым шагом прошёл по дороге, миновал хмурых солдат, глядящих сквозь него. Гоша шагнул навстречу, протягивая руку — разумеется, не для приветствия. Когда опасность миновала, сердечность и человечность с него мигом облетели. Слепой, хотя и несколько удивился, что он забирает груз на глазах военных, отдал пакет.

— С возвращением, — произнёс Гоша, небрежно засовывая имущество в карман чёрной курточки. — Идём отсюда, нечего торчать тут, как блоха посреди плеша.

— Рад видеть тебя на этом свете, — с деланным энтузиазмом сказал Слепой. — И как это тебе удалось пережить тот взрыв, ума не приложу... В газетах писали, что в клочья разорвало. Хотя газеты всегда врут... А может, ты воскрес из мёртвых? Точно! Мне, знаешь, в последнее время везёт на воскресших покойников и всё больше такие бодрые зомби стали попадаться, деятельные.

— Не болтай, — буркнул Гоша. — Идём, идём... Видал, какой тут лейтенантик? Нервнобольной, блин. Ничего, ещё обломается... Эй, лейтенант! Счастливо оставаться! Удачной службы и смотри, не шали тут без меня!

Сердитая физиономия офицера мелькнула за стеклом кунга, румянец уже сошёл, но на скулах по-прежнему пылали багровые пятна. Парень разозлился не на шутку. Слепому сделалось неуютно, и он ускорил шаг.

— Зачем пацана дразнишь?

— Чтобы знал своё место, — благодушно отмахнулся Гоша. — Раз попал сюда, пусть привыкает, ему теперь частенько придётся что-то в таком роде исполнять.

— Я смотрю, ты даже не проверил, тот ли пакет я тебе вернул.

Слепой обернулся — нет, лейтенант так и не вышел из вагончика, да и миротворцы демонстративно отвернулись, не глядели вслед гостям. В кустах у дороги стоял джип, рядом с ноги на ногу переминался Дрон. Увидел Слепого, улыбнулся, поспешил навстречу. Вот с ним Слепой с удовольствием обменялся рукопожатием.

Гоша тем временем болтал:

— Я не проверяю, Слепой, ты чего? Я ж к тебе со всем доверием! Да и теперь уже не важно. Не важно, понимаешь? Нет больше Петрищева. В лучшем случае — перевод в дальние края с понижением. За Полярный круг, к примеру... Хотя я думаю, он всё же под суд загремит.

— Петрищев?

— Ну да! Дельце сладилося, Слепой, всё в ажуре. Всё в полном ажуре! Мои материалы — первый сорт, с такими и министра свалить можно!

— Материалы?.. — Слепой остановился, будто налетел на невидимую преграду. — Постой, Гоша, как это? Ведь у меня... Ты сказал, что компромат на Петрищева у меня...

— Ну да, резервная копия у тебя была, — Гоша коротко хохотнул. — А как же! Я таких копий знаешь сколько по разным местам рассовал? Э, брат, лучше не считать! А ты что же, думал, у тебя единственный экземпляр? Ну ты даёшь! В таком ненадёжном месте, как Зона, прятать свой последний пропуск в жизнь?

— У тебя была резервная копия, — тихо подтвердил Дрон. — Ты ж видишь, мы сегодня в открытую, Гоша оттягивается... Вон, летёху чуть до слёз не довёл, потому что теперь — можно, теперь мы главней. Всё сработало, генерал под следствием. Его шестёрки — кто в бегах, кто арестован, а кто не успел, тех, должно быть, уже того, закопали.

— И землю заровняли, — радостно подхватил Карый и осёкся.

— Гоша... — Слепой шагнул к нему и крепко взялся левой рукой за ворот чёрной кожанки. Правая сама собой сжалась в кулак. — Да ты понимаешь, во что меня втравил со своей резервной копией? Ты понимаешь, сколько народу из-за твоего пакета полегло? Ты понимаешь, под какой я смертью из-за твоей просьбы ходил? Ты... Меня невеста ждёт, а ты... А я там... я думал, тебя спасти, а ты... резервная копия!

Карый заглянул в глаза Слепому и побледнел.

— Слепой, да ты чего?.. Я ж заплачу... я, как обещал, по-честному!.. Э, ты что? Не дури! Не надо, Слепой...

На плечо сталкера легла тяжёлая ручища.

— Не надо, Слепой, — прогудел Дрон. — Не стоит того, право слово. Не надо.

* * *

— Не дал, значит, в рыло? — уточнил Моня.

— Не дал. А ты бы дал, что ли? — Слепой прищурился, разглядывая приятеля. Моня был очень воинственным на словах, а в быту — скромнейший и тишайший человек, полная противоположность тёзке из анекдотов. — И потом, с нами был Дрон.

— Я бы тоже, наверное, не смог, — согласился Моня. Смутился, стащил очки и стал протирать стёкла. После разговора с Гошей минуло четыре дня, всё это время Моня, то есть Петров Сергей Сергеевич, терпеливо ждал, когда Слепой сумеет вырваться из объятий соскучившейся невесты.

Лариса так и не отпустила суженого, отправилась с ним. Слепой много раз объяснял, что с приключениями покончил, что он обещал Петрову провести с ним дочь, познакомиться с ребёнком. Девочка жила в интернате под присмотром врачей и тоже, конечно, с нетерпением ждала отца из командировки. Она привыкла к его долгим отлучкам, привыкла, что нужно помалкивать о том, где папа собирает материал для своих статей и очерков. Разумеется, привыкла и к тому, что нельзя выдавать секрет — нельзя рассказывать, что папа привозит из командировок артефакты, обладающие целебными свойствами... Таня научилась ждать. Сейчас они втроём шагали в тени каштанов, под ногами хрустели коричневые шарики, с треском лопалась колючая кожура и шуршали широкие листья, бурые, жёлтые, коричневые.

Улица упиралась в старинную ограду интерната, там палая листва громоздилась высокими кучами, и девочка с огромными чёрными глазами поджидала гостей, вцепившись обеими руками в прутья, выкрашенные зелёной краской.

— Я вот думаю, — глядя в сторону, заговорил Моня, — мы сейчас здесь, по эту сторону Периметра. А что изменилось? Те же бандюки, те же правоохранители... Мы вот с тобой вместе — не с ними. Мы вместе, но не с теми и не с другими... А?

— Вы, Сергей, как хотите, а Слепой со мной, — встала Лариса.

— Да-да, это я как-то неудачно выразился, — заторопился Моня, снова стягивая очки, чтобы протереть. Он всегда так поступал, когда приходил в волнение. — Простите, Лара. Я хотел сказать о другом. Ну, вот по телевизору часто говорят... или мы в газетах пишем: «вертикаль власти». Понимаете, Лара, вертикаль власти, пищевая цепочка... Там, в Зоне, то же самое. Там нет государства, и власти в общем-то нет, однако то же самое!

Налетел ветерок и закружил листья в лёгком хороводе. Слепой с Монею, не сговариваясь, отпрянули в стороны и каждый выбросил руку, чтобы оттолкнуть приятеля, если тот не успеет увернуться сам. Но это не была «воронья карусель», просто ветер. Просто ветер и осенние палые листья.

— Вы чего, ребята? — удивлённо спросила Ларик, поправляя причёску, которую шевельнул ветерок.

Сталкеры переглянулись, и оба пожали плечами. Как можно объяснить? Как это можно объяснить даже очень хорошему и даже самому любимому человеку? Как можно передать такое тому, кто не испытал сам — по ту сторону? Зона никогда не отпустит тебя, если был за Периметром. Если она не смогла взять тебя снаружи, то ухватит изнутри, вползёт в душу, затаится — и при всяком удобном случае будет напоминать: ты не сам по себе, ты принадлежишь ей. Ты часть её пищевой цепочки.